

T-761
-55616-

С.М. ТРОФИМОВА

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ИМЕННЫХ ОСНОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

ЭЛИСТА
2009

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

С.М. Трофимова

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ИМЕННЫХ ОСНОВ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (СЕМАНТИКО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

- 91955 -

ас

Научная библиотека
КИГИ РАН

Элиста
2009

ББК Ш164.1-3(2Рос. Калм)

Т 761

Трофимова, С.М.

Т 761 Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект) / С.М. Трофимова. – Элиста: Изд-во КГУ, 2009. – 282 с.

ISBN 978-5-91458-038-1

В монографии, посвященной одному из спорных вопросов в монголоведении – грамматическим категориям именных основ, выдвинута новая концепция относительно статуса, структуры, содержания и функционирования именных категорий. Исследование не только уточняет наличие отдельных именных категорий, функционирующих в монгольских языках, но и даёт новый материал для сравнительно-исторического изучения монгольских и далее урало-алтайских языков.

Книга предназначена специалистам по монгольским языкам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем тем, кто интересуется грамматикой монгольских языков.

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор В.И. Рассадин

Рецензент

доктор филологических наук, профессор Д.М. Насилов

ISBN 978-5-91458-038-1

© Трофимова С.М., 2009 г.

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В монгольском языкознании, как, впрочем, и в других отраслях алтаистики, грамматические категории монгольских языков, в том числе, естественно, и знаменательные части речи, исследовались по сложившейся традиции в русле индоевропейского языкознания и главным образом в структурно-морфологическом аспекте. В этом направлении, с одной стороны, была достигнута достаточно высокая степень изученности грамматического строя монгольских языков в теоретическом плане, однако, с другой стороны, многие черты их строя, не имеющие аналогов в индоевропейских языках, остались теоретически не осмысленными, их статус в монгольских языках окончательно не определен, а во многих моментах и спорен, в теоретической грамматике представлены подчас взаимоисключающие точки зрения. Так, например, до сих пор неясно, какая категория, связанная с количественностью, функционирует в монгольских языках – категория числа или категория множественности, неясен статус так называемого неопределенного падежа, идут споры о составе падежной парадигмы, о наличии категории определенности/неопределенности в монгольских языках и т.п.

В связи с разработкой в общем языкознании нового подхода к изучению языковых фактов с позиций функциональной грамматики, который позволяет адекватно описывать многие спорные признаки грамматического строя, появилась возможность применить указанный подход и к изучению монгольских языков. В этом отношении данная монография посвящена теме весьма актуальной и почти не разработанной в современной монголистике. Исследование грамматических категорий именных частей речи в семантико-функциональном аспекте, осуществленное автором в данной монографии, является весьма актуальным и своевременным, имеющим важное научное значение и научную новизну.

Весьма показательно, что автор, интерпретируя известные факты грамматики монгольских языков с позиций нового подхода, не упускает из виду и традиционный взгляд на них. В работе оба эти подхода как бы дополняют друг друга. Вместе с тем, опираясь на семантико-функциональный аспект изучения категорий, как на ведущий в данном исследовании, автор вводит немало новых положений в грамматику монгольских языков. С.М. Трофимова стоит на верных, на наш взгляд, позициях, считая, что семантико-функциональный подход включает в себя не только исследование семантики, но и выявление системных связей языковых единиц; в отличие от описательного подхода он позволяет глубже понять своеобразие языкового строя.

Автор монографии принимает положение о том, что в современных монгольских языках между именными категориями существуют функциональные связи. Согласно этой точке зрения, адекватное представление о со-

держательной стороне категорий той или иной части речи может быть составлено лишь при анализе их взаимодействия с друг с другом.

Здесь новым для монголоведения является, на наш взгляд, попытка автора исследовать все связанные между собой именные категории с позиции влияния на их становление и развитие общеязыковой категории определенности/неопределенности, существующей и в монгольских языках. Все формы выражения именных грамматических категорий рассмотрены в работе с точки зрения проявления данной категории. В результате проведенного комплексного исследования на широком сравнительно-сопоставительном материале современных литературных монгольского, бурятского и калмыцкого языков с привлечением старописьменного монгольского языка, а также фактов из памятников средневекового монгольского языка установлены критерии, позволяющие рассматривать именные грамматические категории как целостные грамматические системы современных монгольских языков.

Можно согласиться с автором, который отмечает, что выработанная методика исследования именных категорий, полученные выводы и результаты, установленные положения, особенно в области категории определенности/неопределенности, способствуют более углубленному пониманию специфики и своеобразия грамматического строя монгольских языков, дают дополнительные сведения о функционировании языковых единиц в речи, а также послужат опорой для подобного рода исследований других частей речи монгольских языков.

Следует признать, что внутренняя логика исследования подчинена поставленным цели и задачам, структура работы хорошо им соответствует. Монография состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, списка сокращений и условных обозначений. Пропорции объема глав соответствуют тому месту, которое занимают рассматриваемые именные лексико-грамматические классы в монгольских языках и монгольской речи. Наибольший объем приходится на имена существительные. У них самое большое количество грамматических категорий, которые имеют наибольшее количество различных форм выражения. Отсюда и самый большой объем первой главы, посвященной рассмотрению грамматических категорий имени существительного в монгольских языках. Прилагательное и числительное имеют гораздо меньшее количество категорий и разрядов, что предопределило относительно небольшие объемы посвященных им глав. Такой же небольшой по объему вышла и четвертая глава, в которой подытожены сведения о категории определенности/неопределенности и способах ее выражения в монгольских языках.

В первой главе автор рассматривает общепринятые грамматические категории имени существительного. Здесь выделяются уже известные категории – число, принадлежность и склонение. Кроме того, в отдельном па-

раграфе автор рассматривает категорию рода, о которой в монголоведных работах обычно говорится очень мало. Как правило, монголоеды ограничиваются констатацией того, что в монгольских языках нет категории грамматического рода, а есть только выражение биологического пола. Автор, касаясь этой категории, поддерживает мнение монголистов относительно современных монгольских языков. В то же время обращение к материалу средневековых монгольских языков показало, что в них были представлены способы морфологического выражения женского и мужского рода. При этом С.М. Трофимова опирается на работу ученого из КНР С. Гаруди, который в 1997 году провел исследование структуры и морфологической формы слов средневекового монгольского языка и установил наличие форм для выражения женского и мужского рода. Автор, используя свои материалы и наблюдения, поддержал выводы С. Гаруди и тем самым внес в монголоведение новые представления о грамматическом роде в монгольских языках. Нам кажется, эти наблюдения следует поддержать и рекомендовать развить их, изучив данную проблему глубже.

Немало нового вносит автор и в изучение категории числа. Как представляется, вывод о том, что в монгольских языках имеется скорее категория множественности, а не числа, звучит довольно убедительно и заслуживает внимания.

Очень подробно и скрупулезно рассмотрена категория принадлежности и способы ее выражения, ее тесная связь с категорией определенности/неопределенности и с категорией склонения, в которой она проявляется достаточно четко.

Вызывают интерес мысли автора относительно происхождения показателей принадлежности как личной, так и неопределенно-личной.

Категория склонения получила в данной монографии самое подробное рассмотрение. Здесь автор обстоятельно разбирает систему падежей, сложившуюся в монгольских языках за всю историю их развития. Причем отдельно анализируются не только группы грамматических и обстоятельственных падежей, бытующих в современных монгольских языках, но и достаточно редкие падежи, такие как звательный падеж, падеж предела на *-цаа*, транзитов на *-уур*, местный на *-а*, соединительный на *-лаа* (< *-luga*), ряд реликтовых падежей, сохранившихся только в наречиях.

Особо следует отметить заслугу автора в том, что он достаточно убедительно восстанавливает в "правах" отвергнутый в свое время неопределенный падеж (*Casus indefinitus*), который тем не менее реально существует в монгольских языках. Автор верно подчеркивает, что этот падеж многофункционален и выражает значение не только так называемого неоформленного винительного падежа, но и таких, как направительный и местный. В классическом монгольском языке, современных бурятском и кал-

мыщком языках этот падеж достаточно хорошо маркирован тем, что основы, имеющие в ауслауте *-н*, отбрасывают его в данном падеже. От них остается только корень, совпадающий с формой этого падежа. Так, например, слово "дерево" в именительном падеже в бурятском языке будет *модон*, в калмыцком – *модн*, в классическом – *modun*, а в неопределенном соответственно *модо*, *мод*, *modu*. Другое дело в халхаском языке, в котором в результате отпадения последнего слога с конечным *-н* формы именительного падежа и неопределенного полностью совпали, поэтому для данного языка и признали в грамматиках, что в нем нет неопределенного падежа, а его функции якобы выполняет именительный падеж. Это тоже, вероятно, неверно, ибо именительный падеж, как грамматический, имеет свои строго определенные функции. Тогда следует отказаться от термина "именительный падеж" (Nominativ) и считать его, как и для тюркских языков, основным падежом, обладающим многими функциями и способным выражать не только грамматические отношения, но и обстоятельственные. Здесь автору следовало бы более четко поставить эту проблему, спорную в монголоведении.

Особо следует сказать, что в монографии на большом фактическом материале показана связь падежей и послелогов, проведена мысль о том, что падежно-послеложные конструкции, которыми, как оказалось, весьма богаты монгольские языки, существенно дополняют и как бы продолжают системы их обстоятельственных падежей. Эти конструкции могут выражать различные отношения – и пространственные, и временные, и целевые, причинные и иные. Данный раздел написан аргументировано, и выводы звучат убедительно.

Ради справедливости следует признать, что данная глава, основная в монографии, хотя и посвящена в принципе известным в монголоведении грамматическим категориям, содержит много оригинального, поскольку весь материал последовательно проанализирован с позиций функциональной грамматики, что само по себе уже ново для монгольского языкознания.

В то же время все формы этих категорий рассмотрены с позиций преломления в них общеязыковой категории определенности/ неопределенности, оказавшей на них решающее влияние. Этот подход тоже нов для монгольского языкознания и позволяет объяснить многое в грамматическом строе этих языков, в частности, наличие простого и притяжательного склонений и разделение притяжательного склонения на лично-притяжательное и безлично-притяжательное.

Существует еще один спорный момент в области описания склонения существительных в монгольских языках, который ожидает своего окончательного решения. Это вопрос о так называемом двойном склонении. Автор, как нам представляется, стоит на верном и весьма перспективном пути, считая, что второй падеж присоединяется к уже субстантивированной первой падежной форме. Данное утверждение тоже достаточно обоснованно.

Значительно дополнены разряды числительных. Опираясь на новые материалы, автор вводит разряды приблизительных и неопределенных числительных, поддерживая в этом монгольских языковедов.

Особого внимания в монографии заслуживает последняя, четвертая глава, в которой автор ставит вопрос о признании в монгольских языках общеязыковой функционально-семантической категории определенности/неопределенности, которая объективно существует в языке и имеет свои формы проявления не только в именах существительных, но и в числительных и местоимениях. В последних выработались в процессе эволюции даже специальные разряды приблизительных и неопределенных числительных и неопределенных местоимений. В именах существительных для выражения неопределенности стало использоваться количественное числительное *нэгэ* "один" в функции неопределенного артикля. Эта категория четко проявляется и в формах неопределенной и приблизительной множественности, и в формах личной и неопределенно-личной принадлежности, и в формах склонения (вспомним неопределенный падеж).

Иными словами, оказывается, что данная категория как бы пронизывает весь грамматический строй монгольских языков в пределах именных частей речи и местоимений.

Таким образом, данная монография предстает как исследование, в котором во многом по-новому трактуются уже известные грамматические категории; получили удовлетворительное, а подчас и исчерпывающее объяснение многие неясные и спорные вопросы грамматики монгольских языков. В этом бесспорная заслуга автора.

Исследование исполнено в лучших традициях отечественного монголоведения с опорой на научный вклад, выполненный предшественниками, оно написано хорошим научным языком.

Считаем, что данная монография содержит новое решение крупной теоретической проблемы монгольского языкознания, закладывает основы изучения строя монгольских языков с позиций функциональной грамматики, имеет большое как научное, так и практическое значение. Результаты данного исследования могут быть широко использованы в практике преподавания теоретической грамматики монгольских языков. Но большинство положений работы, несомненно, можно использовать при написании функциональной грамматики этих языков, а также и в построениях научных грамматик.

В.И. Рассадин

ВВЕДЕНИЕ

Принцип системности в грамматике издавна находит выражение в членении ее предмета на отдельные подсистемы или уровни, в рамках которых, наряду с соответствующими единицами, классами слов, выделяются категории. Категории, изучаемые во всех разделах грамматики, характеризуются структурной однородностью их компонентов. Традиционная грамматика позволяет раскрыть особенности форм и значений в рамках каждой из выделяемой подсистемы. Как отмечают исследователи, описание уровней грамматического строя языка связано с некоторыми ограничениями. Анализ значений сосредоточен в пределах отдельных категорий. В связи с этим комплексное рассмотрение одинаковых значений, которые выражаются разноструктурными средствами, становится возможным лишь при выходе за рамки основного (традиционного) типа описания отдельных уровней. Например, значения, присущие одной и той же семантической категории, оказываются разбросанными по разным разделам грамматики. Так, выражение пространственных отношений между предметами описывается в разделах о категории падежа и послелога, наречиях, разных типах предложения. На определенном этапе развития лингвистических исследований дополнительно к системно-структурному оказывается необходимым совсем другой подход – семантико-функциональный, который отличается тем, что он интегрирует лексические, морфологические, словообразовательные языковые средства на основе общности их функций. Предметом анализа становятся единства, базирующиеся на категориях грамматики.

Необходимость данного исследования диктуется, с одной стороны, логикой развития лингвистической теории, обращающейся к семантико-функциональным единствам, а с другой – потребностями активного изучения языков. Человек, изучающий какой-либо язык, должен получить информацию о том, какими средствами выражаются те или иные разновидности семантики множественности, определенности, неопределенности, принадлежности, причины, условия и т.п. В ориентации этой работы на семантические категории, соотносенные с системой грамматических единиц и их средой, проявляется преемственность по отношению к грамматическим теориям, основывающимися на содержательных категориях. Речь здесь идет прежде всего о концепциях А. Бобровникова [1835], А.А. Бобровникова [1849], А.В. Бондарко [1976; 1996], Дж. Киекбаева [1996], В.И. Рассадина [1978], Ц.Б. Цыдендамбаева [1979], С.Л. Чарекова [2000].

Оба подхода взаимосвязаны, этим определяется необходимость выявления специфических форм и аспектов системности в рамках каждого из подходов. В лингвистической теории структурно-морфологический и семантико-функциональный подходы образуют единство, далекое от от-

ношений равновесия и равномерного распределения его компонентов. Доминирует либо тот, либо другой подход, во многом определяя и недоминирующие аспекты анализа. Монгольские языки достаточно неплохо изучены в структурно-морфологическом плане, начиная с XIX века. В семантико-функциональном же аспекте монографически эти языки в монголоведении по сути дела изучаются впервые. При сложившемся традиционном структурно-морфологическом подходе в изучении именных частей речи монгольских языков многие вопросы, касающиеся как самого статуса, так и их грамматических категорий, оказались до конца не решенными, а развившиеся в монголоведении взгляды на них во многом не только спорны, но и взаимно исключают. Так, спорными остаются критерии распределения слов монгольских языков по частям речи, в частности различия среди некоторых групп слов существительных и прилагательных, прилагательных и наречий, спорен статус категории числа, неясен статус неформленных падежей, двойного склонения, отрицается наличие категории определенности-неопределенности и т.д. Традиционный подход исчерпал себя, поскольку уже не в состоянии решить спорные вопросы.

Монголоведение как наука постоянно выдвигает перед исследователями новые задачи по расширению и углублению научной базы. Поэтому по-прежнему весьма актуальными являются некоторые, до сих пор слабо изученные проблемы. К числу таких проблем можно отнести вопрос именных категорий современных монгольских языков. Семантико-функциональный подход включает в себя не только исследование семантики, но и выявление системных связей языковых единиц, и в отличие от описательного подхода позволяет глубже понять своеобразие языкового строя монгольских языков. В современных монгольских языках между именными категориями существуют функциональные связи. В теории морфологических категорий, разрабатываемой А. В. Бондарко, наличие функциональных связей между категориями сопряжено с понятием комплекса морфологических категорий, рассматриваемого как единство, стоящее выше морфологической категории [Бондарко 1976, с.144]. Согласно этой точке зрения адекватное представление о содержательной стороне категорий той или иной части речи может быть составлено лишь при анализе во взаимодействии друг с другом. Такой характер межкатегориальных связей обусловлен агглютинативностью монгольских языков.

Взаимодействие грамматических категорий падежа, числа, принадлежности, определенности составляет основной элемент функциональной грамматики всех монгольских языков. Поэтому необходимость исследования именных грамматических категорий с позиций семантико-функционального подхода, который является уже общепризнанным в общем языкознании, предопределил актуальность темы работы.

В связи с тем, что все именные категории языка теснейшим образом взаимосвязаны, их следует изучать комплексно на основе теории определенности-неопределенности в языке. Это, безусловно, имеет большое значение для исследования функционирования именных категорий в языке и речи.

Темой данной работы было избрано исследование недостаточно изученного в монгольском языковедении вопроса об именных грамматических категориях для всестороннего анализа морфологических явлений монгольских языков и рассмотрены семантические и функциональные особенности формальных показателей для выявления своего рода грамматических категорий. Настоящая книга ставит своей целью не только выявить грамматические категории и определить, какое выражение они получили в монгольских языках, и предложить систему нетрадиционных теоретических положений, составляющих в совокупности концепцию монгольского формообразования, но и продемонстрировать практическую реализацию этой концепции на материале именованного формообразования монгольских языков.

Формы и категории современных монгольских языков рассматриваются с позиций семантико-функционального подхода к лингвистическим фактам, который представляет собой систему разделяемых нами и реализуемых в исследовательской части работы теоретических положений и понятий. Наиболее существенные из этих положений: язык рассматривается как функциональная система, а ведущей функцией языка признается осуществление коммуникации. Природа, сущность языка и языковая семантика определяются нуждами коммуникации. В отличие от традиционного для монгольского языковедения описательного метода с его структурно-морфологическим подходом, основанным на традициях изучения европейских языков, языков иного, флективного строя, семантико-функциональный подход позволяет глубже понять своеобразие строя монгольских языков, лучше уяснить роль и характер участия компонентов монгольских языков в процессах коммуникативной деятельности, уточнить их место в языковом механизме.

Впервые в монголоведении осуществлено комплексное монографическое исследование грамматических категорий именных частей речи основных современных монгольских литературных языков. На широком сравнительно-сопоставительном материале с позиций современных прогрессивных методов лингвистических исследований выявлены семантические особенности этих категорий и определена их роль в процессе языковой коммуникации, установлены критерии, позволяющие рассматривать именные грамматические категории как целостные грамматические системы. Впервые все именные грамматические категории и их формы изучены под углом зрения влияния на их становление, развитие и функционирование общеязыковой категории определенности-неопределенности. Рассмотрена сама эта категория и формы ее выражения и проявления в монгольских языках.

В качестве материала исследования были использованы переводные и толковые словари, научные и практические грамматики, художественная и публицистическая оригинальная и переводная национальная литература, монголоязычные письменные памятники разных исторических эпох, а также непосредственные наблюдения над монгольской, калмыцкой и бурятской речью. В необходимых случаях для исторических и сравнительно-исторических исследований привлекались материалы монгольских языков Китая, факты из других алтайских и из уральских языков, а также и из индоевропейских.

Г Л А В А I

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1.1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЕГО ОБЩЕГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Имя существительное, субстантив, – один из наиболее универсальных во всех исследованных языках грамматических классов полнозначных слов, который противопоставляется не только глаголу, но и всем другим классам слов, относящимся к другим частям речи. Противопоставление это основано на различного рода признаках формальных показателей и их значениях, а также на признаках функциональных. Полифункциональность существительного – одна из его специфических черт.

Наиболее важным и существенным признаком существительного является его общеграмматическое значение всех слов, образующих общий класс субстантивных имен. Таким общепределяющим (категориальным) значением является его грамматическая предметность. По этому признаку с той или иной степенью последовательности выделены разряды существительного и в монгольских языках. Признаком этой грамматической предметности обладают также слова, не имеющие вещественного значения в обычном понимании термина – все субстантивированные слова с конкретным или абстрактным значением, которые называют и их отвлеченные понятия – качества, количества, действия, отношения.

Существительное как грамматический класс знаменательных слов по своему общеграмматическому содержанию противопоставляется несубстантивированным, адъективным грамматическим классам – глаголам, прилагательным, наречиям, которые выступают в предложениях в функции различных атрибутов субстантивированных слов, их признаков, а также признаков этих признаков. Существительное может выступать в роли определяемых и определений, подлежащего, дополнения, сказуемого, а также субстантивированного определения или обстоятельства. Характерной особенностью имени существительного является то, что оно, имея при этом свои частнограмматические значения и формы, не переходит автоматически в общий и широкий класс адъективных слов или в их подклассы, оставаясь субстантивированными словами, хотя и обладает особыми атрибутивными функциями определения или сказуемого.

Основное (семасиологическое) ядро существительного образует многочисленные номинативные слова, обозначающие предметы или пред-

ставления о них. Сюда можно отнести, прежде всего, такие чувственно воспринимаемые объекты реальной действительности, закрепленные в словах, обозначающих разумные существа и предметы одушевленные и неодушевленные, что нашло в монгольских языках грамматическое отражение, подобное, например, делению на одушевленные и неодушевленные предметы в грамматике русского и многих других языков. Здесь также выделяются имена собственные и имена нарицательные, названия веществ, названия единичных предметов и различных совокупностей, названия одушевленных предметов по их полу или возрасту, по отношениям родства, по родовой, национальной или территориальной принадлежности и т.д. В это ядро собственно-предметных существительных входят как слова с конкретным значением, которые называют определенные предметы и их совокупности, так и слова с отвлеченным, обобщающим по роду или виду абстрактным значением. Вместе с тем необходимо отметить, что множество слов было заимствовано из русского или через русский язык. В условиях массового двуязычия образовались новые ряды разноязычных синонимов, например, бур. *хургууль* ~ *школа*, калм. *балһси* ~ *город*, монг. *хүдөө* ~ *деревня* и многие подобные, широко распространенные в языках монголоязычных народов.

Периферию существительных образуют субстантивированные слова, менее малочисленные, но не менее употребительные, чем слова собственно-субстантивные. Они образованы или образуются от глаголов – это имена действия, деятеля, орудия действия, а также от прилагательных, количественных числительных, некоторых разрядов местоимений посредством аффиксов, лексикализованных словосочетаний с помощью изменения несубстантивированных слов по парадигме существительных – субстантивации прилагательных, причастий (конверсия).

Словообразование существительных, как и словообразование вообще, – тема особая и уже достаточно полно разработанная при описании отдельных монгольских языков и их диалектов в их сравнительном изучении [Дондуков, Орловская, Рассадин, Сусеева, Чареков и др.]. Тема эта лишь затрагивается попутно (см. Гл. II. Имя прилагательное в монгольских языках) при описании субстантивированных слов в той мере, в какой это необходимо для характеристики типов и форм основообразования.

Довольно многообразная и многочисленная лексика, которая входит в общий класс имен существительных и его различных лексико-грамматических групп, характеризуется как имена существительные, иногда с некоторыми оговорками, во всех изданных грамматических работах по монгольским языкам.

Как известно, монгольские основы ряда существительных и некоторых прилагательных или наречий, а также некоторые глагольные основы могут в той или иной мере внешне совпадать с одной из их законченных

словоформ, так как в этих языках нет грамматической категории рода, как и родовых окончаний. Это обстоятельство и порождает своеобразную омонимию словоформы и его основы, а нередко и основ других слов, взятых вне контекста, без учета всех имеющихся различий в их парадигматических и синтагматических особенностях, служащих вполне надежным средством их лексической и грамматической дифференциации.

На дифференциацию именных частей речи впервые обратил внимание А. А. Бобровников. Традиция выделения “предметных имен” в самостоятельную категорию связана с его именем. К предметным именам, следуя точке зрения А.А. Бобровникова, можно причислить имена без изменения формы, которые могут употребляться “в значении русских существительных имен, когда качество представляется отвлеченно” [1849, с. 53].

Упомянутая омонимия основ существительных и основ прилагательных и глаголов, по мнению О.П. Суника, “в какой-то мере отражает тот весьма гипотетический этап в развитии структуры слова и его общеграмматических значений” [1982, с.7], когда предметное значение номинативных слов было преобладающим, а для выражения непредметных значений предполагались морфологические средства. Вместе с тем отмечаем, что во всех монгольских языках безусловно имеются все необходимые парадигматические и синтагматические признаки для выделения существительных в их противопоставленности прилагательным, глаголам, наречиям.

К формальным признакам относятся не только аффиксальные, в том числе и нулевые, формы, которые в монгольских грамматиках именуются категорией грамматического числа, категорией принадлежности, категорией определенности-неопределенности, категорией падежа, но также к ним можно отнести способы выражения собирательности, способы обозначения пола, формы совместности и т.д. Существительные отличаются от прилагательных, числительных, местоимений и т.д. тем, что они подразделяются на имена собственные и нарицательные, отвлеченные, вещественные, пространственные, выражающие принадлежность к биологическому полу, имена-последлоги и т. д. Все это позволяет отличить имя существительное от прилагательного и тем более от глагола.

Таким образом, всё, что подвергается субстантивации, входит в общий класс слов, именуемый существительным. Ядром этого грамматического класса слов являются номинативные слова, обладающие значением предметности (субстантивности) в грамматическом смысле слова.

1.2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Существительные в монгольских языках характеризуются многообразной системой формообразования и словообразования. Преобладающими

являются постфиксальные служебные морфемы, которые присоединяются к основе в определенном порядке путем агглютинации. Современные монгольские языки засвидетельствовали сращение двух и более морфем в одном форманте, этимологически членимом. Имя существительное – морфологически членимое и грамматически изменяемое. Каждая словарная форма вне числа, падежа, притяжательности характеризуется независимым лексическим значением. Так, например, корень, аффиксы словообразования составляют производную основу. Основа и формальный показатель в своем единстве составляют законченное субстантивное слово на уровне речи со своим лексическим и грамматическим значением в той или иной парадигматической форме, обусловленной способами его сочетания с другими словами.

В основу монгольского существительного, кроме корня и аффиксов словообразования, могут входить показатели числа (нулевая форма и аффиксальная в формах разных типов множественности). Аффиксы множественности могут быть формообразующими и словообразовательными с точки зрения диахронии, являясь вместе с основой, получающей в синтагме формальные показатели падежа, притяжательности.

К падежным аффиксам, в том числе и нулевым, присоединяются аффиксы личной или безличной притяжательности. Простое (непритяжательное) склонение имеет одноморфемный показатель. В притяжательных формах склонения, свойственных монгольским языкам, показатели двухморфемны – показатель падежа и следующий за ним показатель притяжательности. После показателя, завершающего основу существительного и образующего одну из его парадигматических словоформ, могут присоединяться слова-частицы, а также усилительные, соединительные, уподобительные, вопросительные частицы.

1.3. О КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Занимаясь лингвистикой, в особенности работая с материалами конкретных языков, исследователь не может не ощущать, что он сталкивается с разными способами видения мира, то есть способа видеть мир именно так, а не иначе, отлично от других, ближних и дальних этноязыковых сообществ.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть некоторые представления, связанные с тем, как человек воспринимает мир, как строит модели своего взаимодействия с окружающей действительностью и отражает эти модели в родном языке. Например, категория рода для индоевропейских и семитских языков еще с древнейших времен настолько существенна, что имя существительное немислимо вне данной категории. Категория рода для этих языков является очень важной характеристикой. Различие в грамматическом

роде не соответствует чему-то рациональному; мы не можем объяснить, почему, например, русские слова *стол*, *юноша*, *дядя* мужского рода, а слова *площадь*, *береза*, *книга* женского рода. Нет ошибки в устах иностранца, которая больше всего резала бы ухо, чем ошибка в роде. Но, как нам известно, не всем языкам мира свойственна грамматическая категория рода. Ее не знают монгольские, тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские и ряд других языков.

“Грамматический род – одна из наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий”, – писал А. Мейе [1938, с. 202]. Он имел в виду тот факт, что принадлежность слова к мужскому или женскому роду в сфере неличных имен существительных выглядит произвольной и никак не мотивированной. Именно такое впечатление складывалось при наблюдении категории грамматического рода в наиболее изученных в то время индоевропейских и семитских языках. Выход за пределы индоевропеистики в последующие годы, знакомство с категорией рода в языках других семей, в ряде так называемых “восточных” языков и более углубленное исследование известных ранее фактов показали, что “грамматическая категория рода представляет собой сложную совокупность значений, выходящую за рамки традиционного различия мужского, женского и среднего рода” [Шор, Чемоданов, с. 114].

Род, мужской или женский личных имен существительных всегда мотивирован, так как опирается на разделение лиц по полу. А каковы мотивы деления на мужской и женский род в сфере неличных имен существительных? Можно было бы предположить, что различие в роде связано с условиями жизни людей, со специальным женским языком; одно и то же слово якобы имело две формы, в зависимости от того, употреблялось ли оно мужчинами или женщинами. Но это было бы чрезмерным упрощением проблемы, поскольку функция рода, как правило, заключается не только в противопоставлении мужского и женского, но и среднего, как это происходит, к примеру, в русском языке, в котором, помимо мужского и женского грамматических родов, есть еще и средний род.

Несомненно, что формирование и развитие категории грамматического рода имеют экстралингвистическую основу. Оно было тесно связано с культурно-исторической сменой представлений человека о мире: тотемистические представления сменяются анимистическими и антропоморфными. Также с развитием человеческого мышления его способности к обобщениям и абстрагированию связаны с общественными отношениями внутри человеческого коллектива. Так, с явлением антропоморфизма связано олицетворение явлений природы. Отсюда могло появиться деление на мужской и женский род у таких, например, существительных, как древнеиндийское *agni* – м. р. “огонь”, *vayu* – м. р. “ветер”, *usas* – ж. р. “заря”, *bhumi* – ж. р. “земля”.

Существует мнение, что распределение неличных имен существительных на слова мужского или женского рода было связано с половозрастным разделением труда у первобытных людей. “У них одни работы выполнялись мужчинами, другие – женщинами. Названия всех предметов, входящих в круг деятельности мужчин, снабжались одной языковой приметой, как и имена самих мужчин, а названия предметов, относящихся к женскому труду, как и имена женщин, получали другую примету. Первые существительные стали осмысляться как существительные мужского рода, а вторые – женского рода. Те же предметы, которые не имели прямого отношения к хозяйственной деятельности, естественно, не получали никакой приметы и осознавались как нейтральные, то есть как существительные среднего рода. К ним относили и название молодых особей, так как они не принимали в хозяйственной деятельности активного участия. Это разделение труда между мужчинами и женщинами стало исчезать, исчезла и причина делить предметы на мужской и женский род” [Ардентов, с.138-139], а язык, как знаковая система, не поддающаяся произвольным изменениям, продолжает по традиции сохранять сложившиеся в прошлом дифференциации по роду, утерявшие сейчас свою мотивированность.

Если исторически подходить к содержанию категории грамматического рода, то можно установить, с какой легкостью меняется род имен существительных с течением времени. Так, например, в истории языков романских, германских, кельтских изменения в роде были многочисленны. Ж. Вандриес на примере французского языка показывает, до какой степени естественный род отличается от рода грамматического. Он пишет: “...женское или мужское окончание часто придавало имени существительному соответствующий род, это доказывается тем, что большое число слов с женским окончанием, в литературном языке причисляемых к мужскому роду, в языке народа употреблялись, да и во многих случаях и сейчас употребляются в женском роде. Особенно в тех случаях, когда начальный гласный мешает определить род постановкой определенного члена, как например в словах: *exercice* (упражнение), *orage* (буря) и *ouvrage* (работа) и т. д. Даже слова *le prophete* (пророк) и *le pape* (папа римский) благодаря своему окончанию в средние века принадлежали к женскому роду” [Вандриес, с. 93].

На протяжении истории развития грамматической категории рода постоянно действовали экстралингвистические принципы родовой отнесенности. В современных языках экстралингвистические причины создали предпосылки для развития так называемого общего рода у части личных имен существительных. “В словах, являющихся названиями людей, – писал В. В. Виноградов, – формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека.” [Виноградов 1972, с. 62]. Таковы,

например, слова *врач, преподаватель, адвокат, директор* и другие агентивные, обозначающие деятеля, имена, в монгольских, в частности калмыцком языке, *багш* “учитель”, *эмч* “врач”, *номт* “ученый”, *адууч* “табунщик”, *саалч* “дояр” и многие другие. Подобные слова, наблюдаемые в современных языках в связи с изменением условий жизни, и в частности с изменением положения женщины в современном обществе, могут реализовать свою родовую принадлежность только в предложении, то есть синтаксически.

Мы не имеем права говорить о категории грамматического рода в языке, не имеющем специальных формальных показателей для его выражения. Принято считать, что характерной особенностью монгольских языков является отсутствие грамматического рода, поскольку в современных монгольских языках именной и глагольной основам не характерна согласуемая или координируемая функции, как, например, в русском языке.

Точка зрения на категорию рода как на чисто классификационную или согласовательную ошибочна, так как, с одной стороны, она не охватывает весь класс существительных, в частности, одушевленные, а, с другой стороны, она отрицает морфологические характеристики самого существительного и не объясняет тот факт, что в процессе развития языка категория рода не только не претерпела существенных сокращений, например, как во французском языке, но сохранилась почти полностью, как в русском языке.

С семантической точки зрения монгольская основа имени связана со способностью обозначать лишь биологический пол. Однако эта способность обозначать биологический пол непосредственно проявляется только у названий лиц и частично у названий некоторых видов животных.

В монгольских языках категория рода или “категория именного класса” [Будагов, с. 149] проявляется в биологическом делении живых существ по полу. Это отмечено в трудах почти всех монголистов, начиная с зарождения научного монголоведения. Я. Шмидт указывал на то, что “исключая оживленных существ, ни в каком слове не означает различие рода” [1832, с. 23]. Этого мнения придерживался и О.М. Ковалевский, который отметил, что “монголы определяют различие пола в именах только оживленных существ” [1835, с.29].

Почти все исследователи первых монгольских грамматик не только проявляли интерес к данному вопросу, но и указывали на некоторые следы грамматического рода [Бобровников, с.67; Ковалевский, с.29; Шмидт, с.24; Котвич, с.73; Руднев, с. 68; Цыбиков, с.61; Попов, с.43; Владимирцов, с. 31-34; Пеллио, с. 51; Дерфер, с.219-267; Одава Сигэо, с.106; Санжеев 1956, с. 74; Гарьд 1996; Орловская 1999, с. 25]. Так, например, Б.Я. Владимирцов [1925] на сессии Российской Академии наук сделал небольшое сообщение о том, что в монгольских языках словообразовательные суффиксы *-гчин*, *-джин*, *-хан* и *-гуи* представляют собою следы былого выражения грамматической

категории женского рода типа *алаг* “пестрый” – *алагчин* “пеструха”, *гунан* “самец трехлетка” – *гунаджин* “самка трех лет”, *ножан* “князь, господин” – *ножахан* “молодая девица, барышня”, *худа* “сваг” – *худагуи* “сватья”. Сюда же он отнес такие лексемы, как *аха* “старший брат” и *еке* “матушка, старшая”, где используется сингармонизм для различения мужского и женского полов. Б.Я. Владимирцов не только рассмотрел следы грамматического рода в монгольском языке, но и наметил методику изучения этого вопроса. Также в системе терминов двенадцатилетнего цикла, обозначаемых животными, различают года и дни недели по пяти наименованиям цветов, например, *улагчин* “красная”, *шарагчин* “желтая”.

П. Пеллио также предлагает различать в монгольских языках имена, обозначающие живые существа мужского и женского рода, и в подтверждение этому приводит примеры типа *суту* “император” – *сутай* “императрица”, *хутугту* “святой” – *хутугтай* “святая” и женские собственные имена на *-тані* ~ *-тени* [Pelliot, p. 51]. Далее П. Пеллио высказывает предположение, что следы грамматического рода якобы сохраняются в суффиксах форм прошедшего времени изъявительного наклонения *-ба* и *-би*, а для обозначения лиц женского пола используется аффикс *-jin*. Эти аффиксы зарегистрированы в XIII веке в текстах “Сокровенного сказания” [Pelliot, p. 51, Гарьд].

Японский монголист Одзава Сигэо [1955, с. 106], исследуя тексты “Сокровенного сказания”, устанавливает, что суффиксы *-ба* ~ *-бе* ~ *-би*, *-ла'а* ~ *-ле'е* ~ *-ла'ai* ~ *-ле'ai* ~ *-лаi* ~ *-ла'у* ~ *-ле'у* ~ *-лу'a* ~ *-лу'e* ~ *-лу'ai* ~ *-лугai* ~ *-лиgi* ~ *-ли'i* в системе монгольских глагольных форм также обнаруживают следы грамматического рода, тогда как эти суффиксы считались лишь фонетическими вариантами одних и тех же показателей названных изъявительных форм.

Наш материал показывает, что в “Сокровенном сказании” широко употребляются суффиксы *-ба*, *-би* и *-лиgi* ~ *-ли'i*, которые являются формами выражения женского рода и в указанных временах противопоставляются всем прочим перечисленным здесь суффиксам, являющимися формами мужского рода. Глагольные сказуемые, выраженные описываемыми здесь изъявительными формами, соответственно согласовываются с подлежащими мужского или женского рода [Одзава, с. 106].

Примеры: *Alan-qaо Dobun-merkan-tur ireji qoyar koun toreubi* [§10] “Алан-гоа, выйдя замуж за Добун-Меркана, родила двух сыновей”, *Yeke kertur qonin qirqaba irelee* [§10]. “Приезжала в дом стричь овец”, ср. *...konjile ino Ćinkis-qaqan tende abulaai* “...одеяло тогда взял Чингис-хан”, *...qar-tur-ijen qara nodun qaiqun toreliki* “...в руке сжимал черный сгусток крови” [§ 59], *Sotan neretai bulii* [§10]. “Звали ее Сотан”, где форма женского рода употребляется тогда, когда в данных предложениях речь идет о женщине, а не только при наличии подлежащего, обозначающего женщину. Ср. *Jaouredai*

neretu bulee [§43] “Его звали Джаурдай”. В древнемонгольском языке было характерно употребление вопросительного местоимения в зависимости от пола того, к кому обращались. Ср., например, обращение к лицу женского пола: *Yaujin kiun ci?* [§38] “Кто ты?” – и мужского пола: *Yauin kiun ci* [§ 15] “Кто ты?” Как видим, в данных примерах налицо противопоставление по полу: женский пол – аффикс *-jin*, мужской пол – аффикс *-n*.

Как пишет Г.Д. Санжеев: “...Б.Я. Владимирцов и П.Пеллио склонны были видеть следы категории грамматического рода и считали, что для выражения этой категории используются, во-первых, специальные словообразовательные суффиксы и, во-вторых, гармония гласных” [Санжеев 1956, с. 74]. Сингармонизм в монгольских языках, по мнению Б.Я. Владимирцова, “производил различие по родам” [1929, с. 133].

Как известно, подобные явления довольно часто встречаются в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. Так, например, в маньчжурском языке сингармонизм используется для различения таких лексем, как *арсалань* “лев” – *эрсэлэнь* “львица”.

Таким образом, можно смело утверждать, что современное монголоведение располагает данными о наличии грамматического рода в древнемонгольском языке, как это видно из текстов древнемонгольского литературного памятника “Сокровенное сказание монголов” [Владимирцов 1925, с.31-34; Санжеев 1956, с.73-74; Орловская, 1999, с. 25-31].

В современных монгольских языках и сейчас широко употребляются основы имени, обозначающие особей женского пола:

1) показатели калм. *-жн*, монг. *-ж(ин)*, бур. *-жан/-жэн* служат для обозначения возраста самок животных. Примеры: калм. *гунжн*, монг. *гунж(ин)*, бур. *гунжан* “корова-трехлетка” от общемонгольской основы *γurbaŋ* “три”; калм. *донжн*, монг. *дөнж(ин)*, бур. *дүнжэн* “корова-четырёхлетка” от общемонгольской основы *dorben* “четыре”, калм. *туулжн* “корова-пятiletка” от *тавн < tabun* “пять”;

2) показатели калм. *-гчн*, монг. *-гч(ин)*, бур. *-гшан/-гшон/-гшэн* служат для обозначения масти животных, например, калм. *харгчн*, монг. *харагч(ин)*, бур. *харагшан* “черная” от общемонгольской основы *qara* “черный”; калм. *цагагчн*, монг. *цагагч(ин)*, бур. *сагаашан* “белая” от общемонгольской основы *ᠰaγaŋ* “белый”; калм. *күрчн*, монг. *хүрэнгч(ин)*, *хүригшэн* “буренка” от общемонгольской основы *kuren* “коричневый”; калм. *кеегчн*, монг. *хээрэгч(ин)*, бур. *хээгшэн* “гнедая” от общемонгольской основы *keger* “гнедой”. Относительно суффикса *-гчн* Б. Я. Владимирцов приводит замечание Рашид-ад-Дина, так рассуждавшего об особенностях речи татар: “Существует такой обычай, что всякий индивидуум, происходящий из этого племени (Тутукольют), если он будет мужского пола, называется Тутукулгай, а если женского пола, называется Тутукулчин; из племени Анчи Татар – *Анчитай* и *Анчин*; из

племени Кюин – *Кюйтай* и *Кюйчин*; из племени Нерэит – *Нерэтей* и *Нерэчин*". Говоря об этом, Б.Я. Владимирцов с осторожностью подходит к показателю *-гчин*: "...чрезвычайно трудно судить о том, оказывается ли это явление остатком бывшего состояния языка, или же только известной струей, возникшей в то или другое время, под влиянием каких-либо социальных условий?" [Владимирцов 1925, с.31];

3) показатели калм. *-н*, монг., бур. *-ан/-эн/-өн* служат для обозначения возраста самцов животных. Примеры: калм. *гунн*, монг., бур. *гунан* "трехгодовалый", калм. *дөнн*, монг., *дөнөн*, бур. *дүнэн* "четырёхгодовалый";

4) показатель *-гай/-гэй* обозначает особей женского пола, например, монг., бур. *авгай* "тетя", монг. *худагай*, бур. *худагы* "сватья", монг. *гэргий*, бур. *гэргэй* "хозяйка дома", "жена".

Но в тоже время следует признать, что современные монгольские языки в общем-то и исчерпывают вышеприведенными примерами свои способности различить пол. В основном они не в состоянии выразить разницу полов, так как не обладают такими грамматическими средствами. Например, слова *багш* "учитель", *эмч* "врач" и другие в монгольских языках применяются как по отношению к женщине, так и к мужчине. Это создает аналогичную картину с русским языком, когда слова данного типа обозначают лиц, не дифференцируя их по принадлежности к какому-то полу. Эта форма настолько устойчива в русском языке, что в строгой речевой ситуации слово, относящееся к женскому полу, сохраняет "мужскую форму". Мы должны обратить внимание на то, что слова типа *багш* "учитель" обозначают лицо, никак не связанное с биологическим полом, сама же эта лексема, имея два означаемых, является одним обозначающим. В литературных монгольских языках используются следующие средства, служащие как бы своеобразными морфемами для выражения пола: калм. *күүкд күн*, монг., бур. *эмэгтэй* "женщина"; калм. *залу күн*, монг., бур. *эрэгтэй* "мужчина".

Усеченные формы *эр* "мужчина", "самец", *эм* "женщина", "самка" употребляются применительно к некоторым домашним животным. Примеры: монг. *эр хонь* "баран", *эм хонь* "овца", *эр тахиа* "петух", *эм тахиа* "курица". Но это явление не очень употребительно в монгольских языках, поскольку они для называния самцов и самок имеют специальные лексемы типа калм. *бух* "бык-производитель" (ср. *тохмта бух* "племенной бык"), *буур* "верблюдо-производитель", *үкр* "корова", *атн* "кастрированный верблюд", *иңен* "верблюдица", *ажрһ* "жеребец", *гүн* "кобылица", *тек* "козел", *яман* "коза", *хуц* "баран", *хөн* "овца"; монг. *өлөгчин* "самка", *өлөгчин чоно* "волчица". В некоторых случаях данные усеченные словоформы могут употребляться с названиями, обозначающими лиц, ср., например, монг. *эр хүн* "мужчина", *эр эм болох* "стать мужем и женой", *эм зантай* "иметь женский характер".

Как и в русском, в монгольских языках имеются, в частности, лексические параллели, обозначающие принадлежность родственников к определенному полу. Примеры: калм. *аав* “дедушка”, *ээж* “бабушка”, *эцк* “отец”, *эк* “мать”, *ах* “старший брат”, *эгч* “старшая сестра”, *күүкн* “девочка”, *гижгтэ күүкн* “девушка на выданье”, *нойхн* “барышня”, *көвүн (арвт)* “мальчик”, *гергн күн (баавһа)* “женщина”, *залу күн* “мужчина”, *залу* “муж”, *гергн* “жена”, *күргн* “жених”, *бер* “невестка” (*бергн* “жена старшего брата”), *худ өвгн* “сват”, *худ эмгн* “свагья”, *хадм эцг* “свекор (тесть)”, *хадм эк* “свекровь (теща)”, *авһ* “дядя со стороны отца”, *һаһа* “тетя со стороны отца”, *һаһц* “дядя со стороны матери”, *һаһц эгч* “тетя со стороны матери”, *ач көвүн* “племянник со стороны брата (внук со стороны сына)”, *ач күүкн* “племянница (внучка) со стороны сына”, *зе көвүн* “племянник со стороны сестры (внук со стороны дочери)”, *зе күүкн* “племянница со стороны сестры (внучка со стороны дочери)”; монг. *өвгөн* “старик”, *өвөг эцэг* “дед по отцу”, *нагац өвөг* “дед по матери”, *эмгэн* “старуха”, *эмээ, эмгээ* “бабушка”, *эх* “мать”, *эцэг, ав* “отец”, *ах* “старший брат”, *эгч* “старшая сестра”, *охин дүү* “младшая сестра”, *хүүхэн (охин, бүсгүй)* “девочка (девушка)”, *хүү (хөвгүүн, нуган)* “мальчик”, *эрэгтэй (эр, эр хүн)* “мужчина”, *нөхөр (хар хүн, эр нөхөр)* “муж”, *эмэгтэй (бүсгүй, эхнэр, эм хүн)* “женщина”, *эхнэр (авгай, гэргий)* “жена”, *хүргэн “зять”, бэр (бэргэн, дүү бэр.)* “невестка”, *авьсан* “жена старшего брата по отношению к жене младшего брата”, *худ (зууч)* “сват”, *худгай (зууч эхнэр)* “свагья”, *хадам эцэг (аав)* “свекор (тесть)”, *хадам эх (ээж)* “свекровь (теща)”, *авга ах* “дядя по отцу”, *нагац ах* “дядя по матери”, *авга эгч (авгай)* “тетя по отцу”, *нагац эгч* “тетя по матери”, *ач хүү* “племянник со стороны брата (внук по сыну)”, *зээ хүү* “племянник со стороны сестры (внук по дочери)”, *ач охин* “племянница со стороны брата (внучка по сыну)” *зээ охин* “племянница со стороны сестры (внучка по дочери)”.

Грамматическая категория рода как таковая во флективных языках признается многими лингвистами наиболее формальной, алогичной и немотивированной категорией имени существительного. В отечественном и зарубежном языкознании грамматическая категория рода получает весьма различную порой противоречивую трактовку, связанную с выделением грамматического значения рода и выявлением форм выражения этого грамматического значения. Так, например, распространено мнение, что категория рода воспринимается как сугубо классификационная, формальная, позволяющая разделить все существительные на большие родовые классы.

Род возникает, по мнению китайского ученого С. Гарьда, для удовлетворения определенной потребности общения, которая нам до сих пор неизвестна. Поэтому установить причину возникновения рода можно, решив вопрос о функции рода в процессе коммуникации, однако сам С. Гарьд не дает ответа на этот вопрос [Гарьд 1996].

Разделение существительных на имена мужского и женского рода в монгольских языках связывается с различием полов, что сказывается на противопоставлении одушевленных и неодушевленных существительных. Это противопоставление проявляется как в плане языка, так и в плане речи. Можно выделить род истинный и фиктивный для существительных одушевленных. Истинным родом назовем случаи возможного чередования формальных показателей, например, монг. *ав* “отец”, *ээж* “мать”, а фиктивным – случаи невозможного чередования.

Некоторым именам существительным одушевленным характерны морфологические показатели. Эти характеристики можно рассматривать как постоянные. Категория рода для некоторых одушевленных существительных является категорией опосредованной, отражающей реальную действительность, связанную с нею, следовательно, различия между существительными мужского и женского рода должны определяться внутренними семантическими различиями. Такое предположение подтверждается языковым материалом. Проведенный нами анализ лексико-морфологической структуры монгольского существительного показал, что категория рода выступает как лексико-морфологическая. Распределение существительных по родам определяется либо лексически, то есть самим значением слова, либо морфологически, то есть родовыми морфологическими показателями.

Все монгольские существительные могут быть разделены на три группы:

- 1) (одушевленные) существительные, род которых обусловлен лексически;
- 2) (одушевленные) существительные, род которых обусловлен морфологически;
- 3) (одушевленные) существительные, род которых не обусловлен.

Первую группу составляют одушевленные существительные, для которых различие по полу (роду) связано с чередованием форм, то есть группа истинного рода. Но не все одушевленные существительные входят в группу истинного рода; род некоторых существительных является формальным и выражается морфологически, например, монг. *гунан* “трехлетний”, *гунж(ин)* “трехлетняя” от общемонгольской основы *γurban* “три”.

Принадлежность существительных одной лексико-семантической группы к одному роду можно объяснить влиянием аналогии, возникающей из семантической связи существительных, обозначающих родственные понятия существительных. Род их фиктивен. Принадлежность таких существительных к определенному роду объясняется лексически, то есть самим лексическим значением и семантическими связями с другими существительными, родственными по смыслу. К первой группе можно отнести некоторые немногочисленные существительные-омофоны типа калм. *багш* “учитель”,

эмч “врач”. Здесь сказывается синкретизм. Дифференциация значений омофонов часто сопровождается различием родов. Отнесенность омофонов к разным родам при одной морфологической форме связывается с различием лексических значений.

Ко второй группе, то есть группе существительных, род которых обусловлен морфологически, относятся прежде всего существительные, образованные при помощи различных аффиксов, которые всегда являются четкими показателями того или иного рода. Кроме собственно аффиксов, служащих для образования новых слов, мы можем выделить псевдоаффиксы или ложные аффиксы. Это такие морфологические единицы, которые обладают формой и значением соответствующего аффикса, но не выделяются в слове с точки зрения современного состояния языка, а являются частью основы слова. Особенно ярко это прослеживалось в средневековом письме. Ср. монг. *авгай*, бур. *абгай* “тетя”, монг. *худгай*, бур. *худагы* “сватья”, бур. *дүүхэй* “барышня”.

По нашему материалу получается, что родовое значение выражается одновременно лексически и морфологически, например, животные по масти и по возрасту, как это было видно на примерах типа монг. *гун(ан)* “трехлетний”, *гунж(ин)* “трехлетка”, *улаан бух* “красный бык”, *улаагчин үнээ* “красная корова”.

Показатели, указывающие на женский род, можно разделить на прямо присоединяемые к именам существительным и к глаголам. Указание на род в именах существительных проявляется не в каждом имени существительном, а только в существительных, которые обозначают некоторые живые существа. Если это рассматривать с точки зрения числа, то данное явление проявляется только в форме единственного числа (или в основе). Показатели рода, прямо проявляющиеся в именах существительных средневекового монгольского языка, бывают двух видов, с одной стороны, это термины родства, а с другой стороны, это проявление наблюдается в названиях родов и племен.

Роль родовых показателей (морфем) наиболее ярко проявляется в формально-грамматических вариантах слов – существительных, обладающих одним лексическим значением, но различающихся формой и соответственно родом. Так, например, показатель рода, оформляющийся в терминах родства, проявляется в двух формах: Ø ~ -i, главным образом в словах, различающих родственников по полу, хотя в большинстве случаев различие лексическое, ср. например, слова << *ečige* “отец”, *eke* “мать”, *ebuqe* “старик”, *emeqe* “старуха”, *aq=a* “старший брат”, *egeci* “старшая сестра”>>. Иногда женский и мужской род различается по оформлению, например, << *degü*>> “младший брат” имеет Ø и обозначает мужской род.

Показатель же -i, присоединяемый к некоторым терминам родства, указывает на женский род, например, *döi* “младшая сестра”. В памятниках

средневекового монгольского письма устойчиво различаются термины родства по полу. Примеры: *degū* “младший брат”, *döi* “младшая сестра”. В средневековом монгольском языке эти слова получили повсеместное распространение. В древних монгольских языках эти слова выглядели как **degū* ~ **degüi* затем у них произошло фонетическое изменение по следующей схеме:

**degū* > **de'ü* > *deü* > *dü*: “младший брат”

**degüi* > **de'üi* > *deöi* > *döi* “младшая сестра”.

При этом ступени *de'ü* ~ *deü*, *döi* ~ *döyi* “младшая сестра” наблюдаются в средневековый период.

Кроме того, в словах типа <<*aq=a* “старший брат”, *abaγ=a* “тетя”, *keüken* “девочка”, *quda* “сват”>> в период до средних веков были различия по полу, о чем говорят сохранившиеся сейчас формы:

aqa (*aq-a*): **aqai* ~ **aqayi* (*aγai* ~ *aγa:*) “младший брат”;

abaqa (*abaqa-a*): **abaqai* ~ **abaqayi* (*awxai*) “тетя”;

**keüke* (*xü*: ~ *xü*: *xen*): **keükei* ~ **keükeyi* (*oki* ~ *okin*) “девочка”;

**qudaγa* (*xuda*): *qudaγayi* “сват”.

Мы считаем, что есть все основания утверждать, что и для этих существительных имеются объективные формальные родовые показатели. Так, средневековый материал, которым мы располагаем, показал, что существительные мужского рода могут оканчиваться на все согласные и гласные, включая дифтонги, кроме *-i*. Существительные женского рода почти всегда оканчиваются на показатель *-i*.

В монголистике существует мнение, что разделение существительных на родовые классы связано с четким разделением конечных элементов: *-i*: не *-i*. Как считает С. Гарьд, наличие показателя *-i* в древнемонгольском языке может рассматриваться как морфологическая примета существительных женского рода, тогда как его отсутствие – как морфологическая примета существительных мужского рода [Гарьд, с. 19].

Мы видим, что разделение существительных в древнемонгольском языке на родовые классы связано с четким разделением конечных элементов. Наличие *-i* может рассматриваться как морфологическая примета существительных женского рода, тогда как его отсутствие – как морфологическая примета мужского рода. Таким образом, формант *-i* может быть признан родовым морфологическим показателем или морфемой женского рода. Отсутствие элемента *-i*, то есть показателя женского рода, является нулевым показателем или нулевой морфемой мужского рода.

Роль родовых показателей – морфем – наиболее ярко проявляется в формально-морфологических вариантах слов – существительных, обладающих одним лексическим значением, но различающихся формой, и соответственно родом. Вышеприведенные примеры являются довольно многочисленными в древнемонгольском языке. Подобные формально-морфологические

варианты слова представляют своего рода “минимальные пары”, в которых отчетливо проявляется значение родовых морфем: наличие морфемы женского рода *-i* маркирует существительное женского рода, наличие морфемы мужского рода \emptyset маркирует существительное мужского рода.

Таким образом, присутствие и отсутствие морфемы женского рода *-i* является значимым, так как служит для противопоставлений форм мужского и женского рода. Значащее противопоставление конечных элементов мы определяем как противопоставление родовых морфем или родовых показателей. В древнемонгольском языке показателем женского рода признается *-i*, показателем мужского рода признается нулевая морфема или отсутствие *-i*.

Хотя в этих словах в современных монгольских языках род почти не проявляется, все же в некоторых случаях он отражается, например, в говорах монгольских языков различаются *авга* “дядя” – *авгай* (< общемонг. *abaγai*) ~ *авхай* “замужняя женщина”. Ср. *ах* “старший брат” – *ахай* “замужняя женщина”, *авхай* “барышня”, *худ* “сват” – *худагуй* “сватья”. Такие примеры довольно многочисленны в древнемонгольском языке.

Подобные формально-грамматические варианты слов представляют своего рода “минимальные пары”, в которых отчетливо проявляется значение родовых морфем: наличие морфемы женского рода *-i* маркирует существительное женского рода, наличие морфемы мужского рода \emptyset маркирует существительное мужского рода.

Таким образом, присутствие и отсутствие морфемы женского рода *-i* является значимым, так как служит для противопоставления форм мужского и женского рода. Значащее противопоставление конечных элементов мы определяем как противопоставление родовых морфем или родовых показателей.

Показатели рода, проявившиеся в родовых названиях. В средневековом монгольском языке было два показателя категории рода: *-dai/-dei* ~ *-tai/-tei* и *-jin*, проявившиеся в терминах родства. Хотя этот показатель проявляется в именах существительных, он не показывает различие по роду и качеству соответствующего термина родства, но указывает на различие по полу человека, получившего соответствующее определение по родству, так как имеет признаки именного оформления названий вышеупомянутых родственников. Если коснуться одной особенности родовых показателей, проявляющихся в терминах родства, то ею является словообразовательный аффикс во вновь образованных этих терминах. Это, с одной стороны, остатки словообразовательных аффиксов и, с другой стороны, аффиксы, выявляющие род.

Показатель *-dai/-dei* ~ *-tai/-tei*. Эти показатели присоединяют к терминам родства, образуя новые, более конкретные, имена. Можно сказать, что он используется для конкретизации пола того человека, о котором говорят. По данному аффиксу мы узнаем, что этот конкретный человек мужского

пола. Встречается аффикс в достаточно большом количестве примеров: *Баргуудай, Хоридай, Хоршлартай* и т.д.

Показатель -jin. Этот показатель тоже является словообразовательным. При производстве нового имени путем присоединения его к терминам родства образуется форма имени, из которой мы узнаем, что тот конкретный человек, определяемый этим термином, относится к женскому полу. Этот показатель, по сравнению с *-dai/-dei ~ -tai/-tei*, тоже используется в структуре имени человека (антропонимии), хотя в источниках, найденных нами, почти не встречается, но имеются случаи, когда *-jin* употребляется (проявляется) в вопросительном местоимении при уточнении степени родства человека женского пола. Ср. вышеупомянутая формула из “Сокровенного сказания” *yaojin kü’ünči?* – “кто ты?” (о женщине), собственное женское имя *Mongoljin-γо’а* и т. д.

Показатели рода, проявляющиеся в признаке имени. Показатели рода, проявляющиеся признаком имени в средневековом монгольском языке, главным образом связаны с единственным числом аффикса, образовавшего прилагательное от имени существительного. При этом в показателях двух типов: *-tu/-tē ~ -tai/-tei* можно сказать проявляется мужской и женский род имен [Сигэо, с.106; Дёрфер, с.29; Баяр с.250; Гарьд; Орловская 1999, с.29]. Упомянутые здесь два показателя *-tu/-tū ~ -tai/-tei* образуют прилагательные от существительных. Из-за того, что каждый из этих показателей связан с соответствующим родом, происходит взаимочередование суффиксов. Эти аффиксы (показатели) связаны с категорией числа в образуемых прилагательных. При использовании этого аффикса как показателя рода комплект аффиксов между собой не связан, но постоянно связан только с единственным числом. Мы это без затруднения понимаем как с точки зрения грамматики, так и логики. В случае же с множественным числом выражение мужского и женского пола смешивается, поэтому ясно, что в языке нет необходимости здесь манифестировать каждый из этих родов. Однако и в случае множественного числа иногда встречается состояние смешения. Но в то же время даже в случаях множественного числа иногда, хотя и встречается смешение по различению рода, все же возможно различить пол. Показатели рода, выраженные посредством признака имени более определены по отношению к показателю рода, выраженному в существительном.

Иначе говоря, в средневековом монгольском языке различие в роде имен существительных является неполным, в отношении проявления в соответствующих именных словах при этом полностью проявляется в показателе рода, выраженного опосредованно. Если рассмотреть это содержание различения рода, представленное в средневековом монгольском языке, можно узнать о том, что различение рода, представленное в средневековом монгольском языке, отсутствует в именах, связанных с человеком, в названиях животных, но иногда проявляется в других обычных именах.

Показатель -tu/-tü. В древнемонгольском языке наиболее употребительны суффиксы и псевдосуффиксы существительных мужского рода -tu/-tü и женского рода -tai/-tei. Можно узнать, что различение рода, представленное в средневековом монгольском языке, отсутствует в именах, связанных с человеком, в названиях животных, но иногда проявляется в других обычных именах. Показатель -tu/-tü со значением мужского рода присоединяют к основам имен существительных и с его помощью образуются имена прилагательные, указывающие на принадлежность к мужскому роду. Очень много случаев проявления мужского рода в названиях, связанных с антропонимами и родственными отношениями, кличками животных и т.д. Примеры: *Aldartu Činggis-qayan-u* “легендарного Чингис-хана”, *neretü* “известный”, *uqayatu* “умный”, *joriyту* “смелый”.

Показатель -tai/-tei. Если к имени существительному присоединить этот показатель, то можно образовать имена прилагательные, определяющие обычно существа женского рода, антропонимы, термины родства. Примеры: *Gergei inu aratai jigūntei jalayu toruan čiraitai* “С молодым шелковым лицом”, *jayan-u arasun čamča-tai* “Имеющая платье из слоновой кожи”, *Yeke emege inu Lii obuγtai* “Статная жена из рода Ли”.

Хотя теоретически мы можем предположить такое употребление в названиях животных, но в памятниках среднемонгольского языка это практически не обнаружено.

Отдельно следует рассматривать существительные мужского и женского рода с чередованием гласных. С. Гарьд считает, что в показателе -tu/-tü, чередование -u/-ü является носителем выражения мужского рода в словах, обозначающих живые существа. Носителями выражения женского рода является чередование -ai/-ei. Сюда относится группа древнемонгольских существительных, род которых не обусловлен ни лексически, ни морфологически. Данная группа отличается рядом принципиальных отличий, основным из которых являются формы таких существительных.

Чередование -u/-ü, -ai/-ei – чисто фонетическая необходимость, а потому не может быть поставлено в один ряд с -i, являющимся, как показано выше, родовым показателем. Существительные с чередованием -u/-ü, -ai/-ei могут быть как женского, например, так и мужского рода. Более того, род подобных существительных может быть определен как непостоянный, так как колеблется в разных употреблениях. Указанные лексико-морфологические формы выражения значения рода охватывают все древнемонгольские одушевленные существительные.

Монгольский ученый Б. Ринчен в своей книге “Монгол бичгийн хэлний зүй” [Ринчен 1966, с. 103-126] предлагает различать особой женского пола с помощью присоединения к основе показателя -жин. Примеры: *монголжин* вместо *монгол эмэгтэй* (хүүхэн, охин) “монголка”, *уйгуржин* вместо

уйгур эмэгтэй “уйгурка”, варшаавжин вместо варшаав эмэгтэй “варшавянка”, польшжин вместо польш эмэгтэй “полячка”, унгаржин вместо унгар эмэгтэй “мадьярка”, германжин вместо герман эмэгтэй “немка”, шведжин вместо швед эмэгтэй “шведка”, данижин вместо дани эмэгтэй “датчанка”, финжин вместо фин эмэгтэй “финка”, урианхайжин вместо урянхай эмэгтэй “урянхайка” [Ринчен, с.119]. Ср. *Jarciut Adan-qan-Uriyanqajin bi* [§38] “Я урянхайка-дайка Джарчиудского Адаккана” *Adanqa Uriyanqadai kүйn alua* [§44] “Адаккан-Урянхаец”.

Что касается собственных имен в монгольских языках, то в прошлом трудно было разграничить мужские и женские имена, так как каждое имя было мотивировано. Как отмечает А.М. Позднеев: “...женские имена у монголов в сущности нисколько не должны разниться от мужских и действительно почти не разнятся” [Позднеев, с.418].

Вместе с тем в монгольских языках существует некоторая дифференциация, отличающая женские имена от мужских с помощью специальных показателей, например, показатель *-маа*, восходящий к санскритскому корню *matar*, либо к санскритскому слову со значением “мать”, характерен для женских имен, например, монг. *Доржмаа*, *Дулмаа*, *Норжмаа*; для калмыцкого языка характерен показатель *-ла* в женских именах, например, *Харла*, *Нохала*.

Кроме аффиксального способа образования, личные женские имена могут представлять как бы развернутое определение типа: *Хар күүкн* букв. “черная девушка”, *Му күүкн* “плохая девочка”. Ср. мужские имена *Хар көвүн* “черный мальчик”, *Му көвүн* “плохой мальчик”.

Данные ономастики являются ценным материалом не только для изучения особенностей быта, культуры народа, его истории, но и для изучения лексики, грамматики. Как пишут А.В. Сулова и А.В. Суперанская: “Личные имена, являясь частью лингвистической системы языка, являются продуктом исторического общественного развития и несут в себе черты национальной культуры, национального самосознания, в них раскрываются разные стороны его истории, отражается быт, верования, чаяния, фантазии и художественное творчество, исторические контакты” [Сулова, Суперанская, с.3]. В основе имени монгольских языков родовое противопоставление не выражается, поэтому имена существительные не соотносятся с мужским или женским родом.

Обобщая все вышеизложенное, можно утверждать семантическую обусловленность рода древнемонгольских имен существительных и выделять лексико-морфологическую категорию рода в древнемонгольском языке. Неоднородность морфологического значения рода, проявляющаяся в наличии истинного и фиктивного родов, обуславливает неоднородность его морфологической формы, проявляющуюся в тесном переплетении лексических

и морфологических средств выражения рода. Распределение существительных по родам является мотивированным либо лексически, либо морфологически, либо лексически и морфологически одновременно. Выделенные нами лексико-морфологические средства выражения родового значения охватывают абсолютное большинство одушевленных имен существительных и позволяют говорить о системности средств выражения родового значения.

1.4. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

1.4.1. Эволюция взглядов на категорию числа монгольских языков

Процессы воплощения мыслительных категорий в семантике языка и передачи их языковыми средствами ведут к созданию особой логики любого конкретного языка. Она реализуется языковыми средствами тех или иных уровней, образуя различные языковые категории, которые могут быть значительно шире соответствующих мыслительных категорий. Каждый язык имеет свои универсальные и специфические особенности при отражении картины мира. Сказанное относится и к осуществлению в языке одной из наиболее важных категорий – категории количества. В общем значение функционально-семантической категории в монгольских языках входят противопоставленные категории: единичность-множественность, собирательность-раздельность, исчисляемость-неисчисляемость, точное определение количества – оценки количества и т.д. Содержание каждой из них передается комплексом языковых единиц, нередко принадлежащих разным уровням языковой системы. Они как бы образуют противопоставленные микрополя, находящиеся в постоянном взаимодействии и входящие в общее функционально-семантическое поле количественности. Важное место в этом поле занимают взаимодействующие функционально-семантические поля единичности и множественности, которые характеризуются достаточно сложными разветвленными структурами и выраженными морфологическими центрами.

Большинство ученых, занимающихся изучением числа именных частей речи, считает, что в основе этой категории лежит бинарная оппозиция: единичность-множественность (плюральность).

Проблема категории числа в монгольских языках представлена традиционным делением имени существительного на единственное и множественное число. Между тем значения этих форм во многом не совпадают с привычными представлениями. Особенность и своеобразие числа имени в монгольских языках отражены уже прежде всего в самой основе имени. Особенностью основы имени в монгольских языках является отсутствие в ней, как правило, каких бы то ни было грамматических признаков, например, калм. *альми* “яблоко”, *усн* “вода”, *дегтр* “книга”, *мөрн* “лошадь”, *күн* “человек”, *адун* “табун”, *хөн* “овца”.

Немаркированность основы имени влечет за собой важные в лингвистическом аспекте грамматические последствия, которые сказываются на разных сторонах грамматического строя монгольских языков, а также на семантике самой монгольской основы. Поскольку основа имени не имеет никаких морфологических признаков, то она, выступая в своем чистом виде, никак не определена, не индивидуализирована. А это означает, что она не определена и с точки зрения числа. Иначе говоря, сама по себе эта основа индифферентна к числу, например, калм. *aah* “чашка и чашки вообще”, *modh* “дерево и деревья вообще”, монг. *чон* “волк и волки вообще”, *mod* “дерево и деревья вообще”, бур. *шулуун* “камень и камня вообще”, *загаһан* “рыба и рыбы вообще”. Однако эти основы не исключают при определенных условиях возможность выражать единичные предметы и тем самым противостоять множеству предметов, составляя с ней особого рода коррелятивную пару.

Следует отметить, что характерная для монгольской категории числа немаркированная основа имени позволяет ей взаимодействовать с другими грамматическими категориями. Немаркированность основы имени позволяет обозначать конкретные считаемые или несчитаемые предметы, собирательные и отвлеченные понятия. Таким образом, основа имени является нейтральной к таким категориям, как категория собирательности, дискретности, единичности, множественности. Значения этих категорий выражаются немаркированной основой имени вне контекста.

Что касается русского языка, то предметные, собирательные, вещественные и отвлеченные имена образуют различные классы слов [Грамматика русского языка 1980], а в монгольских языках они составляют грамматически единый класс по своей сути индифферентный к числу, который одинаково характеризуется основой имени.

Категория числа рассматривалась с зарождения монголоведения по принятой для индоевропейских языков схеме “единственное число-множественное число”, начиная с выхода в свет первой грамматики монгольского языка Я. Шмидта [1832]. На основе этой схемы представлено грамматическое число основы имени в таких известных трудах XIX века по монгольским языкам, как “Краткая грамматика монгольского книжного языка” [1835] О.М.Ковалевского, “Грамматика калмыцкого языка” [1847] А. Попова, “Грамматика монгольско-калмыцкого языка” [1849] А.А. Бобровникова. Значения числа основы имени в этих трудах затрагивались крайне редко. Авторы первых грамматик описывали монгольские языки с помощью понятийного аппарата, выработанного на материале индоевропейских языков. Образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка. Такой метод описания монгольских языков вел к переносу на эти языки понятий и категорий иносистемных языков (склонения, спряжения и т. д.). В резуль-

тате в монгольских языках были обнаружены грамматические категории, присущие индоевропейским языкам, и не замечены специфические монгольские. В этом плане особо следует подчеркнуть, что не механический перенос грамматических явлений из языка в язык, нередко наблюдаемый в отдельных и изданных грамматиках того периода, а кропотливое выявление внутрисистемных связей и группировок элементов, которые имеются в изучаемом языке. Выделив, например, значение числа и его функцию, мы сможем извлечь и другие связанные с ним языковые средства, служащие для выражения каких-то семантических признаков в пределах изучаемой категории, и далее определить, как группируются выявленные языковые средства в данном языке. А это требует знания живого языка, его грамматической специфики. Но все работы, даже первой половины XIX столетия, когда монголоведение стало приобретать статус самостоятельной науки, свидетельствуют о том, что ученые начали осознавать и отмечать своеобразие и особенность строя монгольских языков в сравнении с другими индоевропейскими языками, включая древний и классический языки.

В свое время еще Н.Я. Марр со свойственной ему уверенностью неоднократно указывал на важность и необходимость учета специфических особенностей каждого языка, ибо, в сущности, “наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка” [Марр, с.410-414].

Различие между языками состоит не столько в том, что каждый из них имеет только свои особенные черты, но может быть, главным образом, в степени представленности тех или иных сходных черт в соответствующих языках. Именно уровень насыщенности языка теми или иными явлениями, их комбинации и особенности функционирования создают неповторимую специфику каждого языка. Конечно, категория числа в агглютинативных языках не “вполне” такая, как во флективных, а способы выражения данной категории не “вполне” такие, как во флективных. И это есть проявление специфики того или иного языка, употребляя слова В. Гумбольдта, “духа данного языка”.

В середине XIX века А.А. Бобровниковым [1849] дано существенное замечание по поводу того, что “иногда не множественное число происходило от единственного, а единственное число от множественного, иногда и множественное, и единственное числа произошли, кажется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова монг. *нокур* – друг, *нөкүд* – друзья и *нөкүчекү* – дружить, можно заключить, что корень

был *нокү-*. Для слова *модун* (дерево) и *модуд* (деревья), находим корень в древнем слове *мод-* “деревья”, для слов *аран* “человек” (неупотребительное) и *арад* “люди” находим у бурят корень *ар* “человек” [Бобровников 1849, с. 85-87], которое следует понимать как способность основы имени выражать единичный предмет и множество предметов.

Несколько позднее В.Л. Котвич в своих “Лекциях по грамматике монгольского языка” [1902], “Исследованиях по алтайским языкам” [1962] в общем повторяет грамматическую концепцию А.А. Бобровникова, но в то же время считает, что многим алтайским языкам характерны способы выражения множественности основой имени. При этом основа имени может обозначать как единичность, так и множественность предметов в зависимости от конкретной ситуации. Вот что он пишет: “Создается впечатление, что алтайские языки не имели тенденции к урегулированию этого вопроса, к созданию настоящей грамматической категории множественного числа, которая соответствовала бы множественному числу индоевропейских языков” [Котвич, с. 334-336]. Видимо, Л.В. Котвич уловил именно диахронический аспект функционирования категории числа в монгольских языках, но и сумел увидеть различия между ними и в синхронном плане. Ср. примеры из “Сокровенного сказания монголов”: *dolo 'an kö 'ud* “семь юношей”, *tabun quru 'ut* “пять гурутов” [52-53, § 19], *dalan turqa 'ut* “семь тургаутов” [§ 191], *tede derben nodais ket tede* “те четыре нодаса и несколько” [§ 195], где перед маркированной основой имени стоит слово-конкретизатор.

В приведенных примерах В.Л. Котвич противоречит себе и тем самым отрицает свою концепцию. Но материалы текста, в большом объеме представленные этим ученым, говорят о том, что маркированная основа имени никак не может быть связана со словом-конкретизатором. В частности, если при основе есть конкретизатор, лексически указывающий на множественность, то показатель множественности при определяемом, как правило, отсутствует, что признается многими языковедами и подтверждается материалами В.Л. Котвича из ССМ: *yisun qonoq* букв. “девять день”, *γurban soni γurban udur* букв. “три ночь, три день” [§ 192], *tabin haran* “пятьдесят – в рабство”, *harban haran-i* “десять убили” [§ 136], *uguleksen ug mini* букв. “произнесенный слово мой” [§ 201]. Каких-либо закономерностей относительно употребления основы имени В.Л. Котвичем не выявлено.

Обращаясь к фактам, прежде всего постараемся выяснить характер отношения числительное-существительное. Все числительные в зависимости от соотношенности с соответствующей грамматической категорией ведут себя в речи и в языке по-разному. С точки зрения формальной грамматики, слово, обозначающее число, является определением, а слово, обозначающее предметы, выступает как определяемое. Монгольские языки не выработали специального синтаксического отношения между числительными и суще-

ствительными. Отношение между этими словами, по содержанию представляющее собой пояснение, характеристику существительного с точки зрения количества обозначаемых им предметов, выражается в рамках атрибутивного синтаксического отношения, причем так, что формально определением является числительное. Это возможно благодаря тому, что числительное в монгольских языках способно, обозначая количество, уподобляться существительному, которое и может быть стержневым словом атрибутивного словосочетания – определением. Использование числительных с существительными подчиняется как бы естественному расположению слов: сначала говорится, сколько предметов (“предмет” имплицитно подразумевается в просубстантивно употребляемом числительном), а затем сообщается, каких предметов (дней, ночей, слов) столько-то имеется.

Таким образом, В.Л. Котвич в вышеназванной работе давал в общем реальную по содержанию и функции оценку монгольской основе имени, допуская самостоятельно функционировать в качестве слова. В то же время он не внес ясности относительно функционирования основы имени, что лишает ее всякой логической основы и последовательности. Столь пристальное внимание к труду В.Л. Котвича подтверждает, что в трактовке монгольской основы имени и способах выражения существуют противоречия, вызванные делением формы числа на единственное и множественное, навязанное русским языкознанием.

В своей работе, посвященной алтайским языкам, Г.И. Рамstedт писал: “Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа при условии, что на множественное лицо указывали числительные или какой-либо иной показатель множественности там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп” [Рамstedт 1957, с.57]. Вместе с тем он выделяет и некоторые показатели множественности, например, аффикс *-уд*, который, как ему казалось, по своему происхождению представляет соединение показателя собирательности *-д* с соединительной гласной. Примеры: *bicik* “письмо” – *bicigid* “письма”, *ger* “дом” – *gerud* “дома”. В современных монгольских языках фонетический вариант аффикса *-уд/-үд* – аффикс *-ууд/-үүд* (в классическом языке *-нууд/-нугуд*), который наращивается к основе с неустойчивым *-н*. В ходе исторического развития гласная *-у* становится, как и в падежных аффиксах, долгой, в результате чего появляется *-н*. В другой своей работе Г. Рамstedт пишет: “Точно также существует ныне большое разнообразие окончаний множественного числа в монгольском, они возникли здесь по аналогии с простейшими окончаниями, либо путем редупликации их, примерами такого типа окончания могут служить *-д, -уд, -с, -үд, -нар, -нүд, -нар*” [Рамstedт 1903, с.58]. Для иллюстрации приведем следующие примеры:

монг. *хашаа(н)* + *-ы* → *хашааны*; *үзэг* + *ий* → *үзэгний*,
хашаа(н) + *ууд* → *хашаанууд*; *үзэг* + *үүд* → *үзэгнүүд*.

Так, форма множественности на *-нууд/-нүүд* образовалась в первом случае от основы определенности на *-н* путем наращивания показателя определенности *-уу/-үү*, а затем *-д*. Появление такой осложненной дополнительной формы вызвано необходимостью семантической дифференциации, предусматривающей более точную детализацию предметов с точки зрения категории числа и категории определенности-неопределенности. Далее там же *-нар* обозначает в монгольском языке группу или класс лиц. При перечислении имен, даже и в новомонгольском, зачастую к последнему из них присоединяется *-нар/-нэр* в значении “все вместе взятые” [Рамстедт 1903, с.58].

Если же речь идет об одушевленных существах, то такую множественность нельзя будет отнести к дискретной множественности, например, *Сухбаатар нар өчигдөр хурал дээр ирэв* “Во главе с Сухэ-Батором пришли вчера на собрание”. Как уже упоминалось в работах по монголоведению, аффикс *-нар* в монгольских языках выражает групповую множественность и образует форму множественного числа в большей части от терминов родства и имен, обозначающих профессию [Тодаева 1951, с.52]. Примеры: монг. *эгч* “сестра” – *эгч нар* “сестры”, *багш* “учитель” – *багш нар* “учителя”.

В тюркологической литературе высказывалось мнение о том, что *-нар/-нэр* в тюркских и монгольских языках, первоначально и, как пишет Дж. Киекбаев, “... очевидно, имело значение двойственного числа, на что указывают факты хантыйского языка и его диалектов, в которых аффиксы *-н*, *-ын*, *-нын* (из *-н-ы-н*) выступают как показатели двойственного числа, в формах принадлежности и спряжения глаголов” [Киекбаев, с.173]. В отношении маркированной основы с показателем множественности монгольские языки Китая и их диалекты имеют свои особенности. В этом смысле они занимают среднее положение между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими, с другой.

Н.Н. Поппе в общем повторяет то, что было написано другими и ничего нового в отношении категории числа не выявляет. Он считает *-н* аффиксом множественного числа, что с точки зрения раннего и современного монгольского языка является малоубедительным. Но как же быть в таком случае с фактом исчезновения конечных *-н*, *-р*, *-л* при образовании множественности, характерной для всех монгольских языков и большинства диалектов? Мы не можем разделить точку зрения Н.Н. Поппе относительно слов типа монг. *элчин*, *хөдөлмөрчин*, *үйлдвэрчин*, *морьтон*, *хүчтэн*, которые якобы используются в значении множественности. В современном монгольском языке [Галсан 1975, с.132; Кузьменков 1980] новые лексемы получили свое морфологическое оформление через *-н*, который является дифференциальным признаком категории определенности. Вышеназванные и им подобные сло-

ва как и большинство имен, индифферентных к числу имеют значение как единственного числа, так и неопределенной множественности. Ср. *хүчтэн* “силач”, но *хүчтэн цугласан газар* “земля, где собрались силачи”; *морьтон* “верховой, конный”, но *морьтон цугласан газар* “земля, где собрались верховые”; *үйлдвэрчин* “профсоюз”, но *үйлдвэрчин газар* “комитет профсоюза”.

Несколько иначе, более своеобразно, трактовал категорию числа Г.Д. Санжеев. Это мы видим уже в его “Сравнительной грамматике монгольских языков”, в которой он дает обзор и классификацию показателей множественности, засвидетельствованных в грамматиках монгольских языков в составе грамматических форм и слов. При этом он поясняет: “В монгольских языках наиболее распространенным средством выражения категории множественного числа и множественности являются специальные суффиксы, употребление которых регулируется главным образом характером конечных звуков основы единственного числа” [1953, с.127]. Вместе с тем при выделении значений множественности Г.Д. Санжеевым была сформулирована мысль об индифферентности основы имени монгольских языков к числу, которая в последующем нашла отражение в работах монголоведов более позднего времени [Цыдендамбаев 1979, с.25].

Существенно то, что мысль об индифферентности к числу сопровождается кратким, но теоретически важным замечанием о том, что “единственное число” в монгольских языках “особых суффиксов не имеет”. Иными словами, это число имеет “нулевой показатель” [Санжеев 1953, с.127].

Таким образом, основа имени должна определяться не через посредство единицы другого уровня, а исходя из своего морфологического состояния. Однако Г.Д. Санжеев при всем том не освободился от привычного отношения к форме единственного числа (здесь подразумевается основа – *С.Т.*) как к форме с первостепенным значением.

Согласно Г.Д. Санжееву, основу имени, видимо, надо рассматривать как основу с нулевым показателем. Исходя из этого, морфологическая природа немаркированной основы имени должна быть рассмотрена в ее отношении к основе с нулевым показателем, то есть при показе различий немаркированной основы от основы с нулевым показателем, как в русском языке. Теоретическое разграничение этих основ необходимо по той причине, что их внешняя схожесть, которая состоит в отсутствии материально выраженного показателя, будет вести к путанице этих основ, если немаркированная основа имени будет приниматься за основу с нулевым показателем. В чем же сложность и нерешенность, на наш взгляд, этой проблемы? Прежде всего постараемся понять, что из себя представляет основа имени.

Как известно, монгольская немаркированная основа имени может широко употребляться при обозначении и одного предмета, и разных множеств предметов, причем гораздо шире, чем русское имя существительное

в форме единственного числа в значении множественного. Примеры: *народ, толпа, листва, молодежь* и другие – факт объективный и хорошо известный в русском языкознании. И здесь, конечно, различие между русским и монгольскими языками проявляется достаточно четко. Вопрос, однако, в том, как оценить основу имени без каких-либо специфических показателей, можно ли считать основу, не содержащей в себе какого-либо значения, самостоятельным словом? Вероятно, оценку основе имени можно дать с учетом: 1) отказа от понятия абсолютной противопоставленности форм, как якобы необходимого условия признания формы без показателя, то есть нулевой формы, что характерно для русского языка и допущения частичного противопоставления как условия признания основы без показателя нулевой основой; 2) признания безаффиксальной формы (основы) не только нулевой формой, но и абсолютной формой. Частичная противопоставленность, а также понятие абсолютной формы вытекает из материалов монгольских языков (да и не только этих языков). Если основа имени с показателем множественности, то она обязательно выражает множественность, но основа имени имеет значение как множественности, так и единичности.

Таким образом, основа имени в монгольских языках есть единственное средство для обозначения единичности предмета. Не значит ли это, что отсутствие показателя все же значимо именно в том случае, если только соответствующая основа, не имея показателя, может обозначать единичность предмета? Основа имени без формального показателя множественности также есть единственное средство выражения абстрактной множественности. Но это может означать, что именно за счет отсутствия формального показателя может быть выражена идея абстрактной множественности. Почему бы тогда не считать в этом случае отсутствие показателя средством выражения соответствующего значения? Противопоставление форм единственного и множественного числа, например, в русском языке тоже могут вызвать сомнения: имена существительные в форме единственного числа могут употребляться в значении множественного числа. В тех случаях, когда основа имени без показателя числа довольно широко употребляется для передачи значения множественности, основу имени можно определить как абсолютную форму. Проиллюстрируем это примерами. Немаркированная основа имени одновременно обозначает неопределенную единичность или множественность, например, монг. *хонь хариулав* “Пас овец”, *үстэй дээл өмсөв* “Надел дэли на меху”; *будаатай хоол идэв* “Ел суп с рисом”, а фраза *Бид гараа угаав* “Помыли руки” обозначает определенную единичность или множественность в зависимости от ситуации. Единственным средством выражения единичности в монгольских языках является немаркированная основа как соответствующая языковая реальность. Действительно, грамматическое значение формы единственного числа определяется отрицательно через отношение к форме множественного числа.

Таким образом, противопоставление основы имени с собственным значением единичности-множественности и основы с показателем множественности, по сути, является компромиссным решением проблемы. Но в этом случае категория числа утрачивает грамматические характеристики и становится скорее понятийно-логической, как в концепции О. Есперсена: единственное и множественное числа различаются как синтаксические, соответствующие логическим различиям между понятиями “один” или “более чем один”. Различие заключается в том, что формы числа в ряде случаев могут не выражать соответствующие им количественные значения, поэтому для обозначения категории числа мы будем пользоваться понятиями “единичность” и “множественность”.

Если в русском языке противопоставление единственного и множественного числа осуществляется посредством двух частных парадигм склонения (падежных форм единственного и множественного числа), внутри которых одноименные падежи имеют различные флексии, то в монгольских языках такое противопоставление определяется семантикой слова и характеризуется своеобразными семантико-грамматическими особенностями. А лексема, обозначающая лицо или предмет, в своей исходной, первоначальной основе выражает всю совокупность соответствующих лексических единиц и восходит к понятию целой категории количественно не подсчитанных вещей.

Понятие нулевого показателя достаточно хорошо разработано в общем языкознании [Фортунатов 1884-1885, с.47-48; Бодуэн де Куртене 1963, с. 282-283; Балли 1955, с.177-181; Тураева, Биренбаум 1983, с.52]. Оно состоит в том, что нулевой показатель выполняет определенную грамматическую функцию, не имея специального (звукового) выражения, а лишь через противопоставление выраженным (положительным) элементом того же ряда [Ахманова 1966, с.272, 334, 493]. Несколько иную точку зрения находим у Ф. де Соссюра: “... в русском языке склоняется *лето, летом, лета, лет*; равным образом *рука*: винит. пад. единств. ч. *руку*, имен. п. множ. ч. *руки*, родит. п. множ. ч. *рук*. Здесь родит. п. множ. ч. (*лет, рук*) имеет показатель нуль. Итак, мы видим, что материальный знак не является необходимым для выражения идеи; язык может довольствоваться противопоставлением чего-либо ничему” [Соссюр 1933, с. 93].

Следует полагать, что основа имени с нулевым показателем находится в определенном парадигматическом ряду и может вступать в оппозицию по нескольким парадигматическим рядам. Нулевой показатель, как правило, выражает определенное грамматическое значение. Например, в русском языке нулевой показатель (нулевая флексия) в парадигме указывает на род, число, падеж, точно также как и материально выраженные показатели в лексемах *дома, домам* обозначают родительный и творительный падежи, а материальная невыраженность лексемы *дом* и составляет для нее маркирован-

ность именительного падежа, точно также как показатели *-а*, *-ом* маркируют основу имени в отношении родительного и творительного падежей. Та же лексема *дом* вступает в оппозицию в другом сопоставлении, например, *дома* (форма множественного числа) и далее *дом* мужского рода, а *книга* – женского рода. Исходя из вышеизложенного, отсутствие материально выраженного показателя как выражение определенного грамматического значения в определенном ряду, вступающих в противопоставление друг с другом, объективно равно грамматическому показателю, поэтому оно квалифицируется как показатель хотя и нулевой, что является особенностью флективных языков. Этого достаточно с точки зрения русского языка, чтобы отказать основе без показателя в статусе “нулевой формы”. Этого достаточно только с точки зрения теории русского языкознания, которая требует наличия взаимно противоположных значений у членов той или иной категории. Но этого недостаточно с точки зрения частных отношений у членов категории. Вот что по этому поводу пишет А.В.Бондарко: “Маркированный член привативной оппозиции выражает, сигнализирует семантический признак *А*. Немаркированный член не сигнализирует этого признака. Немаркированный член противопоставления используется прежде всего для обозначения противоположного признака “не-*А*” – в этом заключается главное, специфическое значение немаркированного члена, но он может использоваться и для имплицитного выражения признака *А*. Иначе говоря, немаркированный член противопоставления не выражает данного признака, но и не исключает его” [Бондарко 1971, с.86]. Для сравнения приведем определение значений единственного и множественного числа имени в русском языке, как находящихся в частных отношениях: “Грамматические значения единственного и множественного числа образуют оппозицию, в которой множественное число, характеризующееся регулярной соотносительностью формально выраженного значения с реальной множественностью ... обладает большей семантической определенностью, чем единственное число, характеризующееся как соотносительностью с реальной единичностью, так и отсутствием такой соотносительности” [Грамматика современного русского литературного языка 1980, с.322-323]. Наряду с этим существует другая оформленность основы имени, присущая, в частности, монгольским языкам, в которых отсутствие формально выраженного показателя не является маркером какого-либо грамматического значения ни в плане числа, падежа или определенности.

Говоря другими словами, основа имени является индифферентной не только к категории числа, но и вообще к другим грамматическим категориям. Исходя из этого мы принимаем для этой основы имени в монгольских языках, где таковая имеется, термин “*немаркированная основа имени*”. Опираясь на вышеизложенное, постараемся провести аналогии с внешне схожими именами в монгольском и русском языках.

Как было сказано выше, имя существительное в монгольских языках совпадает с основой, то есть слово-имя, одновременно являясь основой, не может распадаться на формальные и вещественные части.

Таким образом, монгольская основа чисто внешне похожа на русские слова типа *дом, стол*, с одной стороны, на *пальто, кофе*, с другой стороны. Но полностью монгольская основа не похожа на слова *дом, стол* потому что эти слова имеют, во-первых, нулевой показатель рода, числа, падежа, и, во-вторых, имеют падежную парадигму, которые тесно слиты с этими словами, в монгольском слове-основе нет нулевых показателей, а формальные показатели (аффиксы) легко отрываются друг от друга, оставляя основу без каких-либо изменений. На слова типа *такси, пальто, кофе* монгольская основа не похожа, потому что эти русские слова не имеют формальных показателей, а монгольская основа может их иметь, сама структура монгольского слова предопределяет якобы сингулярный характер значения, но с точки зрения русского языка приобретает плюральное значение, как показывают следующие примеры: *одно такси*, но *много такси*, *одно пальто*, но *много пальто*. Эти формы напоминают монгольскую основу. Однако тождества здесь нет.

Монгольские и русские слова имеют расхождение формально-морфологическое: монгольское слово не имеет внешней формы, русское же слово имеет ее, например, *пальто, такси* имеют значение среднего рода, *кофе* – мужского рода; синтаксическое расхождение: в русском языке число узнается по согласованию определяемого с определением и сказуемым, в монгольском языке такого согласования нет. Эта аналогия чисто внешняя, но необходимо помнить, что из-за отсутствия в структуре монгольской основы формальной принадлежности основа-слово здесь не может распадаться на вещественную и формальную часть.

Таким образом, немаркированная основа имени не может входить в парадигматический ряд, но в контексте немаркированная основа может допустить любое грамматическое значение, в чем и сказывается специфика монгольской основы. Идея множественности не может быть передана только формальным показателем (аффиксом). Она может выражаться контекстом или ситуацией.

В монголоведении была проделана значительная работа по изучению категории числа имен, причем исследователи монгольских языков занимались в основном выявлением значений показателей множественного числа и практически не обращали внимания на единственное число. По иному пути пошел Ц.Б. Цыдендамбаев, который, рассмотрев употребление форм множественного числа бурятских имен, пришел к выводу, что они образуются на базе основы имени, не имеющей числовой маркировки. Признавая индивидуальность (его термин – *С.Т.*) имени к числу в бурятском языке Ц.Б.

Цыдендамбаев [1979, с.25] тем самым исключает употребление его в форме множественного числа и наличие в бурятском языке категории числа

Действительно, основа имени является морфологически общей для выражения таких понятий, как единичность и множественность, вследствие чего вряд ли может быть оправдано следование монголоведов европейской традиции подразделения имен на формы единственного и множественного числа.

Академик Б. Ринчен неоднократно подвергал критике употребление слов в монгольском языке во множественном числе, например: *Аяганд архинууд хийгээд ширээнүүдий аруудаар суугаа өвгөнүүд, ахнуудад барьж, ерөөлүүдий нь батнууд оршихууд болтугай* букв.: “Наполняя чашами водками, поднося старикам и старшим, сидящими за столами и пусть свершатся их благопожелания” [Дашцэдэн, с.17]. Неоправданное использование аффиксов множественного числа загромождает речь и от этого теряется своеобразие языка. Правильнее было бы сказать: *Аяганд архи хийгээд ширээний ард суугаа өвгөн, ах нарт барьж, ерөөл нь бат орших болтугай*.

Процесс развития языка не зависит от индивидуума. Не обязательно употреблять монг. *тэмээд* “верблюды” вместо *тэмээ* “верблюды вообще”, *нохос* “собаки” вместо *нохой* “собака вообще”, *толгод* “головы” вместо *толгой* “голова вообще”, что доказано материалами письменного и разговорного языков.

Б. Ринчен выделяет существительные, имеющие родственные показатели множественного числа в группу аффиксов типа “*хэсэг тоо*” (отдельное число).

Категория числа и классификация аффиксов множественности развернуто представлена в трудах другого монгольского ученого академика Ш. Лувсанвандана в “Белой книге”, “Грамматике современного монгольского языка”, в монографии “Структура современного монгольского языка” и отдельной статье, посвященной “Аффиксам и словам монгольского языка”. Ш. Лувсанвандан выделяет следующие способы выражения множественности: 1) при помощи слов – конкретизаторов; 2) присоединением к имени специальных аффиксов. Аффиксы множественного числа в монгольском языке не указывают на отношение между словами в предложении и являются не словоизменяющей, а формообразующей категорией. Некоторые аффиксы множественного числа монгольского языка, по мнению Ш. Лувсанвандана, можно присоединять к разным частям речи, тем самым образуя имена, указывающие на пространственные, временные и другие отношения. Его примеры: *наад* “здесь”, *цаад* “там”, *хойт* “на той стороне”, *урд* “впереди”, *наадуул* (*наад* + *уул* мн.ч.) “находящийся здесь поближе”, *цаадуул* (*цаад* + *уул*) “находящийся там подальше”. Ср. *Наад дэвтэрээ аваад өг* “Дайте мне эту тетрадь”, *Наадуулаа дагуулаад яв* “Возьмите их с собой”, *Наадуулаа*

хүүхдүүдээ чимээгүй бай гэж хэл “Скажи им (детям), чтобы они не шумели”; *Хойдуултай маргааш уулзая* “Давай зайдём к ним завтра”, *Урдуулуруу маргааш очье* “Давайте зайдём к ним завтра”. С помощью аффикса -ууд образуются качественные имена и, как пишет Ш. Лувсанвандан, при этом происходит абстрагирование принадлежности людей через цвета, например, *харууд* “чёрные”, *цагаанууд* “белые”, *ихүүд* “большие, светские”, *багууд* “простые, миряне”. Особого внимания заслуживают формы множественности, в которых отклонение от нормы заключается лишь в изменении гласной в основе. Такова форма множественности, например, калм. *баячууд*, *баяд* “богачи” при основе *байн* “богатый”. Сюда же можно отнести и *ноячууд*, *ноёд* “нойоны” при основе *нойн* “нойон”, образованные путем присоединения аффикса -д к корню *бая-*, *ноё-*, напоминающие внутреннюю флексию в индоевропейских языках.

В “Грамматике современного монгольского языка” Ш. Лувсанвандан на стр.125 приводит примеры: *нохой* – *нохойнууд* “собака – собаки”, *толгой* – *толгойнууд* “голова – головы”, *мод* (*модон*) – *моднууд* “дерево – деревья”, *тэмээ* (*тэмээн*) – *тэмээнүүд* “верблюд – верблюды”, *хонь* (*хонин*) – *хонинууд* “овца – овцы”, *ямаа* (*ямаан*) – *ямаанууд* “коза – козы”, *чулуу* (*чулуун*) – *чулуунууд* “камень – камни”, которые не должны употребляться по традиции классического письма как *ноход*, *нохос* “собаки”, *толгод* “голова”, *модод* “деревья”, *тэмээд* “верблюды”, *хонид* “овцы”, *ямаад* “козы”, *чулууд* “камни”. Ш. Лувсанвандан считает при этом, что в современном языке чаще используется форма *моднууд*, которая образована от *мод+нууд*, а не от *модон+ууд* [Санжеев 1953, с.130].

Попытки по-новому представить категорию числа в грамматической системе языка, учитывая их соотнесенность с другими грамматическими категориями, наблюдаются в последние годы и в общем языкознании, в частности, в русистике. Семантическая неоднородность категории числа может быть описана в рамках строго функционального подхода: категория числа есть функциональная система, в которой основные значения единичности и множественности логически соотносятся с более широким кругом значений, передаваемыми одновременно с другими категориями.

В плане числа немаркированная основа имени может выражать любое число в контексте, ср., например, калм. *Мини ард күн бээнэ* “За мной стоит человек”. Здесь сама ситуация указывает, что речь идет об одном предмете (человек). Обозначение одного предмета может быть обусловлено указательным местоимением, например, калм. *Эн дегтр энд* “Эта книга здесь”.

С нашей точки зрения, несмотря на то, что мы исходим из факта индифферентности немаркированной основы имени к числу, категория числа при всем при том присутствует в монгольских языках. По этой самой причине нельзя отрицать того факта, что в монгольских языках наличествует

способ выражения единственного числа грамматикализованным показателем “один”, который вступает в оппозицию по числу.

Вопрос о категории числа продолжает оставаться одним из актуальных вопросов теоретической грамматики монгольских языков, о чем свидетельствуют работы, появившиеся в последние годы. Анализ существующих работ показывает, что общим для них является положение, согласно которому эта категория представлена формой множественного числа, образующейся с помощью формальных показателей *-с*, *-үд/-үд*, *-нүд/-нүд*, *-нар* и т.п., и противопоставляемой ей основой без этих показателей, которая рассматривается как форма единственного числа. Далее детально описываются значения каждого показателя. Одним словом, исследователи монгольских языков практически занимались выявлением показателей множественного числа и меньше всего обращали внимание на единственное число.

Признание основы без показателя формой единственного числа и наличия взаимной противопоставленности форм, а также утверждение, что основа без показателей имеет форму единственного числа, принимается в работах без аргументации и предстает как аксиома, имеющая силу относительно монгольских языков. Основа без показателей может обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, что оправдывается своеобразием семантики данной основы. Следует полагать, что такая трактовка недостаточна для снятия указанного противоречия.

Характерной особенностью монгольских языков является то, что основа имени без показателя способна соотноситься как с одним, так и с множеством предметов, то, вероятно, такую основу нельзя якобы считать формой единственного числа. Но в то же время эта ее способность не дает основания приписывать ей значение особого, неопределенного числа. Основа имени вообще индифферентна к количеству передаваемых предметов и едва ли является одной из форм категории числа, но все это противоречит установленным в монголоведении представлениям. Обнаружение противоречия между сложившимися точками зрения и исследуемым материалом является предпосылкой для дальнейшего познания предмета. Имеющиеся в монгольских и других языках работы о числе, как нам кажется, являются основанием для осмысления категории числа по-новому.

Противопоставление единичности-множественности для многих языков становится одним из основных критериев в формировании семантической характеристики категории грамматического числа, но такое противопоставление осложняется дополнительными семантическими признаками. К таким дополнительным признакам, как считает А.А. Холодович [1946, с. 16-18], относятся противопоставление конечного (завершенного) – бесконечного (незавершенного), непрерывно-конкретного – дискретного, однородного – неоднородного и тому подобное.

Так, надо полагать, противопоставление конкретно-непрерывного дискретному в монгольских языках играет существенную роль в семантической характеристике категории числа. Такое противопоставление может приобрести оттенок противопоставления определенного неопределенному. В монгольском языке в категории числа противопоставляется признак выраженной расчлененности типа *мал* “скот”, *хонь(ин)* “овца, овцы”, *мод(он)* “дерево, деревья”, *шувуу(н)* “птица, птицы” признаку невыраженной расчлененности. Учитывая семантическую характеристику слова, можно раскрыть соотношение противопоставления единичности и множественности. Расчлененная основа *хонь* представляет собой как единичный предмет, так и множество предметов.

С семантической категорией количества непосредственно связана, возникшая в человеческом сознании, семантика числа, отражающаяся в названиях чисел. Семантика арифметического числа рассматривается как абстрагированная разновидность семантики количества. Языковым средством передачи семантики числа являются количественные числительные. Вопрос о числе встает в том случае, когда та или иная вещь подразумевается в сознании человека:

Соотношение между названием и самим предметом меняется. Сначала идет осознание (предмет → сознание → язык). Если человек не знает, о чем идет речь, тогда невозможно говорить о числе. В монгольских языках это можно увидеть на соотношении определяемого с определяемым или между реальными предметами и названием этого предмета. См. монг. *үзэг* “ручка” → *нэг үзэг* “одна ручка” → *хоёр үзэг* “две ручки” → *үзэгнүүд* “много ручек”, что является важным условием в становлении семантической характеристики грамматического числа.

Если из контекста или речевой ситуации известно, что речь идет о каком-то множестве предметов, то это множество не получает никакого формального показателя, например, монг. *Нэг үстэй дээл* “Один теплый халат” (букв.: “Халат с одной ворсинкой”), *үстэй нэг дээл* “Один теплый халат”;

Шар шүдний шойз “Желтая щетка для зубов” (букв. “щетка для желтых зубов”). В этих фразах количественная характеристика предметов, обозначаемых немаркированной основой имени, совершенно очевидна, однако основа в первой фразе соотносится с неопределенным множеством предметов, а второй – с единичным предметом. Следует подчеркнуть, что основы в этих фразах конкретизированы лексемами *шар* “желтая” *нэг* “один” и тем не менее без показателей множественности они индифферентны к количеству обозначаемых предметов, но не отождествляются со своим прямым значением. Термин “нэг” может менять свой грамматический статус: выступать как подлежащее, определение или обстоятельство. В подобных примерах количественная характеристика выводится не из основы имени с конкретизатором, а из речевой ситуации.

Маркированная основа обычно указывает на расчлененное множество. Благодаря маркеру на передний план выступает значение ряда отдельных единиц, в связи с чем маркированная основа имени имеет более определенное значение, чем немаркированная основа. С таким распределением значений между маркированной и немаркированной основами связано употребление числовых форм, отличное от аналогичных форм русского языка. Так, например, русской фразе “Я в лесу видел белок и зверей” в монгольском языке соответствует сразу три значения: 1. *Ойд янз бүрийн хэрэм үзэв* “В лесу видел каких-то белок” (разного рода) – коллективная неопределенность; 2) *Ойд нэг хэрэм үзэв* “В лесу живут какие-то белки” (одного рода) – коллективная неоднородность; 3) *Ойд энэ хэрэм байдаг* “В лесу живут эти белки”. Исходя из того, что было сказано выше, вторая и первая фразы различаются как коллективная неопределенность однородной категории и как коллективная неопределенность разнородных категорий. Здесь четко прослеживается грань между нерасчлененным во второй фразе и расчлененными множествами в первой фразе при их одинаковом отношении к категории определенности-неопределенности, то есть вхождения в ситуацию неопределенной среды. Тем самым в монгольских языках граница между маркированной и немаркированной основами проходит не там, где в русском: слова с лексической семантикой единичных считааемых предметов, выраженной немаркированной основой в монгольских языках обозначают и единичный предмет, и предметное понятие. Об этом говорит способ связи категории единичности взаимосвязанной с оппозитивно противостоящей ей категорией множественности и с категориями определенности-неопределенности, исчисляемости-неисчисляемости, дискретности-недискретности.

Как известно, обсуждаемое нами число, в грамматике являет собой несколько типов числа, во-первых, соответствие между числом субъектов действия и самими действиями, во-вторых, соответствие количества явлений действительности и числом имен, в-третьих, соответствие между числом

определения и определяемого. Число выражает количественные характеристики предметов мысли, на основе которого выявляется противопоставление определенного и неопределенного числа, а также единичности, множественности и двойственности предметов мысли, наиболее распространенные в языках. Категория грамматического числа, наряду с единственным и множественным числами, имеет еще и двойственное (а изредка и тройственное, и даже четверное) число.

Следует обратить внимание на отсутствие согласования в числе между словами или словосочетаниями, обозначающими субъект, и предикатом. Так, в монгольских языках употребление предиката в единственном числе при субъекте, выраженном формой множественного числа или сочетанием, указывающим на множественность, свидетельствует о том, что множественность субъекта мыслится как обобщенная, собирательная, расчлененная, например, монг. *Олон хүн ирж* “Много людей пришло” (букв. “пришел”); *Хүн явна* “Люди идут” (букв. “идет”); *Өндөр дөнж дээр сүүний тасгийн хэдэн цагаан гэр харагдана* “На высоком холму виднеются (букв. “виднеется”) фермерские белые юрты”; *Энэ жил бороо хуртай сайхан зун болсон тул арвин өвс ногоо ургажээ* “В этом году было прекрасное дождливое лето, хорошо вошла пшеница, трава”. В монгольских языках здесь выявляется действие имен с лексической семантикой названия животных, предметов, ряда понятий, явлений при обозначении ими общего или расчлененного множества в сочетании с другими словами или в форме множественного числа не требуют постановки во множественном числе предиката, что еще раз доказывает отражение психологии монгола. Ср. монг. *Манай чуулгын дуучид монгол ардын дуу дуулж байна* “Певцы нашего ансамбля поют (букв. “поет”) монгольскую народную песню”. По-видимому, такое явление связано с осознанием множества не-лиц (даже раздельного) как собирательного, совокупного. Так, например, употребление предиката-глагола может не оформляться аффиксом множественности даже в том случае, когда субъект стоит в форме множественного числа или сочетанием, указывающим на множественность, свидетельствует о том, что множественность субъектов мыслится как обобщенная, собирательная и, возможно, нерасчлененная или наоборот, например, монг. *Та нар хоолоо идээрэй* “Вы ешьте”; *Та бүхэн сайн ирэв үү?* “Вы все хорошо доехали?”

В следующих высказываниях основа имени обозначает расчлененное множество: *Та нар хоол идэцгээгээрэй* “Ешьте пищу”; *Та бүхэн сайн ирцгээв үү?* “Хорошо доехали?” Итак, из вышеприведенных примеров видно, что грамматическая категория числа выводится из речевой ситуации. Но в то же время монгольские языки располагают грамматическими средствами, которые выражают количественные характеристики предметов. Показатели множественности, встречающиеся в разных фонетических вариантах и

известные на протяжении всей доступной изучению истории монгольских языков, представляют собой единственное синтетическое морфологическое средство выражения для высказывания множественности предметов.

В качестве выражения дифференциальной единичности выступает лексема типа монг. *нэг* “один”, грамматикализованный элемент, который еще не получил грамматического статуса в монгольских языках и нуждается в специальном рассмотрении. Выражение категории единичности путем определения основы имени числительным “один” представляет собой явление, характерное агглютинативным языкам. Безусловно, с решением вопроса о статусе лексемы *нэг* “один” связано рассмотрение грамматического выражения количественных характеристик в монгольских языках, также с решением этой проблемы связано признание грамматической категории числа или признание в монгольских языках только показателей множественности. Это должно быть предметом специального рассмотрения на материале каждого конкретного языка.

Существует два варианта, во-первых, лексема *нэг* выступает как специальный грамматический показатель единичности и, во-вторых, лексема *нэг* используется как количественное числительное для лексического выражения количества. Если *нэг* как лексическое средство используется для выражения количественной информации, то показатель множественности будет избыточен. Рассмотрим вопрос о категории числа, исходя из посылки, что *нег* – грамматический показатель единичности, например, монг. *Нэг өвгөн эмгэн хоёр амьдарч байжээ* “Жили-были старик со старухой”.

Академик Б. Ринчен считал, что лексема *нэг* употреблена в значении неопределенного артикля. В результате грамматикализации *нэг* теряет собственное значение и превращается в проклитику. С. Галсан пишет: “Трудно представить также, чтобы исторически монгольскому языку было чуждо понятие множественности” [Галсан, с. 129]. Его примеры: *Уулаар нэг хонь* “По горам одни овцы”; *Талаар нэг адуу* “По степи одни табуны”. В этих фразах лексема “нэг” употреблена в значении множественности, то есть это не значит, что в горах пасется один баран, а в степи – одна лошадь. Вместе с этим С. Галсан считает, что в монгольском языке существует очень своеобразная категория множественности, употребляющаяся на разных уровнях языка. Подтверждением чему служит лексема *нэг*, выражающая значение единичности и неопределенности во втором случае, а в первом значение единичного предмета и определенности.

Короче говоря, показатели единичности и множественности составляют функциональный ряд морфологических средств, объединяемый их семантической соотносимостью, благодаря такой функционально-семантической общности можно разграничить значения единичности у *нэг* “один” и у показателей множественности. Если исключить *нэг* из средств выражения еди-

ничности, то получается, что показатели множественности являются единственными формальными показателями, использующимися для выражения количества предметов, а другие средства – не грамматичны. Как известно, в общем языкознании понятие категории предполагает наличие минимум двух членов, составляющих ряд, то у нас не будет оснований говорить о грамматической категории числа. Можно лишь говорить о категории множественности. Как было сказано ранее, основа имени индифферентна к числу обозначаемых предметов. Множество, как правило, передается специальными показателями, а единичность, как и другие конкретные предметы, – лексическим способом, то есть с помощью числительного.

Такое положение характерно для агглютинирующих и изолирующих языков, например, в китайском [Солнцев, Коротков]. Исходя из того, что мы признаем лексему *нэг* в качестве грамматического показателя единичности, то придем к выводу, что в монгольских языках категория числа представлена функциональным рядом, с одной стороны, типа монг. *нэг*, а с другой – показателями множественности. Если признаем, что показатели множественности являются единственным средством выражения количества предметов, то будем говорить только о категории множественности.

Следует полагать, что оба вывода были характерны для разных этапов развития монгольских языков. Вполне возможно, что на ранних этапах развития этих языков была характерна категория множественности, которая на более поздних этапах развития языков стала коррелировать с грамматикализованной лексемой *нэг*. С грамматикализацией *нэг* могло быть связано становление семантической оппозиции “единичность-множественность” в условиях наличия морфологического способа выражения множественности и индифферентности основы к количественной характеристике предметов.

Кроме того, для халха-монгольского языка характерно выражение категории числа, в частности неопределенной множественности, удвоением основы. При этом происходит удвоение вопросительных слов в вопросительных предложениях, например: *Хэн хэн ирэв?* букв. “Кто пришли?”, *Тэнд юу юу байна вэ?* “Там что находится?” (о многих предметах). Кроме того, множественность выражается определением в форме удвоенной основы, например: *Тэнд ямар ямар ном байна вэ?* “Какие там книги?”; *Шинэ шинэ байшин баригдав* “построены новые дома”.

Изложенная интерпретация средств выражения категории числа представляет собой попытку вскрыть важнейшие и специфические свойства языковых средств выражения, вытекающих из особенностей строя монгольских языков как языков агглютинирующих. Описанные средства выражения определяются тем, насколько тот или иной язык сохраняет исконно монгольские черты своей грамматики, прежде всего в аспекте грамматическом.

1.4.2. Типы множественности в монгольских языках

Несомненно, немало находок и интересных наблюдений нам удалось сделать и в тех немногочисленных работах, авторы которых создавали разного рода логические схемы количественности, накладывая их затем на языковую действительность. Каждая такая схема являлась потенциальным эталоном для сравнения языков. Но при этом неизбежно упускались из виду те вечно остающиеся актуальными истины, о которых мы не раз упоминали в нашей работе – не навязывать языку чужие классификации, а выявлять те категории, которые присущи данной языковой системе.

Ярким образцом логической классификации является конструктивная попытка А.А. Холодовича создать общую теория множества в языке. Им дедуктивно выделено двенадцать типов множества, сведенные в шесть анти-тез: 1) определенное-неопределенное множество, где первое – конечно типа *горошины – горох*; 2) множество предметов – множество предметное, где второе – множество одинаковых частей, создающих один предмет типа *руки – грабли*; 3) множество конкретное, то есть сплошное, – дискретное типа япон. *хитобито* “люди”, ср. *каждый человек*; 4) множество однородное-неоднородное типа *поля – лес и вода*; 5) множество арифметическое как сумма слагаемых – алгебраическое как совокупность типа *земляника – лыжи*; 6) множество тотальное, охватывающее определенную часть совокупности типа *столы – три стола* [Холодович 1946, с.15-36]. В целом эти типы находят выражение в языках, хотя некоторые детали логической схемы приходят в противоречие с языковым материалом. Так, в четвертой позиции указан промежуточный член – родо-видовое множество. Но если остальные виды множеств могут реализоваться в речи, то данное множество существует лишь в парадигматических ассоциациях языкового сознания, но не запрещено в речи типа *деревья и сосны*. Кроме того, само понятие множества здесь несколько противоречиво и не перекрывает все случаи количественности в языке. А.А. Холодович отмечает наличие и “надязыковых множеств”, являющихся предметом рассмотрения математики: пустого множества, не имеющего членов, и множества из одного элемента. По-видимому, А.А. Холодович имеет в виду скорее различные типы множественности, чем собственно множества, как они понимаются в математике и логике.

Различные типы значений множественности и форм его выражения наиболее детально разработаны в сфере основы имени с изучением категории числа, во-первых, и особенностями отражения языком соотношений между реальным количеством предметов в окружающем нас мире и их количественной интерпретации в языковых формах, во-вторых.

Теоретическое осмысление названных проблем предложено А.А.Холодовичем: категория множества (его *термин*) интерпретируется как

особая категория, имеющая содержательную функцию, и взаимодействующая с понятием множества и единичности и различает несколько типов противопоставлений. Термин “множество” А.А. Холодович употребляет в двух значениях, во-первых, как значение множественности и, во-вторых, как значение единичности. Им предлагается классификация значений множеств, коррелирующих с единичными предметами, например, “дискретное множество представляет собой множество слагаемых, оно может быть тотальным, партитивным; собирательное – это сумма без указания на слагаемые, оно может быть либо конечным, либо бесконечным [Холодович 1946] в оппозиции с единичными предметами по различным признакам. Наиболее важными представляются типы, состоящие из однородных и неоднородных множеств. Для нас наиболее важными является однородное множество, к которому относятся дискретные и собирательные множества.

Собирательное множество представляет собой сращенное, непрерывное единство, допускающее лишь зрительное вычленение составляющих его частей, счет которых в рамках данного типа невозможен. Тип этого значения передается в монгольских языках лексическими средствами, основой, а в русском языке – лексико-грамматическими средствами, передающих как переход от значения дискретной единичности к собирательному множеству. Примеры из русского языка: *береза – березняк, тряпка – тряпье* и наоборот, *горох – горошина, песок – песчинка*.

Дискретное множество отражает прерывную, точечную сумму единиц, обладающих приблизительным, общим и фиксированным счетом. Примеры: *руки, столы, все столы, много (мало), несколько рук, столов; два, три стала*. В большинстве языков важным способом передачи этого значения является категория числа. В тех языках, где категория числа не представлена, имеются специальные лексические или лексико-грамматические средства, например, в китайском языке это счетные слова.

Специфика указанных типов множеств связана со следующими признаками: 1) какой объект принимается за единичный; 2) на каком языковом уровне и какими языковыми средствами выражается противопоставление значений единичности и множества; 3) возникают ли дополнительные значения при выражении противопоставления единичности и множественности; 4) какова степень лексической и грамматической автономности субкатегории; 5) представляют ли они собой оппозицию форм одного слова или это независимые слова. Рассмотрим эти признаки для каждого типа основ имени в монгольских языках.

Как было замечено выше, в монгольских языках за форму единственного числа принимается основа имени, которая может соотноситься с реальной единичностью и множественностью. Поэтому, установив основу имени, необходимо выяснить, почему данная основа имени является основой. С

другой стороны, основа тяготеет к множественности наименования целого ряда единств, то есть происходит определенная связь с множественностью при выражении через понятие обо всем классе, ощущаемая в обобщенно-собирательном значении форм единичности. Так, например, типа калм. *борцг* "жареное тесто", *тамкн* "табак" имели значение как единичности, так и собирательности. Это явление общемонгольское, в языках с синкретическими основами, реализующееся с участием основы, где собирательность вступала в противоречие с основой имени, специальных формантов для обозначения единичности в монгольских языках нет, кроме суфигированного *-н*, на который оканчивается группа имен существительных в форме первой или полной основы. Также хотелось отметить еще одно переходное явление между единичностью и множественностью – указание в основе на общность предметов, наличных у многих предметов типа калм. *Толһаһан өргв* "Они подняли голову".

В то же время монгольские языки выработали способы маркировки единичности, если этого требует ситуация. Так, помимо лексем, называющих предметы, существующие в единственном числе, как например, монг. *нар* "солнце", *сар* "луна", *дэлхий* "мир, вселенная", *сансар* "космос", *Цолмон* "Венера" и т.п., существует возможность указать на один предмет из неопределенного количества путем присоединения к основе числительного *нэг(эн)* "один" или слова *ганц*, *ганцхан* "единственный", например, монг. *нэг ном* "одна книга", *ганц ном*, *ганцахан ном* "единственная книга".

Итак, противоречие между основой имени и семантикой в интересующем нас случае с точки зрения А. Потебни не лишено интереса, "что между *лист* (*лист сухой валится осенью*), *листья*, *листья*", во множественном числе *листья*, разница в образе, то есть в исходной точке и способе, каким получается значение множественности..." [Потебня, с.28]. Множественность противопоставляется единичности и по своему составу, и по своей структуре является многообразной. Для этого следует выделить основные структурные типы множественности вне формы выражения без формальных показателей и выяснить основную проблему, которая возникает в связи с этим. На основе анализа собранного нами материала мы выделяем в монгольских языках следующие типы множественности.

Парность, которая связана с названием основы имени существительного предметов, которые существуют парами, например, монг. *нүд* "глаза", *чих* "уши", *хөмсөг* "брови", *гар* "руки", *хөл* "ноги", *гутал* "сапоги", *бээлий* "рукавицы, варежки" и т.п. эти слова никогда не принимают показателей неопределенной множественности или собирательности, так как уже называют предметы, число которых уже известно точно – их два. Чтобы назвать один предмет из этой пары достаточно дать основе определение в виде слов: монг. *нэг(эн)*, калм. *негн*, бур. *нэгэн* "один", монг. *ганц*, *ганцахан*, калм. *һанц*,

һанцхн, бур. ганса, гансахан “единственный” или монг. өрөөсөн, бур. үрөөлэ (ср. стп.-м. *örügeli id.*).

Множественность определенная, завершенная, тесно связана с категорией определенности, противостоит неопределенной, незавершенной множественности. Тип определенной множественности имеет предел, является конечным рядом, так как соотносится с уже подсчитанным и известным количеством предметов, каждый из которых мыслится как самостоятельный предмет. Предел, граница определенной множественности, его потенциальная исчислимость хорошо ощущается в тех случаях, где имя существительное с предшествующими им в качестве определений с количественными числительными выражают определенную множественность.

Рассматривая количественные отношения, А.Е. Супрун выделяет “представления, связанные с понятием пространства, и представления, связанные с понятием времени” [Супрун, с.164]. Еще раньше И.А. Бодуэн де Куртенэ отметил, что числовая количественность взаимосвязана как с пространством, так и со временем [Бодуэн де Куртенэ 1963, с.313]. Представления, связанные с пространственными отношениями, соотносятся с понятием измерений как длина, ширина, высота, площадь, объем и связаны с количественными числительными. Примеры: калм. *хойр ааһ* “две чашки”, *тавишил* “пять бутылок”, *арви метр* “десять метров”. Нет принципиальной разницы этих измерений с измерением времени. Примеры: *арви минут* “десять минут”, *долан сар* “семь месяцев”, *нег жыл* “один год”.

Числовой определитель, свидетельствуя сам по себе о множестве определяемого, не требует для последнего показателя множественности и самое употребление формы множественного числа замещается синтаксическим способом. Примеры из летописи Лубсан-Данзана: *mingyan turxay* “тысяча турхаков”, *tabun kobegin* “пять мальчиков”, *tere jayun kütün* “те сто человек”, *γurban noyan* “три нойона”, *γurban nutuγ ulus* “народ трех кочевий”, *tabun xatun* “пять ханш”.

В монгольских языках определенный количественный признак имен выражается посредством различных словосочетаний, в которых главную роль играют специальные определительные слова. Имена существительные, находясь в составе сложно-номинативных словосочетаний, могут выражать тип определенной, конкретной множественности: *арви һурви тетрадь* “тринадцать тетрадей”, *хойр көвүн* “два сына”.

Неопределенная множественность связана с категорией неопределенности и представляется в виде количественно неопределенных совокупных предметов и имеет значение неподсчитанного и неизвестного множества предметов без указания на точное количество этих предметов. Основным контекстуально и ситуативно наименее обусловленным значением множественности является выражение неопределенного множества неопределенных предметов, живых существ и так далее.

Значение типа неопределенной множественности не имеет предела, границы, является бесконечным рядом. Тип неопределенной множественности предметов представляет собой соединение однородных предметов, каждый из которых является слагаемым в этом множестве и может противопоставляться дискретной множественности. Для выражения этого типа множественности, неопределенного, нерасчлененного множества предметов, в монгольских языках используются показатели множественности, выражающиеся следующими морфологическими средствами:

-д присоединяется к именам существительным, оканчивающимся на согласные звуки *-н, -р, -л*, которые при присоединении этого аффикса выпадают, поскольку элементы *-н, -р, -л* являются показателями категории определенности и указывают на единичность предмета, поэтому выпадение элементов *-н, -р, -л* при наращении показателя множественности следует считать закономерным: монг. *өвгө(н)* “старик” – *өвгөд* “старики”, *нөхө(р)* “друг” – *нөхөд* “друзья”, *түшимэ(л)* “чиновник” – *түшимэд* “чиновники”, *ажилчи(н)* “рабочий” – *ажилчид* “рабочие”; калм. *көвү(н)* “мальчик” – *көвүд* “мальчики”, *терг(н)* “телега” – *тергд* “телеги”; бур. *хони(н)* “овца” – *хонид* “овцы”, *нүхэ(р)* “друг” – *нүхэд* “друзья”, *мори(н)* “конь” – *морид* “кони”; см. бур. словообразовательный аффикс *-ша(н)*, например, *ажалша(н)* “рабочий” – *ажалшад* “рабочие”;

-нууд/-нүүд присоединяется к именам существительным, оканчивающимся на гласные звуки и дифтонги, например, монг. *ямаа* “коза” – *ямаанууд* “козы”, *хэрээ* “ворона” – *хэрээнүүд* “вороны”, *далай* “море” – *далайнууд* “морья”, бур. *уула* “гора” – *ууланууд* “горы”, также на сонорные согласные *-р, -л* и шипящие *-ч, -ш, -ж* в заимствованных словах типа *гэр* “дом” – *гэрнүүд* “дома”, *врач+нууд* “врачи”;

-ууд/-үүд присоединяется к именам существительным, оканчивающимся на согласные звуки, например, монг. *гэр* “дом” – *гэрүүд* “дома”; *ном* “книга” – *нонууд* “книги”, *арад* “народ” – *арадууд* “народы”;

-уд/-үд: калм. *белг* “подарок” – *белгүд* “подарки”, *гешүн* “член” – *гешүд* “члены”; бур. -ууд/-үүд: *номо* “книга” – *нонууд* “книги”, *түсэб* “план” – *түсэбүд* “планы”, *худаг* “колодец” – *худагүд* “колодцы”;

-чууд/-чүүд присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные, и образуют словоформы с собирательным значением, например, монг. *залуу* “молодой” – *залуучууд* “молодежь”, *бага* “малый” – *багачууд* “дети”;

-муд/-мүд: калм. *гер* “дом” – *гермүд* “дома”, *дегтр* “книга” – *дегтрмүд* “книги”, *дер* “подушка” – *дермүд* “подушки”;

-с: калм. *така* “кура” – *такас* “куры”, *үг* “слово” – *үгс* “слова”, *ноха* “собака” – *нохас* “собаки”;

-гууд/-гүүд присоединяется к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *-н*, например, монг. *ан(г)* “зверь” – *ангууд* “звери”, бур. *дэн(г)* “свеча” – *дэнгүүд* “свечи”;

-гуд/-гүд: калм. булч “угол” – булчгуд “углы”, дүң “итог” – дүңгуд “итоги”.

Кроме этого, в бурятском языке форма коллективной или групповой множественности наряду с показателем множественности *-нар/-нэр/-нор* имеет показатель *-над/-нэд*: *аха* “старший брат” – *аханууд* “старшие братья”, *эгэшэ* “старшая сестра” – *эгэшэнэд*, *эсэгэ* “отец” – *эсэгэнэд* “отец и другие” (репрезентативная множественность).

По сведениям А. Попова [1847], в калмыцком письменном языке показателем множественности является *-т* вместо *-д* в других монгольских языках, например, *модун* “дерево” – *моду(н)+т* “деревья”, *морин* “лошадь” – *мори(н)+т* “лошади”, *эмчи* “лекарь” – *эмчи+т* “лекари”, *нөкөр* “друг” – *нөкө(р)+т* “друзья”.

Следует полагать, что *-т* является более древним показателем множественности по сравнению с *-д*. То же самое можно сказать об элементе *-д*, входящим в состав показателя *-ууд*, *-нууд*, *-чууд*, вариантами которых является *-уут*, *-нуут*, *-чуут*. В ряде монгольских языков от некоторых основ форма множественности нерегулярно образуется и при помощи показателя множественности *-с*, например, калм. *зме* “самка” – *эмес* “самки”, *эре* “самец” – *эрес* “самцы”, *ноха* “собака” – *нохас* “собаки”, *хулһң* “мышь” – *хулһңс* “мыши”; монг. эр “мужчина” – эрс “мужчины”, *нохой* “собака” – *нохос* “собаки”, *хулгана* “мышь” – *хулганас* “мыши”; стп.-м. *пере* “имя” – *перес* “имена”, *аyула* “гора” – *аyулас* “горы”, *yaqai* “свинья” – *yaqas* “свиньи”.

В бурятском языке компонент *-с* в качестве показателя множественности самостоятельно не выступает, но он закономерно перешел в звук *-һ* и в западных бурятских говорах произошло сращение с показателем множественности *-ууд/-үүд* в форме *-һууд/-һүүд*. Примеры: *хонин* “овца” – *хониһууд* “овцы”, *эрэ* “муж” – *эрэһүүд* “мужи”, *шоно* “волк” – *шоноһууд* “волки”, *нохой* “собака” – *нохойһууд* “собаки”.

Приведенная форма множественности, бесспорно, образована от более древней формы множественности типа: *хони-с-ууд* > *хони-һууд*, *эрэ-с-үүд* > *эрэ-һ-үүд*, *шоно-с-ууд* > *шоно-һууд*.

Таким образом, приведенная бурятская форма множественности на *-һууд* развилась из более древней формы этой множественности на *-с*, которая утратила свое значение множественности и стала служить только основой для образования множественности.

То же самое случилось и в восточных бурятских диалектах с показателем множественности *-д*, который также перестал передавать значение множественности, и основа на *-д*, к которой присоединяется показатель *-ууд/-үүд*, служила базой для развития формы множественности. Примеры: *хонин* “овца” – *хони-д* “овцы”.

По мнению М.Н. Орловской, написавшей раздел “Имя существительное” “Грамматики бурятского языка” [1962 г.], согласный звук *-д* в составе аффикса *-дууд* восточных диалектов перешел в проточный звук *-h*, например, *-дууд*, *-huуд*. Однако возведение звука *-h* к звуку *-д* в приведенных примерах вряд ли будет правильным, так как переход общемонгольского *-s* в гортанный спираント *-h* в бурятском языке и его диалектах представлен серийно, тогда как соответствие старого *-с* звуку *-д* в бурятских диалектах встречается только в нескольких словах.

По мнению Г.Д. Санжеева, в бурятских диалектах элемент *-h* в некоторых падежах самостоятельно выступает в качестве показателя множественности, например, *мори-h-ы* “коней”, *шоно-h-ы* “волков”, *хонин* “овца”, род. пад. *хони-h-ой* “овец”.

Структурная модель развития формы множественности в монгольском и бурятском языках, а также в бурятских диалектах не отличается (и не может отличаться) от общей модели. Так, форма множественности на *-ууд/-үүд* образовалась от основы определенности на *-уу/-үү* путем присоединения показателя множественности *-д* (из *-т*). Форма множественности на *-нүүд* образовалась от основы определенности на *-н* и к ней сначала присоединяется показатель определенности *-уу/-үү*, а затем присоединяется *-д*. Далее к основе на *-н* также наращивался показатель определенности *-а/-э* и *-д*, например, бур. *аха-над* из *аха-н-а-д* “старшие братья” или показатель множественности *-р*, например, монг. *ах нар* из *ах-н-а-р* “старшие братья”. Элемент *-р* является общеалтайским показателем множественности.

В бурятском языке к некоторым основам определенности на *-г* присоединяются показатели множественности *-уу/-үү*, а затем *-д*. Примеры: *булан(г)* “угол”, *булан-гууд* из *булан-г-уу-д* “углы”.

В отношении значения множественности монгольские языки Китая и их диалекты имеют свои особенности. В этом плане они занимают срединное положение между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками, с другой.

Так, в дагурском языке, наряду с показателем множественности *-нар/-нэр/-нур*, например, *ака-нар* “старшие братья”, *эке-нэр* “старшие сестры”, *дэү-нэр* “младшие братья”, “младшие сестры”, имеется также показатель множественности *-сул/-сүл*, например, *аул-сул* “горы”, *мод-сул* “деревья”, *иргэн-сүл* “люди”, *үдүр-сүл* “дни”.

Дагурский показатель множественности *-сул* имеет генетическую связь с тунгусо-маньчжурскими показателями множественности *-сал/-сул*, например, *мо-сал* или *мо-сул* “деревья”, *морин-сал* “лошади”, *хулу-сэл* “бели”. В то же время этот показатель множественности на *-сал/-сул* имеет генетическую связь с общеалтайской основой с показателем множественности *-с* путем присоединения показателей определенности *-у*, *-а* и *-л*, например,

-с-у-л, -с-а-л, -с-э-л. Следует отметить, что элемент -с во многих монгольских языках самостоятельно выступает в качестве показателя множественности.

В дунсянском языке значение множественности имеет и показатель -ла, например, *кун* “человек” – *кун-ла* “люди”, *чыджэ* “цветок” – *чыджэ-ла* “цветы”, *мори* “лошадь” – *мори-ла* “лошади”, а в баоаньском – показатель -лэ, например, *лохтэ* “уздечка” – *лохт-лэ* “уздечки”, *морэ* “лошадь” – *морэ-лэ* “лошади”, *аву* “мальчик” – *аву-лэ* “мальчики”. Дунсянский показатель множественности -ла и баоаньский -лэ генетически связаны с показателем множественности -лар/-лэр в тюркских языках и образованы от первичной формы множественности или основы определенности на -л.

По всей видимости, элемент -л самостоятельно выступает в качестве показателя множественности только в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, в частности, в эвенкийском, эвенском, например, *моо* “дерево” – *моо-л* “деревья”.

В дунсянском языке в качестве показателя групповой множественности выступает показатель -тан, образованный из -т-а-н. Примеры: *гага* “старший брат” – *гага-тан* “старшие братья”, *Абуду-тан* “Абуду и другие”. Г.И. Рамстедт возводил тунгусо-маньчжурский показатель множественности -тан/-тэн, монгольский -та/-тэ к китайско-корейскому самостоятельному слову *тин*, *тэнг* “группа, класс, звание”, а монгольский показатель множественности -нар к самостоятельному слову *нар* со значением “совокупность, совместность” [Рамстедт, с.59]. Показатели множественности -тан, -тэнг, -та, -тэ, -нар не связаны с приведенными словами, так как показатели множественности исторически состоят из отдельных древних показателей определенности.

Таким образом, следует полагать, что эта форма множественности образовалась от основы определенности на -т, далее присоединился показатель -а и -н. Элемент -т самостоятельно образовал форму множественности в калмыцком языке, например, *нөкөр* “друг”, *нөкө-т* “друзья”, *эмчи* “лекарь”, *эмчи-т* “лекари” [Попов, с.47]. Поэтому гипотезу Г.И. Рамстедта о происхождении показателей множественности от самостоятельных слов приходится считать устаревшей.

Кроме перечисленных показателей множественности, и в монгольских языках, и в монгольских языках Китая и их диалектах форма множественности образуется с помощью простых и сложных аффиксов -т, -д, -с, -уд, -шуд, -нус, -нуд, -шул, -муд, -над, -нгула, -сыла и т.д.

Существует мнение, что все сложные показатели множественности исторически образовались от первичной формы множественности на -с, -ш, образованного из -ч, -н, -м, -л с помощью постепенного присоединения показателей множественности сначала -а, -у, а затем -д, -л, -с по общей структурной модели развития показателей множественности в урало-алтайских языках [Киекбаев].

Как указывалось выше, в монгольских языках, в частности в халха-монгольском, для выражения неопределенной множественности используются и синтаксические средства в виде удвоения основ в функции субъекта в вопросительных предложениях (тип *Хэн хэн ирэв* букв. “Кто пришли?”), либо употребляются определительные слова в удвоенном виде (например: *Ямар ямар ном?* “Какие книги?”; *Шинэ шинэ байшин* “новые дома”).

Категория *собирательности* растворяется в неопределенной множественности. Между калм. *дөрвд*, *дөрвд кун* (представитель этнического рода) в значении “один человек” или в значении “совокупность лиц больше, чем один” проявляется омонимия форм единичности и множественности. При обозначении национальности данные лексемы не имеют формальных показателей. В монгольских языках способом снятия омонимии является возможность присоединения формального показателя: *дөрвдмүд* с показателем множественности – разница в образе, то есть в исходной точке и способе, каким получается значение множественности. В первом случае – единица, служащая символом множества, во втором – реальное множество, в третьем – сплошное множество, понятое как множество.

Множество предметов представляет собой соединение однородных предметов, каждый из которых является слагаемым в этом множестве и противопоставляется *предметной множественности*, которая является выражением одного предмета и внутренне состоит из одинаковых частей, структура которых в гомогенном смысле сложна. Части структуры сложного предмета однородны, тождественны друг другу. При этом следует указать, что слово, выражающее это множество, называет только само множество, а не каждый единичный его член. Множество предметов представлено в следующих формах, во-первых, калм. *гол* “река” – *голмуд* “реки”, *гер* “дом” – *гермүд* “дома”, *көл* “нога” – *көлмүд* “ноги”, *модн* “дерево” – *моддуд* “деревья”, *терз* “окно” – *терзмүд* “окна”, во-вторых, *шалур* “брюки”, *хээч* “ножницы”, *эрк* “четки”, *шатр* “шахматы”, *өөмсн* “носки”, *көзр* “карты”. Из приведенных примеров видно, что слова, выражающие предметную множественность, распределяются на две группы. Особый интерес представляет группа, которая может принимать аффиксы множественного числа, например, типа калм. *шалвр+мүд* брюки, *ташур+мүд* “грабли”, *цэнг+с* “вилы”, *хээч+мүд* “ножницы”, *өөмс(н)+мүд* “носки”. Множественность здесь обозначает сами предметы, а не сумму тех предметов, которые входят в состав этого множества, и как сумма предметов образует множественность предметов, а не предметную множественность.

Собираетельная множественность, то есть сращенная, сплошная, непрерывная противопоставляется дискретной, прерывной. Собираетельная множественность в силу сращенности, непрерывности не соотносится с соответствующими ей слагаемыми и находит свое выражение в словах, которые

не имеют специальных показателей множественности. В этом отношении, на наш взгляд, ценно замечание А. Потебни: "...о происхождении собирательности в именах, которые история застаёт уже с этим значением, а равно о происхождении собирательности в именах со значением качественности и собирательности следует судить по тем случаям, когда собирательность не связана с таким-то суффиксом и когда она возникает, так сказать, на наших глазах" [Потебня, с.27].

Собирательность предшествует множественности. Эта концепция исторически прослеживается для имен одушевленных. По утверждению многих ученых [Тронский, Киекбаев, Цыдендамбаев, Солнцев и др.], грамматическая категория числа в системе личных местоимений возникла раньше, чем в именах, например, противопоставление "один" и "много" (*я – мы; ты – вы; он – они*).

Вот что пишет И.М. Тронский: "Множественность, выражаемая в индо-европейских языках одной лишь флексией, – сравнительно молодая категория, которой в до-флективном состоянии индо-европейских языков могла предшествовать только собирательность. И той категорией имен, где впервые возникает множественность, является активный класс: собирательной совокупности инертных предметов противостоит отдельная множественность активных действующих, каждый из которых мыслится как самостоятельный предмет, могущий быть и субъектом и объектом действия. Этим не исключается, конечно, применимость собирательности к именам активного класса, которые могут мыслиться и в совокупности, и в отдельном множестве, между тем как имена пассивного класса мыслятся только в собирательности" [Тронский, с.62]. С этой точкой зрения могут быть уяснены и некоторые другие синтаксические и морфологические явления, не получившие еще должного освещения в науке.

Так, рядом с обычным для монгольского языка примыканием как способа синтаксической связи слов встречаются случаи согласования в числе определения и определяемого [Козин 1946, с. 133; Пюрбеев 1992, с.284-290]. В монгольском языке такая конструкция, на наш взгляд, представляет архаическое согласование, где морфология вступает в противоречие со значением слова, так как в монгольских системах языкового мышления отсутствует грамматическая категория рода, поэтому не может быть речи о согласовании в роде, числе, падеже, что отражается на основе имени (категории множественности). Объекты мыслятся как собирательные понятия или как множественные понятия с должным первообразным оформлением.

Если понятия множественности никогда не мыслятся в единственном числе, то собирательные понятия, выражающие абстрактную множественность, в речи могут применяться как в единственном, так и во множественном числе. Так, например, такие слова, как калм. *боднцг*, монг. *тэмс* "кар-

тофель”, калм. *цэ*, монг. *чай*, бур. *сай* “чай” и другие подлежат скорее всего измерению, взвешиванию, чем счету. Войдя в категорию множественности, собирательность продолжает допускать безразличное к числу употребления, создавая новые оттенки в семантике множественности.

Имена с лексической семантикой собирательности в своем большинстве не имеют противопоставления неморфологического выражения единичности-неединичности, выступая обычно в *singularia tantum*.

Язык отражает антропоцентрическую картину мира и подчиняется человеческому восприятию явлений и предметов. Восприятие это в чем-то специфично, если не для индивида, то во всяком случае, для народа в целом, что, по-видимому, традиционно обусловлено.

Выражение количества в собирательных именах сужено по сравнению с конкретными предметами до сочетаемости части входящих в нее основ со словами оценки меры и степени типа *один, много, мало, больше, меньше, немного, сколько, столько*, не подразумевающими обязательной расчлененности денотата. Тем самым значение количества здесь предстает не как нерасчлененное множество, а как больший или меньший объем нерасчлененной собирательности (ср. *оли мал* “много скота”, *ик элтэ һазр* “местность, где много песка”). Морфологическое противопоставление “один” и “много” характеризует историческое состояние монгольских языков. Как писал С.А. Козин: “Представление о собирательном значении наименования всех объектов настолько привычно и устойчиво, настолько прочно они мыслятся как собирательная единица, как одно собирательное целое, что названия одного из парных объектов выражается подстановкой слова “половина” *örögelі*, например, говоря *nidün* “глаз”, мыслятся парное единство, то есть “глаза”, и чтобы выразить, что дело идет об одном глазе, говорят *örögelі nidün*, то есть половина глазного парного единства – один глаз” [Козин 1946, с. 122]. Но чтобы выразить понятие “одноглазый”, то есть человек, имеющий всего один глаз, говорят *һанцхн нүдтэ* “имеющий один глаз”, *һанцхн кэлтэ, гарта* “имеющий одну руку и одну ногу”. Таким образом, понятие единичности или множественности можно выразить путем построения аналитических конструкций. Часть имен со значением собирательности не употребительна и такие сочетания не могут входить в количественные отношения.

Так, в монгольских языках при лексическом противопоставлении основ с семантикой единичности (конкретного предмета) и основы с семантикой собирательности, несмотря на специфику грамматических возможностей основы имени, относящихся к той или иной группе, и на их различную сочетаемость с лексемами, выражающими количество, соотношение между обозначениями конкретного и собирательного и обозначениями единичности и множественности неоднозначно.

Лексическая граница между основами имени с конкретной или собирательной семантикой не совпадает с грамматической и контекстуальной границей в обозначении этими основами конкретного и собирательного предмета, особенно при выражении количества. Основы, представляющие лексемы с семантикой единичности и множественности могут использоваться в значении собирательного (категориального). Основы, представляющие лексемы с семантикой собирательности с формальным показателем множественности приближают свое значение к единичному конкретному (расчлененному множеству) предмету.

Характерным для монгольских языков является то, что разные типы значений и оттенков значений собирательности у основ с лексической семантикой конкретного и, наоборот, оттенки значений конкретного у основ с лексической семантикой собирательности реализуются в связи с выражением количества и особенно с категорией числа. Иначе говоря, существенную роль в выявлении данной категории и способов ее функционирования играет выражение количества и, в частности, категория числа.

Некоторые основы со значением собирательности противопоставляются друг другу оттенками лексических значений. Имена такого рода исследуются в работах не только монголоведов и тюркологов, но и индоевропейцев. Тем не менее в литературе отсутствует достаточно полное функциональное описание собирательных имен в их противопоставлении к конкретным именам, которое позволило бы объяснить семантику употребления в речи собирательных и конкретных имен. Вопрос о том, входят ли в категорию собирательности только основы, лишенные формальных показателей множественности типа калм. *адун* “табун”, *сург* “стадо”, *кенчр* “тряпье”, *захсн* “рыба”, *цегр* “армия” и т. д. или основы, принимающие показатели множественности типа калм. *мал* “скот”, *улс эмтн*) “народ” и т. д.

Если рассматривать семантический инвариант категории как представление множества в виде единицы, к собирательным именам можно отнести основы обоих типов. Однако такое решение не может быть оправданным. Действительно, объекты, обозначаемые такими основами, как, например, калм. *аң* ”зверь” – *аң бэрх* “ловить зверей”; *захс* ”рыба” – *захс бэрх* “ловить рыбу”; *баар* “карась” – *мана нуурт баар бээдг* “в нашем пруду водится карась”; *харада* “ласточка” – *хаврар харада ниси ирдг* “весной прилетают ласточки”; *керэ* “ворона”, *эрвэкэ* “бабочка”; *аралжн* “паук”; *шорһлжн* “муравей”; *зурм* “суслик”; *батхн (усна батхн* “водяные мухи”) “муха”.

Основы типа калм. *адун* “табун”, *сург* “косяк”, *кенчр* “тряпье”, *цегр* “войско”, *захс(н)* “рыба” представляются в языке в качестве отдельных целостных и поэтому способных к считаемости. Основы типа *мал* “скот”, *улс (эмтн)* “народ”, *эңг* “группа” могут принимать показатели множественности. С другой стороны, семантика собирательности накладывает некоторые

ограничения на употребление этих основ со значением собирательности с показателями множественности, то есть денотаты основ *захс(н)*, *кенчр*, *сург* и, сходных с ними в языковом представлении, являются неисчисляемыми: невозможность присоединения к данному типу основ показателей множественности, но тем не менее основы обоих типов свободно сочетаются с числительными. Собирательность в силу этого индивидуализируется и представляется в образе целого (как единица).

Собирательность или совокупность – это форма выражения несчитанного, но конечного ряда. Первоначально, по всей видимости, существовала такая парадигма множественности типа калм.:

нег адун “один табун”, *хойр адун* “два табуна”, *хурвн адун* “три табуна”; *нег сург* “одно стадо”, *хойр сург* “два стада”, *хурвн сург* “три стада”.

Таким образом, предметы, объединенные в собирательное множество не поддаются счету. Они несчитаемы потому, что они непрерывны и основа имени содержит непрерывный ряд. Собирательная множественность в монгольских языках выражается аффиксами монг., бур. *-чууд/-чүүд*, *-чуд/-чүд*, употребляясь с основами, обозначают совокупность или общность лиц. Относительно аффикса *-чуд/-чүд* Г.Д. Санжеев пишет, что “он представляет собою контаминацию суффикса *-чул* и *-д*, первый из которых употребляется самостоятельно преимущественно в бурятских диалектах в виде *-шуул* и изредка в халхаском” [Санжеев 1953, с. 128].

М.Н. Орловская считает аффикс *-чуд/-чүд* словообразующим, так как присоединяясь к основам имен прилагательных, он образует имена существительные с собирательным значением [Орловская 1961, с. 15]. Данный аффикс употребляется в монгольских языках при основах субстантивированных существительных, обозначающих группу, коллектив (лиц). Если основа имени оканчивается на согласный *-н*, который являясь как бы маркером имени, выпадает при образовании формы множественного числа, например, калм. *залу* “мужчина” – *залучуд* “мужчины”, *гергн* “женщина” – *гергчүд* “женщины”, *бах* “маленький” – *бахчуд* “молодежь”, *байн* “богатый” – *баячуд* “богачи” возможно употребление омонимичного показателя *-с*, например, *залус*, *гергс*, однако в старокалмыцком и старомонгольском письмах употребляется основа, например, калм. *байн* – *баячуд*, *хар* – *харчуд*, *цаһан* – *цаһачуд*, монг. *монгол* – *монголчууд*, *бүсгүй* – *бүсгүйчууд*, *эмэгтэй* – *эмэгтэйчүүд*, *эрэгтэй* – *эрэгтэйчүүд*, *баян* – *баячууд*, *залуу* – *залуучууд*, бур. *эхэ* – *эхэшууд*, *залуу* – *залуушууд*, *баян* – *баяшууд*, *угытэй* – *угытэйшууд*, *монгол* – *монголшууд*.

Собирательная множественность в монгольских языках оформляется посредством аффикса калм. *-нр*; бур. *-нар/-нэр/-нор/-нер*, монг. *-нар*. Аффикс формы множественного числа калм. *-нр*, бур. *-нар* с сингармоническими вариантами присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные *-л*, *-т*,

-ч, -ш, -х, -к и любой гласный, обозначающих людей одной профессии или состоящих в одинаковых родственных отношениях. Примеры: калм., монг. *багш*, “учитель” – калм. *багшнр*, монг. *багш нар* “учителя”, калм., монг. *эмч* “врач” – калм. *эмчнр*, монг. *эмч нар* “врачи”, калм. *экч*, монг. *эгч* “старшая сестра” – калм. *экчнр*, монг. *эгч нар* “старшие сестры”, калм., монг. *ач* “внук по сыну” – калм. *ачнр*, монг. *ач нар* “внуки”, калм. *зее* “внук по дочери” – *зеенр* “внуки”, *бөл* “двоюродный брат или сестра” – *бөлнр* “двоюродные”, бурят “бурят” – *бурятнр* “буряты”, *лам* “лама” – *ламнр* “ламы”, *дархн* “кузнец” – *дархнр* “кузнецы”, монг. *ах* “старший братья” – *ах нар* “старшие братья”, *сайд* “министр” – *сайд нар* “министры”, бур. *эгэишэ* “старшая сестра” – *эгэишэнэр* “старшие сестры”, *дүү* “младший брат или сестра” *дүүнэр* “младшие братья или сестры”.

Как видно из примеров, в монгольском языке *нар* пишется отдельно от основы. Об этом аффиксе в “Кратком грамматическом очерке монгольского языка”, составленном профессором Г.Д. Санжеевым и приложенном к “Краткому монгольско-русскому словарю” А.Р. Ринчинэ, мы читаем: “Суффикс *-нар*, орфографически не подчиняющийся гармонии гласных, пишется отдельно и употребляется при именах, обозначающих людей, например, *сайд* “министр” – *сайд нар* “министры”, *дүү* “младший брат”, *дүү нар* “младшие братья” [Ринчинэ, с.371].

Относительно бурятского *-нар* Д.А. Алексеев пишет: “Суффикс *-нар* в бурятском языке встречается в весьма редких случаях и к тому же в виде заимствования из монгольского... Об этом форманте, как о заимствованном, можно говорить потому, что указанные слова во многих говорах бурятского языка имеют множественное число не *-нар*, а *-над*” [Алексеев, 1948, с. 125]. Тот факт, что в бурятском языке формант *-нар* претерпел изменение, следует усмотреть в нем выпадение *-р*, место которого занял более распространенный формант множественного числа *-д*, в результате чего появился новый составной формант множественного числа *-над*, например, бур. *аха* “старший брат” – *аханад* “старшие братья”, *багша* “учитель” – *багшанад* “учителя”, *худа* “сват” – *худанад* “сваты”, *бөө* “шаман” – *бөөнэднэд* “шаманы”, *бүүбэй* “ребенок” – *бүүбэйнэд* “дети”.

Г.Р. Рамстедт в отношении этого аффикса пишет: “...в монгольских языках существовало имя *нар* “совокупность”. Этот *нар* (с возникшим позднее вариантом *-нэр*) обозначает в монгольском языке группу или класс лиц. При перечислении имен, даже и в новомонгольском, зачастую к последнему из них присоединяется *-нар*, *-нэр* в значении “все вместе взяты”.

К древнему имени *нар* “совокупность, совместность” относится в калмыцком языке произведенное от него прилагательное *нармай* “в целом, весь”, например, *нармай улус* “государство в целом”, *нармай нутуг* “все родные” [Рамстедт, с. 57].

Однако точку зрения Г. Рамстедта об именном происхождении аффиксов типа *-нар*, в частности в монгольских языках, Дж. Киекбаев не разделяет [Киекбаев, с. 176]. Разряды слов, объединяющие в слове не только имена единичных вещей, но и названия предметов мыслимых без отношения к счету, к идее числа – несчитаемые основы. Это слова, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое. В монгольских языках мы находим большую группу слов с застывшими суффиксами, с исторической точки зрения неделимыми и неразложимыми показателями множественности, например, калм. *живртн* “пернатые”, *хавстн* “капуста”, *эрктн* “органы”, монг. *хамтлагатан* “крепостные”, *хэрэнгэтэн* “буржуазия”, *язгууртан* “аристократия”.

Категория собирательности в значении нерасчлененного множества находит свое выражение в названиях этнических родов таких, как калм. *хавчн* “хавтчины”, *авһир* “абганеры”, *асмд* “асматы”, *эрктн* “эркетены”, *буузав* “бузавы”, *бахуд* “багуты”, *барһс* “баргусы”, *алиһсуд* “алонгасуды”. В синегдохическом употреблении вышеназванные основы имени приобретают значение единственного числа, то есть единственное число основы является образом сплошного множества. Например, *торһуд*, *дөрвд кун* “торгуд, дербет по национальности”, *дөрвд – хальмгин хуучин яси* “дербеты – самый древний род у калмыков”, *торһуд Ижл мөрн деер бээдг* “торгуды живут на берегу Волги”, *делтрин чигэ һазрт торһуд*, *дөрвд хойр дээлдж* “на площади, равной подпотнику, воюют торгуды и дербеты”.

Основа имени со значением множественности часто обозначает и всегда может обозначать предмет как целый разряд, неопределенный и поэтому имеющий, если не собирательный, то единичный характер. В большинстве основ собирательные значения связываются с формами множественного числа, например, в названиях этнических родов *торһуд+муд*, *дөрвд+муд*, *буузав+нр*, *эркт(н)+нр*.

Таким образом, рассмотренные показатели множественности представляют собой разновидность сложных формантов и отличаются большей самостоятельностью своих значений. К таким формантам можно отнести и бурятский аффикс *-айхид*, состоящий из форманта родительного падежа *-ай* и, как считает У-Ж.Ш. Дондуков, словообразовательного аффикса *-хи* и показателя множественности *-д*, образующий названия группы лиц по принадлежности к роду, по отношению к месту жительства. Примеры: *Саянай-хид* “семья Саяна”, *баргузинхид* “баргузинцы”. Ср. *сониньехид* “работники газеты”, *нютагайхид* “местные жители”, *таһагайхид* “работники отдела”, *городойхид* “жители города” [Дондуков, с. 11]. В бурятском языке в ходу модель: фамилия + *-тан*, которая обозначает всех членов семьи в совокупности, например, *Соктоевтан* “Соктоевы”, *Бадмаевтан* “Бадмаевы”.

Дискретная множественность выделяется из собирательной множественности как более древнего типа. В соответствии с объективным положением вещей в реальном мире в языках имеется потребность называть дискретные предметы, например, *листья, дома, рыб, животных, птиц, зверей*, а также обозначать вещества или совокупности, например, *молоко, сахар, трава*. При их измерении оперируют понятием величины, а не числа. Для подобных измерений в реальной действительности привлекаются самостоятельные физические тела – чашки, бутылки, мешки, содержащие одну дозу вещества. Это процесс дозификации. Могут исчисляться части данной субстанции, полученные в результате ее расчленения на штуки, пучки и т. д., причем недискретное вещество в этом случае делается искусственно дискретным. Это процесс партиципации. Абстрактные же понятия могут быть расчленены тоже только абстрактно. Это так называемое квантование – особая речемыслительная комбинация, когда нечленимое явление абстрактно членится на части, то есть выделяется один его квант. Например, в русском языке названиями дискретных предметов могут выступать как “штуки”, например, *купил пять штук ручек* или *пять ручек*, а если известен сам предмет, можно сказать *купил пять штук*. С веществами и совокупностями так обходиться нельзя.

Вещества можно измерить, указывая на количество мер. Сами меры – это тоже дискретные предметы, но для определения количества мер производится обычный поштучный подсчет. Определение количества вещества в языках производится с помощью различных мер. Меры отличаются значительным разнообразием точности и строгости, например, *миллиметр, грамм, килограмм, ар, гектар, литр, вольт, ампер, ом*. Также в языках можно встретить *своеобразные меры* (единицы измерения) при исчислении разных дискретных предметов, которые обладают присущей каждому предмету индивидуальностью при счете. Например, в русском языке при исчислении разных дискретных предметов употребляется мера в виде сочетания слов, когда хотят сказать о множестве мужчин, женщин, детей, стариков употребляют “*тьма народа*”, “*уйма народа*” или “*тысяча душ*”, при счете животных употребляют меру “*голова*”, например, *тысяча голов скота*, куда допускается объединение особей не только различных по возрасту, полу, но иногда и по биологическому полу, породам; при подсчете количества книг применяют в качестве меры следующее сочетание, например, “*стопка книг*”, “*сорок томов*”, куда входят не обязательно однородные объекты.

К дискретным именам относят сочетания типа *стакан молока, три стакана молока, один пучок укропа, три коробки спичек, две пачки чая, три ведра воды, корзина с фруктами, пять бутылок вина*. Важной функцией единиц измерения является относительная однородность считаемых множеств. Нетрудно заметить, что в этом случае называется количество определенных

предметов, а не вообще число. В дальнейшем некоторые из таких слов закрепляются уже как обозначения количества как такового, независимо от того, какой предмет подсчитывается. *Тома, стопка, голов* являются мерами определенных величин, значение количества входит в них как более конкретное и более богатое значение совокупности любых предметов.

Слова, которые обозначают вещества, например, в русском языке, могут трактоваться как обозначающие дискретные предметы, например, *вешние воды* в значении “поток”, *карлсбадские пить воды* в значении “напиток”, в том и в другом примере – это не вещества, так как невозможно ввести слово-конкретизатор для измерения этих “вод”.

Использование существительного, обозначающего вещество, как “дискретного” существительного и, наоборот, “дискретных” существительных для обозначения своего рода вещества возможно, главным образом, в языке, который имеет регулярное грамматическое противопоставление форм единственного и множественного числа. Название вещества используется в единственном числе. Когда им придают форму множественного числа, они могут обозначать совокупности. Любая множественность – это вид какой-то совокупности, как расчлененной на дискретные предметы, так и нерасчлененной. Свое выражение такая множественность находит в основах, употребляющихся для обозначения однородных по составу веществ, поддающихся делению и измерению, но не счету. Такое множество может быть разобщено, расчленено на части, так как является выражением одного предмета, внутренне состоящее из одинаковых частей. Структура дискретной множественности в гомогенном смысле сложна. Части структуры сложного предмета однородны, тождественны друг другу. При этом следует указать, что слова, выражающие это множество, называют только само множество, а не единичный его член. Примеры: калм. *цэ* “чай”, *давси* “соль”, *буудя* “зерно”, *тамкн* “табак”, *боорцг* “жареное тесто”, *бодницг* “картофель”, *махн* “мясо”.

Дискретную множественность, как и собирательную, можно определить как сплошное множество, понятое как единица.

Паукальная множественность противопоставляется неопределенной множественности. Паукальная множественность охватывает группу предметов, характеризующую неопределенно-количественными словами, обозначающими большую или меньшую совокупность. Понятие паукальной множественности в монгольских языках может выражаться специальными определительными словами и словосочетаниями типа калм. *дала цасн* “много снега”, *олон ном* “много книг”, *кесг дегтр* “несколько книг”, *зэрм кун* “некоторые люди” и т.д.

Пейоративная множественность обозначает данный предмет и какие-то ему подобные. Сочетания типа *дегтр-мегтр* являются безусловными словами, поскольку их вторые компоненты никакой способностью от-

дельного употребления не обладают. Не вполне ясен, однако, поморфемный анализ таких единиц. Генетически единицы типа *дегтр-мегтр*, по-видимому, действительно восходят к повторам, напоминающим русские “книжки-мнижки”, что, как считают некоторые исследователи, есть результат тюркского влияния.

Аналогичные образования характерны глаголам и прилагательным. В каждом конкретном случае также возникает значение некой пейоративной множественности действий и качеств, например, *гүүх* “бегать”, *гүүх-мүүх* “бегать” и совершать подобные действия; *хар* “черный”, *хар-мар* “черный” и тому подобное.

Понятие пейоративной множественности может выражаться путем повторения самой основы типа *гер герт* “в домах”. Такое использование позволяет считать, что данное явление образует общезыковую категорию пейоративной множественности. Никакого лексического коррелята нет.

Приблизительная множественность обозначает приблизительное количество предметов. Множественность выражается с помощью сочетания существительных с числительными приблизительного счета, которые образуются присоединением к количественным числительным, обозначающим только целые десятки, сотни, тысячи с помощью суффикса типа калм. *-ад/-эд*. Примеры: *арвад* “по (около) десять”, *хорад* “по (около) двадцати”.

Значение приблизительной множественности может передаваться с помощью сочетания двух последовательных количественных числительных, в большинстве единиц первого десятка, например, *гурвн-дорвн күн* “три-четыре человека”, *зурхан-долан күн* “шесть-семь человек”.

Приблизительная множественность может быть выражена количественными числительными с послелогоми типа калм. *шаху*, *орчим*, монг. *шахам*, *шахуу*, *гаруй*, например, калм. *арвн шаху күн* “около десяти человек”. Приблизительная множественность выражается сочетанием существительного и числительного с конкретизатором типа монг. *зуу гаруй хүн* “свыше ста человек”. Стало быть количественные числительные выступают в качестве особой формы выражения множественности приблизительного типа.

Данный тип множественности связан с максимальной опорой на различия, допустимые внутри тождества. В этом случае отдельный элемент множества далеко не всегда адекватно репрезентирует все множество в целом, а в определенных случаях выделение элемента, репрезентирующего множество, вообще может оказаться невозможным. Существенное место в количественных представлениях отводится понятию приблизительного измерения, например, калм. *икцвр* “большеватый”, *бахур* “маловатый”, не всегда обеспечивающей даже элементарную точность степени качества.

Рассмотренные случаи позволяют сделать некоторые выводы: значения того или иного типа множественности подсказываются контекстом, при-

чем минимальный контекст не всегда достаточен, значения некоторых типов множественности могут быть однозначны и устанавливаться только в рамках оппозиций единичность-множественность. Характер отношений между значениями множественности и единичности является при этом универсальным.

Множественность основы имени в широком смысле представляет собой не отражательную, а интерпретационную категорию, поскольку реальное количество предметов в окружающей нас действительности и способ их количественной интерпретации в рамках данной категории далеко не всегда изоморфны друг другу. В связи с этим важной задачей при установлении номенклатуры квантификационных значений и при их идентификации в текстах является выделение тех ключевых элементов денотативной ситуации, от осмысления которых говорящим зависит интерпретация категориальных значений высказывания в рамках множественности основы имени. Существенным является выделение набора форм и языковых средств, при помощи которых эта интерпретация актуализируется в высказывании.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить относительно природы типов множественности основ имени и сформулировать следующие требования к ее описанию. Основа имени представляет собой гетерогенную категорию, содержащую в себе значение множественности-единичности, каждая из которых является объектом описания, поскольку отражает разные способы квантификации реальных объектов. Описание должно учитывать: 1) представленность в каждой из них универсальных типов множественности (определенной, неопределенной, дискретной, собирательной и др.), 2) специфику языкового материала, репрезентирующего каждый тип множественности, 3) особенности границ между отдельными типами множественности и типов конструкций, репрезентирующих доминантное значение, 4) объект количественной оценки в каждом типе множественности с учетом характера содержания в них оппозиций, 5) элементы высказывания, которые являются ключевыми для интерпретации типа его квантификационного значения.

1.4.3. Семантика множественного числа в монгольских языках

Как известно, грамматические категории состоят из ряда грамматических классов и единиц, объединенных по определенному принципу. Этим принципом считается обобщенное значение элементов данной категории количественных отношений характерных имени существительному, местоимению, глаголу. Грамматическое число присутствует не только синтаксически, но и своими формальными показателями даже в том, где нет непосредственной оппозиции единственного и множественного числа, в *singularia* и *pluralia tantum*.

Формальные различия, служащие для выражения числовой оппозиции, отличаются своей четкостью. Через всю систему склонения нередко проходит формальная невыявленность противопоставления падежа, не говоря уже о частичных совпадениях, которые охватывают не всю область склонения, а только отдельные его виды, то же самое имеет место в системе спряжения, где могут отсутствовать различия вида или лица. Между тем формальная невыявленность числовой оппозиции есть нечто совершенно спорадическое, характерное для системы агглютинации в целом, например, калм. *дегтр аву* “взял книгу”, представляющая собой плюрализацию сингулярных форм.

Для грамматической категории числа характерна ее синтаксическая значимость, выражающаяся посредством различных сложно-номинативных словосочетаний, в которых главную роль играют специфические определительные слова и многообразие семантических функций числовой оппозиции.

Синтаксические и семантические противоречия, связанные с категорией числа, доставляли немало трудностей уже античным грамматикам, которые и создали традиционно сохраняющийся в монгольском языкознании термин *то* “число” для обозначения морфологической оппозиции множественности и единичности. Термин *то* “число” односторонен в применении к единичности и совсем не характеризует значение множественности: факт числового определителя отсутствует.

Впрочем, в грамматиках монгольских языков термины *нег то* “единственное число” и *олн то* “множественное число” переводятся как противопоставление “один” и “много”. С “числами” мы встречаемся, наблюдая древнемонгольский язык с первой половины XIII века и по сей день. С. А. Козин считает, что в монгольском языке почти все части речи способны принимать показатели множественности, например, *uridus*, *xoyitus* (*xoyitu* < *xoyar*). Это, видимо, потому, что в монгольских системах языкового мышления отсутствует грамматическая категория рода и согласование в роде, числе, падеже, что отражается на категории множественности. Объекты мыслятся как собирательные понятия или как множественные понятия с должным первообразным оформлением. Если понятие множественности никогда не мыслится в единственном числе, то собирательные понятия, выражающие абстрактную множественность, в речи могут применяться как в единственном, так и во множественном числе.

Мы располагаем достаточно богатым материалом для изучения категории грамматического числа, используя готовые показатели о соответствиях XIII – XVII вв., данные в текстах “Атан тобчи” Лубсан Данзана. Отсутствие в монгольских языках формально и строго выраженных показателей единичности и множественности обуславливают нужные замещения синтаксическими средствами, которые реализуются в широком применении аналитиче-

ских конструкций разных типов, например, *олон адуу* “многочисленный табун”, *олон күүн* “множество людей”, *оситен татар* “татарское злобное племя”. Примеры из “Алган тобчи”, в которых показатели единичности относятся к множеству: *modo ebesü ügei çajar modu ebesü urüji*, букв. “дерево трава нет земля – дерево трава вырос”, то есть “в стране, где не было ни деревьев, ни трав, выросли деревья и травы”. Или: *rasiyan naçur bulay delberejü*, букв. “целебный родник, озеро, источник заструился”, то есть “заструились целебные родники, озера и источники”. Или: *altan üsüg-iyer biçig biçiju* букв. “золото буквой письмо написал”, то есть “золотыми буквами письмо написал”.

Примеры множественного, относящиеся к единственному, *Merkid* “меркит”, *Oyirad* “ойрат”, *Olxonud* “олхонут”, *Tayičiud* “тайчиут” и др. Противоречия между значением слова и его оформлением обнаруживается в противопоставлении единичности и множественности. Но и при наличии морфологического противопоставления чисел семантическая корреляция не всегда укладывается в рамки “числового отношения”. Например, множественности может противостоять единичность, как собирательное: *ulus* (*çurban nutuç ulus*, букв.: “три кочевье народ”, то есть “народ трех кочевий”); *kümün* (*jaçun minçan kümün* букв. “сто тысяча человек”, то есть “сто тысяч человек”).

Множественности может противостоять единичность как вещественно-собирательное, например, *elesün* “песок”, *çasan* “снег” и т. д., и как отвлеченное в противоположность его конкретным представлениям: *ösö gem* “ненависть и коварство” и *ösüd gem* “ненависти и коварства”, например, *ösüd gem ülü talbiçi jögelен yonqor metu Torqon sira mini çi nige üge ägüle gebe* “Говори ты, Торгон шара, таящий ненависть и коварство”. Вышеназванные семантические функции множественности отнюдь не являются особенностью, характерной только для старописьменного монгольского языка. Эти функции не в меньшей мере свойственны современным монгольским языкам и во многом сходны с тем, что имеет место в русском языке.

Противопоставление, например, калм. *нег* “один” и *олн* “много” наталкивает на ряд трудностей. Морфология оказывается в противоречии с семантикой. Следует отметить, что уже в первом и притом очень кратком грамматическом компендиуме александрийской школы (конец II в. до н. э.) упоминается, что “есть некоторые образцы единственного, относящиеся к множеству, например: народ, хор, толпа; также образцы множественного, относящиеся к единственному, как Афины, Фивы, двойственному числу” [Тронский 1946, с.56]. Определяемое *олн* “много” объединяет предметы в конкретное множество, которые невозможно сосчитать. Как пишет А.А. Холодович: “Конкретное множество напоминает непрерывные величины в анализе. Это аналитическое множество” [Холодович, с.17-18]. Ср. “Подлинный континуум есть нечто в себе связанное и не может быть разделен на отдель-

ные куски” [Вейль, с. 123]. Итак, несчитаемость характеризует непрерывное, конкретное множество.

Определяемое калм. *кесг* “несколько” указывает на считаемость. Но дискретное множество типа калм. *цэ* “чай”, явно делимое на элементы, состоит из элементов, например, “чаинок”, а не “чая”. В этом случае мы не можем сосчитать “чаинки”, а можем только измерить. Это находит языковое выражение, например, в противопоставлении собирательных обозначений как калм. *адун* “табун” счетным *мөрмүд* “кони”.

Множественность в монгольских языках может противостоять единичности как единая совокупность, как собирательное, например, калм. *мал* “скот”, *адун* “табун”, как вещественно-собирательное *эльсн* “песок”, *тоосн* “пыль”, *цасн* “снег”, как отвлеченное, например, монг. *найрамдал* “дружба”. Значение собирательности может оказаться и на стороне множественной формы в отличие от единичности, выраженной основой имени, например, калм. *мал* “скот” + аффиксы множественности *мүд* = “скот”, *амт(н)* “люди” + аффиксы множественности *мүд* = “люди”. Противоречия между планом содержания и планом выражения в слове обнаруживаются и в основе имени. Но при наличии морфологической оппозиции множественности и единичности семантическая корреляция далеко не всегда укладывалась в рамки категории числа. Эти семантические функции грамматического числа свойственны не только классическому монгольскому, но и современным монгольским языкам. При этом семантические противопоставления, связанные в современных монгольских языках с единичностью и множественностью, во многом сходны с тем, что имеет место и в классическом языке. Разновидности значений множественности, выделяемые Г.Д. Санжеевым, находят себе аналоги в классическом языке монголов, ряд примеров был приведен им самим, но число их легко было бы умножить. Значения показателей множественности да и сама основа имени в монгольских языках тесно связана с сущностью категории множественности как исторического явления, которая создавалась на определенной ступени развития монгольских языков. Впрочем, Л. Леви-Брюль отмечает: “За единой категорией отвлеченного множества лежат разнообразные категории конкретных, специфических множеств, отличных в зависимости как от характера предметов, составляющих множество, от принадлежности их к тому или иному “классу” имен, так и от различий в количественной мощности множества или в способе его составления” [Леви-Брюль, с. 96]. Снятые в единой отвлеченной категории, эти конкретные структуры продолжают окрашивать ее значение в применении к определенным семантическим группам слов.

Утверждение В.В. Виноградова, что “семантическим фоном столкновения разных языковых тенденций в структуре множественного числа является антитеза между разьединенным множеством отдельных единиц и

коллективной совокупностью или сплошной массой однородных предметов” [Виноградов 1947, с. 106], лишний раз показывает насколько живучими остаются в основе имени те числовые противопоставления, которые некогда привели к зарождению самой категории множественности.

Противоречия категории множественности обнаруживаются не только в семантике, но и в синтаксисе. Непоследовательность согласования в числе в монгольском синтаксисе и отклонения от нормы в текстах памятников давали уже в классическом языке богатый материал для грамматических наблюдений. Эти синтаксические противоречия открывают перспективу, которая позволит разобраться в вопросе развитии категории множественности. Не меньшее значение имеет и морфологический анализ. Если формообразование как-то причастно к категории числа, то и категория числа может найти свое выражение в формальных показателях множественности. Как было замечено выше, основа имени (как и глагола) безразлична к грамматическому числу, но собирательность может быть выражена аффиксально (см. примеры выше).

Характерным для классического и современных монгольских языков является то, что категория единичности не обладает аффиксами единичности, а в тех словах, где наличествуют такие показатели, они более позднего происхождения или появились в результате взаимодействия с тибетским, а позднее с русским языками.

Числовая индифферентность основы ярко выражена в таких выражениях, как монг. *Дорж хө хардаг* “Дорж пасет овцу (овец)”, *Цэцэг түүхэ* “Собирать цветок (цветы)”, *Зочин ирсэн* “Приехали гости (гость)”. Данные выражения не дают никаких оснований судить о множестве или единичности предметов или вещей. Показательно то, что в классическом монгольском языке для выражения категории множественности отсутствует супплетивная форма числа (за исключением типа калм. *күн* “человек” *амтн* или *улс* “народ”, “люди”), если не считать личных местоимений, где различие чисел значительно древнее, чем в основе имени и глагола. Можно полагать, что развитие числа в основе имени в монгольских языках относится к более поздней стадии развития и морфологический анализ аффиксов может оказаться полезным для разрешения этого вопроса.

Некоторое своеобразие семантических, синтаксических и морфологических функций позволяет сделать некоторые выводы относительно семантики категории множественности. Исходным пунктом может служить синтаксическая неравноправность в грамматическом числе основы имени или глагола в монгольских языках. Согласно норме монгольского синтаксиса субъект в форме множественного числа может примыкать к глагольному предикату в форме единственного числа. Ср. калм. *Тер ирв* “Он пришел” – *Тедн ирв* “Они пришли”. Возможность употребления конструкций с нейтральной

формой глагола типа *он пришел* – *они пришли* обеспечивается реализацией противопоставления форм числа у местоимения в данном случае.

Категория единичности-множественности у глаголов выражает отношение действия. Если субъектом действия является один собеседник, к которому обращается говорящий, то глагол употребляется в форме единственного числа, например, калм. *Чи сээнэр умшжэнэч* “Ты хорошо читаешь”, а если субъектом действия является больше одного: *Та сээнэр умшжанат* “Вы хорошо читаете”, то и глагол должен иметь форму множественности. Если субъектом действия 3-го лица в форме единственного и множественного числа является лицо, к которому говорящий не обращается, не ведет с ним беседу, то в этом случае глагол будет индифферентным к числу типа калм. *Тер (тедн) сээнэр келв* “Он (они) хорошо сказал (-и)” – *Тедн сээнэр келүхэв* “Они хорошо сказали”, тогда как в современном монгольском языке для всех лиц настоящего-будущего времени существует лишь одна глагольная форма, например:

Так, Дж.Г. Киекбаев обращает наше внимание на то, что на раннем этапе развития для всех урало-алтайских языков было характерно двойственное число для имен и глаголов. Вот что он пишет по этому поводу: “В некоторых тюркских языках, например, в якутском и тувинском, сохранились только его остатки в побудительно-желательной форме глаголов, ср., напр., якут. *бар-ыа-х* “давай пойдем вдвоем с тобой”, *манна олор-уо-х* “давай сядем здесь вдвоем с тобой”; ср. тувин. *ал-ыы-л* и *ал-ыы-л-ы* “давай будем брать вдвоем с тобой”, *кэр-ээ-л* и *кэр-ээ-л-и* “давай посмотрим вдвоем с тобой” [Киекбаев, с.151].

Однако в живой калмыцкой речи при обращении ко всем присутствующим к форме типа *йов + цхай* “давайте пойдем все вместе” присоединяется аффикс *-цхай*. Этот факт не оставляет сомнения в том, что форма побудительно-желательного наклонения в калмыцком языке на *-цхай*; ср. в монгольском *-цгаа*, *-цгоо*, *-цгээ*, *-цгөө* исторически является двойственным числом, показателем которого служил элемент монг. *-г*, калм. *-х*. В связи с этим монгольскую форму типа *явь-я* (калм. типа *йов-ий*) “пойдем вместе с тобой”, соответственно *хэль-е* (*кел-ий*) “скажем с тобой вместе”, *очь-ё* (*оч-ий*) “пойдем вместе с тобой” исторически следует считать двойственным числом. Поэтому в калмыцком языке, на наш взгляд, имеется собственно множественное число на *-видн*, *-тн*, *-т*, например, *умшнавидн* “читаем”, *умшнат*

“читают”, *умштин* “читайте”. Направление, в котором идут эти отклонения от обычной синтаксической нормы монгольских языков, позволяет определить семантику категории множественности основы имени, которая выражает не раздельную множественность, а собирательную и соответственно употребляется с глагольным предикатом в форме единственного числа.

Основа имени в монгольском языке совпадает с безаффиксальной формой винительного, дательно-местного падежей и представляет собой имя собирательное. Основа падежа не имеет специальных падежных форм, а основа имени при наличии определяемого, акцентирующего множественность, и вообще, если должна быть обозначена раздельность, принимает формальный показатель множественности.

Для ранней стадии развития монгольских языков характерно противопоставление категорий одушевленности и неодушевленности. Неодушевленные имена в монгольских языках не могли обозначать действителя и служить субъектом при переходных глаголах. В свете этого различия открытие, сделанное Шмидтом, может быть сформулировано таким образом, что единой категории множественности, характерной классическому монгольскому языку, предшествовало состояние языка, при котором предметная множественность распространялась на имена одушевленные, а из неодушевленных имен выделились собирательные имена и, как считает Шмидт, множественность в категории собирательности появляется лишь с переходом к номинативному строю, в котором снимается старое противопоставление классов активного и пассивного [W. Schmidt. Die Sprachfamilien u. Sprachkreise d. Erde, p.316].

Связь между противопоставлениями категории одушевленности и неодушевленности в классификации имен и оппозициями внутри категории числа показана в монгольских языках. Для обозначения множества лиц, например, в калмыцком языке используются следующие аффиксы: *-нр*, *-чуд*, *-муд*. В современном монгольском и бурятском языках аффиксы множественности принимают имена, обозначающие людей и родственные отношения. В этих языках слова, обозначающие лицо, отвечают на вопрос кто? и мыслятся в единственном числе, от которых формально образуется множественное число с помощью специальных показателей, а слова, не обозначающие людей, мыслятся скорее всего во множественном, чем в единственном числе. В калмыцком языке предикат обычно согласуется с субъектом в числе, когда речь идет о лицах действующих, и не согласуется (никогда!), когда речь идет о предметах неодушевленных.

Известно, что в языке XIII столетия было распространено согласование определяемого в числе при именных и количественных определениях, например, *dörben köüd* “четыре мальчика”, *sayid okid* “хорошие девочки”, *mingyan turxaud* “тысяча турхаутов”. Во втором примере ни одна из основ

не содержит в своем значении элемента множественности, здесь речь идет о формальном согласовании определения и определяемого, первый пример представляет семантическое согласование без формального и в третьем примере показатель множественности принимает числительное. Примеры формального согласования при числовом определителе в древнемонгольском языке, например: *Dayir Boro хояр аytastu бүlee* “Было у него два мерина, Дайр и Боро”; *Gurban neürid ʧajar-a хaraxu бүlee* “Мог видеть на расстоянии трех кочевков” (Сокр. Сказ., §3, 4, 10, 11); *Mingʧad mingʧad-ača iḡaju ilegsed naiman mingʧad turxaud bolba* (226) “Стало восемь тысяч турхаудов, отобранных и посланных от каждой тысячи”.

С.А. Козин считает, что “язык XIII столетия устанавливает правило об обязательном согласовании в числе расположенных имен: *sayin okin, sayid okid*. Однако правило это ограничивается целой системой исключений смыслового, логического характера. Числовой определитель требует определяемого во множественном числе, в каком бы числе не стоял определитель” [Козин, с.125].

В языке XVII века уже произошел сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону современных языковых норм, но, как замечает М.Н. Орловская: “Употребление множественного числа в “Алтан тобчи” довольно существенно отличается от того, что мы находим в современном языке” [Орловская 1984, с. 60]. Примеры: *arban qoyar qad* “двенадцать ханов” (АТ 1, 27). Эти синтаксические противоречия и отклонения от современных норм в памятниках дают богатый материал для грамматических изысканий и открывают возможность разобраться в путях развития категории множественности.

Противоречие категории числа обнаруживается и при морфологическом анализе. Если в древнемонгольском языке все агглютинативные образования были причастны к категории множественного числа, то и категория множественного числа находит свое формальное выражение в аффиксах.

В древнем языке отсутствуют супплетивные формы числа личных местоимений, так как все местоимения, по мнению С.А. Козина, “принимают форму множественного числа”.

Ср. калм.
би – бидн

та – тадн
тер – тедн

монг.
би – бид

та – та нар
тэр – тэд

бур.
би – бидэ, бидэнэр

та – таанар, таанад
тэрэ – тэдэн, тэдэнэр

Например, в калмыцких личных местоимениях появляются двойные показатели множественного числа. Это, видимо, вызвано тем, что значение множественности в современном калмыцком языке ослаблено. По наблюде-

нию Ц.Б. Цыдендамбаева, простые суффиксы множественности выражают ограниченное или незначительное множество.

В монгольском языке множественность деятелей выражается аффиксом *-цгаа* со значением множественности, например, *сууцгаа* “сядемте”, *явцгаа* “пойдемте”, к которому затем присоединяются различные формы глагольных наклонений, как в данном примере пригласительная форма повелительно-желательного наклонения; ср. *сууцгаав* “сели”, *сууцгаасан* “севшие” и т.п. Это особое положение своеобразного согласования по лицу и предикату свойственно и древнему языку. Перед нами синтаксический архаизм, то есть отклонение от обычной синтаксической нормы, позволяющее определить семантику множественного числа предиката, который выражает не раздельную множественность, а собирательность и соответственно сочетается с личным местоимением во множественном числе.

Так, рядом с обычным согласованием по лицу и предикату, для калмыцкого языка характерно употребление единственного числа глагола при подлежащем во множественном числе. Во фразе калм. *куукд ирв* букв. “дети пришел”, то есть “дети пришли” синтаксическое противоречие согласования глагола в единственном числе с подлежащим множественного числа получает таким образом объяснение в возникновении множественного числа подлежащего из категории собирательности, что устанавливается не только семантически, но и морфологически.

Выше рассматривалось множественное число в его противопоставлении с единственным числом; теперь необходимо взглянуть на него с точки зрения оппозиции числовых определителей. Для характеристики множественного числа в монгольских языках следует отметить, что существительное при числительных не ставится во множественном числе. Это происходит по той причине, что идея собирательности, множества заключается уже в самом слове, например, калм. *нэг гер* “один дом”, *хойр, хурвн, арвн, зун гер* букв.: два, три, десять, сто дом”.

По наблюдению С.А. Козина, многие количественные числительные в древнем монгольском языке принимают множественное число со значением предположительной множественности.

Грамматическое множественное число характеризует историческое состояние монгольских языков и длительный процесс развития мышления и языковых категорий, вступавших между собой в противоречие, сменявших и покрывавших друг друга. Во множественном числе монгольских языков, как основной грамматической категории основы имени, лежат многообразные значения тех категорий, которые заменены категорией множественности и семантически, и синтаксически.

Некоторые виды употребления множественного числа, связанные с отвлеченными понятиями, ослабевали в языке XVII столетия, но такие типы

семантических функций, как значение собирательной совокупности, собирательной вещественности, заложенные в категории монгольского множественного числа, сохраняются и по сей день в живых монгольских языках.

Таким образом, выше проведенное исследование категории множественности в монгольских языках показало, что она в них не вполне идентична категории множественного числа и категории единственного числа в индоевропейских языках. Своеобразием монгольских языков является то, что основа имени здесь индифферентна к категории числа и может выражать без изменения своей формы как единичность предметов, так и их парность (двойственность) и неопределенную множественность. При этом единичность парных предметов выражается сочетанием основы имени, обозначающего парный предмет со специальным словом-конкретизатором, указывающим на единичность таких предметов. В монгольских языках, кроме единичности и парности, также различают типы неопределенной множественности: собирательная, предметная, дискретная, паукальная, пейоративная, предположительная. Неопределенная множественность выражается не только основой имени, но и морфологически – при помощи специальных аффиксов. Определенная множественность выражается сочетанием основы имени с соответствующим числительным.

1.5. КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Принадлежность, как именная грамматическая категория, представляет собой “языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого” [Бондарко 1996, с.99]. Принадлежность охватывает систему взаимодействующих средств данного языка, служащих для выражения вариантов отношений принадлежности. Эти отношения определяются различными функциями, связанными со следующими типами конструкций принадлежности:

1) атрибутивные типа калм. *мини цаг* “мое время”, *көвннэ дегтр* “книга сына”, *экин гер* “дом отца”;

2) предикативные типа калм. *намд цаг бээнэ* “у меня есть время”, “я имею время”. Данные высказывания приводят к понятию ситуации принадлежности. Структура принадлежности выражается различными средствами высказывания и представляет собой ситуацию передаваемого высказывания, раскрывающего отношения принадлежности. Например: калм. *Намд эн дегтр бээнэ* “У меня есть эта книга”, где ситуация принадлежности с элементами “лицо – обладатель” и “предмет обладания” и “отношение, связывающее предмет обладания с обладателем”.

Анализируя ситуацию принадлежности, необходимо принимать во внимание не только ее понятийную основу, но и ее компонент, связанный

со смыслом ситуации, определяемой конкретной формой его выражения в данном языке. В вышеприведенном высказывании отношения принадлежности характеризуются следующими признаками, во-первых, предметом обладания как носителя признака предиката, который занимает основное положение в высказывании, во-вторых, признак предиката обладания рассматривается как предмет обладания в сфере обладателя, в-третьих, обладатель представлен как субъект, к которому относится предмет.

По-другому будет рассматриваться структура ситуации принадлежности в высказывании: калм. *Терчнь дегтрэ* “Он имеет книгу”, где предмет обладания в подобных конструкциях, как считает А.В.Бондарко, интерпретируется как зависимая субстанция – прямой объект, зависящий от предикативного признака и не занимающий, таким образом, вершинного положения в синтаксической структуре предложения, и в котором предикативный признак обладания представлен как распространение отношения обладания, исходящего от субъекта-обладателя, на предмет обладания как прямой объект; обладатель трактуется как субъект, выступающий в позиции подлежащего, то есть как независимая субстанция – носитель предикативного признака обладания [Бондарко 1978, с.100-101].

Таким образом, основа ситуации принадлежности с элементами “предмет обладания”, “обладатель” и “отношение обладания” в конструкции типа калм. *Намд дегтр бээнэ* “У меня есть книга” рассматривается как наличие предмета обладания в сфере обладателя, а в конструкции калм. *Терчнь дегтрэ* “Он имеет книгу” обладатель-субъект выступает в роли объекта. В основе категории принадлежности лежат отношения обладания, поссесивности, партитивности и тому подобное. Сложность данной категории приводит к различным ее толкованиям. Одни языковеды значение принадлежности сводят к значению обладания, владения, тогда как другие склонны понимать данную категорию, как имеющую связующее значение, реализующееся в сочетаниях самой различной семантики [Вольф 1977; Селиверстова 1983].

А.П. Рифтин в понятие принадлежности включает субъектно-объектные отношения, более тесные, чем просто соположение в пространстве [Рифтин 1946]. Все живые существа, явления действительности, вещи, предметы тесно связаны между собой и не могут существовать отдельно друг от друга. Эта соотнесенность предметов и явлений действительности выражается через язык, который является средством общения. В любом языке существуют закономерности выражения соотношения вещей и явлений действительности определено или неопределенно. Эта закономерность в языке рассматривается под названием “категория принадлежности”.

Таким образом, категория принадлежности отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризованные нашим сознанием [Бондарко 1996, с.101]. Такие связи в языке вы-

ражаются противопоставлениями “чужой” – ”свой”. Как правило, все языки обладают теми или иными средствами выражения данного противопоставления. В монгольских языках значение личной и возвратной принадлежности грамматикализируется [Бобровников 1849; Козин 1946; Ш. Лувсанвандан 1968; Санжеев 1953; Цыдендамбаев 1979; Л.Чойжинжав 1989; Чингелтей 1989; Өнөрбаян, Пүрэв-Очир 1991; Пюрбеев 1994; Бямбасан 1997; Орловская 1999 и др.].

В основе категории принадлежности, как уже сказано выше, лежат отношения обладания. В понятие принадлежности монгольские языки вкладывают любое отношение между двумя сущностями, более тесное, чем простое соположение в пространстве. В данном толковании понятие принадлежности совпадает с категорией формообразования. Различные смысловые оттенки общего понятия “принадлежность”, “обладание” проявляются, в принципе, в разных языках, но по-разному. Сущность категории принадлежности заключается в выражении данной категории одновременно и предмета обладания и одного из трех лиц его обладателя. При этом необходимо иметь в виду, что не во всех случаях грамматическое значение формы совпадает с лицом реального обладателя. Ср. калм. *дегтр* “моя книга” (книга принадлежит мне), но *нутгм* “моя родина”, *сурһушм* “моя школа”, *багшм* “мой учитель”.

Соотношение принадлежности осуществляется в языках двумя основными способами: аналитическим и синтетическим – путем присоединения специальных поссессивных аффиксов к основе слова. Выявление соотношения принадлежности, например, в китайско-тибетском, индоевропейских языках осуществляется аналитическим способом, в финно-угорских языках – синтетическим способом, а в алтайских языках, в частности в монгольских, применяются оба способа.

Категория принадлежности и способы ее выражения очень подробно исследованы в тунгусо-маньчжурских, тюркских языках, в монгольских языках эта категория изучена недостаточно. И множество вопросов, касающихся этой проблемы с научно-практической стороны, остается недостаточно решенным. Особенно нуждается в исследовании внутренняя сторона категории принадлежности, ее стилистическая функция.

Как известно, понятие принадлежности в монгольских языках выражается как лексико-синтаксическим способом, то есть личными местоимениями в родительном падеже единственного и множественного чисел, выступающими в качестве определения, например:

МОНГ.

миний нам
чиний дүү
түүний бодол
өөрийн санал

КАЛМ.

мини дегтр
чини дүү
түүнэ бодл
эврэ санл

БҮР.

минии нам
шинии дүү
тэрэнэй бодол
өөрын һанаа,

так и морфологическим способом: монг. *Саналаа хэлэх*, калм. *Санаһан келх* “Высказать свою мысль”; бур. *Гэрэйнгээ хажууда* “Около своего дома”, *Ахамни ерэбэ* “Мой брат пришел”.

Следует признать, что в монгольских языках морфологический способ является одним из основных грамматических признаков принадлежности у существительного. Формантам монг. *-аа/-оо/-өө/-ээ*, калм. *-ан/-эн*, бур. *-аа/-оо/-ээ/-өө*, *-яа/-еэ/-ёо* присуща высокая степень грамматикализации, и они по своей семантике не выражают конкретного лица и числа, но и не выражают и его абстрактности, они просто отсылают к лицу и числу субъекта предложения. Среди этих формантов мы не находим таких, которые в своем значении сохранили хотя бы остаточную лексичность. Иначе говоря, отсутствуют полувещественные, полуграмматические единицы, свидетельствующие о генетических связях царства морфем и царства слов, у которых нет каких-либо лексических коррелятов. Глубокая древность этих формантов стерла следы их происхождения. В силу этого можно считать, что отсутствие лексических коррелятов и невозможность возведения грамматической единицы к своему истоку есть признак принадлежности к старой морфологии. Если среди грамматических морфем встречаются незтимологизируемые единицы, то это всегда свидетельство их более раннего происхождения, чем остальной массы грамматических морфем, или свидетельство заимствования из других языков.

Частицы личного и возвратного притяжания в монгольских языках – инновация в морфологической системе этих языков. Они принадлежат именам, а произошли эти частицы, как пишут монголисты, “от форм родительного падежа соответствующих личных местоимений” [Цыдендамбаев, с.74-75]. В то же время Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что в “монгольском письменном языке выразители категории личного притяжания находятся на стадии выделения: они по своей форме не отличаются от родительного падежа соответствующих личных местоимений, но занимают фиксированное постпозитивное положение по отношению к имени” [Цыдендамбаев, с. 75]. Если в старомонгольском языке эти частицы довольно близки местоименным формам, то в бурятском и калмыцком они в значительной мере деформировались.

1.5.1. Структура категории принадлежности имени существительного монгольских языков

Категория принадлежности (поссесивности) является универсальной в том смысле, что притяжательные отношения выражаются в любом языке, но при этом могут занимать в категориальной системе языка более центральную или более периферийную позицию. Функциональная нагрузка притя-

жательных синтагм неодинакова для разных языков; в монгольских языках употребление притяжательных местоимений более обязательно, чем в русском языке.

Категория принадлежности может располагать различными средствами выражения: синтаксическими, морфологическими, в том числе специальными частицами притяжания. Система местоимений может быть развитой, но может ограничиваться лишь одной косвенной формой личного местоимения и т.д. Смысловое различие этой категории не является единым. Различия в выражении отношения принадлежности части целому, члена класса к классу активного и пассивного обладания, постоянного и временного обладания и собственного обладания (материального) в некоторых языках могут передаваться грамматическими средствами.

Утверждение, сделанное К.-Х. Уленбеком, в полной мере можно применить и к монгольским языкам о том, что европейцы, хотя и могут понять различия в смысле, передаваемые притяжательными конструкциями индейских языков, однако не могут выразить эти различия в своем языке [Уленбек, с. 207]. Постараемся проанализировать данное положение: носители языка не могут достаточно четко выразить определенные смысловые различия, о чем свидетельствует, во-первых, эти различия с достаточной ясностью осознаются, а во-вторых, носители языка считают возможным построить свое высказывание так, чтобы оно не вызывало никаких недоразумений, а в-третьих, поиски говорящего приводят их к ошибочному использованию языковых средств. Например, в русском языке “собственно принадлежность”, обладание, не выражается особыми грамматическими формами, а выводится из значения лексических компонентов посессивной синтагмы из контекста.

В монгольском языкознании противопоставление принадлежности-непринадлежности выражается формальными показателями типа калм. *мини гер* “мой дом”, *мана ах* “наш брат”. Имена существительные с грамматической точки зрения в монгольских языках характеризуются категорией числа, падежа, принадлежности. Это означает, что данное существительное должно соотноситься с другим существительным или глаголом, поэтому в словосочетаниях: калм. *ах ирх*, монг. *ах ирэх* “брат придет”; калм. *дегтр умших*, монг. *ном униших* – “книгу прочитает”. Следовательно, можно сказать, что основы *ах* “брат”, *дегтр (ном)* “книга” имеют форму падежа и числа:

1) калм. *ах ирх*, монг. *ах ирэх* – форма именительного падежа со значением единичности, выраженная основой;

2) калм. *дегтр умших*, монг. *ном униших* – форма неоформленного винительного падежа со значением единичности, выраженная основой. Если мы смогли в данных словоформах определить значение падежа и числа, то у нас появляется возможность выявить категориальный признак принадлежности,

который присутствует в данных основах. Основы *ах, дегтр (ном)* выделяются от других ему подобных, например, монг. *номоо унших* “читать свою книгу”, *ах минь ирэх* “мой брат придет”; калм. *дегтрэн умших* “читать свою книгу”, *ахм ирв* “мой брат пришел”, в которых можно легко увидеть формальные показатели, характерные категории принадлежности.

Таким образом, основам *ах, дегтр (ном)* характерно значение категории принадлежности, так как в монгольских языках имеет место противопоставления форм принадлежности-непринадлежности.

калм.	монг.	бур.	рус.
<i>дегтр умших</i>	<i>ном унших</i>	<i>ном уншиха</i>	читать книгу
<i>ах ирв</i>	<i>ах ирэх</i>	<i>аха ерэхэ</i>	брат придет
<i>ахм ирх</i>	<i>ах минь ирэх</i>	<i>ахамни ерэхэ</i>	мой брат придет
<i>ахчнь ирх</i>	<i>ах чинь ирэх</i>	<i>ахашни ерэхэ</i>	твой брат придет

Категория принадлежности, как и любая другая категория имени существительного, в монгольских языках тесно связана с конкретным мышлением человека, языком и речью, определенностью-неопределенностью. Понятие принадлежности в разных языках практически может быть выражено по-разному – морфологически, синтаксически или фонологически, грамматическая категория принадлежности может подвергаться изменению: одни показатели принадлежности могут утратить свое значение, уступив место другим показателям, выражающим то же понятие принадлежности.

Понятие принадлежности может выражаться в языке специальными показателями принадлежности и эти показатели могут относиться к разным частям речи. Понятие принадлежности может быть перенесено с одной части речи на другую, как это характерно для монгольских и тюркских языков. Аффиксы принадлежности генетически связаны с личными и возвратными местоимениями и некоторые из них имеют внешнее фонетическое сходство.

1.5.2. Типы конструкций, выражающих принадлежность

Объектом предлагаемой классификации являются конструкции, передающие отношения принадлежности, характер которых определяется взаимодействием лексической семантики глагола и значений имен. При составлении перечня конструкций нами учитывались и случаи, зафиксированные исследователями [Бирюлин 1984; Ильинская 1983; Ковалева, Метакса 1974; Вольф 1974; Bendix Ivic 1970 и др.].

Классификация основана на семантике глагола и семантике объекта: *Первый тип конструкций* отражает отношения “человек (животное) – тело (конечности или отдельные органы, части туловища и т.п.)”. Конструкции обозначают различные способы и виды физического существования тела, владение им человеком, уход за ним, возможные травмы и тому подобное.

Данный тип характеризуется несколькими группами, которые различаются лексической семантикой глагола:

1. Глаголы моторики, среди которых выделяются группы глаголов, выражающих:

а) общий вид физико-моторного состояния тела: монг. *гар, нуур, гэдэс, буличингаа суулах*; калм. *гаран, зьлкэн, чирэһэн, бульчнган сулдох*; бур. *гараа, шарайгаа, гэдэһээ, байсангаа һуладхаха* “расслабить руки, лицо, живот, мышцы”; монг. *хүзүү, гараа чангалах*; калм. *күзүгэн, гаран чангнх*; бур. *хүзүүгээ, хүлөө эршэлэх* “напрячь шею, ноги”; монг. *сормусаа, хуруугаа хөдөлгөх*; калм. *сормсаран, хургаран көдлх*; бур. *һорьмоһоо, хургаа хүдэлгэхэ* “шевелить ресницами, пальцами”, монг. *уеудоо ходолгох*; бур. *үе мүсөө хүдэлгэхэ* “двигать конечностями”;

б) направленное движение конечностями или туловищем: монг. *гар, хүзүү, хуруугаа сунгах*, калм. *гаран, күзүһэн, хурһан сунгх* “вытянуть руки, шею, палец”; монг. *нуруу, тохой, өвдөгөө тэгшилэх*, калм. *нурһан, тохаһан, өвдгэн чикрүлх* “выпрямить спину, локоть, колено”; монг. *гар, хал, нүд, эрүүгээ (оочоо) дээш доош хөдөлгөх*, калм. *гар, көл, нүдэн, оочан нааран царан көдлүлх* “поднять, опустить ноги, руки, глаза, подбородок”; монг. *гар, хөлөө алдлах* “раскинуть руки, ноги”;

в) движение, направленное на высвобождение конечностей или частей туловища: монг. *гар, хөл, толгойгоо чөлөөлөх*; бур. *гараа хүлөө, толгойгоо сүлөөлэх* “освободить руки, ноги, голову”; монг. *тулгуур хөлөө чөлөөлөх*, бур. *хүлөө тулгууриһаа холодуулиха* “оторвать ноги (от опоры)”, монг. *гараа халааснаасаа гаргах*, калм. *гаран карманасн һаргх*; бур. *гараа хармаанһаа гаргах* “вытащить руки (из кармана); монг. *амандаа хуруугаа хийх (гаргах)*, калм. *амндан хурһан авх (һаргх)*; *хургаа амандаа абаха (гаргах)* “засунуть, вынуть палец (изо рта)”;

г) название специфических жестов: монг. *шүд хэмхийгөө зуух*; бур. *шүдөө, урлаа жэмылгэхэ* “стиснуть зубы, губы”; монг. *гар, хуруугаа атгах (сумах)*; бур. *нюдаргаа бажууха, хургаа адхаха* “кулаки, пальцы, сжать, сомкнуть”;

д) движение, связанное с мимикой: монг. *духаа үрчийлгэх*; бур. *духаа уршылгах* “наморщить лоб”; монг. *хөмсөгөө зангидах*, бур. *нидхээ буулгах* “нахмурить брови”; монг. *уруул, нүүрээ үрчийлгэх*; бур. *уралаа һарилгах*, *нюураа уршылгах* “скривить губы, лицо”; монг. *нүүр амаа нээх (хаах)*, калм. *аман хаах (ангах)*; бур. *нюдоо нээхэ (хааха)* “закрыть, открыть глаза, рот”; монг. *аньсгаа аних*, бур. *нюдоо аниха* “смежить веки”;

е) размещение тела в пространстве: монг. *толгойгоороо адарт (тааз) тулах*; бур. *толгойгоороо үһээ тулаха* “упереться головой в потолок”, монг. *нуруугаа тулах* “локтем в спину”; монг. *нуруу, гэдэс, мөрөөрөө хана туших*; бур. *ханада нюргаараа, гэдэһээрээ няалдаха, эзмээрээ тулаха* “прижаться спиной, животом, плечами к стене”.

2. Глаголы “нанесения локального ущерба”: монг. *бугуй, хацар, хөл гараа зүсэх*; бур. *гараа, хулоо, хасараа, сарбуугаа адаха* “порезать руку, ногу, щеку, кисть”; монг. *гар, тавхайгаа хатгах*; бур. *гараа, улаа хадхаха* “уколоть руку, ступню”; монг. *хол, ташаа, эгмээ хуглах*; бур. *хүлөө, эзмээ, могоо хугалха* “сломать ногу, ключицу, бедро”. Особенностью конструкций с такими глаголами является ролевая семантика. Это не агенс, а экспериенцер; действие в силу этого осмысливается как непреднамеренное. Возможны специфические контексты, в которых эксплицируется целенаправленность действия, примеры типа бур. *Тэрэ түргэн хүдэлсөөр хургаа хадхаба, тийхэдэн шуһанай дуһан бии болобо, тэрэ шуһаараа гараа табиба* “Он резким движением уколол палец – появилась капля крови, которой он и расписался”.

Подобные значения целенаправленного действия в монгольских языках могут выражаться не теми глаголами, а их словообразовательными коррелятами: *арьсаа эсгэх (зүсэх)* “разрезать кожу”; *гараа түлэх (хайрах)* “прижечь руку”.

3. Глаголы “туалета”, обозначающие уход за телом: монг. *гар, хөл, толгойгоо угаах*; бур. *гараа, хүлөө, толгойгоо угааха* “мыть руки, ноги, голову”; монг. *үсээ самнах*; бур. *үһээ һамналха* “причесывать волосы”; *ээрүү, нүүр, сахлаа хусах*; бур. *һахалаа, үргөө жоһаха* “брить бороду, лицо, подбородок”; монг. *нуруу, цээж, хөлөө арчих*; бур. *нюргаа, үбсүүгээ, хүлөө аршаха* “вытирать спину, грудь, ноги”.

4. Глаголы контролируемого воздействия на части тела, органы тела: монг. *хоолой, чих, шарх эмнэх* “лечить горло, рану, уши”; *шархаа долоох* “лизнуть свою царапину”; *хөлөө мажих* “чесать свои ноги”.

5. Глаголы, обозначающие функциональные действия отдельных частей тела и органов: монг. *нүдээрээ үзэх*, бур. *нюдөөрөө хараха* “смотреть глазами”; монг. *чихээрээ сонсох*; бур. *шэхээрээ дуулаха* “слушать ушами”; монг. *гараараа авах*; бур. *гараараа абаха* “брать руками”; монг. *хуруугаараа тэмтэрэх*; бур. *хургааараа шэмхэхэ* “щупать пальцами”; монг. *хамраараа үнэртэх*; бур. *хамраараа үнэрдэхэ* “нюхать носом”; *арьсаараа мэдрэх*; бур. *арьһаараа мэдрэхэ* “осязать кожей”. Данное значение в монгольских языках передается формой орудного падежа, что эксплицируется в перифразах вида: человек смотрит при помощи глаз, слушает при помощи ушей, осязает через поверхность кожи. К этому типу примыкают конструкции, передающие духовные, идеальные проявления: бур. *зүрхөөрөө, ухаагаараа ойлгохо* “понимать сердцем, умом”; *сэдьхэлээрээ мэдрэхэ* “чувствовать душой”. Однако в этих случаях значение (орудийности) инструментальности ослаблено.

6. Глаголы физического состояния субъекта. В конструкциях с такими глаголами, например, элемент *A*, подлежащее, не является агенсом и оказывается менее активным, нежели *B*: примеры типа бур. *Тэрэ нюдөө, гэдэнһээ, шүдөө үбдэжэ зобоо* “Он мучился глазами, животом, зубами (ср. *шүдэнэй*

үбшэн тэрэнийн зобоогоо ”зубная боль мучила его”); Тэрэ эхшарайнь гэнтэ хубилна “Она изменилась в лице” (ср. тэрэнэй шарайнь гэнтэ хубилшаба “ее лицо изменилось”); Тэрэ хүнэй гансашье нюурьнь бэшэ, мүн хүзүүнийн улайшаба “Он покраснел не только лицом, но и шеей”; (ср. тэрэнэй нюур болон хүзүүнийн улайба “у него покраснели лицо и шея”); Тэрэнэй шарайнь сухигар “Он бледен лицом” (ср. тэрэнэй шарайнь үнгэ зүһэгүй “лицо у него бледное”). Хотя элемент В, как и в предыдущем типе, представлен родительным падежом, ролевая семантика этого элемента в рассматриваемых типах конструкций принципиально разная: если в предыдущем типе она близка к инструментальной, то здесь это локализатор состояния.

Второй тип конструкций принадлежности служит для передачи отношений “человек – его одежда, пища”. Наиболее репрезентативные группы:

1. Глаголы, называющие манипуляции с одеждой бур. үмдэхэ “надеть”, тайлаха “снять”, тобшолхо “застегнуть”, шагталха “застегнуть”, уяха “завязать”, тайлаха “развязать”.

2. Глаголы потребления пищи: бур. сай ууха “пить чай”, лапша эдилхэ “есть лапшу”, зөөхэй эдихэ “есть сметану”, крем туршаха “пробовать крем”. Выражаемые отношения также близки к принадлежности, хотя как и в предыдущем случае, отношения между А и В более сложные, поскольку их референты в материальном плане независимы друг от друга – референт В не является составной частью А. Однако функциональная связь между ними несомненно существует, и В мыслится как нечто принадлежащее А, а не другому лицу, например типа бур. Тэрэ сай уугаад, тамхия үнэрдэбэ “Он выпил чай, и понюхал табуку” предполагается, что “чай” и “табак” предназначались (или принадлежали) именно ему. Если ситуация иная, то это должно находить отражение в контексте: Ши минии сай уугааш! “Ты выпил мой чай!”; үбгэн абымни тамхи юундэ үнэрдэнши? “Почему ты нюхаешь дедушкин табак?”

Третий тип образуют конструкции принадлежности, в которых передаются отношения “человек – его внутренние свойства, социальное, психическое, речевое и тому подобное поведение”. Данные отношения обозначают не материальные предметы, а явления, связанные с духовными, поведенческими, темпоральными характеристиками, они фиксируют связь двух материальных объектов. Эти сущности являются неотъемлемыми свойствами человека в тот момент, когда они проявляются. Этот тип представлен следующими группами:

1. Глаголы социального поведения (физических и социальных проявлений):

а) глагол обозначает самое общее значение “утраты”, В обозначает либо присущие человеку способности, либо какие-то свойства, связанные с

социальным поведением монг. *цагаа алдах*; бур. *сагаа гээхэ* “потерять время”. монг. *нэр хүнд, найдвараа алдах*, бур. *нэрэ хүндэээ алдаха, найдалаа гээхэ* “потерять авторитет, надежды”;

б) глагол обозначает “проявление, обнаружение” свойств человека как физического и духовного объекта: бур. *хүсэ шадалаа, сэсэн ухаагаа харуулха* “проявить силу, слабость, мудрость”; монг. *сэтгэл зүрхээ нээх* “открыть чувства, душу, сердце”; *өөрийн дүр байдал, харамчаа харуулах* “показать свою жадность, нагуру, лицо”;

в) глаголы “посвящения” типа монг. *өөрийн ухаан хүч, амьдралаа зориулах* “посвятить свою жизнь, свои силы, свой ум”; *хүчээ гаргах* “приложить усилия”; *сэтгэл зүрхээ хамгаалах* “отдать силы, сердце”;

г) глаголы “защиты” типа монг. *өөрийн сонирхол эрхээ хамгаалах* “защищать свои права, интересы”.

2. Глагол в сочетании с именем передает идею саморазвития, внутреннего совершенствования свойств и качеств личности как физических, так и духовных монг. *хүч чадал олох* “обретать силу”; *бие болон зоригийн хүчээ бэлтгэх* “тренировать тело, силу воли”; *хүч боломж авхаалж самбаагаа хөгжүүлэх* “развивать способности, усиливать восприимчивость”.

3. Глагол обозначает психическую или речевую деятельность; выражается оценка поступков, событий, чувств: монг. *айхыг мартах* “забыть страхи”, *амьдралаа эргэж цэгнэх* “пересмотреть жизнь”, *үг хэлэх* “произнести речь”, *аягүй зүйлийг мартах* “забыть неприятности”.

Перечисленные выше типы конструкций в основном достаточно репрезентативно иллюстрируют типы конструкций со значением принадлежности

1.5.3. Грамматические особенности конструкций, выражающих принадлежность

Рассматриваемые конструкции, как правило, являются формально переходными (второй актант выражен прямым дополнением). Семантика переходности связана с направленностью субъекта действия на какой-то объект [Бенвенист 1974; Степанов 1978].

Направленность действия субъекта на объект, благодаря наличию и при помощи которого действие может быть осуществлено: монг. *нүдээрээ ном унших*; калм. *нүдэрни дегтр умих*, бур. *нюдөөрөө ном уншиха* “читать книгу глазами”; монг. *нүдээрээ (хараагаараа) байгалийн дүр байдлыг үзэх*, бур. *нюдөөрөө байгаали хараха* “видеть пейзаж глазами (зрением)”; *ухамсараараа нөхцөл байдлыг ойлгох*, бур. *ухаагаараа байдал ойлгохо* “понимать ситуацию разумом”, монг. *гараараа цэцэг таслах*; калм. *гарарн цецгэ таслх*, бур. *гараараа сэсэг таһалха* “рвать цветы руками”.

На наличие компонента направленности и его влияние на содержательную и грамматическую сторону конструкций обращали внимание Дж. Лакофф, У. Чейф, Э.Ш. Генюшене.

Примером данного компонента в выражаемом значении являются конструкции, образованные глаголами моторики монг. *булчингаа суллах*, бур. *балсангаа нуладхаха* “расслабил мышцы” (ср. монг. *зангиагаа сулгах* (*суллах*) “расслабил галстук”), *гараа сунгах* “вытянул руку” (*уяа татах* “вытянул веревку”), монг. *духаа атируулах*, бур. *духаа уршылгаха* “наморщил лоб”, монг. *амаа хаах* “закрыв рот” (*хаагаа хаах* “закрыв дверь”).

Если допустить наличие компонента направленности в значении высказывания, то конструкция прочитывается иначе, не как обозначение движений собственного тела, а как случай воздействия на тело одного лица другим лицом: монг. *тэр өвчтөний хүнд хөлийг нь тавив*, бур. *тэрэ үбшэнтэнэй хүльеень доошонь болгобо* “он опустил больному ноги”, монг. *хүүхдийн хурууг дэлгэв*, бур. *эхивүүнэй хурга тэнийлгэбэ* “распрямил ребенку пальцы”.

Наличие данного компонента возможно и у глаголов “мимики”, ср. монг. *Хүүхэдийн хэмсөгөө зангидав*, бур. *Тэрэ үхибүүдэндэ нидхээ буулгаба* “Он нахмурил ребенку брови”; монг. *духаа үрчийлгэв*, бур. *тэрэ духаа уршылгаба* “он наморщил лоб”; *тэр шүдөө зуув*, бур. *тэрэ шүдөө зууба* “он стиснул зубы”.

Конструкции без инструментального компонента выражают ограниченное действие, движение. Предположим, что ситуация состоит не из двух, а из одного участника, выполняющего движение определенного типа, ср. монг. *Тэр гараа халааснаасаа гаргав* “Он вытащил руку из кармана”; *Тэр гараараа халааснаасаа ном гаргав* “Он вынул книгу из кармана рукой”; *Гараараа чулуу өргөв* “Поднял камень рукой”. Сказанное дает основание трактовать подобные конструкции, с точки зрения содержания, как непереходные, которые называют ситуацию с одним участником.

Направленность действия может быть представлена тогда, когда один из компонентов конструкции называет часть тела, как это имеет место у глаголов “туалета”, например, монг. *Тэр үсээ самнав*, калм. *Тер усэн самнв* “Он причесал волосы”; монг. *Тэр гараараа духаа арчив*, калм. *Гарарн маңнаһан арчв* “Он вытер лоб руками”.

Аналогичное явление наблюдаем и у следующих глаголов типа монг. *шархаа хэлээрээ долоов*, калм. *шархан келэРН долав* “лизнул царапину (языком)”, монг. *нэг хөлөө нөгөө хөлөөрөө мажих*, калм. *нег келэРН оңгдан келэн мажх* “почесать ногу другой ногой”.

В тех случаях, когда один из компонентов не часть тела, а элемент с собственным, независимым от другого компонента (второй тип конструкций). Такие конструкции обозначают ситуацию с двумя партиципиантами, где один воздействует на другой, и должны быть признаны истиннопереходными [Долинина 1996, с.133].

Следующая конструкция состоит из элементов, называющих состояние, свойство, качество, социальные характеристики, присущие другому. Поэтому ситуации, которые обозначаются данными конструкциями, отражают не конкретные воздействия на объект, а только определенную деятельность субъекта, связанную с проявлением тех или иных свойств, социального статуса. Примеры из монг. *Хүч чадлаа үзүлэх*; калм. *Чидлэн үзүлх* “Показать силу”, монг. *тоглооны дүрэм* “правила игры”, монг. *номоо үзүүлэх*; калм. *дегтрэн үзүлх* “показать книгу”; монг. *сэтгэлээ нээх*; калм. *зүркэн сэжх* “открыть чувства”, монг. *нүүрээ үзүүлэх*; калм. *чирэһэн үзүлх* “открыть лицо”; монг. *нууцаа нээх* “открыть секрет”, монг. *эрхээ хамгаалах* “защищать свои права”, монг. *хүүхдээ хамгаалах* “защищать ребенка”.

В конструкциях, где один из элементов не называет объект, а глагол не выражает воздействие, обозначается лишь сфера, в которой глагол проявляет активность, такое сочетание приводит к некоторой метафоризации значения глагола. Примеры из монг. *нэр хүндээ барах*, калм. *нерэн геех* “потерять авторитет”; монг. *тодорхой нөлөөгөө алдах* “утратить определенное влияние”, монг. *хүч чадлаа өгөх* “приложить усилия”, монг. *зорилгодоо тууштай зорих* “целенаправленно стремиться к чему-либо”. Здесь глагол вместе с зависимым словом образует как бы единый предикат, указывающий на обретение или утрату, демонстрацию каких-то свойств. Можно заключить, что типы конструкций принадлежности характеризуются следующими особенностями:

- один из компонентов является частью другого;
- второй компонент – принадлежность первого;
- второй компонент – разного рода темпорально ограниченные характеристики, свойства, особенности поведения первого компонента, которые могут проявляться, исчезать, усиливаться и так далее;
- второй компонент не всегда является объектом.

Таким образом, сочетание данных свойств в рамках одной конструкции существенным образом влияет на ее грамматические возможности, в первую очередь на способность образовывать непреходящие корреляты и на категориальное значения последних.

1.5.4. О развитии форм принадлежности в монгольских языках

В монгольских языках представлены формы личной и возвратной (безличной) принадлежности, которые имеют специальные аффиксы, а грамматическая категория принадлежности по своему значению распадается на личную и возвратно-безличную. Личная принадлежность выражает принадлежность предмета обладателю, различаемому по лицам и числам.

В современном монгольском языке для передачи формы личной принадлежности существуют специальные постпозитивные показатели, кото-

рые представляют шестичленный ряд личных форм с постпозиционными частицами притяжания *минь* “мой”, *маань* “наш”, *чинь* “твой”, *таань* “ваш”, *нь* “его”, “ее”, “их”:

Ед. ч. форма “моя юрта”

1-е л. *гэр минь* “моя юрта”

2-е л. *гэр чинь* “твоя юрта”

3-е л. *гэр нь* “его (ее) юрта”

Мн. ч. форма “наша юрта”

гэр маань “наша юрта”

гэр таань “ваша юрта”

гэр нь “их юрта”

Ср. примеры с показателями падежей (см. Ринчинэ А.Р. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947): *дүүд чинь* “твоему младшему брату”, *гэрт маань* “в нашем доме”, *моринд таань* “вашему коню”, *нохойгоос нь* “от его (ее, их) собаки”.

В притяжательных частицах сохраняется более древняя форма: *минь*, *чинь*, *маань*, *таань* внешне напоминают форму родительного падежа соответствующих личных местоимений *би* “я”, *чи* “ты”, **ба* “мы”, *та* “вы”, ср., например, *миний гэр* “моя юрта”, *чиний гэр* “твоя юрта”, *манай гэр* “наша юрта”, *танай гэр* “ваша юрта”.

Что касается монгольской притяжательной частицы *нь* и калмыцкого, бурятского аффикса принадлежности 3-го лица *-нь*, который пишется слитно с основой, например, калм. *гэрнь*, бур. *гэрнь* “его дом, их дом”, то эта частица и аффикс образовались из сочетания *-ни* или *-ний* у словоформы род. п. **ини* ~ *иний* “его, ее” от древнего личного местоимения **и* “он, она” по общей модели с монгольской формой *минь* “мой”, *чинь* “твой”: подобно тому, как от формы родительного падежа *миний*, *чиний* образовались притяжательные частицы *минь*, *чинь* с палатальным звуком *нь* в абсолютном конце слова, а от формы *ний* (или *ни*) образовался аффикс-частица *-нь*, который как звук является палатальным.

Притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* из *-ни*, бесспорно, имеет генетическую связь с тунгусо-маньчжурским аффиксом 3-го лица единственного числа *-н*, *-ни*. например, эвенкийский *гидан*, удегейский *гидани*, нанайский *гедани* “его копье”.

То, что ороцкая форма типа *угдань* “его лодка” произошла от формы *угдани* (в том же значении), не вызывает сомнения. Следует полагать, что бур. *хадань*, монг. *хаднь* “его гора” восходит к форме типа *хада-ни* ~ *хад-ни*. Другими словами, монгольский аффикс-частица *-нь* восходит к аффиксу *-ни*.

Таким образом, монгольский и бурятский аффикс *-нь* нельзя рассматривать как простой элемент, так как он является сложным образованием и в его составе есть скрытый элемент *-и*. То же самое можно сказать и об элементе *-нь* в составе халха-монгольских притяжательных частиц *минь* “мой”,

чинь “твой”, маань “наш”, таань “ваш”, которые являются краткой формой от притяжательных местоимений *мини(й)*, *чини(й)*, *мани*, *тани*.

Следует отметить, что притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* восходит к древнему показателю определенности *-н/-ни/*. Частица-аффикс *-нь* в монгольском языке закономерно употребляется и в функции определенно-го формального показателя в тех случаях, когда речь идет об определенном, уже упомянутом предмете. Примеры: монг. *Туулай үнэг хоёр байжээ, туулай нь ногоо иддэг, үнэг тахиа хулгайлдаг билээ* “Заяц и лиса вдвоем жили, заяц-то траву жевал, лиса-то кур воровала”. Можно сказать, что в данном примере элемент *-нь* с точностью соответствует определенному артиклю в европейских языках.

Укажем еще на одну характерную особенность монгольской притяжательной частицы *-нь*, связанную со значением определенности. Если основы с аффиксом принадлежности 3-го лица “*нь*” ставятся в винительном определенном падеже как объект, то аффикс винительного падежа *-г* опускается, так как *-нь* уже указывает на определенность. Ср. *муур* “кошка” и *мууринь* “его кошку” вместо ожидаемого *муурыг нь*; *эх* “мать” и *эхий нь* “его (ее) мать” вместо ожидаемого *эх-ийгнь*. Исчезновение элемента *-г* в монгольской форме нельзя рассматривать как фонетическое явление языке. Это скорее всего связано с морфологической категорией определенности.

Рассмотрим ниже более подробно систему форм личной принадлежности на примере бурятского языка.

В бурятском языке форма личной принадлежности имеет следующие аффиксы, например:

Ед. ч. Основа на гласную

1-е л. *ахам(ни)* “мой брат”

2-е л. *ахаш(ни)* “твой брат”

3-е л. *ахань* “его (ее) брат”

Ед. ч. Основа на согласную

гэрни “мой дом”

гэршини “твой дом”

гэрнь “его (ее) дом”

Мн. ч. Основа на гласную

1-е л. *ахамнай* “наш брат”

2-е л. *ахатнай* “ваш брат”

3-е л. *ахань* “их брат”

Мн. число Основа на согласную

гэрнай “наш дом”

гэртнай “ваш дом”

гэрнь “их дом”

Основа, оканчивающаяся на согласную имеет две параллельно употребляемые формы принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа, например, бур. *ахам* и *ахамни* “мой брат”, *эсэгэшни* “твой отец”. Это происходит от того, что форма типа *ахам* воспринимается как согласная основа и поэтому к этой основе наращивается аффикс принадлежности 1-го лица *-ни* для основ на согласную, например, *мални* “мой скот”, *гарни* “моя рука” и

тому подобное. Но форма типа *ахамни* в отличие от *ахам* имеет более конкретное значение.

В формах слов *-м* – лично-притяжательная частица типа *ахам* “мой брат” и *эсэгэм* “мой отец” восходит к **минь* и *-б* – лично-предикативная частица в *ахаб* “я – брат” и *эсэгэб* “я – отец” восходит к **би*. Данные формы следует считать древними. Они являются общими с формой принадлежности 1-го лица единственного числа в бурятском языке. Семантический сдвиг здесь, по всей вероятности, произошел позже, после перехода звука *-б* в сонорный звук *-м*.

Если мы признаем, что всякая фонема является смысловозначительным и форморазличительным средством, то мы должны быть последовательными и в этом вопросе. Для такой интерпретации происхождения форм принадлежности 1-го лица единственного числа имеется и другое основание. Так, например, в бурятском языке аффикс усеченной (краткой) формы принадлежности 2-го лица единственного числа *-ш* у основ, оканчивающихся на гласную, в то же время является и аффиксом сказуемости, например, бур. *багша* “учитель” и *багшаш* “ты учитель”, *хурагшаб* “я – ученик” и *хурагшаш* “ты – ученик”.

Форма принадлежности 1-го лица единственного и множественного числа основы, оканчивающейся на устойчивый *-н* и неустойчивый *-н*, образовалась по общей модели, но путем опущения конечного элемента *-н*, например, бур. *морин* “конь” и *моримни* “мой конь”, *моримнай* “наш конь”, *зон* “народ” и *зомнай* “наш народ”.

Авторы “Грамматики бурятского языка” [1962] считают, что в приведенных формах конечный звук *-н* переходит в звук *-м*. С этим мнением теперь вряд ли можно согласиться, так как природу конечного неустойчивого элемента *-н* в монгольских языках можно будет считать выясненной на основе теории определенности, характерной монгольским языкам. Для подтверждения своего мнения приведем высказывание Дж. Кiekбаева: “...в нанайской форме принадлежности 3-го лица единственного числа конечный носовой элемент *-н* опускается, например, *морин* (произносится *мори-н*) “лошадь” и *мори-ни* “его лошадь” вместо *морин-ни*. Здесь также не может быть речи о переходе носового звука *-н* в звук *-н*, поскольку элементы *-н*, *-н* являются самостоятельными показателями определенности” [Кiekбаев, с.302]. Кроме того, в бурятском языке конечный элемент *-н* опускается в ряде других форм, в частности, при образовании формы множественного числа, например, *морин* “конь” и *морид* “кони”, так как множественность всегда обозначает абстрактность. Поэтому элемент *-н*, выражающий конкретность и единичность, в форме множественного числа закономерно опускается.

То же самое происходит в форме винительного определенного падежа: элемент *-н* опускается, поскольку в бурятском языке аффикс винитель-

ного падежа также указывает на определенность, как во всех языках урало-алтайской семьи.

По мнению авторов “Грамматики бурятского языка” [1962], частицы личного притяжания 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *-мни*, *-шни* и *-мнай*, *-тнай* восходят к соответствующим изменениям *мини* “мой”, *шини* “твой”, *манай* “наш”, *танай* “ваш”.

Как уже говорилось, теорию местоименного происхождения аффиксов принадлежности надо теперь считать устаревшей. На самом деле личные местоимения исторически сами образовались от древних показателей определенности, которые служили первоначально аффиксами принадлежности. Ц.Б. Цыдендамбаев отмечает “самостоятельный, независимый от местоименный характер личных частиц в бурятском языке”. Лично-притяжательные частицы в бурятском языке употребляются параллельно с формами родительного падежа соответствующих местоимений. Примеры: *Мини багшамни* “Мой учитель-мой”, *Танай нютагтнай* “Ваш родной край-ваш”.

В бурятском языке форма принадлежности всех лиц связана с аффиксами *-ни* и *-на*, которые соответственно из элементов *-н-и*, *-н-а*. Аффикс *-ни* наращивался к более древней основе определенности на *-м*, *-ш* у основ, оканчивающихся на гласный, например, *ахамни* “мой брат” и *ахашни* “твой брат”. К основам, оканчивающимся на согласный, показатель *-ни* во 2-ом лице единственного числа наращивался непосредственно, например, *гарни* “моя рука”, *маини* “мой скот”. Говоря иными словами, *-ни* в форме типа *гарни* “моя рука” в бурятском языке воспринимается как личное местоимение 1-го лица для косвенных падежей, кроме родительного. Но так как косвенные падежи связаны с абстрактностью, аффикс *-ни* принял форму *-на*, например, *намда* “мне, ко мне, у меня”. То же самое произошло и в форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа: так как форма принадлежности множественного числа связана с абстрактностью или с типом неопределенной множественности, то аффикс *-ни* принимает форму *-на*. Впоследствии для конкретизации значения принадлежности к аффиксу *-на* присоединяется элемент *-й*, вследствие чего образуется аффикс *-най*, например, *гэрнай* “наш дом”, *гарнай* “наша рука” или же *ахамнай* “наш брат”. Поэтому следует полагать, что сложный элемент *-ай* закономерно является и аффиксом родительного падежа со значением принадлежности для некоторых основ единственного числа и всех основ множественного числа, например, *hanaан* “мысль, дума” и родительный падеж *hanaанай* “мысли”, “думы”, *нoмууд* “книги” и *нoмуудай* “книг”.

Таким образом, в бурятском языке формы принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа и родительного падежа во множественном числе имеют общее происхождение, как в тюркских языках.

Что касается формы принадлежности 2-го лица множественного числа, то она образовалась от основы определенности на *-т* путем присоединения того же аффикса *-най*, например, *ахатнай* “ваш брат”, *багшатнай* “ваш учитель”, *гэртнай* “ваш дом”. Основа на *-т*, в свою очередь, является формой сказуемости того же лица и числа для одушевленных предметов, лиц, например, *багшат* “вы – учитель”, “вы – учителя”, *хурагшат* “вы – ученики”. Основообразующий элемент *-т* в приведенных примерах является общеурало-алтайским показателем множественного числа. Поэтому элемент *-т* образовал основу для формы принадлежности 2-го лица множественного числа и от неодушевленных предметов типа *гэртнай* “ваш дом”, где основа *гэрт* не может употребляться в значении сказуемости “вы – дом”.

Таким образом, в бурятской форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа элемент *-и* в составе аффикса *-ни*, который указывает на определенное и конкретное лицо и при множественном числе предмета обладания, например, *гэрнүүд* “дома”, *морид* “кони”, *гэрнүүдни* “мои дома” и *моридни* “мои кони”, но *гэрнүүднай* “наши дома” и *мориднай* “наши кони”, *гэрнүүдни* “мои дома” и *моридни* “мои кони”, но *гэрнүүднай* “наши дома” и *мориднай* “наши кони”.

В составе аффиксов *-ни*, *-най* в формах типа *гэрни* “мой дом”, *гэрнай* “наш дом”, *моридни* “мои кони” и *мориднай* “наши кони” исторически никогда не было элемента *-м*. Поэтому возведение аффиксов *-ни*, *-най* к местоимениям *мини* “мой” и *манай* “наш” не соответствует действительности. Здесь можно говорить только о генетической связи аффиксов *-ни*, *-най* с элементами *-ни* и *-най* в составе местоимений *мини* и *манай*, не включая основ местоимений *ми-* и *-ма* в состав аффиксов *-ни* и *-най*.

Следует заметить, что на урало-алтайском уровне эти показатели имеют аналогии в аффиксе *-на* в марийской форме принадлежности типа *портна* “наш дом” и в финском аффиксе *-ni*, выражающем личную принадлежность 1-го лица ед. ч., например, *kirja* “книга” – *kirjani* “моя книга”, “мои книги”.

Аффиксы личного притяжания могут употребляться также с субстантивированными прилагательными, числительными и местоимениями. Что касается форм принадлежности в калмыцком языке и в монгольских языках Китая и их диалектах, то они имеют свою специфику, отличную от бурятского языка:

Ед. ч. форма “мой дом”

- 1-е л. *гер* мой дом
- 2-е л. *герчн* твой дом
- 3-е л. *гернь* его (ее) дом

Мн. ч. форма “наш дом”

- 1-е л. *гермдн* наш дом
- 2-е л. *гертн* ваш дом
- 3-е л. *гернь* их дом.

Ср. калм. *дегтр* “книга”, *дегтрм* “моя книга”, *дегтрчн* “твоя книга”, *дегтрнь* “его (их) книга”.

В приведенных формах аффиксы принадлежности *-м, -чн, -мдн, -тн, -нь* также связаны с формой родительного падежа местоимений *би* “я” – *мину* // **мины* → **мини* → “мой”; *чи* “ты” – *чину* // **чины* → **чини* “твой”; **и* “он, она” – *ину* // **ины* → **ини* “его, ее, их”; **ба* “мы” → *ману* // **маны* → **мани* // *манай* “наш”; *та* “вы” – *тану* // **таны* → **тани* // *танай* “ваш”. Как видно из приведенных примеров, в составе аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа *-мдн* или *-дн, -тн* вообще отсутствует элемент *-ай*. Это не связано с редукцией *-ай*. Элемента *-ай* в составе этих аффиксов не было и они могли без данного элемента придавать основе значение принадлежности. Например, в дагурском языке форма принадлежности образовывалась по модели монгольского языка, например, *варкал минь* “моя одежда”, *варкал чинь* “твоя одежда”, *варкал мань* “наша одежда”, *варкал тань* “ваша (их) одежда”.

Как пишет Ц.Б. Цыдендамбаев: “В монгольском письменном языке выразители категории личного притяжания находятся еще на стадии выделения: они по своей форме не отличаются от родительного падежа соответствующих личных местоимений, но занимают фиксированное постпозитивное положение по отношению к имени, а изредка также пишутся несколько иначе, чем местоимения в родительном падеже” [Цыдендамбаев, с.74].

В монгольских языках широко распространены формы безличной принадлежности со значением “свой”, “своя”, “свое”, “свои” указывающие на принадлежность чего-либо субъекту высказывания независимо от различия его по лицам. Безличная форма принадлежности противопоставляется личной, которая выражает значения “мой”, “твой”, “его”, “наш”, “ваш”, “их”. Безличная (или возвратная) принадлежность обозначает отнесенность объекта к обладателю, в силу чего она выражается именами в форме косвенных падежей. В монгольских языках – это “универсальная и чрезвычайно употребительная” форма [Черемисов 1941, с.42], хотя во многих работах по грамматике монгольских языков выделяются личные и безличные формы принадлежности, грамматическая категория принадлежности в этих языках остается недостаточно изученной.

В существующих описательных грамматиках стало общим местом положение о том, что особые безлично-притяжательные частицы выражают принадлежность предмета субъекту предложения, присоединяющиеся не только к именам существительным, но и к другим субстантивированным частям речи во всех падежах, кроме именительного.

В русском монголоведении впервые обратил внимание на притяжательные частицы А.А. Бобровников: “...монголы и калмыки... показывают еще отношение понятий, встречающихся в предложении, к субъекту предложения, для чего к частицам падежей придаются еще особенные частицы,

по значению притяжательные” [Бобровников, с.101]. В монголоведческих работах [Грамматика бурятского языка 1962; Грамматика калмыцкого языка 1983; Санжеев 1953; 1964] и специальных исследованиях по отдельным монгольским языкам [Цыдендамбаев 1979; Чареков 2000] вопрос о категории принадлежности освещался неоднократно. С.Л. Чареков в своей статье “О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках” проводит анализ употребления безлично-притяжательных суффиксов в бурятском, калмыцком и современном монгольском языках и пытается отграничить суффиксы безличного притяжания от омонимичных форм, имеющих иное грамматическое значение [Чареков 1975, с.155-176]. Следует считать, что форма безлично-возвратной принадлежности образовалась по однотипной модели, то есть с помощью одних и тех же формантов. Монгольская форма безличной принадлежности не имеет специального аффикса для единственного и множественного числа. Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках характерна только для косвенных падежей.

Аффиксом возвратно-безличной принадлежности во всех случаях является элемент *-а*, *-э* с фонетическими вариантами *-о/-ө* согласно закону губной аттракции, который присоединяется к основе имени, в случае неопределенного падежа, либо после иных падежных форм согласно правилам сингармонизма и произносится долго, вследствие чего в этих языках принято писать *-аа/-ээ/-оо/-өө*: монг. *ах* “брат”, *ахаа* “брата-своего”, *гэр* “дом”, *гэрээ* “дома своего”, *нам* “”книга”, *нам-оо* “книгу-свою”. Между формой родительного падежа (*-ий/-ийн*, *-ы/-ын*, *-н*) и безлично-возвратным аффиксом вставляется так называемый соединительный согласный *-г*, *-х*, вследствие чего форма возвратно-безличной принадлежности имеет в бурятском языке следующую форму: *-нгаа*, *-нгээ*, *-гаа*, *-гоо*, *-и-йаа*, *-йоо* (орфографически: *-яа*, *-еэ*, *ёо*), в монгольском языке: *-нхаа*, *-нхээ*, *-хаа*, *-хээ*. Примеры:

Форма родительного падежа:

<u>монг.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
<i>малын</i>	<i>малай</i>	скота
<i>малынхаа</i>	<i>малайгаа</i>	своего скота
	<i>дэнгэй</i>	свечи
	<i>дэнгэйнгээ</i>	своей свечи
<i>улсынхаа</i>	<i>улсынгаа</i>	государства своего
<i>хониныхоо</i>	<i>хонинойнгоо</i>	своей овцы
<i>тахианыхаа</i>	<i>тахяагайнгаа</i>	куруцу свою

В родительном падеже появляется так называемый соединительный гласный после *-н*, *-нг* и после дифтонгов и долгих гласных.

Форма дательного-местного падежа:

<u>МОНГ.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
малд	майда	скоту
малдаа	майдаа	своему скоту
нөхөрт	нүхэртэ	другу
нөхөртөө	нүхэртөө	своему другу

Форма винительного падежа:

<u>МОНГ.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
малыг	малые	СВОЙ СКОТ
малыгаа	малаяа	СВОЮ СКОТИНУ
хадыг	хадые	СКАЛУ
хадыгаа	хадаяа	СВОЮ СКАЛУ

Показатель винительного падежа в безлично-возвратном склонении отсутствует, как и в современном монгольском языке.

Форма совместного падежа:

<u>МОНГ.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
малтай	малтай	СО СКОТОМ
малтайгаа	малтайгаа	СО СВОИМ СКОТОМ
морьтой	моринтой	С КОНЕМ
морьтойгоо	моринтойгоо	СО СВОИМ КОНЕМ
	моринтойоо	
	(орф. морин то-ёо)	
	эгчтэйгээ	со своей сестрой

Форма исходного падежа:

<u>МОНГ.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
малаас	малһаа	от скота
малаасаа	малһаан	от своего скота
гэрээс	гэрһээ	из дома
гэрээсээ	гэрһээн	из своего дома

Сложные аффиксы возвратно-безличной принадлежности *-гаа*, *-гээ*, *-нгаа*, *-нгээ* соответственно состоят из двух и трех элементов *-г-аа*, *-г-ээ*, *-н-г-аа*, *-н-г-ээ*, *х-аа*, *-н-х-аа*. Однако собственно аффиксом возвратно-безличной принадлежности, бесспорно, является *-а*, *-э* (орфографически *-аа*, *-ээ*). Что касается элементов *-н* или *-нэ/-нх/*, то они образовали вторичную основу определенности от падежных форм по общей модели.

Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках выражает принадлежность предмета действующему лицу или лицам без указания на определенное лицо. Поэтому принадлежность предмета тому или иному лицу в единственном или множественном числе можно определить только исходя из подлежащего, например, бур. *Тэрэ гэрһээн гараба* "Он вышел из своего дома", где "дом" принадлежит субъекту, выраженному ме-

стоимением 3-го лица единственного числа; бур. *Тэдэ гэрхээн гарабад* “Они вышли из своего дома” или *Ши гэрхээн гарабаи* “Ты вышел из своего дома”, где объект принадлежит 2-му лицу единственного числа или 3-ему лицу множественного числа. Еще примеры: *Тэрэ ахадаа бэшэг бэшэбэ* “Он писал (написал) письмо своему брату”; *“Ши ахадаа бэшэг бэшэбэш”* “Ты писал (написал) письмо своему брату”. Форма принадлежности *-а, -э (-аа, -ээ)* по своему значению в монгольском и бурятском языках выражает абстрактное понятие и находит свое выражение в категории неопределенности и типе неопределенной множественности.

Следует отметить абстрактность формы принадлежности на *-а, -э* в урало-алтайских языках, характерную личным местоимениям 1-го и 2-го лица единственного числа. В современном калмыцком языке показателями безлично-возвратного притяжания являются *-ан, -эн* в винительном, дательном, местном, совместном и соединительном падежах, *-нб, -ннь* в родительном падеже, *-н* в исходном, орудном и направительном падежах. Для соединительного падежа показателем безлично-возвратного притяжания является *-ан, -эн, -рн*. К немаркированной основе имени безлично-возвратные показатели присоединяются обычно после падежной формы, за исключением винительного неоформленного падежа. Основа с маркированным показателем множественности принимает показатель притяжания после падежной формы. При наличии нескольких основ, являющимися однородными членами предложения, в современном монгольском и бурятском языках чаще безлично-возвратный показатель присоединяется к последнему члену, так как значение показателя принадлежности распространяется на каждый член. В калмыцком языке возможно оформление каждого члена одновременно. В современном монгольском и бурятском языках показатель принадлежности может следовать после основы или после послелога, управляющего основой.

Как известно, принадлежность субъекту предложения может быть выражена в монгольских языках притяжательным местоимением: монг. *оорийн*, бур. *оорын*, калм. *эврэ*, которые в свою очередь могут принимать безлично-притяжательные показатели, приобретая следующую форму: монг. *оорийнхоо*, калм. *эврэннь*, бур. *оорынгоо*, сохраняя при этом то же значение “свой”. Примеры: монг. *Тэр эмэгтэй өөрийнхөө морьтой таншлыг угтахаар гарлаа* “Она своего всадника знакомого встречать пошла”; бур. *Аба өөрынгөө гурбан хүбүүдые нэрлээнэн* “Отец своих трех сыновей назвал”; калм. *Би эврэннь орман олий авбув* “Я нашел свое место”.

Таким образом, категория принадлежности – именная категория, форма которой образуется по модели: основа+личный показатель. Значение категории принадлежности есть сложный образ двух предметов, которые связаны отношением принадлежности. Коммуникативное предназначение – передавать всевозможные отношения между двумя объектами.

1.6. КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о падежах и послелогах привлекал исследователей уже с зарождения научного монголоведения в России. Автор первой “Грамматики монгольского языка” Я. Шмидт [1832] к послеречиям относил, с одной стороны, собственно послелого типа *tula, gadana*, а с другой – падежные аффиксы имен. Поводом к объединению послелогов и падежных аффиксов послужил, по-видимому, не только тот факт, что аффиксы падежей, например, аффикс *tur* дательного-местного падежа в старописьменном монгольском языке, пишутся отдельно от их основы, но и то, что отдельные значения падежей и послелогов в монгольских языках совпадают. Так, в приведенных им примерах: *cerek-tür morilabai* “отправился на войну”, *gajar-tur kebtebei urida urid mordoqu-yin urid unqsin* “лежал на земле” аффиксом дательного-местного падежа выражаются пространственные и целевые отношения.

Известный монголист О.М. Ковалевский в своей “Краткой грамматике монгольского книжного языка” [1835] со всей полнотой раскрывает систему склонения и освещает наметившееся ее развитие в живом языке монголов, выявляет те же части речи, что и Я. Шмидт, и относит к послеречиям большинство падежных аффиксов. Но во второй части грамматики, озаглавленной “Сопоставление”, он дает целый раздел под названием “Употребление послеречий”. Здесь он устанавливает значения и функции ряда послелогов. Так, автор отмечает, что послеречие *urida* или *urid* “перед, до, прежде” с родительным падежом обозначает “прежнее, прошедшее, которое простиралось до известного предела времени: *mordoqu-yin urid* “до отъезда”. [Ковалевский 1835, с.163]. Он устанавливает, что послелого употребляются не только с именными основами, но и с падежными формами причастий: *unqs-in baraqsan-u qoyina siregen-dür talbibai* “прочитав, положил на стол”. Заслуга автора – выделение послелогов с целевыми и причинными значениями: *bi udjeku-iyn tula irebei* “Я пришел с тем, чтобы посмотреть, для смотрения”.

Автор первой “Грамматики калмыцкого языка” [1847] А. Попов в общем повторяет грамматическую концепцию О.М. Ковалевского и подразделяет имена существительные на три типа склонения, исходя из звукового состава слов в конечных позициях. Кроме того, А. Попов отмечает наличие склонения с различными притяжениями.

Если авторы первых грамматик старописьменного монгольского языка в основном пользовались схемами латинских грамматик, то автор “Грамматики монгольско-калмыцкого языка” [1849] А.А. Бобровников исходил прежде всего из фактического материала. Так, если предшествующие монголисты говорили о трех типах склонения, то А.А. Бобровников внес здесь существенные изменения и в разрезе каждого падежа он классифицирует

имена по пяти типам склонения. Каждый тип склонения дается отдельным параграфом. В частности, вместо двух родительных падежей он установил падежи исходный и родительный, а дательный падеж переименовал в местный; два творительных падежа разделил на творительный (ныне орудный) и совместный (ныне соединительный). Следует сказать, что в отношении послелогов А.А. Бобровников по сравнению со своими предшественниками сделал шаг вперед, так как под названием “Частицы” собрал воедино наречия, послеречия и междометия, выделенные Я. Шмидтом и др.

Автор первой бурятской грамматики [1857] А.М. Кастрен установил, что послелогом употребляются с формами родительного, дательно-местного и исходного падежей, а также с суффиксами притяжания.

Преподаватель монгольского языка Иркутской духовной семинарии А.С. Орлов в своей “Грамматике монголо-бурятского разговорного языка” [1878] внутри частиц различает наречие, послеречие, союз и междометие, подразделяя их при этом на коренные и производные. К коренным послеречиям он относит все падежные суффиксы в бурятском языке, а к производным – послелогом типа *тухай* “о”, *шидар*, *ойро* “близ”, *тула* “для”, *хажууда* “подле, около”, *орондо* “вместо”.

Основоположник бурятской диалектологии А.Д. Руднев в своем труде “Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания)” [1913-1914], как и А.А. Бобровников, все неизменяемые слова объединил под названием “Частицы”, при этом он включил сюда же суффиксы падежей. Послелогом *дээрэ*, *соо*, *тээшэ*, *уруу* и т.д. он считает различными суффиксами. Так, по его мнению, *дээрэ* – это суффикс дательно-местного, *уруу* и *тээшэ* – направительного падежа. Послелогом, конечно, неправомерно отнесены к суффиксам, однако заслуживает внимания то, что автор отметил совпадение их значений [Бобровников, с.37].

В.Л. Котвич [1902, с. 54, 56-57, 60] повторяет то, что было сказано предыдущими монголистами. В своей грамматике он различает четыре типа склонения: простое, двойное, лично-притяжательное и возвратное. Простой формой склонения В.Л. Котвич считает обычную форму склонения, когда к основе слова присоединяется падежный аффикс. Простую форму склонения он, в свою очередь, подразделяет на четыре группы склонения. Определенный интерес представляют в калмыцком языке соединительный и совместный падежи. Если А. Попов и А.А. Бобровников рассматривали их как один падеж, то В. Котвич рассматривал их как самостоятельные два падежа, назвав их соединительный I и соединительный II.

В грамматиках монгольских языков, изданных в послереволюционные годы [Цыбиков 1915; Барадин 1929], по-прежнему применяются старые классификации, в том числе тибетских и оригинальных монгольских грамматик. Так, выделяются только три основные части речи – имя, глагол и

частицы, или “пустые слова”. Правда, внутри имени стали различаться знаменательные и служебные части речи. Признание языка объективно существующим в сознании человека предполагает признание и частей речи как объективно существующих, естественно и стихийно. Как писал Э. Сепир: “Наша условная классификация слов по частям речи – есть лишь смутное, колеблющееся приближение к последовательно разработанному инвентарю опыта” [Сепир 1934, с. 91]. В языкознании устоявшимся является распределение слов по частям речи (классам слов) на основе наблюдаемых в речи морфологических, синтаксических особенностей слов, а также передаваемого с помощью лексем основного мыслительного содержания, то есть за каждой частью речи признается ее собственный ведущий признак. Так, знаменательные слова классифицируются по семантическому признаку. У каждой лексемы, входящей в определенный класс, обнаруживается одно и то же “общеграмматическое” значение [Суник 1966, с.29]. Имена существительные обозначают предметность, глаголы – процессуальность, прилагательные – качественность, наречия – обстоятельственный признак, числительные – конкретную количественность. Местоимения не могут объединяться каким-либо одним классифицирующим грамматическим значением, так как им характерно семантико-функциональное свойство – указывать на предметы, признаки, количество, не называя их. Послелого объединяются в один класс на основании того, что они не способны выступать в функции самостоятельных коммуникативных единиц и служат средством привнесения в речь самых различных грамматических значений.

Г.Д. Санжеев [1953], следуя традиции А.А. Бобровникова [1849], предлагал различать имена существительные, предметные, прилагательные, имена качественные, местоимения и числительные. Д.А. Алексеев [1948] и другие предлагали ограничиться только именами существительными и прилагательными, не выделяя предметные и качественные имена.

В обобщающем труде “Грамматика калмыцкого языка” [1983] выделяется шесть самостоятельных частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие и четыре служебных части речи – послелого, частицы, союзы и междометия [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 66]. Эта классификация не отличается от принятой ранее в академической грамматике бурятского языка, так что в своей работе мы будем исходить из нее и считать, в частности, что послелого составляют самостоятельную служебную часть речи.

Что касается падежей, то в современных грамматических трудах по-разному определяется их количество. Так, Г.Д. Санжеев в старописьменном монгольском языке различает девять падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный [Санжеев 1964, с.65-66]. О дательно-местном падеже

он пишет: "... относительно употребления этого падежа в монгольских языках следует сказать, что он выполняет те же синтаксические функции, какие в других одноструктурных языках выполняются дательным и местным падежами" [Санжеев 1964, с. 66].

Для современного монгольского языка установлено восемь падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный, направительный [Санжеев 1953, с. 196].

Падежная система калмыцкого языка насчитывает девять форм: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный, соединительный, направительный [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 66]; последний, как и в современном монгольском языке, стал уже сложившейся категорией. Аффикс этого падежа *-ур/-үр* подчиняется гармонии гласных, что является одним из признаков превращения послелога в падежный аффикс.

В бурятском языке семь падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный, [Грамматика бурятского языка 1962, с. 75]. Как видим, в нем отсутствует направительный падеж. Какова же причина подобных расхождений? Исследования убеждают, что это результат действия внутренних факторов языка. Так, в сарописьменном монгольском языке был соединительный падеж на *-lurqa/-lüge*, который функционировал наряду с совместным падежом с аффиксом *-tai/-tei*; в этом отношении калмыцкий язык мало чем отличается от старописьменного языка. Однако в современном монгольском и бурятском языках соединительный падеж совсем исчез; вероятно, он не является коммуникативно необходимым.

Причина утраты в некоторых монгольских языках старого соединительного падежа во многом закономерна, так как язык постоянно развивается. Как отмечает Б.А. Серебренников, "ни один из существующих в настоящее время тюркских языков не сохраняет в целостности той падежной системы, которая была типична для всех языков в древности. Некоторые представления о ее особенностях дают лишь отдельные реликты. На основании изучения этих реликтов можно сделать вывод, что система падежей была более богатой, чем в настоящее время. Существовала целая серия так называемых директивов, или направительный падеж" [Серебренников, с. 276]. Эта тенденция в равной степени относится и к монгольским языкам. В них прослеживается сокращение количества падежей, что видно, в частности, на примере бурятского языка. Усиливается стремление передавать некоторые значения падежей аналитическим способом (с использованием послелогов). Это происходит благодаря тому, что падежные аффиксы и послелоги выполняют сходную синтаксическую функцию, выражая близкие грамматические отношения между словами в предложении: послелоги используются для уточнения и конкретизации падежных значений, связанных

с выражением пространственно-временных отношений. Близость функций послелогов к падежам существительных особенно ясна из того факта, что отношения, выражаемые в русском языке предлогами, в монгольских языках выражаются падежными формами и наоборот: калм. *герт орх*, бур. *гэртэ орохо*, монг. *гэрт орох* “войти в дом”. Тесная связь послелога с падежной формой выражается в том, что отдельные послелого сливаются с основной имени. Послелог-наречие *уруу* “к, вниз, по”, потеряв анлаутный гласный, произносится слитно с основной предшествующего слова: бур. *модон уруу*, *модоруу* “в лес”; монг. *уса уруу* “в воду”, калм. *уснур*. Этот усеченный послелог ныне квалифицируется как форматив направительного падежа *-руу/-рүү* [Санжеев 1953, с.175]. Правда, в бурятском языке он функционирует в качестве послелога, поэтому в научной грамматике рассматривается как послелог [Грамматика бурятского языка, с.31].

В бурятской орфографии принято двойное написание: *уруу* и *руу* [Буряад бэшэгэй дурум ба словарь 1962, с. 307, 375]. В калмыцком языке, как упоминалось выше, направительный падеж представлен формативом *-ур/-үр*, который возник из сочетания проказателя местного падежа *-а* и наречного *-гур/-гүр*, наличного в словах монг. *доогуур* “по низине”, *дээгүүр* “наверху” [Санжеев 1953, с. 175].

В монгольских языках выявлены основные значения падежей. Более того, полное сравнительное их описание представлено в главе III “Сравнительной грамматики монгольских языков” [том 1] Г.Д. Санжеева. Так, в родительном падеже им выявлено двенадцать значений, в дательном-местном – восемь, в орудном – четырнадцать и т. д. Основные значения падежей имен выделены также в грамматиках бурятского и калмыцкого языков соответственно в подразделах “Склонение и основные значения падежей имен существительных”. Л.Д. Шагдаровым применительно к функциональным стилям бурятского языка подробно описаны глагольные словосочетания с именем существительным в косвенных падежах, специально падежам посвящена кандидатская диссертация Б.Х. Тодаевой [1946], монография С.М. Трофимовой [1989].

В современных грамматиках монгольских языков послелого выделяют в составе служебных частей речи. Содержательный обзор послелогов монгольских языков дан в “Сравнительной грамматике монгольских языков” Г.Д. Санжеева. Здесь отмечается, что послелого, во-первых, дополняют и уточняют то, что может быть выражено и выражается падежами, а во-вторых, представляют собой ту область, в которой наиболее заметны расхождения между этими языками и диалектами [Санжеев, с. 204-205]. Послелогам посвящены соответствующие разделы в научно-описательных грамматиках бурятского и калмыцкого языков. Ныне под послелогами в монголоведении понимаются слова, многие из которых представляют собой застывшие имен-

ные (падежные) и другие формы. Послелогои не являются самостоятельными лексическими единицами и не могут выступать в качестве членов предложения. Это служебные слова, располагающиеся при формах имени и причастий, уточняющие и дополняющие их грамматические значения. Послелогои сами по себе не обозначают предметов, качеств и свойств, действий и состояний. Значение их проявляется контекстуально. Послелогоам калмыцкого и бурятского языков посвящены статьи Б.Х. Тодаевой [1962], Д.Г. Дамдинова [1972], С.М. Трофимовой [1977]. Более полное освещение монгольских послелогов находим у Ф.Х. Бака [Buck 1955], который подразделяет послелогои на четыре группы: собственно послелогои, отглагольные, наречные и отыменные. По семантике послелогои подразделяются на локальные (*дээр, дор*), темпоральные (*туриш, хүртэл*), причинно-целевые (*тул*).

Таким образом, сделанный выше краткий обзор свидетельствует, что в монголоведении достаточно хорошо изучены падежи и послелогои, установлены их состав и номенклатура значений. Однако взаимоотношение падежей и послелогов изучено совершенно недостаточно. Лишь в монографической работе Ц-Ж.Ц. Цыдыпова [1972] освещены аналитические конструкции бурятского языка. Этому вопроса в теоретическом плане касался и Т.А. Бертагаев [1965].

В академической грамматике бурятского языка справедливо указано, что "...благодаря послелогоам наиболее четко определяются взаимоотношения членов внутри предложения или выражаются различные пространственно-временные, причинно-целевые и другие отношения, передача которых не всегда возможна лишь при помощи падежных формантов; в этом отношении послелогои аналогичны предлогам, например, в русском языке" [Грамматика бурятского языка, с. 302]. Грамматика калмыцкого языка высказывается более лаконично, утверждая, что послелогои "...по своей связующей роли сближаются с предлогами русского языка" [Грамматика калмыцкого языка, с. 277]. В том и в другом языках их место в предложении твердо закреплено: предлоги находятся в препозиции, а послелогои – в постпозиции, так как монгольские послелогои и русские предлоги объединяются в один класс однородностью, родственностью служебных значений, в которых закреплены различные отношения предмета к другим объектам. В соответствии с принятыми в настоящей работе представлениями, следует, в отличие от традиционной синтаксической их трактовки, рассматривать послелогои как класс служебных лексем, в значениях которых отражены разнообразные связи элементов объективной действительности. В составе сообщаемых речевых ситуациях передаваемые послелогоами отношения предстают как связи между предметами, признаками, обстоятельствами, действиями, событиями разной степени сложности. Такое понимание сути монгольских послелогов предполагает признание их родственности русским предлогам. Послелогои, как и русские предлоги, функционально тяготеют к именам существительным.

В данной работе мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой любая лексическая единица, если она полностью не утрачивает своего собственного значения, принимая участие в формировании контекста, всегда выступает с каким-нибудь значением. Согласно концепции Л. Ельмслева, грамматические значения – объективно существующие реальности, рассматривающиеся как “самостоятельная, скрытая от непосредственного наблюдения сущность, стоящая за явлениями – частными значениями” [Иванов 1975, с. 73] и по утверждению Л. Ельмслева: “В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения: любое знаковое значение возникает в контексте...” [Ельмслев 1960, с. 303]. При этом нельзя забывать, что “значение как психологический феномен должно существовать и вне ситуации употребления, когда слово временно погружается в глубину сознания, готовое, как пишет В. В. Виноградов, в нужный момент всплыть на поверхность” [Виноградов 1972, с.19].

Итак, в речи мы имеем дело с высказываниями, с конкретными словоформами, словами. Иначе говоря, в речевой ситуации или в контексте мы выявляем значения слов, морфологические формы, в которых они выступают. Считаем уместным вспомнить слова Л.В. Щербы о том, что “...едва ли мы потому считаем слова *стал*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее потому их склоняем, что они существительные” [Щерба 1974, с. 79].

В концепции Л.В. Щербы при группировке лексем в классы слов необходимо отличать “общие категории”, под которые подводятся те или иные лексические значения в каждом отдельном случае, то есть общие классифицирующие значения. Как часто в языке случается, одно и то же слово может относиться одновременно к разным категориям.

В.Г. Гузевым выдвигается тезис о том, что “...в языке наряду с лексическими единицами, входящими в состав только одной части речи и образующими “кустак”, основу соответствующего класса, могут быть, а возможно всегда имеются, единицы, которые, сохраняя свою лексическую цельность, одновременно входят в состав двух или более классов” [Гузев 1987, с. 50]. Иными словами, у уже имеющихся лексических единиц могут возникнуть новые коммуникативные функции, при этом степень принадлежности лексической единицы к части речи различна. Сюда можно отнести переход знаменательных слов в разряд служебных.

Опираясь на морфологические, семантические, синтаксические особенности лексических единиц в речи, попытаемся дать характеристику некоторым частям речи, причастным к классифицирующим грамматическим значениям.

К *именам существительным* в монгольских языках относятся лексические единицы, объединенные общим классифицирующим грамматическим

значением предметности. Примеры: калм. *бурхн*, монг. *бур. бурхан* “бог”, калм. *күн*, монг. *бур. хүн* “человек”, калм. *һал*, монг. *бур. гал* “огонь”.

Имена прилагательные представляют собой лексические единицы с общим значением признака и качества. Примеры: калм. *Тер сэн күн*, монг. *Тэр сайн хүн*, бур. *Тэрэ һайн хүн* “Он хороший человек”; калм. *Чи сәәнәр меджэ ав*, монг. *Чи сайнаар бодож аваарай*, бур. *Ши һайнаар бодожо абагты* “Ты хорошо усвой”.

Отличительной чертой *имен числительных* как лексических единиц является значение конкретной количественности. Примеры: калм. *Арвн хойр дегтр*, монг. *Арван хоёр нам*, бур. *Арбан хоер нам* “Двенадцать книг”; калм. *Бидн хоюрн – нег*, монг. *Бид хоюулаа – нэг*, бур. *Бидэ хоюулаа – нэгэ* “Мы оба – одно”.

Местоимения как лексические единицы указывают на предметы, признаки, обстоятельства, количества, действия и состояния. Логично полагать, что в разряды их группируют прежде всего соответствующие грамматические значения, а внутри каждого разряда имеет место в общем традиционная рубрикация. Примеры: предметно-указательные (калм. *эн*, монг., бур. *энэ* “этот”, “эта”, “это”, калм. *тер*, монг., бур. *тэрэ*, “тот”, “та”, “то”), качественно-указательные (калм. *иим*, монг. *ийм*, *иймхэн*, *иймэрхүү*, бур. *иимэ*, *иимхэн*, *иймэрхүү* “этакий”, “этакая”, “этакое”, калм. *тиим*, монг. *тийм*, *тиймхэн*, *тиймэрхүү*, бур. *тиим*, *тиимхэн*, *тиимэрхүү* “такой”, “такая”, “такое”), обстоятельственно-указательные (калм., монг. *энд*, бур. *эндэ* “здесь”, калм. *энүнд* и *үүнд* “вот здесь”, калм. *тенд*, монг., бур. *тэнд*, “там”, калм. *терүнд* и *түүнд* “вон там”), количественно-указательные (калм. *эдү*, *тэдү*, монг. *өдий*, *өдөн*, *өдий чинээ(н)*, *өчнөөн*, бур. *эды*, *тэды*, *тэды шэнээн* “столько” “вот столько”), глагольно-указательные (калм. *иигх*, монг. *ингэх*, бур. *иигхэ*, *иихэ* “делать эдак”, калм. *тиигх*, монг. *тэгэх*, *чингэх*, бур. *тиигэхэ*, *тиихэ* “делать так”).

Наречия – группа лексем, различающаяся вариантами обстоятельственных значений. Материал монгольских языков показывает наличие в них следующих разрядов: места, времени, образа действий, меры и степени. Примеры: калм. *хамдан*, монг. *хамт*, бур. *сугтаа* “вместе”, калм. *дотор*, монг., бур. *дотор* “внутри”, монг. *зундаа* “летом”.

Послелог по своим значениям аналогичны падежам и наравне с ними используются в речи для выражения грамматической связи между знаменательными словами. Только при этом падежи являются аффиксальным средством, а послелог – лексическим. Примеры: калм. *Би тенүг меднэв*, монг. *Би түүнийг меднэ*, бур. *Би тэрээнне мэдэнэб* “Я это знаю”; калм. *Би түнэ тускар меднэв*, монг. *Би түүний тухай мэднэ*, бур. *Би тэрээн тухай мэдэнэб* “Я знаю об этом”.

В истории монгольских языков на общемонгольском уровне сложилось несколько способов выражения грамматических отношений между словами. Первый способ – непосредственное использование знаменательных основ с нулевым показателем. Второй способ – способ аффиксации, когда служебный по происхождению элемент полностью гармонирует с основой знаменательного слова и превращается в аффикс – высшую степень грамматической абстракции. Третий способ использует служебные слова (последлоги), которые в монгольских языках ставятся в постпозицию к основе знаменательного слова с нулевым показателем и подобно падежам оформляют грамматическую связь между знаменательными словами. Четвертый способ – сочетание служебного слова с определенным падежом, при этом выбор падежа диктуется тем, какими были грамматические связи между знаменательным словом и той именной или глагольной основой, от которой образовано это служебное слово.

Система падежей складывалась постепенно. Так, Г.Д. Санжеев на языковом материале классического и современных монгольских языков разработал падежную систему, состоящую из двенадцати падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный, предельный, направительный, неопределенно-местный или расширительный [Санжеев 1953, с. 175-176]. Количество устанавливаемых в описательных грамматиках монгольских языков падежей, их номенклатура и порядок следования в парадигмах склонения не отличается большим единообразием.

Многопадежность монгольских языков устанавливается за счет многообразия обстоятельственных падежных форм, которые в ряде случаев противопоставляются грамматическим падежам (именительному, родительному, винительному, а иногда и орудному). Вместе с тем проводится деление падежей на основной и косвенные, неоформленные и оформленные.

Исторически в монгольском языкознании сложились две системы падежей по признаку выраженности в них взаимодействия конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений или нейтральности к этим значениям. Первую систему падежей образуют именительный, винительный, родительный, то есть так называемые грамматические падежи. Вторую – пространственно-временные, падежи образа действия, включающие совместный, соединительный и инструментальный падежи, так называемые обстоятельственные падежи. Третья система – смешанные падежи, которые включают в себя неопределенный, орудный. Кроме того, именительный падеж может быть противопоставлен винительному и родительному как формам конкретного, предметного дополнения или определения. Таким образом, при сходстве синтаксических функций в этой оппозиции принимаются во внимание лексико-грамматические разряды существительных, которые

выступают в одних и тех же функциях, но имеющих разные формальные показатели. Именительный падеж в функции подлежащего не может находиться в оппозиции, так как он является единственной формой подлежащего.

Пространственные падежи выражали статичность местонахождения предмета (Lokativ), исход (Ablativ), прохождение через что-либо [Transitiv], направление движения [Direktiv], падеж предела. Кроме того, в древнемонгольском языке был звательный падеж [Vocativ]. Появляются новые падежи, например, направительный падеж в калмыцком и монгольском языках. Этому падежу даже посвящена статья А. Лувсандэндэва “Наймдугаар ундсэн тийн ялгал” [1982, с. 40-43], в которой обосновывается его статус в парадигматической системе падежей современного монгольского языка. Образование вариантов, утрата последнего остатка самостоятельности слова – постоянного фонетического состава *-руу/-рүү, -луу/-лүү* действительно свидетельствует, что здесь дело имеют не с послелогом, а с окончательно оформившимся формантом самостоятельного падежа. Появление направительного падежа Г.Д. Санжеев также связывает с переходом послелога *уруу* → *ру* в аффикс падежа *-ур/-үр*. С образованием этого падежа часть функций дательного-местного падежа перешла к направительному падежу и сузилось употребление послелога калм. *тал*, монг. *тийш* со значением “к”.

Обобщая рассуждения ведущих ученых в области монголоведения относительно таких падежей, как направительный, предельный, сравнительный [Лувсанвандан 1968, с. 52-55], мы будем исходить из общего лингвистического положения, что падежные форманты в процессе своего оформления развивались из полнозначных самостоятельных слов. Такое явление было отмечено в индоевропеистике и тюркологии. Наряду с этим в монголоведении оспаривается наличие вообще падежной системы в целом. Так, например, Чой Лувсанжав [1975, с. 279-281] считает, что падежная система современного монгольского языка была якобы механически скопирована с тибетского, которая по своему грамматическому строю не похожа на монгольский язык. Падежные формы являются лишь формообразующими суффиксами. В целом же мнение Чой Лувсанжава не выдерживает критики.

Падежная система монгольских языков, как нам представляется, складывалась во взаимодействии и под влиянием категории определенности-неопределенности.

В монгольских языках, как уже говорилось выше, грамматические значения между знаменательными словами довольно разнообразны и выражаются не только аффиксами, но и послелогоми, сочетаниями падежа и послелога. В этой функции послелоги как бы продолжают и расширяют падежную систему и употребляются вместо отсутствующих падежных формантов. Система склонения сложилась из нескольких типов, среди которых в соответствии с категорией определенности-неопределенности, выработана

лись: 1) простое склонение нейтральное, обобщенное и 2) притяжательное, конкретное, распадающееся в свою очередь по степени конкретности на лично-притяжательное и безлично-притяжательное склонение. Кроме того, в монгольских языках наблюдается использование двойных падежей. Рассмотрим ниже все эти типы более подробно.

1.6.1. Простое склонение в монгольских языках

В монгольских языках основа слова и так называемое окончание его имеют свои особенности по сравнению, например, с русским языком. Признавая основу, внешне совпадающую с оформленным словом, необходимо, видимо, признать и “окончание” в том числе нулевое. Нулевое окончание – это есть отсутствие формального показателя именительного падежа при наличии других падежных форм. Что касается основ монгольских слов и основ, например, русских слов, здесь наблюдается существенное различие.

Как известно, формальные показатели монгольских языков подразделяются на формообразующие и словообразующие, то есть вместе с основой образующие словоформы и формоизменяющие, и словоизменяющие. Словоформа является морфемой падежного окончания. В классе монгольских субстантивных слов окончаниями выступают и аффиксы личного или безличного притяжания, свойственные монгольским языкам.

Таким образом, во всех монгольских языках имеются окончания многозначных падежей. Это окончания, состоящие из одного аффикса-окончания, из одной морфемы. Изменение таких окончаний и будет называться склонением или изменением по падежам существительного или субстантивированного слова. Совокупность всех падежных форм будет составлять многочисленную парадигму склонения существительного или субстантивированного слова.

В процессе эволюции языка было выработано несколько типов склонения. Первый тип склонения – простое склонение, которое было связано с понятием обобщенности, абстрактности, то есть неопределенности, неконкретности по отношению к субъекту действия. Простое склонение не принимает частиц принадлежности. Но в то же время для древнего монгола, видимо, было важно выразить отношение действия по принадлежности. Но если субъектно-объектная принадлежность не выражалась, то использовалось простое склонение, которое означает только грамматические отношения без конкретного указания на субъектно-объектную принадлежность, например, калм. *Би тер номыг аву* “Я взял ту книгу”, где *ном* “книга” выступает в качестве объекта: способ выражения отношения принадлежности нулевое, а объектное отношение выражено показателем винительного падежа. Многопадежность монгольских языков устанавливается за счет многообразия локативных падежных форм, которые в ряде случаев противопоставляются как

падежи пространственные или конкретные всем другим падежам: именительному, родительному и винительному, которые принято называть грамматическими или субъектно-объектными. Отметим, что О. Есперсен относительно данных падежей писал: “Принято говорить о двух типах падежей: о грамматических падежах (именительный, винительный и т. д.) и конкретных падежах (местный, отложительный, сопроводительный, творительный и т. д.). Однако подобное разграничение по крайней мере в наиболее изученных языках, провести нельзя” [Есперсен 1958, с. 211].

Отметив общую тенденцию уменьшения количества падежей, которые оказывались излишними ввиду появления многочисленных предлогов, а также более твердого порядка слов в некоторых индоевропейских языках, например в английском, О. Есперсен особо подчеркнул, что все разновидности категории падежа, не исключая, разумеется, и падежей местных, или локальных, являются категориями чисто грамматическими (синтаксическими), а не категориями понятийными, и что поэтому ни один из языков индоевропейской семьи “никогда не обладал такой падежной системой, которая была бы основана на точной и последовательной системе значений” [Есперсен 1958, с. 212].

В грамматической литературе и некоторых исследованиях по монгольским языкам встречается классификация падежей на “грамматические” и “обстоятельственные” или конкретные, как нам представляется, связанные с категорией определенности. Безусловно, категория склонения в монгольских языках относится к синтактико-морфологической категории, то есть категории грамматической и считаем более удобным деление монгольских падежей на: 1) обстоятельственные (совместный, соединительный, исходный, дательно-местный, направительный, орудный) и 2) грамматические (именительный, родительный и винительный). Первые из них выражают пространственно-временные отношения и отношения образа действия, а вторые – отношения грамматические.

Таким образом, деление падежей не только в синхронном плане, но и в плане диахронном, является верным. Все падежи монгольских языков являются словоизменительными и рассматриваются как в морфологическом, так и в синтаксическом аспектах.

а) Система грамматических падежей

Именительный падеж (Nominativ), как бы он ни трактовался в монгольских грамматиках, выделяется всеми исследователями. Именительный падеж, как правило, противопоставляется всем косвенным падежам, как падеж немаркированный – маркированным, как падеж неопределенный – определенному, как падеж подлежащего, определения, именного сказуемого падежам прямого или косвенного дополнения, обстоятельства и т. д.

Первый падеж монгольского склонения – именительный как многофункциональный падеж представляет такую категориальную форму падежа, который обозначает предмет в действии или субъект действия. Действительно, основа, взятая изолированно, не обладает синтаксическими свойствами, поскольку основа употреблена только для того, чтобы назвать предметы, обособленные от наших действий. Так, в словах с общим понятием типа калм. *багш* “учитель”, монг. *ном* “книга”, бур. *гэр* “дом”, англ. *the man* “человек” указывается лишь на то, что чувственное впечатление от того или иного предмета тождественно с прежде образовавшимся представлением о том же предмете. Поэтому любой субъект всегда многозначен и потому не определен до тех пор, пока не определен предикатом, который дает ответ на вопрос, что такое субъект. В любом суждении главное значение принадлежит тому признаку, через который познается субъект, поэтому предикат должен отличаться простотой содержания, должен указывать только на один признак, например, калм. *Стол деер дегтр бээнэ* “На столе лежит книга”, где предикат *бээнэ* “находится”, употребляясь в значении “лежит”, выражает по отношению к субъекту *дегтр* “книга” один вполне определенный признак: пребывания книги на поверхности *стола*. Подобное явление прослеживается во всех языках мира. Еще А.Потебня отмечал, что “ход человеческой мысли состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего, подлежащего и сказуемого” [Потебня 1958, с. 642], что полностью подтверждают современные грамматики, рассматривающие субъект и предикат как основное звено в процессе порождения речи [Кацнельсон 1972, с. 194]. Значит, в любом предложении всегда налицо мысль о субъекте и о том, что устанавливается, сообщается о предикате. Поэтому предложение можно изобразить как субъект, который есть предикат, при этом субъект во многих языках выражен формой именительного падежа. Материал по различным языкам показывает, что в основе этого механизма лежат большие различия, выражающиеся, в частности, в том, что во флективных языках именительный падеж наряду с косвенными имеет свои показатели, тогда как в агглютинативных языках он выступает в этом случае как “абсолютный” падеж, лишенный формальных примет [Кацнельсон 1972, с. 205]. Отсутствие формального показателя у первого падежа характерно вообще для монгольских языков. При этом его отсутствие компенсируется наличием системы особых служебных слов – показателей подлежащего. Примеры: бур. *Хүн болбол ухаатай амитан* “Человек – это мыслящее существо”; *Хүн гээшэ бүхэл эд байна даа* “Человек – это все же существо живое”.

В чем же заключается сложность вопроса о грамматической природе именительного падежа? Рассмотрение специальной литературы по этой проблеме показало, что можно выделить несколько подходов относительно именительного падежа, так как он во всех монгольских языках занимает особое

место. Во-первых, следует различать две стороны знаменательных лексем: номинативную и синтагматическую. Поскольку в номинативной функции имя лишено падежных форм, многие лингвисты проводят принципиальное различие между основой имени и его именительным падежом, несмотря на их возможное полное или частичное совпадение. Синтагматическая сторона связана с употреблением слова как одной из важнейших единиц языка в сочетании с другими словами в речи.

Слово в этой форме может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, старого звательного падежа, именного сказуемого, определения, прямого дополнения в случае, если в основе нет неустойчивого *-н*, который сохраняется в этом падеже в классическом монгольском, калмыцком и бурятском языках и полностью выпадает здесь в халхаском языке, вследствие чего основа именительного падежа совпадает с основой неопределенного падежа, обстоятельства. Такое явление в монгольских языках можно связать с многофункциональностью некоторых основ, сохранивших в какой-то степени свойства синкретизма. Отсутствие специальных формальных показателей вообще или их омонимичность в системе монгольского склонения и многообразии функций вызывает разногласие в определении принадлежности той или иной основы к какой-либо грамматической категории. До сих пор нет удовлетворяющего всех определения первого падежа. [Тодаева 1952, 1976; Санжеев 1953; Бертагаев 1956; Амоголонов 1958; Касьяненко 1964; Цыдендамбаев 1979; Орловская 1984; Яхонтова 1996].

Отмечая, что в лингвистической литературе принято считать, что основа и именительный падеж в монгольских языках совпадают, Г.Д.Санжеев признает это утверждение “не совсем верным”. “Это разные по форме и содержанию категории”, – пишет он, хотя в большинстве случаев они “внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы”, что и побудило ряд исследователей говорить “то о неопределенном падеже, то о неоформленном падеже” [Санжеев 1953, с.140 и сл.]. Говоря о формальных различиях между основой слова и его именительным падежом (падежом подлежащего), автор цитируемой работы особо выделяет местоимения и группу существительных с конечным “неустойчивым или скрытым *-н*”, подчеркивая, что разные монгольские языки представляют в этом отношении “довольно пеструю и весьма запутанную картину”. Так, монгольский язык в этом отношении отличается от бурятского и калмыцкого, а классический монгольский имеет черты как тех, так и других из указанных выше языков. Употребление той или иной основы зависит от синтаксической функции основы. Правила употребления основ с *-н* зависят от определенности-неопределенности предмета и меняются от языка к языку. Особенностью монгольской основы является то, что она имеет две формы, которые различаются наличием или отсутствием конечного *-н*, так называемого скрытого *-н* в халха-монгольском типа *морь*

“конь” – род. п. *морины* “коня, конский” и неустойчивого -н классического, калмыцкого и бурятского языков. Примеры: бур. *морин* “конь” – вин. п. *мори* “коня”, ойрат. (калм.) *мөрн* “конь” – вин. *мөр*. “Таким образом, – заключает Г.Д. Санжеев, – в монгольском языке имя в положении субъекта и объекта иногда дается в одной и той же форме, а в бурятском и ойратском языках – в разных”. Это приводит автора к предположительному выводу о том, что категория именительного падежа в халха-монгольском в отличие от бурятского и калмыцкого еще не сложилась и что вместо именительного имеется “прямой или даже абсолютный падеж” [Санжеев 1953, с.141]. Этот вывод автор распространяет и на старописьменный монгольский язык XIII в.

Выводу этому не соответствуют прежде всего падежные формы лично-предметных и указательных местоимений, например, монг. *би* “я” (им. п.), *над*-основа косвенных падежей, *чи* “ты” (им. п.), *чам*-основа косвенных падежей и т. д. Кроме того, для разных групп падежей существительных выделяются разные основы: для слов с неустойчивым или скрытым -н, например, монг. им. п. *морь-Ø*, — это I основа *морин-*, II основа *морь-*, бур. им. п. *морин-Ø* — I основа *морин-*, II основа *мори-* и т. д. Ср. форму им. п. и основы разных групп падежей местоимения *би* “я”: им. п. *би* ~ *б’и*, *бу*, основа род. п. *мин-*, *мун-*, *нам-*, основа вин. п. *нама-нам(а)-*, *нда-*, *нам-*, основа дат.-местн. п. *на(да)-*, *нам(д)-*, *нам(а)-*, *нан-*, *нда-* и т. д. [Санжеев 1953, с.145].

О каком-либо совпадении основы такого рода слов с формой именительного (или “прямого”) падежа, а также основы с формой законченного слова (внепадежной формой и “неоформленной падежной”) говорить здесь не приходится. Ввиду этого Г.Д. Санжеев пишет о явном противоречии между стремлением отождествить основу имени с законченным словом и его формой именительного падежа, иначе – прямого или абсолютного.

Выход из этого противоречия иногда ищут в установлении двух сходных падежей: именительного как падежа подлежащего (хэн? юун?), совпадающего с основой склоняемого существительного, с возможным выпадением -н основы (чередование -н с Ø): *морин* ~ *мори* “конь” и т. д. и неопределенного (неоформленного) падежа, по форме совпадающего с именительным (тоже неоформленным), но отвечающего на вопросы “кто?”, “что?”, “куда?”, “где?": *hazap* “страну”, “в страну”, *мори* “коня” [Поппе 1937, с. 53].

Оснований для такого деления многофункционального именительного падежа монгольских языков на два падежа, по всей вероятности, нет. Как нам представляется, это все же один падеж, не оформленный формальным показателем, часто совпадающий внешне с основой слова, а также с его внепадежной формой, который в монгольских языках принято называть именительным. Функции этого падежа, как было замечено выше, не ограничиваются только выражением подлежащего (субъекта). Называть этот падеж, в зависимости от возможных его синтаксических функций, то

неоформленным винительным, то неоформленным дательно-местным и т.д. считаем нецелесообразным, так как это означает, по сути, отход от принятого общего определения категории падежа как грамматической и переход на так называемую семантическую точку зрения, несостоятельность которой признается, как мы видели, языковым материалом монгольских языков. Такова грамматическая природа именительного падежа – немаркированного члена падежной системы в монгольских языках, в частности. Вступая в оппозицию с другими членами монгольского склонения, он выступает как именительный с нулевым показателем. Также он употребляется в функции именного глагольного сказуемого и в функции второстепенных членов, что является живым свидетельством допадежного состояния именительного падежа в истории монгольских языков.

Своеобразным выходом из тех объективных противоречий, связанных с неоформленностью монгольского именительного падежа является, как правило, оформленность всех других косвенных падежей специальными показателями и возможность маркировать именительный падеж в функции подлежащего особыми аналитическими показателями типа монгольских частиц *ину/ану*, которые восходят к форме родительного падежа архаических местоимений 3-го лица **u*-“он”, **a*-“они”, которые уже в ст.-письм. монг. утратили различие по числам и функционируют как равнозначные сингармонические варианты в зависимости от состава гласных основы имени, которое они сопровождают, то есть выступают как суффиксы, выделяя его и определяя точно, как подлежащее [Поппе 1937, с.164; Санжеев 1953, с.62], например, *Badma-anu Baldan, Bilig, Dalai yurban-dur tabun xoni, naiman imaya-yi ogibe* “Бадма – Балдан, Билик, Далай троим – пять овец, восемь коз дал”. Как видим, отсутствие показателя *-anu* при подлежащем *Бадма* сделало бы эту форму малопонятной или просто непонятной, поскольку было бы неизвестно, кто кому дал овец и коз. Ср. *Aqa-anu degüü-de-gen kelebe* “Старший брат младшему брату-своему сказал” без показателя *-anu* эта фраза значила бы: “Кто-то старшему и младшему брату-своему сказал” или фраза с противопоставлением подлежащих: *Ebül-inu maši küyiten, jun-anu maši qalayun* “Зима очень холодная, лето очень жаркое”.

В устной речи своеобразным показателем подлежащего является пауза, передаваемая в монгольских языках с помощью тире: *Aqa-degüü-de-gen kelebe* “Старший брат младшему брату-своему сказал”. *Ene – sayin ger* “Это – хорошая юрта”. Ср. *Ene sayin ger* “Это хорошая юрта”.

Таким же целям служил показатель *-bër*, который отсутствует в современных монгольских языках, например, *qayan-ber айууд* ... “хан испугавшись ...”. Как отмечает Г.Д. Санжеев, *-bër* употребляется в качестве показателя подлежащего, если оно обозначало лицо: *bi-ber ... kütün* “я ... выполняю (делаю)”.

Маловероятна этимологическая связь этого несингармонирующего показателя подлежащего с омоформным показателем орудного падежа: *-bar/-ber, -iyar/-iyer*, а также в наречии-обстоятельстве *-gār/-ger*.

Следует отметить, что в монгольских языках в качестве показателя подлежащего широко употребляется условное деепричастие глагола *бол* “делаться, становиться, быть”, например, ст.-м. *bolbasu* “если сделается”, “если есть”, бур. *бол-бол* или *бол*, которое в данном случае десемантизируется и передается с помощью русского *что касается того*, где *что* выражено подлежащим: бур. *тэрэ бол-бол ...* “что касается того, то он ..”, *Энэ бол хэн?* “Это кто?” [Санжеев 1941, с.143]. Но, как отмечал Г.Д. Санжеев, условное деепричастие от *бол*-(см. бур. *болбол*) может быть показателем подлежащего, если выражающая его основа имени употреблена в именительном падеже, так как эта же форма, сопровождая основу имени в косвенном падеже “оказывается лишь показателем того, что логическое ударение падает на данное слово”. Сказанное, по всей вероятности, можно отнести и к некоторым другим “показателям подлежащего”.

Сходное явление отмечалось Н.Н. Поппе в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, в частности в солонском: *би-ми-*, ср. монг. *болбасу* [Поппе 1931, с.122].

В монгольских языках, начиная с древнемонгольского и кончая современными, основы склоняемых имен по сравнению с основами такого же вида представляются в фонематическом отношении наиболее стабильными и потому, если отвлечься от так называемых вставочных согласных, устанавливаемых при соединении чистых основ с падежами и другими аффиксами, довольно часто внешне совпадают с нулевой формой именительного падежа.

Особенностью бурятского подлежащего является употребление показателей – особых маркеров грамматической независимости именительного падежа. Как отмечает Т.А. Бертагаев, эти “показатели подлежащего...следует рассматривать как служебные слова типа частиц или послелогов, имеющие семантико-синтаксическое назначение” [Бертагаев 1969, с. 31].

Для современного калмыцкого языка не характерны особые показатели подлежащего, которые выражаются внепадежными средствами, о которых было сказано выше. Видимо, поэтому вопрос об именительном падеже в монгольских языках, начиная с первых грамматик и кончая многими работами современных исследователей, ввиду его неформленности всегда привлекал внимание исследователей по сравнению с другими членами падежной парадигмы. Все исследования сводились по преимуществу к вопросу о названии этого падежа и к характеристике его синтаксических функций. Но не все исследователи, анализируя падежные показатели, заостряли внимание на именительном падеже. В некоторых исследованиях об этом падеже

говорится как о неимеющем формального показателя или совпадающего с основной слова.

З.К. Касьяненко, ссылаясь на работы Б.Х. Тодаевой, Г.Д. Санжеева, М.Н. Орловской, отмечает, что “имя в именительном падеже даже... совпадает по форме с основой слова” [Касьяненко 1964, с. 4] и ищет замену для этого падежа. Этот же именительный падеж именуется автором основой слова, а отсутствие показателя и как раз будет формальным признаком данного падежа. В противном случае при совпадении основы с формой слова, то есть показателем именительного падежа в одном ряду с аффиксально оформленными падежами, в парадигме склонения оказывается \emptyset , то есть отсутствие признака падежа, а следовательно, и отрицание за ним статуса падежа?

Поскольку проблема генезиса монгольских падежей ставится обычно как проблема происхождения падежных аффиксов, то именительный падеж при этом оказывается вне этой проблемы из-за неоформленности падежа.

Подчеркнув, что падеж этот в отличие от других не имеет собственного показателя, а представляет основу, Т.А. Бертагаев, рассмотревший употребление основ имени в составе разных словосочетаний и предложений в бурятском языке, вместе с тем отмечает, что одни из них представляют падеж основы, а другие – нулевые именительный, винительный, родительный и дательный падежи. Он пишет, что “падеж основы, таким образом, не имеет определенно выраженной функции и встречается в самых разнообразных сочетаниях. От таких отношений существительного к другим словам нужно четко отграничить нулевые формы выражения существительного в именительном, в винительном, в родительном и дательном падеже” [Бертагаев 1956, с. 49].

С веским возражением против предложенного Т.А. Бертагаевым термина для данного падежа выступил Ц.Б. Цыдендамбаев. Напомним его доводы, к которым он пришел в специальном исследовании “Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении” [1979]. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев, приводя данные из бурятского языка, первый падеж монгольского склонения выносит за пределы падежной парадигмы.

Вопреки утверждению Ц.Б. Цыдендамбаева, именительный падеж – все же несомненно падеж. Нет и не может быть падежных языков, в которых при наличии косвенных (пространственно-временных, комитативных, инструментальных и т. д.) падежей или хотя бы одного из них, как, например в английском, отсутствовал бы падеж прямой – именительный, всегда достаточно определенный и не совпадающий по сути ни с основой склоняемого слова, ни с его номинативной формой вне парадигмы склонения.

Что касается попыток установления в монгольских языках двух различных форм выражения подлежащего – именительный простой и именительный с особыми показателями, то прямого отношения к проблеме проис-

хождения монгольского именительного падежа без материального выражения, как бы последний не именовался, этот вопрос, очевидно, не имеет. Это скорее вопрос об особых средствах актуализации смыслового выделения тех или иных членов предложения независимо от падежного оформления. Показатель подлежащего, который материально не выражает именительный падеж, можно считать такого рода морфемы-аффиксы с рядом оговорок, так как они, как отмечал Г.Д. Санжеев [1941, с. 142], могут относиться и к дополнению и даже к сказуемому.

Итак, проведенный обзор маркированного именительного падежа, позволяет сделать вывод, что аффиксальная неоформленность, которая передается \emptyset в парадигме монгольского склонения, не может быть основанием для исключения этого падежа при сравнительно-историческом изучении особенностей становления и развития форм склонения в многопадежных монгольских языках.

Как известно, немаркированный именительный падеж характерен не только монгольским языкам. Все это, по-видимому, давало повод для исключения именительного падежа из категории падежей или, наоборот, признания его “падежом падежей” – основой для образования все падежей. Хотим заметить, что косвенные падежи образуются не от именительного падежа, а от склоняемой основы монгольского субстантивного слова – чистая основа или основа в форме множественного числа. Во всех языках, в которых имеется именительный падеж, он выполняет только одну функцию.

В халха-монгольском языке неопределенный падеж совпал с именительным падежом. Монголисты до сих пор не могут определиться с такими понятиями, как формоизменение и словоизменение, с одной стороны, и формообразование и словообразование, с другой, отсюда и идет путаница именительного и неопределенного падежей.

Нам представляется интересным отметить следующий факт: основа имени монгольских языков может употребляться с послелогом, что не характерно именительному падежу русского языка.

Родительный падеж (Genitiv). Форма родительного падежа образуется посредством следующих аффиксов:

1) в классическом языке, как свидетельствует Г.Д. Санжеев [1953, с.159],

-u/-ü, -un/-ün, -yin;

-u/-ü получают имена с конечным согласным -n типа *morin-u* “коня”;

-un/-ün получают основы с прочими согласными: *ger-ün* “дома”;

-yin получают имена с любым гласным типа *noqai-yin* “собаки”, *aqa-yin* “брата”;

2) в калмыцком -a/-э, -эн, -ин/-гин, -ын, -н:

-a/-э получают слова типа *модн-а* “дерева”, *күн* “человек, күнэ “человека”;

-эн ставится после -н и неустойчивого -н в мягкорядных словах типа *мор(н)* “конь” - *морэн* “коня”, *хө(н)* “овца” - “*хөхэн*”, где на месте -н появляется соединительный согласный -h. Также после долгих гласных в конце слова при наращении данной формы появляется -h: *тоо* “счет” - *тооhin* “счета”, *зее* “внук” - *зееhin* “внука”;

-ин в словах типа *нар-ин* “руки”, *эмэл-ин* “седла”;

-ын в словах, оканчивающихся на заднеязычные гласные после согласных -л, -н, -д, -т: *хал* “огонь” - *хал-ын* “огня”, *хад* “скала” - *хад-ын* “скалы”; *багш* “учитель” - *багшын* “учителя”;

-гин в словах с конечным -ң: *аң* “зверь” - *аң-гин* “зверя”;

-н в словах на конечный гласный типа *ноха* “собака” - *нохан* “собаки”, *делкэ* “мир” - *делкэн* “мира”;

3) в монгольском языке -ын/-ийн, -ы/-ий, -н, Ø:

-ын присоединяется к основам на согласный, кроме шипящих -ш, -ж, -ч, н(г) и заднеязычного -г в твердорядных словах: *ном* “книга” - *номын* “книги”, *ах* “брат” - *ахын* “брата”;

-ийн присоединяется после согласных в мягкорядных словах, кроме -н, а также шипящих -ш, -ж, -ч, мягких согласных, конечного -и и заднеязычного -г в твердорядных словах: *эмээл* “седло” - *эмээлийн* “седла”, *гэр* “дом” - *гэрийн* “дом”, *багш* “учитель” - *багшийн* “учителя”, *багаж* “инструмент” - *багажийн* “инструмента”, *анги* “группа” - *ангийн* “группы”, *тараг* “кефир” - *таргийн* “кефира”, *сурагч* “ученик” - *сурагчийн* “ученика”;

-ы ставится после -н и скрытого -н в твердорядных словах типа *ус(н)* “вода” - *усны* “воды”, *хаан* “хан” - *хааны* “хана”, *морь(ин)* “конь” - *морины* “коня”;

-ий после конечного -н и скрытого -н в мягкорядных словах: *хүн* “человек” - *хүний* “человека”, *үнэн* “правда” - *үнэний* “правды”;

-н после дифтонгов типа *нохой* “собака” - *нохойн* “собаки”, *тэмээ(н)* “верблюд” - *тэмээний* “верблюда”, *гахай* “свинья” - *гахайн* “свиньи”;

-гийн после долгих гласных: *Дуумаа* - *Дуумаагийн*, *Москва* - *Москвагийн*;

-Ø ставится в том случае, когда родительным падежом оформляются однородные члены, при этом падеж присоединяется к последнему члену: *Хүн малын ундаа болсон тойром бүрд уснууд* “Вода в каждом водоеме стала напитком для человека и скота”;

4) в бурятском -иин/-ын, -ай/-ой/-эй, -гай/-гой/-гэй, -н:

-иин получают слова, оканчивающиеся на краткие гласные типа: *хургуули* “школа” - *хургуулиин* “школы”;

-ын получают основы на все гласные, кроме кратких гласных типа *тэргэ* “телега” - *тэргын* “телеги”, *хада* “гора” - *хадын* “горы”;

-ай/-ой/-эй получают слова, оканчивающиеся на твердые согласные: арад “народ” – арадай “народа”, ном “книга” – номой “книги”, эмээл “седло” – эмээлэй “седла”, мори(н) “конь” – мориной “коня”, мод(он) “дерево” – модоной “дерева”, нам “книга” – номой “книги”, ср. ан(г) “зверь” – ангай “зверя”, дэн(г) “свеча” – дэнгэй “свечи”;

-гай/-гой/-гэй получают слова, оканчивающиеся на долгие гласные или заднеязычный -н(г): буу “ружье” – буугай “ружья”, дохео “сигнал” – дохеогой “сигнала”;

-н присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг и -ы: нохой “собака” – нохойн “собаки”, харгы “дорога” – харгын “дороги”.

Родительный падеж в предложении выступает в роли атрибута и чаще всего является притяжательным определительным.

В большинстве языков мира Genitiv представляет собой категориальную форму падежа, которая выражает, прежде всего, значение принадлежности, обладания, связи, отношения. Как подчеркивал Г.И. Рамstedт, родительный или притяжательный падеж вместе с именительным падежом является, в частности, в монгольских языках падежом адноминальным, что отличает его от других косвенных падежей, падежей адвербиальных, – и определенным образом сближает его прежде всего в атрибутивной функции с падежом именительным. “Атрибутивные отношения изначально выражались, должно быть, как путем особого падежного образования, так и посредством синтаксического соположения имен” [Рамstedт 1957, с. 33]. Различие этих по сути однотипных падежей заключается в том, что родительный обязательно оформлен, а именительный – не оформлен.

Первоначальным показателем родительного падежа Г.И. Рамstedт, вопреки некоторым своим предшественникам и последователям, считал -н, перед которым при основе на согласный “слышался соединительный гласный” [Рамstedт 1957, с. 33].

В монголоведении бытует мнение, что для исходной фонетической структуры корневых и аффиксальных морфем: согласный + гласный находит свое подтверждение в материалах засвидетельствованных языков фонетический архетип морфемы, который развился в показателе родительного падежа, который можно восстановить так: *-ни > -ни/-и, -ни/-н'/-н. Показатель этот, как отмечает О.П. Суник, генетически связан с личным местоимением 3-го лица, который утратил инициальный согласный -н-, [см. Суник 1982, с. 174]. Но, как показывает языковой материал, -н в древнемонгольском языке был представлен во всех падежах. В процессе эволюции языка в именительном падеже современного монгольского языка он отбрасывается, но сохраняется в бурятском и калмыцком языках. Ср. и “он” склоняемая основа ин-, род. п. и-ни/ин-и. или восстанавливаемом в монгольских языках *и: и-ну – форма род.п., но сохранившем этот -н в ряде морфологических дериватов – в притяжательных суффиксах монгольских языков: -н' < *-ни.

Конечный *-н* в основах косвенных падежей в монгольских местоимениях первых двух лиц, частично и 3-го лица, является исторически суффиксальным элементом. Ср. монг. *би* – **ми-н*-, **ба* – **ма-н*-, *чи* – **чи-н*, *та* – **та-н*, **и* – **и-н*-.

В языках показатели родительного падежа отличаются значительной вариативностью, связанной с фонетическими чередованиями *н/ј*, *у/и*, *а/э* и т. д., что зависит от вокализма и конечного звука основы.

Из сравнительного анализа вариантов данного падежа, сделанного Г.Д. Санжеевым [1953, с. 158 и сл.], можно заключить, что в наиболее архаическом виде интересующий нас формант представлен в монгольском языке: *-ни* без позиционных фонетических модификаций, который сохраняет ряд иных архаических черт, по сравнению с другими монгольскими языками или их диалектами. Показатель этот, как замечает Г.Д. Санжеев, совпадает с показателем винительного падежа в монгольском языке, также не имеющем фонетических вариантов.

Такое явление было свойственно ряду монгольских языков, и принимая во внимание многочисленные случаи фонетической дифференциации винительного и родительного падежей путем “дополнительного” *-н* ~ *-ң* в показателе родительного падежа, общемонгольскую исходную форму его можно представить в виде **-нин* > *-јин* ~ *һин* ~ *ин* ~ *-йн* ~ *-н* с вокалическими вариантами, которые обусловлены вокализмом основы. По-видимому, и в монгольских языках такого типа аффикс мог бы быть исторически составным **-ни-н*, в котором основная “генитивная функция падала на *-н*, что и дало основание для восстановления прамонгольского показателя родительного падежа в виде **-н* [Поппе 1955, с. 194], а для совпадающего ныне в ряде современных монгольских языков с суффиксом родительного падежа показателя винительного падежа – праформы **-ги* [Поппе 1955, с. 194]. Что касается монгольских притяжательных местоимений, то они образованы посредством общеалтайского суффикса **-гэи*/**-кэи* > *-ки*/*-хи* от обычных “генитивных” форм соответствующих местоимений: основа + *-ну* ~ *-ни* + *-кай*/*-гай* > *-ки*/*-хи*, а не от *-н-кэи* /*-н-гэи*. Ср. общемонг. *би* “я” – *ми-ну-кай* “мое”, “принадлежащее мне”, хотя в локативных падежах, образованных на базе “генитива”, этот конечный *-н* показателя родительного падежа может быть легко обнаружен: *-н-ду* ~ *-йн-ду*, *-н-да* ~ *-йн-да*, *-н-лу* ~ *-йн-лу*, *-н-һа* ~ *-йн-һа* [Поппе 1955, с. 208]. Его также можно выявить в лично-притяжательных частицах 3-го лица, не различающихся по числам: монгол. *-нини*, ордос. *-йнийн* ~ *-нйн* < **-ни-ни* ~ *-нй-н*.

Присоединение *-ги*/*-ки* к основам с показателем, совпадающим с формой дательного-местного падежа, широко распространено в монгольских языках: *-да-ки*.

Особенностью “генитивных” притяжательных форм в монгольских языках является то, что они могут быть не только средством выражения отношений между двумя основами имени, но и соединения притяжательно оформляемой основы с другими именными показателями, в том числе с показателями некоторых падежей, не говоря уже о связи со служебными словами – послелогами, а также с субстантивно-адективным словообразовательным аффиксом *-хи/-зи/-хи*. Все это не только противопоставляет, но и в большей степени сближает материально невыраженный именительный падеж и родительный падеж, форма которого сохраняет слишком много словообразовательного, присущего настоящему падежу. Не удивительно, например, что в калмыцком языке имеется два разных показателя родительного падежа, например, *-йн/-гин/-н*, а также наблюдается даже комбинация двух этих показателей *ин-а/-а-гин*, не говоря уже о полном наборе всех иных падежей, образованных на базе того же “генитива”: вин. п. *-йн-иг/-а-г*, дат.п. *-йн-да/ -а-да*, INSTR. п. *-йн-ар/-а-һар*, исх.п. *-йн-ас/-а-һар*, совм. п. *-йн-мә/-ә-мә*. С родительным падежом в этом отношении успешно конкурирует “совместный падеж” на *-тай/-тэй, -тә/-тә* и т.д. Интересно, что и в этом случае может быть совместный падеж от основы в “совместном же падеже”. Ср. калм. *-тә-тә*, не говоря уже о всех других падежных формах такой “комитативной основы”. Вопрос этот исследован на монгольском материале З.К. Касьяненко [1963, с.35-45]. То же, но, может быть, в менее яркой форме, относится и к формам, называемым во всех случаях только формами “родительного падежа”. Однако аффикс и этого падежа образует не только адноминальные определительные формы, но и по сути формы адективные, а в случае их склонения – субстантивные образования, употребляемые по преимуществу адвербиально, в формах косвенных падежей. По всей вероятности аффикс родительного падежа в этих разных случаях можно признать двумя омоформами, хотя в этом нет никакой необходимости, если отвлечься от методических целей.

З.К. Касьяненко [1963, с. 45] считает слова в форме родительного падежа типа *сүүл-ийн* “последний”, *хан-ын* “стенной” именами прилагательными в сочетаниях *сүүл-ийн хан* “последний хан”, *хан-ын сонин* “стенная газета”. Известно, что функция родительного падежа в монгольских языках выражает отношение и принадлежность. Здесь налицо отношение, выраженное формой родительного падежа. Ср. монг. *гутлын фабрик* “сапожная фабрика”, *паспортын ширээ* “паспортный стол”, *хүнсний дэлгүүр* “продуктовый магазин”, но *ахын малгай* “шапка брата”.

Таким образом, монгольским языкам характерны синкретические основы: имена по внешнему признаку не отличаются друг от друга. Ср. форма именительного падежа в *модон гэр* “деревянный дом” выражает определение, *булган малгай* “соболья шапка” – материал, из которого сде-

лан предмет, монгол охин “монгольская девушка”. Так, В. Котвич [1962, с. 186] различал в монгольских языках два генитивных падежа: родительный I (genitivus) и родительный II (possessivus), аффиксы которых суть: *-йин, -ун, -һаи -аи*. Ср. калм. *-йин, -а-*. Комбинация такого рода сходных по значению аффиксов, например, калм. двойной падеж *-йна ~ -агин* способна привести, по всей видимости, к возникновению единого собственно-падежного формата – родительного, который будет исключать образования от него других падежных форм. Также возможно отграничение падежной формы от формы притяжательного прилагательного или существительного.

Итак, основным значением монгольского родительного падежа является значение субъекта: он употребляется при определяемом, выраженном отглагольным именем существительным, например, калм. *усна урсхл*, бур. *уһанай урадхал* “течение воды”. Родительный субъекта может употребляться в причастных и деепричастных оборотах: калм. *мини умшсн дегтр*, бур. *мини уншаһан ном* “книга, прочитанная мною”; родительный объекта употребляется для выражения косвенного дополнения при отглагольном или процессном имени, например, калм. *усна һурвн бээдл*, бур. *уһанай гурбан байдал* “три вида воды”. Существительные в родительном падеже имеют назначение предмета: калм. *усна суулһ* “ведро для воды”, бур. *сайны аяга* “чайная чашка”. Также ему свойственно определительное значение, так как монгольским языкам не характерна категория притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных. В роли определения чаще всего выступает имя существительное в родительном падеже типа калм. *ахин махла*, монг. *ахын малгай*, бур. *ахын малгай* “братова шапка” или калм. *мини дегтр*, монг. *миний ном*, бур. *мини ном* “моя книга”. Имя существительное в родительном падеже в монгольских языках также может выражать отношение части и целого, то есть выполнять функцию партитива, например, калм. *морнэ толһа*, монг. *морины толгой*, бур. *мориной толгой* “голова лошади”, также обозначать коллектив, организацию или лицо, к которому имеет отношение другой предмет типа калм. *дунд сурһулин ахлач*, монг. *дунд сургуулийн дарга*, бур. *дунда һуургуулийн директор* “директор средней школы”, калм. *балһсна сурһульч* “городской ученик”, монг. *хотны оуутан* “городской студент”, бур. *заводой хүдэлмэришэд* “рабочие завода”.

Винительный падеж (Akkusativ). Форма винительного падежа образуется посредством аффиксов:

1) в классическом языке, как отмечает Г.Д. Санжеев [1953, с.162], *-i, -уи*:

-i получают имена на любой согласный: *morin* “лошадь” – *morin-i* “лошадь”, *ger* “юрта” – *ger-i* “юрту”;

-уи получают имена на любой гласный: *ноqai* “собака” – *ноqai-уи* “собаку”, *аqа* “старший брат” – *аqа-уи* “старшего брата”;

2) в калмыцком *-ыг/-иг, -г*:

-иг получают имена с конечными согласными и редуцированными гласными, а также с конечным неустойчивым *-н*, но с предшествующими согласными: *гер* “дом” – *гериг* “дом”, *толь* “зеркало” – *толиг* “зеркало”, *мөрн* “конь” – *мөриг* “коня”;

-ыг принимают имена с неустойчивым *-н*, с гласными заднего ряда с конечными *-л, -н, -д, -т* в основе слова: *мал* “скот” – *малыг* “скот”, *модн* “дерево” – *модыг* “дерево”;

-г присоединяется к именам с конечным ясным гласным и неустойчивым *-н*, но с предшествующим ясным гласным: *така* “курица” – *такаг* “курицу”, *зее* “внук” – *зеег* “внука”, *яма(н)* “коза” – *ямаг* “козу”, *ноха* “собака” – *нохаг* “собаку”;

3) в монгольском *-ыг/-ийг, -г, Ø*:

-ыг присоединяется к основам на согласный в твердорядных словах, кроме шипящих *-ш, -ж, -ч, н(г)*: *ном* “книга” – *номыг* “книги”, *ах* “брат” – *ахыг* “брата”, *арга* “способ” – *аргыг* “способа”, *хана* “стена” – *ханыг* “стены”;

-ийг присоединяется после согласных в мягкорядных словах, кроме *-н*, а также шипящих *-ш, -ж, -ч*, мягких согласных, конечного *-и*, в твердорядных словах, а также заднеязычного *-г* в твердорядных словах: *эмээл* “седло” – *эмээлийг* “седла”, *гэр* “дом” – *гэрийг* “дом”, *багш* “учитель” – *багшийг* “учителя”, *тараг* “кефир” – *таргийг* “кефира”, *араг* “корзина” – *аргийг* “корзины”;

-г после долгих гласных и дифтонгов и скрытого *-н*: *нохой* “собака” – *нохойг* “собаки”, *тэмээ(н)* “верблюд” – *тэмээг* “верблюда”, *хун* “человек” – *хууг* “человека”, *морь(ин)* “конь” – *морийг* “коня”;

Ø ставится в том случае, когда винительным падежом оформляются однородные члены, при этом падеж присоединяется к последнему члену: *Хумууус узэсгэлэн тавьсан зураг, баримал, сийлбэр, хатгамалыг их сонирхов* “На выставке люди интересуются фотографией, резьбой, вышивкой”;

4) в бурятском *-ые, -иие, -гые, -е*:

-ые получает основа имени, оканчивающаяся на краткий гласный, кроме *-и* или неустойчивый *-н*, или согласный, кроме *-н*: *хана* “стена” – *ханые* “стену”, *шоно* “волк” – *шоные* “волка”, *хэрэг* “дело” – *хэрэгые* “дело”, *нуур* “озеро” – *нуурые* “озеро”;

-иие получает основа имени, оканчивающаяся на краткий гласный *-и* или неустойчивый *-н*, которому предшествует краткий *-и*, а также с конечным переднеязычным *-н*, кроме того, с палатализованным согласным в заимствованных словах: *хуули* “закон” – *хуулиие* “закон”, *һони(н)* “новость” – *һониие* “новость”, *тетрадь* – *тетрадиие*;

-гые присоединяется к основе с заднеязычным *н(г)*: *дэн(г)* “свеча” – *дэнгые* “свечу”, *һан(г)* “казна” – *һангые* “казну”;

-е принимает основа имени, оканчивающаяся на дифтонг, долгий гласный, а в заимствованиях – на ударный гласный, а также на неустойчивый -н, которому предшествует долгий гласный: *гахай* “свинья”-*гахайе* “свинью”, *улаа* “подвода” – *улаае* “подводу”, *шууяа(н)* “шум” – *шууяае* “шум”.

Винительный падеж в монгольских языках обозначает прямой объект, на который направлено действие. Во многих языках есть винительный падеж – такая категориальная форма падежа, которая “представляет собой морфологическое образование, которое применяется для обозначения определенного объекта; для обозначения неопределенного объекта или объекта вообще обыкновенно используется основная форма слова, не имеющая окончания, то есть форма именительного падежа” [Рамстедт 1957, с.36]. Из этого определения, как и из многих подобных, которые содержатся в грамматиках по отдельным монгольским языкам, можно заключить, что формально оформленный винительный падеж отличается от всегда неформального именительного падежа в случае, когда этот последний выступает в роли прямого объекта. Различаются они лишь в отношении категории определенности-неопределенности, но не в отношении собственно-падежного значения: именительный-винительный.

Противопоставления винительного оформленного и именительного падежей должно быть проведено посредством противопоставления именительного падежа подлежащего винительному оформленному падежу прямого дополнения. Ср. калм. *гал шатах* “разводить огонь”, монг. *ном униших* “читать книгу”, бур. *сай ууха* “пить чай”, где оформление прямых дополнений в речи не наблюдается. Но в случаях типа калм. *Тер күүкиг бэрж авв* “Он поймал девушку” оформленность прямого дополнения аффиксом винительного падежа наблюдается регулярно, видимо, потому, что одного порядка расположения членов предложения как средства разграничения подлежащего и дополнения в подобных случаях недостаточно. Оформленность прямого дополнения в тех нередких случаях, когда субъект и объект выражены различными местоимениями (“я тебя”, “ты меня”, “он его”, “мы вас”, “вы нас”, “мы их”, “они нас”, “вас” и т. д.), наблюдается регулярно. Это обусловлено необходимостью формально-аффиксального разграничения двух или нескольких потенциальных субъектов действия, поскольку разграничение подлежащего и дополнения посредством одного только порядка их следования в предложении оказывается в подобных случаях недостаточно выразительным средством. Неформальность винительного падежа, способного выступать и в роли прямого объекта, приводит к необходимости аффиксального разграничения форм прямого объекта, являющегося куда более выразительным средством, чем твердый порядок расположения членов предложения.

В разных языках способы такого разграничения могут быть неодинаковы. Один из них – образование особых форм объекта – винительного,

так или иначе аффиксально оформленного, приглагольного падежа. Монгольские языки имеют свои средства для выражения прямого дополнения. Иногда особые средства выделения получает в монгольских языках и именительный падеж, о чем было сказано выше. Но типичной формой подлежащего в этих языках был и остается именительный падеж материально не выраженный. В языке выработались аффиксально оформленные средства выражения прямого объекта – падежные формы объекта, прежде всего винительный определенный падеж. Об аффиксах такого падежа в монгольских языках отчасти уже упоминалось выше в связи с рассмотрением аффиксов родительного падежа. Но прежде чем перейти к рассмотрению падежных форм прямого дополнения – имени в винительном определенном, винительном неопределенном, партитивном – необходимо особо подчеркнуть, что между падежом подлежащего, а также именного сказуемого, с одной стороны, и между формой приименного определения без аффикса, а также приглагольного дополнения, с другой – имеется некоторое различие.

В монгольских языках наряду с полностью совпадающими показателями винительного и родительного падежей, например, в дунсянском, дагурском, могольском, нетрудно обнаружить значительную общность в показателях, казалось бы, столь разных падежей, как приименный родительный и приглагольный винительный [Санжеев 1953, с. 160-163].

Нетрудно заметить и то, что различает эти аффиксы: в аффиксах винительного падежа в той или иной комбинации с гласными встречается заднеязычный *-g*, но отсутствует в исходе аффикса *-n*, имеющийся в показателях родительного падежа. Для показателей обоих падежей характерен начальный *n* ~ *j* ~ *u*. В самом общем виде эти различия можно предварительно обобщить так: вин. п. **-ни/zu/-ju/-u*; род. п. **-ни-n/-ju-n/-u-n/-n*.

Анализируя соответствующие монгольские показатели, Г.Д. Санжеев писал: “Заслуживает внимание и то обстоятельство, что в дагурском, монгорском и могольском языках формативы родительного падежа соответственно единственные для всех основ, полностью совпали с формативами винительного падежа, также единственным для всех основ ... Это говорит об определенном единстве категорий родительного и винительного падежей, и недаром во многих монгольских языках и диалектах (кроме бурятских) эти падежи в равной степени оказываются средствами выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах” [Санжеев 1953, с.160-161].

С последним заключением о выражении субъекта в притяжательных, или поссесивных, словосочетаниях формой винительного падежа, то есть как падежа прямого дополнения, согласиться нельзя. Возможно, именно в этом пункте смешение ставших омофоничными двух совершенно разных по своему значению или функции падежных показателей достигло своей кульминации. Если причастия или реже деепричастия являются глагольны-

ми формами транзитивными или интранзитивными, то они управляют в подобных случаях не формой имени в винительном падеже, а только и всегда притяжательной формой. Эта форма может совпадать и с именительным падежом без показателя.

Итак, историко-генетическая связь между показателями родительного и винительного падежей в монгольских языках не может вызывать сомнений, как и то, что показатели эти могут в значительной мере совпадать и совпадают полностью в некоторых засвидетельствованных монгольских языках. Если между такого рода оморфными показателями не проводить определяемого контекстом различия, то можно прийти к выводу о “функциональной взаимозаменяемости” этих принципиально разных падежных форм и видеть в одних языках винительный падеж там, где в других вполне оправданно функционирует родительный падеж.

В монгольских языках на базе общего прономинального *-ни/-ин и его различных рефлексов со временем сложился винительный определенный падеж. Данный падеж иногда совпадает с родительным, а чаще отличается от него компонентом -н/-ң (-ни-н ~ ни-ң и т. д.). Ни так называемый номинальный -н (неустойчивый, скрытый конечный -н > ∅, ни прономинальный -н лично-указательных местоимений, отразившийся в форме именительного падежа некоторых монгольских местоимений типа калм. *бидн* “мы”, где -н является маркирующим именную основу) или в склоняемых местоименных основах во всех монгольских языках, не был и не мог быть каким бы то ни было падежным показателем, хотя генетически он и связан с будущими монгольскими падежами: родительным и винительным.

Так, например, родительный падеж сложился не путем удвоения двух винительных: *-ни + н(и), а винительный падеж – не путем утраты второго компонента родительного падежа, например, *-ни-н(и) > *-ни. Оба этих падежа в монгольских языках могли сложиться на основе некоторого удвоения лично-указательного местоимения *ни (*ни-ни), в котором второй компонент стал со временем означать некий притяжательный аффикс – тот самый прономинальный -н/-н(и), который обнаруживается в основе ряда личных или указательных местоимений и в конечном -н аффиксов принадлежности при присоединении к словам с этими аффиксами показателей других косвенных падежей, особенно пространственных.

Взаимосвязь показателя -н с категорией родительного притяжательного падежа, а иногда и с категорией винительного падежа в монгольских языках рассматривается как двухпадежность имени или как особой склоняемой основы в родительном падеже.

В роли прямого дополнения могут выступать субстантивированные причастия в форме винительного падежа, например, калм. *кен энд бээсниг би меднэв*, бур. *хэнэй эндэ сугларһые би мэдэнэб* “я знаю, кто собрался здесь”.

Личные имена в значении прямого объекта всегда оформляются винительным падежом: калм. *Бадмаг байрлуув*, монг. *Бадмийг баярласан*, бур. *Бадмае урмашуулбад* “Обрадовали Бадму”.

б) Система обстоятельственных падежей

В древности монгольские обстоятельственные падежи были более конкретными и более дифференцированными. Обстоятельственные падежи могут выражать, как было сказано выше, пространственные и временные отношения, оформляя косвенные дополнения и обстоятельства.

Грамматическая многозначность многих падежных форм в монгольских языках связана с фонетическими типами основ склоняемых слов и фонетическими вариантами падежных форм. Различия в значении одних и тех же падежных форм обусловлены в какой-то мере лексическим значением склоняемого слова, а также значением того слова, с которым эта падежная форма связана синтаксически. Так, например, один и тот же аффикс дательно-местного падежа калм. *-д/-т*, оформляет имена существительные и субстантивированные слова при глагольных основах со значением “движение”, “направление” или “местонахождение”. Субстантивированное причастие в форме этого же падежа имеет значение времени, например, калм. *йовси-д* “когда поехал”.

Если учесть, что многие обстоятельственные падежи могут иметь и имеют сходные значения и функции, то станет понятной возможность перекрещивания, смешения, а иногда и слияния различных по форме, но сходных по функции и значению падежных форм. Как писал О. Есперсен: “...сколько бы мы ни продвигались в глубь истории, мы нигде не нашли бы падежа с одной ясно очерченной функцией: в любом языке каждый падеж служит для различных целей, границы между ними не являются отчетливыми. Именно это в сочетании с характерными для падежей исключениями и непоследовательностью при образовании форм объясняет многочисленные случаи слияния падежей, известные в истории языков (“синкретизм”), а также хаотические правила, ...правила в значительной степени труднообъяснимые” [Есперсен 1958, с.204-205].

С.Д. Кацнельсон, исследуя категорию падежа, писал: “Сложность падежной системы определяется полифункциональностью отдельных значений разных падежей. Без учета этих перекрещивающихся связей всякое исследование будет по необходимости субъективным и обедненным” [Кацнельсон 1972, с.43].

На примере обстоятельственных падежей не только в одном языке, но и во всех монгольских языках можно проследить функциональную многозначность каждого из форм этих падежей, переплетение значений разных по форме и связанную с этим их взаимозависимость. По сложившейся тра-

диции, падежи эти именуется обычно лишь по одной из их функций, признаваемой наиболее характерной, хотя при этом отмечаются и их другие, иногда весьма различные, свойственные к тому же не одному, а двум или нескольким разноименным падежам. При значительной материальной общности форм ряда обстоятельственных падежей в монгольских языках наблюдаются существенные различия, не позволяющие возвести некоторые ныне равнозначные по функции падежи к единым архетипам. Ниже рассмотрим эти падежи более подробно.

Форма *дательно-местно-временного падежа (Dativ)* образуется с помощью аффиксов:

1) в классическом монгольском, как отмечает Г.Д. Санжеев [1953, с. 164], это *-du(r)/-dū(r)*, *-tu(r)/-tü(r)*:

-tu(r)/-tü(r) употребляется при основах с конечными согласными *-b*, *-g*, *-d*, *-r*, *-s*: *ulus-tur* “к стране”, “в страну”, “стране”, *jüg-tür* “в сторону”, “на стороне”;

-du(r)/-dū(r) употребляется во всех остальных случаях: *morin-dur* “к коню”, “на коне”, “коню”;

2) в калмыцком *-m/-ḍ*:

-m присоединяется к именам с конечными согласными *-p*, *-z*, *-b*, *-ḍ*, *-c*, *-ш*: *гер* “дом” – *герт* “дому”, *цаг* “время” – *цагт* “во время”, *клуб* – *клубт* “в клубе”, *эд* “материя” – *эдт* “материи”, *орс* “русский” – *орст* “русскому”, *багш* “учитель” – *багшт* “учителю”;

-ḍ присоединяется к именам с неустойчивым *-н*, конечными гласными и сонорными согласными *-л*, *-м*, а также согласными *-ң*, *-х*, *-к*, *-р*, *-т*, *-з*, *-ч*, *-ц*, в том числе редуцированными, не обозначаемыми на письме: *мал* “скот” – *малḍ* “скоту”, *сам* “гребень” – *самḍ* “гребню”, *хөн* “овца” – *хөнд* “овце”, *аң* “зверь” – *аңḍ* “зверю”, *ноха* “собака” – *нохад* “собаке”, *зее* “племянник” – *зеед* “племяннику”, *ах* “брат” – *ахḍ* “брату”, *эмал* “седло” – *эмальд* “седлу”;

3) в монгольском *-т/-ᠳ*, *-᠋᠋*:

-т присоединяется к именам с конечными согласными *-в*, *-z*, *-c*, *-р*: *хэв* “порядок” – *хэвт* “порядку”, *цаг* “время” – *цагт* “во время”, *орос* “русский” – *орост* “русскому”, *гэр* “дом” – *гэрт* “дому”;

-ᠳ присоединяется к именам с дифтонгами, неустойчивым *-н* и согласными *-х*, *-ᠳ*, *-ц*, *-ч*, *-т*, *-з*, *-c*, *-ш*: *ах* “брат” – *ахад* “брату”, *бод* “предмет” – *бодод* “предмету”, *ач* “внук” – *ачᠳ* “внуку”, *зарц* “слуга” – *зарцᠳ* “слуге”, *бааз* “дружба” – *баазᠳ* “дружбе”, *улс* “народ” – *улсᠳ* “народу”, *багш* “учитель” – *багшид* “учителю”, *хонь(ин)* “овца” – *хонид* “овце”, *нохой* “собака” – *нохойд* “собаке”;

4) в бурятском *-та/-то/-тэ* ~ *-да/-до/-дэ*:

-та/-то/-тэ присоединяется к именам с конечными согласными: *саг* “время” – *сагта* “во время”, *гэр* “дом” – *гэртэ* “дому”;

-да/-до/-дэ присоединяется к именам с неустойчивым -н, с сонорными согласными, а также краткими и долгими гласными и дифтонгами: мал “скот” – малда “скоту”, мод(он) “дерево” – модондо “дереву”, багша “учитель” – багшада “учителю”, нохой “собака” – нохойдо “собаке”.

Посредством дательного-местного-временного падежа выражаются различные синтаксические функции косвенного дополнения, обстоятельства места и времени. Этот падеж в монгольских языках выражает локализацию в пространстве и времени, что дает нам право называть его дательным-местным-временным падежом. Местные значения дательного-местного-временного падежа дают нам основание предполагать, что он был когда-то направительным падежом со значением цели, причины, обстоятельства. Он как бы является общенаправительным местным падежом. Тем не менее основным его значением является значение субъекта и объекта.

Объектное значение проявляется в обозначении лица или предмета, для которого (не) совершается действие, например, калм. *Намаг сурхульд йовулх саната*, бур. *Намайе нургуулида элигэхэнэ һанатай* “Меня хотят отправить на учебу”.

Дательным-местным-временным падеж, кроме субъектно-объектных отношений, передает и обстоятельственно-определяющие отношения, например, калм. *Тер сан тоод*, бур. *Тэрэш һайн тоодо ажаладаг* “Он на хорошем счету”.

В классическом языке дательным-местным-временным падеж выполнял функцию общенаправительного местного падежа, что дает основание считать, что в прошлом он был направительным падежом со значением цели, причины, обстоятельства. Дательным-местным-временным падеж в монгольских языках представляет собой многозначную единицу. Выявление семантики и его функционирование в речи представляют интерес не только для монголоведения, но и для общего языкознания. Данные формы передают значения, относящиеся к широкому масштабу различных ступеней абстракции. Дательным-местным-временным падеж, вступая в отношения с глаголами движения, обозначает, что предмет может быть объектом, в направлении которого совершается действие, которого достигает, в который вторгается. Примеры: монг. *Хүүхдүүд кинонд явсан* “Дети пошли в кино”, *Эн намыг багшид өгөцрэй* “Эту книгу передай учителю”. Из данных примеров видно, что значение падежа указывает на то, что предмет есть объект, в направлении которого совершается движение. Действительно, в первом примере представлены глаголы, обозначающие действия, которые могут совершаться как в направлении к предмету, так и в направлении от предмета. В подобных случаях форма дательного-местного-временного падежа несет основную смысловую нагрузку и его значение проявляет себя независимо от глагольных значений. Такие случаи функционирования падежных форм говорят в пользу субстантности грамматических значений.

Перечислим наиболее типичные значения передаваемые посредством дательного-местно-временного падежа:

1. Дательного-местно-временной падеж объекта-адресата, с которым связано совершение действия: калм. *Күүнд бичэ нук малт – эврэн унхч* “Не копай другому яму – сам упадешь”, монг. *Ах нь дүүдээ тусалдаг* “Старший брат помогает младшему”, бур. *Минии дүүдэ гэр үгтэбэ* “Моему брату дана квартира”;

2. Дательного-местно-временной падеж обозначает лицо или предмет, по направлению к которому совершается действие: калм. *Тедүкн бэгсн хөөчд золһад һартн* “Проведайте чабана, находящегося в отдалении”, монг. *Миний охин сургуульд орсон* “Моя дочь пошла в школу”, бур. *Би хонишондо ошохо* “Я попроведу чабанов”;

3. Дательного-местно-временной падеж прямого объекта при глаголе “любить”: калм. *Ямаран чигн амтэ юмн экдэн дурта* “Любое живое существо любит свою мать”, монг. *Бадма боорцогт дуртай* “Бадма любит борцог”, бур. *Арадта дурлаха* “Любить свой народ”;

4. Дательного-местно-временной падеж объекта-причины: калм. *Догшин салькнд модд хамхрв* “Деревья ломались от сильного ветра”, монг. *Салхинд унах* “Падать от ветра”;

5. Дательного-местно-временной падеж превращения: калм. *Оржасн хур генткн цаснд хуврв* “Дождь мгновенно превратился в снег”;

6. Дательного-местно-временной падеж указывает на место совершения действия: калм. *Сар уга чилгр теңгрт олн одд бигшрв* “В безлунном ясном небе множество звезд”, монг. *Далайн эргэд байсан* “На берегу моря находился”, бур. *Хойто буланда нуугаа* “Сидел в северном углу”;

7. Дательного-местно-временной падеж указывает на время совершения действия: калм. *Мартин арвнд ирх* “Придет десятого марта”, монг. *Ач минь 1995 онд төрсөн* “Мой внук родился в 1995 году”, бур. *Би 1984 ондо ерээ нэм* “Я приехал в 1984 году”;

8. Дательного-местно-временной падеж обстоятельства цели действия: калм. *Би уснд одлав* “Я пошел за водой”, бур. *Тэрэмнай уһанда ошобо* “Он пошел за водой”, монг. *Талханд явах* “Идти за хлебом”;

9. Дательного-местно-временной падеж цены: калм. *Эн гериг дала мөңгнд үнлв* “Этот дом дорого оценили”;

10. Имя в дательного-местно-временном падеже встречается в качестве именного члена составного сказуемого: калм. *Көлнь – шорад, санань – ширэд* “Ноги – в грязи, а помыслы на престоле”;

11. Дательного-местно-временной падеж оформляет грамматическое косвенное дополнение, выражающее в то же время реального исполнителя действия при глаголах в форме страдательного и побудительного залогах: калм. *Мөндрт цокгдсн цецг* “Цветок, побитый градом”, монг. *Хонь чононд*

бариглдчихлаа “Овца поймана волком”, бур. *Таряан мундэртэ сохюулаа* “Хлеба побиты градом”.

Таким образом, форма дательного-местно-временного падежа в монгольских языках содержит в себе семантику дательного и местного падежей с пространственно-временным значением и указывает на локализацию предмета или его действия, состояния в пространстве и времени.

Пространственное значение данной падежной формы зависит прежде всего от семантики основы, к которой она присоединяется. Примеры: основа с предметным значением, называющая реальный предмет (калм. *герт*, монг. *гэрт*, бур. *гэртэ* “в доме”, калм. *булцгд*, монг. *буланд*, бур. *буланда* “в углу”). Основа с временным значением, например, монг. *тэр цагт* “в то время”, *тэр өдөрт* “в тот день”, *хаварт* “весной”, *шөнөд* “ночью”. Собственно же локативное значение в основном создается не формальным показателем падежа, а послелогами.

Следовательно, в самой падежной форме значение места, видимо, ослаблено. Это значение передается именными локативными группами с послелогами калм. *деер*, монг. *дээр*, бур. *дээрэ*; калм. *дор*, монг. *доор*, бур. *доро*; калм. *хөөн*, бур., монг. *хойно*; калм. *ца*, монг. *цаана*, бур. *саана*; калм., монг. *дунд*, бур. *дунда*; калм. *дотр*, монг., бур. *дотор*, бур. *соо*; калм. *хажуд*, бур. *хажууда*, монг. *хажууд*; калм. *хаза*, монг. *гадаа*, бур. *газаа*; калм. *тус* монг., бур. *тушаа*; калм. *өөр*, монг. *ойр*, бур. *ойро*. Примеры: калм. *гер деер*, монг. *гэр дээр*, бур. *гэр дээрэ* “над домом”; калм. *гер дотр*, монг., бур. *гэр дотор* “в доме”; калм. *гер дор*, монг. *гэр доор*, бур. *гэр доро* “под домом”; калм. *герин хөөн*, монг. *гэрийн хойно*, бур. *гэрэй хойно* “с северной стороны дома”; калм. *герин ца*, монг. *гэрийн цаана*, бур. *гэрэй саана* “за домом, позади дома”; калм. *герин дунд*, монг. *гэрийн дунд*, бур. *гэрэй дунда* “в середине дома”; калм. *герин хажуд*, монг. *гэрийн хажууд*, бур. *гэрэй хажууда* “около дома”; калм. *герин хаза*, монг. *гэрийн гадаа*, бур. *гэрэй газаа* “у дома”; калм. *гер тус*, монг. *гэр тушаа*, бур. *гэрэй тушаа* “напротив дома”; калм. *герин өөр*, монг. *гэрийн ойр*, бур. *гэрэй тэндэ* “около дома”.

Кроме того, дательного-местно-временной падеж обозначает лицо, предмет или пункт, по направлению к которому или на (в) котором совершается действие: монг. *халуун усны газарт явах*, калм. *баньд одх*, бур. *банида ошохо* “пойти в баню”. Данное значение передается и более дифференцированно посредством послелогов монг. *тийшээ*, калм. *тал*, бур. *тээшэ*; монг. *уруу/рүү*, *луу/лүү*, калм. *деер*, монг. *дээр*, бур. *дээрэ*; монг. *хүртэл*, калм. *күртл*, бур. *хүрэтэр*. Примеры: монг. *халуун усны газар луу явах*, калм. *бань тал одх*, бур. *бани тээшэ ошохо* “пойти к бане”.

Исходно-временной падеж (*Ablativ*) в монгольских языках обозначает локализацию не только в пространстве, но и во времени. Основное значение исходно-временного падежа обозначать отправную точку любого действия

или состояния в пространстве, от которой происходит движение, или точку отсчета времени, от которого начинается действие. Фактически он выполняет определительно-обстоятельственное значение, в предложении выступает в роли косвенного дополнения.

Показатель исходно-временного падежа в монгольских языках по своему происхождению является составным и образуется с помощью следующих аффиксов:

1) в классическом монгольском языке Г.Д. Санжеев отмечает [1953, с. 169] *-аца/-есе*, иногда *-ца/-се*:

Показатели данного падежа *-аца/-есе*, *-аас/-ээс*, *-ааса/-ээс*, *-ааһа ~ -һа* (←--*ааһа*) является многофункциональным и этимологически членимым, где первый компонент *-а/-е* < местный падеж и *-с (а) ~ -һ* (← *-*ча* – исходный падеж, который был засвидетельствован в средневеком монгольском языке;

2) в калмыцком *-ас/-эс ~ -һас/-һэс ~ -гас/-гэс*:

-ас/-эс присоединяется при именах с конечными согласными и редуцированными гласными: *һарас* “из руки”, *дерэс* “из подушки”, *хотнас* “из деревни”;

-һас/-һэс, где *-һ* – интерфикс, получают имена с конечными гласными типа *такаһас* “курицы”, *тогэһэс* “от колеса”;

-гас/-гэс, где *-г* – интерфикс, получают имена с конечным носовым *-һ* типа *аһ* “зверь” – *аһ гас* “зверя”, *доһ* – *доһгэс* “от помощи”;

3) в монгольском языке *-аас/-ээс/-оос/-өөс*, *-иас/-иос*, *-Ø*:

-аас/-ээс: *гар* “рука” – *гараас* “из руки”, *гэр* “дом” – *гэрээс* “из дома”;

-оос/-өөс: *өглөө* “утро” – *өглөөнөөс* “с утра”, *хот* “город” – *хотоос* “из города”;

-иас, *иос*: *толь* “зеркало” – *толийос* “от зеркала”, *анги* “группа” – *ангиас* “из группы”;

4) в бурятском языке *һаа/-һээ/-һоо/-һөө*, *-ghaa/-ghээ/-ghoo/-ghөө*:

-һаа/-һээ/-һоо/-һөө получает основа имени с любым гласным, а также согласным, кроме *-н(г)*: *уһан* “вода” – *уһанһаа* “из воды”, *гэр* “дом” – *гэрһээ* “от дома”, *модон* “дерево” – *модонһоо* “от дерева”;

-ghaa/-ghээ/-ghoo/-ghөө получает основа имени с конечным заднеязычным согласным *-н(г)*, (фонетическое написание *-н*): *булан(г)* “угол” – *буланghаа* “от угла”, *үзэсхэлэн(г)* “выставка” – *үзэсхэлэнghөө* “с выставки”.

Исходно-временной падеж обозначает место, из которого берется или извлекается что-либо: калм. *сумкас һарһх*, монг. *цунхноос гаргах*, бур. *сумкаһаа гаргах* “вытащить из сумки”; калм. *орчэс һарһх*, монг. *өврөөс авах*, бур. *үбэрһөө абаха* “вынуть из-за пазухи”.

Это же значение передается посредством послелогов калм. *деерэс* монг. *дээрээс*, бур. *дээрэһээ*; калм. *дорас*, монг. *доороос*, бур. *дороһоо*; калм. *дундас*, монг. *дундаас*, бур. *дундаһаа*; калм. *дотр*, монг. *дотроос*, бур.

сооһоо//доторһоо; калм. *урдас*, монг. *урдаас*, бур. *урдаһаа*. Примеры: калм. *стал деерас*, монг. *ширээн дээрээс*, бур. *стал дээрэнээ* “со стола”; калм. *һазр дорас*, монг. *газар доороос*, бур. *газар дороһоо* “из-под земли”; калм. *адуна дундас*, монг. *адууны дундаас*, бур. *адуунай дундаһаа* “из табуна”; калм. *бэгшүг дотрас*, монг. *байшин дотроос*, бур. *байшан доторһоо//сооһоо* “из здания”; калм. *герин урдас*, монг. *гэрийн урдаас*, бур. *гэрэй урдаһаа* “с передней стороны дома”.

Кроме того, исходно-временной падеж обозначает пункт, откуда начинается действие, движение, например, калм. *һолас ирх*, монг. *голоос ирэх*, бур. *голноо ерэхэ* “прийти с реки”; калм. *белчрәс хәрх*, монг. *бэлчээрэ-эс буцах*, бур. *бэлшээрһиһээ бусаха* “вернуться с пастбища”. Данное значение также может передаваться именной группой с послелогом калм. *деерас*, монг. *дээрээс*, бур. *дээрэнээ*: калм. *һол деерас ирх*, монг. *һол дээрээс ирэх*, бур. *һол дээрэнээ ерэхэ* “прийти с реки”.

Существует еще одно мнение, что в монгольских языках, как и в других алтайских языках, форма исходно-временного падежа образовалась по модели от исчезнувшей в монгольских языках формы местного падежа на *-а/-е*, но путем наращения в калмыцком и монгольском языках показателя определенности *-с*, который, как звук в бурятском языке и его диалектах, перешел в гортанный спираント *-һ*. Имена, оканчивающиеся на согласные, в алтайских языках, как пишет Д. Киекбаев [1996, с. 135], исторически являются определенными, то естественно, что в монгольских языках имена на конечную согласную образовались по той же модели, что и от имен, оканчивающихся на долгие гласные, дифтонги и на *-н*, то есть к форме местно-направительного падежа типа монг. *тан-аа* “вам”, *хотн-аа* ~ *хотн-оо* “в городе” наращивался показатель определенности *-с*, например, *тан-аас* “от вас”, *хотн-оос* “из города”.

В современных монгольских языках местный или местно-направительный падеж отсутствует, но, как отмечает Г.Д. Санжеев, этот падеж обнаруживается лишь в некоторых словах, причем как “явно заимствованный из классического языка: *хороонаа* ~ *хорооноо* “в комитет”, “комитету” [Санжеев 1953, с.169].

По замечанию Г.Д. Санжеева [1953, с.168], в классическом монгольском языке второго и третьего периодов, дательного-местный падеж на *-аа/-ээ* образовывался от имен, оканчивающихся только на согласные звуки *-р*, *-н*. Следовательно, в эту эпоху местный падеж на *-аа/-ээ* фактически был на грани исчезновения, превратившись только в основу для образования исходно-временного падежа, к которой наращивался показатель определенности *-с*.

В бурятском языке исходно-временной падеж имеет аффиксы *-һаа/-һааа/-һээ* с фонетическими вариантами по губной аттракции *-һоо/-һооо*, например, *уһан-һаа* “из воды”, *гэр-һээ* “из дома”, *сабишалан-һаа* “из поко-

са”); ср. еще: *тэмээн морин-хоо хушэтэй* досл. “верблюды от лошади сильнее”. Более древняя форма бурятского исходно-временного падежа, несомненно имела аффиксы *-саа/-сээ*, *-гсаа/-гсээ*, где аффикс местного падежа на *-аа/-ээ* наращивался к основе на *-с*. Если учесть то обстоятельство, что в северных алтайских языках звук *-с* перешел в гортанный спирант *-h* в интервокальном положении, то можно не сомневаться в том, что и в бурятском языке исходно-временной падеж образовался от местного падежа на *-аа/-ээ* и *-га/-гэ*, к которому наращивался аффикс *-с*, перешедший в *-h*.

Однако в бурятском литературном языке аффикс *-haa/-ghaa* к основе имени присоединялся непосредственно, без элемента *-а/-э* перед аффиксом *-haa/-ghaa*, а аффикс *-aa/-ээ*, как видно, наращивался к основе на *-h* (из *-с*). Что же тут произошло? Здесь произошло два существенных фонетических изменения: компонент *-с*, как звук, оказавшись в окружении гласных, то есть между аффиксами местного падежа *-а/-э* и *-га*, *-а/-аса* > *-aha*, *-гаса* > *-gaha*, перешел в гортанный спирант *-h*. Единственным условием для перехода *-с* в *-h* является только интервокальное положение звука *-с* в северных алтайских языках, в частности, в бурятском. Аффикс местного падежа *-а/-э*, *-aa/-ээ* классического монгольского языка, оказавшись в безударном положении подвергся полной редукции и совершенно исчез. Поэтому более полной и древней формой аффикса бурятского исходно-временного падежа *-ghaa/-ghээ* следует считать вариант *-gahaa/-гэhээ* (из *-га-с-аа/-гэ-с-ээ*).

Основание для такого толкования развития формы исходно-временного падежа в бурятском языке дают факты бурятских диалектов и других монгольских языков. Так, например, в баргу-бурятском диалекте исходно-временной падеж имеет две параллельно употребляемые формы, ср. *морин-haa* и *морин-aha* “от коня”, бур. *гэр-hээ*, б.-бур. *гэр-ээ-hэ* “из юрты, из дома” [Санжеев 1953, с.170]. Далее Г.Д. Санжеев указывает, что в некоторых бурятских диалектах, в частности, в аларском, угинском и др., между основой с конечным долгим гласным или иногда согласным и формативом исходного падежа вставляется слог *-га*, например, *буруу* “теленка”, *буруу-га-haa* “от теленка”. Данная форма, несомненно, произошла из более древней формы *буруу-га-саа*, то есть к форме местно-направительного падежа на *-га/ -гэ* сначала наращивался аффикс *-с*, а затем по бурятскому типу – аффикс *-aa/-ээ*.

Элемент *-г* в составе показателя бурятского исходно-временного падежа *-ghaa/-ghaa/-ghээ*, а также показателя калмыцкого и монгольского исходно-временного падежа *-gaac/-гээс*, как было замечено выше, является древним показателем определенности и никакого отношения не имеет к какому-либо вставным гласным. Предположение Г.Д. Санжеева о том, что аффикс *-га* свидетельствует о сохранении древнейшей формы показателя местного падежа на *-га/-гэ*, следует считать правильным. Зафиксированы следующие значения данного падежа:

1. Исходно-временной падеж обозначает исходное место действия типа калм. *Балһснас харв*, монг. *Хотоос гарав*, бур. *Городоо гараба* “Выехали из города”;

2. Исходно-временной падеж обозначает время начала действия типа калм. *хаврас авн*, бур. *хабарһаа эхилжэ*, монг. *хавраас эхэлнэ* “начиная с весны”;

3. Исходно-временной падеж обозначает отношение части к целому типа калм. *Махнас идв* “Съел немного мяса”, монг. *Энэ сурагчдаас хамгийн сайн нь тэр*, бур. *Эдэ нурагшадһаа бэрхэнь тэрэ* “Из этих учеников лучший тот”;

4. Исходно-временной падеж обозначает действующее лицо типа калм. *Багшас бичг ирсн*, монг. *Багшаас захиа ирсэн*, бур. *Багшаһаа бэшэг ерээ* “От учителя пришло письмо”;

5. При образовании сравнительной конструкции предмет, с которым сравнивается другой предмет, ставится в исходно-временном падеже типа калм. *Келн утхас хууц* “Язык острее ножа”, монг. *Эхийн сэтгэл сүүнээс цагаан*, бур. *Эхын сэдхэл хүнһөө сагаан* “Душа матери белее молока”;

6. Исходно-временной падеж указывает на причину действия типа калм. *Киитнэс гарм даарв*, монг. *Миний гар хүйтнээс даарав*, бур. *Минии гар даараба* “Мои руки замерзли из-за холода”.

Характерной особенностью монгольских языков является то, что глаголы “бояться”, “просить”, “брать”, “взять” требуют, чтобы имя стояло в исходно-временном падеже.

Орудный падеж (Instrumentalis) в монгольских языках – это такая категориальная форма падежа с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие. Отсюда и название “орудийный”. По своему происхождению показатель орудного падежа является составным:

1) в классическом монгольском языке, как отмечает Г.Д. Санжеев [1953, с. 170-172], данный показатель представлен в виде *-iyar/-iyer* после основ с конечными согласными и *-bar/-ber* после основ с конечными гласными, например, *tal-iyar bayan* “богат скотом”, *suke-ber čabčiba* “рубил топором”;

2) в калмыцком языке форма орудного падежа выражается аффиксами *-ar/-яр/-эр*, *һар/-һэр*, *гар/-гэр*:

-ar/-яр/-эр присоединяется к именам с конечными согласными и редуцированными гласными по закону гармонии гласных. Неустойчивый *-н* при склонении выпадает: *һар* “рука” – *һарар* “рукой”, *гер* “дом” – *герер* “домом”, *толь* “зеркало” – *толяр* “зеркалом”, *модн* – “дерево” – *модар* “деревом”;

-һар/-һэр, где *-һ* является соединительным согласным: *така* “курица” – *такаһар* “курицей”, *зее* “внук” – *зееһар* “внуком”;

-гар/-гэр присоединяются к именам с конечными -ң: аң “зверь” – аңгар “зверем”, доң “помощь” – доңгар “помощью”;

3) в монгольском языке -аар/-ээр/-оор/-өөр, -гаар/-гээр/-гоор/ -гөөр, -Ө:

-аар/-ээр/-оор/-өөр: сум “стрела” – сумаар “стрелой”, тэрэг “телега” – тэргээр “телегой”, мод(он) “дерево” – модоор “деревом”;

-гаар/-гээр/-гоор/-гөөр: хөвөн “вата” – хөвөнгөөр “ватой”, ширээ “стол” – ширээгээр “столом”, дөрөө “стрема” – дөрөөгөөр “стремениами”, гэрээ “лучина” – гэрээгээр “лучиной”;

4) в бурятском языке -аар/-ээр/-оор/-өөр, -яар/-еэр/-еор, -гаар/-гээр/-гоор/-гөөр:

-аар/-ээр/-оор/-өөр присоединяется к основам имен с краткими гласными, кроме -и, согласные, кроме заднеязычного -н(г) и неустойчивый -н, например, хото “город” – хотоор “городом”, хажуур “коса” – хажуураар “косой”, дэн(г) “свеча” – дэнгээр “свечой”;

-яар/-еэр/-еор принимает основа имен с конечным кратким гласным -и, с неустойчивым -н, которому предшествует краткий -и: хасуури “ель” – хасуурияар “елью”, мори(н) “конь” – мореор “конем”;

-гаар/-гээр/-гоор/-гөөр принимает основа имен, оканчивающаяся на дифтонг, долгий или ударный гласный, а также на заднеязычный -н(г) или на неустойчивый -н после долгого гласного: нохой “собака” – нохойгоор “собакой”, дабаа “перевал” – дабаагаар “перевалом”, тэмээн “верблюд” – тэмээгээр “верблюдом”.

Орудный падеж в монгольских языках является многофункциональным падежом. Основная функция этого падежа в предложении – выражать объектные, темпоральные (выражения временного отрезка и действия, повторяющегося во времени), локальные (транзитивные) отношения.

Таким образом, орудный падеж обозначает место или пространство, где передвигается (или находится) предмет: калм. хааһар, монг. замаар, бур. харгыгаа “по дороге”; калм. огтрһуһар, монг. огторгуйгаар, бур. огторгойгоор “по небу”; калм. герэр, монг. гэрээр, бур. гэрээр “по дому”. Это же значение передается именными локативными группами с послелогам, например, калм. деегур, монг., бур. дээгуур; калм. дораһур, монг., бур. доогуур; калм. урдар, монг., бур. урдуур; калм. цааһар, монг. цаагуур, бур. саагуур; калм. дундар, монг., бур. дундуур; калм. дотраһар, монг. дотуур, бур. соогуур; калм. һазаһар, монг. гадуур, бур. газаагуур. Примеры: калм. усн деегүр, монг. усан дээгүүр, бур. уһан дээгүүр “над водой”; калм. усн дораһур, монг. усан доогуур, бур. уһан доогуур “под водой”; калм. герин урдар, монг. гэрийн урдуур, бур. гэрэй урдуур “перед домом”; калм. герин цааһар, монг. гэрийн цаагуур, бур. гэрэй саагуур “за домом”; калм. герин дундар, монг. гэрийн дундуур, бур. гэрэй дундуур “посередине дома”; калм. гер дотраһар, монг. гэр дотуур, бур. гэр соогуур “по всему дому”.

Как известно, показатель *-г* как показатель определенности выступает в качестве аффикса винительного падежа, ср. монг. *чөлөө* “свобода” – *чөлөөг* “свободу”, *далай* “море” – *далайг* вин.п. “море”. Образование орудного падежа от основы определенности на *-г* следует считать закономерным.

Что касается формы орудного падежа типа монг. *зам-аар* “дорогой”, *салхи-ар* “ветром”, бур. *саг-аар* “временем”, *мал-аар* “скотом”, то долготу гласного в составе падежного аффикса можно объяснить тем, что в его составе в прошлом был согласный *-г* со значением определенности. В ходе развития языка этот *-г* исчез, образуя вторичную долготу. Ср. *хада* “гора”: *хада-га-р* > *хада-ар* “горой”. В тех случаях, когда имя существительное или субстантивированное слово оканчивалось на согласный, к нему наращивался показатель определенности на *-а/-э*, например, *мал-а-+-г* (показатель определенности), например, *мала-г-+-а/-э/-о*, например, *мал-а-г-а-+-р* (показатель определенности), например, *малага-р* > *мал-аа-р* “скотом”. Данный путь развития этого падежа показывает на удвоенное *-а* в составе падежной формы. Ср. формы монг. *тамхи* “табак”, но *тамхи-а-р* “табаком”, *морь* (из *морин*) “конь”, *мори-о-р* “конем”, калм. *тэмк(н)* “табак”, *тэмкэр* “табаком”, *мор(н)* “конь”, но *мор-эр* “конем”.

В словах типа монг. *далай-г-аар* “морем”, “по морю” показатель *-г* нельзя рассматривать вставочным или буферным [Тодаева 1951, с.67]. Как считает Г.Д. Санжеев [1953, с. 170-172], в классическом монгольском, дагурском и могольском языках аффикс орудного падежа имел форму *-ijap/-ijep* у имен, оканчивающихся на согласные звуки и *-бар/-бэр* после основ на гласные.

В монгольских языках орудный падеж обозначает субъект действия при сказуемом в форме страдательного или побудительного залога типа калм. *нертэ зурачар зургдсн зург* “картина, написанная известным художником”, бур. *дархашуулаар баригдаһан гэр* “дом, построенный мастером”. Орудный падеж богат различными обстоятельственно-определятельными значениями. В монгольских языках этот падеж имеет значение продольности или транзитива.

1. При обозначении разных средств передвижения, например, калм. *тергэр ирх*, монг. *тэргээр ирэх*, бур. *тэргээр ерэхэ* “приехать на телеге”;

2. При обозначении материала, посредством которого совершается действие или из которого что-либо делается, например, калм. *тоосхар тосох*, монг. *чулуугаар тосгох*, бур. *хирниисээр бариха* “строить из жженого кирпича”;

3. При обозначении орудия действия или средства для совершения какого-либо действия, например, калм. *алхар цокх*, монг. *алхаар цохих*, бур. *алхаар сохихо* “бить молотком”;

4. При обозначении времени и временного состояния, например, калм. *хаврар ирв*, монг. *хавраар ирэв*, бур. *хабараар ерээ* “прибыли весной”;

5. Орудный падеж обстоятельства места или пространства, где находится или совершается действие, например, калм. *шин тагтар йовна*, монг. бур. *шэнэ мостоор ябанад* “идут по новому мосту”;

6. Орудный падеж цены, обозначающий стоимость чего-либо, например, калм. *арслңгар авув*, монг. *тогрогоор авах*, бур. *түхэригөөр аба* “купил за рубль”;

7. Орудный падеж меры или объема, например, калм. *ааһар дуурңгчи*, монг. *аягаар дурэн жимэс*, бур. *аягаар дүүрэн жэмэс* “полная чашка вишен”;

8. Орудный падеж в сочетании с именем прилагательным выступает в роли ограничителя какого-либо признака, например, калм. *малар байн күн*, монг., бур. *малаар баян хүн* “Человек, богатый скотом”;

9. Орудный образа действия, например, калм. *мөрэр ирв*, монг. *мориор ирэв*, бур. *мореор ерээ* “приехал на коне”;

10. Орудный падеж обозначает субъект или реального исполнителя действия при побудительном залоге, например, калм. *Бадмаһар цэ халулх*, монг. *Цайг Бадмагаар халаалга* “Пусть Бадма подогреет чай”, бур. *Удаань һуулгамаршан эхнэрээрээ сай асаруулба* “Потом заставил свою служанку подать чай”;

11. Орудный падеж обозначает субъект или реального исполнителя действия при страдательном залоге, например, бур. *Тэнгэри намарай набтар үүлэнүүдээр бүрхөөгдэшэһэн байгаа* “Небо было затянута низкими осенними тучами”. Калмыцкий и монгольский языки сохраняют общемонгольское состояние, в этих языках логический субъект обычно находится в дательном падеже. Бурятский язык под влиянием русского использует модель, в которой логический субъект выражается в творительном падеже.

Приходится констатировать, что особенно в переводческой литературе в современных монгольских языках часто наблюдается искусственное калькирование, носитель языка никогда не скажет, например, монг. *хутгаар огтлогдож* “резан ножом”, *гараар баригдан* “пойман рукой” и т. д.

Совместный падеж (Comitativ) как категориальная форма падежа выражает лицо или предмет, которые принимают участие в общем действии с другими лицами или предметами. А. Попов и А. А. Бобровников соединительный и совместный падежи рассматривали как формы одного падежа.

В. Л. Котвич [1915, с. 82] впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных падежа, назвав их как соединительный I и соединительный II. Б. Б. Бадмаев [1966, с. 49] называет соединительный II совместным, что соответствует общей интерпретации этих падежей в общемонгольском плане.

Форма совместного падежа во всех монгольских языках, кроме халха-монгольского, представлена одинаково:

1) в классическом языке *-tai/-tei*, например, *moritai* “с конем” или “имеющий коня”, *ger-tei* “имеющий дом”;

2) в калмыцком языке *-та/-тэ*:

Следует обратить внимание на то, что в калмыцком языке образование формы совместного падежа имеет ряд особенностей: в именах нарицательных неустойчивый *-н* при наращении аффикса выпадает, например, *модн* “дерево”, но *модта* “с деревом”. В именах собственных при наращении аффикса совместного падежа *-н* сохраняется, например, ср. *кермн* “белка”, *кермтэ* “с белкой”, но *Кермн* (женское имя), *Кермнтэ* “с Кермен”;

3) в монгольском языке *-тай/-той/-тэй*:

-тай/-той/-тэй, например, *хад* “скала” – *хадтай* “скалой”, *мод(он)* “дерево” – *модтой* “деревом”, *үйлдвэр* “предприятие” – *үйлдвэртэй* “предприятием”. В монгольском языке к этому падежу могут быть присоединены формы диминутива: *-втор/-втор/-втэр*, например, *морьтойвтор* “с лошадкой”, а также *-дуу/-дуу*, например, *морьтойдуу* “с лошадкой”;

4) в бурятском языке *-тай/-тэй/-той* присоединяется ко всем основам независимо от конечного звука, например, *таха* “подкова” – *тахатай* “с подковой”, *шэрээ* “стол” – *шэрээтэй* “со столом”. Если основа оканчивается на неустойчивый *-н*, то при наращении данной формы к основе этот *-н* исчезает, например, *мор(ин)* “конь” – *моритой* “с конем”.

Совместный падеж в монгольских языках выражает комитативные отношения, являясь косвенным дополнением. Ему характерна двойственная природа: он обозначает объект обладания, например, калм. *дегэртэ күүжн* “девушка с книгой” и признак субъекта, например, калм. *күчтэ күн* “сильный человек”. Такая двойственность природы данного падежа, по всей вероятности, вызвана тем, что омертвевший аффикс прилагательного *-т*, который восходит к *-ту/-ту*, семантически слился с аффиксом *-та/-тэ*. В современном языке произошло отпочкование и образование особого аффикса прилагательного *-та/-тэ*, составляющего с последним омоним. Можно констатировать, что отвлеченные имена существительные с аффиксом *-та/-тэ* должны рассматриваться как имена прилагательные. Предметные же имена пока сохраняют значение объекта. Следует четко разграничить, в каком случае, например, аффикс калм. *-та/-тэ* имеет статус словообразовательного форманта. По нашему мнению, этот аффикс выражает совместность лишь в случае наращивания его к именам перед глаголами. А в случае наращивания к именам перед существительными, он образует прилагательное.

Совместный падеж в монгольских языках имеет следующие значения:

1. Имя в совместном падеже обозначает предмет или лицо, с которым действующее лицо совершает какое-либо действие, например, калм. *Багшта ирв*, монг. *Багштай ирэв*, бур. *Багшатай ерэбэ* “Я пришел с учителем”;

2. Совместный определительный обладания типа калм. *Мана багш гертэн олн дегртэ*, монг. *Манай багшийнх гэртээ олон номтой* “У нашего учителя дома много книг”; бур. *Доржо бэлэгтэй, ухаатай хүн байһан юм* “Доржи был одаренным, умным человеком”;

3. Имя в совместном падеже употребляется для сравнения, например, монг. *Би чамайг дүнтэйгээ адил санагдаг* “Я к тебе отношусь, как к своему младшему брату”;

4. Совместный падеж может указывать на внешний вид, одежду, украшение например, калм. *һартан чачрта, торһн бишмүдтэ* “в руке с зонтиком, в красивом платье”; монг. *Нүдэнд шилтэй, цагаан сайхан царайтай*, бур. *Нюдэндөө шэлтэй, сэбэр сагаан шарайтай* “В очках, с чистым белым лицом”;

5. Совместный падеж обозначения тары, какой-либо посуды, в которой что-либо содержится, например, калм. *үстэ суулһ*, монг. *сүүтэй хувин* “ведро с молоком”, бур. *хүнэгтэй һүү* “ведро с молоком”;

6. Совместный падеж широко оформляет именное сказуемое, как бы заменяя собой глагол, например, калм. *Күн ахта, девл захта бээдг*, монг. *Хүн ахтай дээл захтай*, бур. *Хүн ахатай, дэгэл захатай юм* (пословица) “У человека есть старший, а у шубы – воротник”.

Соединительный падеж (Comitativus-sociativus), форматив которого представлен в памятниках классического монгольского языка в виде *-һуҗа/-һүге*, из современных языков в ордосском диалекте *-ла/-ле/-ло/-лө*, в могольском – *-леі*, в монгорском – *-ла*, в калмыцком – *-ла/-лэ*. Аффикс *-һуҗа/-һүге*, по сравнению с синонимичным *-тай/-тей*, не может образовывать имена прилагательные и никогда не выступает в качестве определения. Основная функция – косвенное дополнение. Примеры: калм. *Хөөдлә ямад хэрүлнэ* “Вместе с овцами пасут и коз”. Широко употребляется форма соединительного падежа в калмыцком языке при выражении обстоятельства времени, как бы заменяя дательно-местный падеж обстоятельства времени, например: *Арвн тавн часа поезд ирх* “Поезд прибудет в пятнадцать часов”.

Направительный падеж (Prolativus). Появление этого падежа связано с переходом послелога *уруу* со значением “к”, “вниз” в падежный аффикс. Так, лексема *уруу*, наряду с его употреблением в качестве самостоятельного слова, в результате исторического развития теряет анлаутное “у” и превращается в словоизменятельный аффикс, подчиняясь закону сингармонизма, принимает варианты *-руу/-рүү*. С появлением этого падежа часть функций дательно-местного падежа перешла к направительному падежу, также сузились употребление послелогов калм. *тал*, монг. *тийш*, бур. *тээшэ*. За дательно-местным падежом сохранились значения, связанные с нахождением и приближением, а понятия же, связанные с внешней стороной направления, перешли к направительному падежу:

1) в классическом языке функционировал послелог *uruγu*, например, *qota uruγu* “в город”, “в сторону города”;

2) в калмыцком языке *-ур/-үр*, *-һур/-һүр*, *-зур/-зүр*:

-ур/-үр присоединяется к основе с конечными согласными и редуцированными гласными по закону гармонии гласных: *һар* “рука” – *һарур* “к руке”, *гер* “дом” – *герүр* “к дому”;

-һур/-һүр присоединяется к основе с конечными ясными гласными: *така* “курица” – *такаһур* “к курице”;

-зур/-зүр присоединяется к основе с конечными *-ң*: *савң* “мыло” – *савңзур* “к мылу”;

3) в монгольском языке *-руу/-рүү*, *-луу/-лүү*:

-луу/-лүү получают основы на *-р*: *гер-лүү* “к дому”, *гол руу* “к реке”;

-руу/-рүү получают основы на гласные и согласные, кроме *-р*: *уул руу* “к горе”, *ширээ рүү* “к столу”;

4) в бурятском языке, как уже нами было сказано выше, *уруу* не образовал падежного аффикса и остался послелогом со значением “в, по, на” для обозначения направления действия [Черемисов 1973, с.477]. В разговорном бурятском языке он может сливаться с основой и утрачивать начальный *у-*, например, *модон уруу* наряду с *модо руу* “к дереву”. В нормативной бурятской грамматике он рассматривается как послелог [Грамматика бурятского языка, с. 31], в орфографии допускается двойное написание: *уруу* и *рүү* [Буряад бэшэгэй дурим ба словарь..., с. 307, 375].

Имя в направительном падеже употребляется в положении косвенного дополнения, обозначая лицо, предмет, к которому направлено действие типа калм. *багшур одв* “, монг. *багш руу очив* “пошел к учителю”. Имя в форме направительного падежа обозначает пункт назначения действия типа калм. *би балһсур орв* “я поехал в город”, монг. *байшин руу оров* “вошел в дом”.

Направительный падеж может выражать обстоятельство времени при наличии временных слов и глаголов движения типа калм. *Сар харһуд чон хашаһур өөрдв* “В безлунную ночь волки приблизились к кошаре”.

в) Прочие падежи

В системе склонения древнемонгольского языка был еще *неопределенный падеж* (*Casus indefinitus*), статус которого оспаривается монголоведами вплоть до его полного отрицания. Этот падеж выполнял функции неопределенно-винительного, неопределенно-местного и неопределенно-направительного падежей.

Неопределенный падеж имеет три значения: грамматическое значение на уровне языка, на уровне речи выражает указание на обобщенность объекта и неопределенное место положение и неопределенное направление.

Основным значением неопределенного падежа является значение прямого объекта типа калм. *бичиг бичх* “писать письмо”. Когда объект неизвестен, неопределен, когда не важно уточнение количества, функцию объекта выполняет существительное в неопределенном падеже, например, употребляясь с глаголом, обозначает повседневные занятия людей калм. *ца уух*, монг. *цай уух*, бур. *сай уухаа* “пить чай”; когда прямое дополнение неразрывно связано по смыслу с глаголом, образуя вместе с ним как бы сложный глагол: калм. *хө манх*, монг. *хонь харах*, бур. *хони хараха* “пасти овец”.

Неопределенный падеж может иметь определительно-обстоятельственное значение, например, калм. *Москва йовад ирв*, монг. *Москва очоод ирэв*, бур. *Москва ороод ерээ* “Съездил в Москву”. Представляется возможным отметить, что некоторые падежи, выделенные Г.Д. Санжеевым, требуют уточнения, например, неопределенно-местный падеж, который активно употребляется в современных монгольских языках. Примеры: монг. *Бат хөдөө явав* “Бат уехал в худон”.

Для наглядности приведем примеры из разных языков, которые будут различаться не только характером передачи, но и семантической сочетаемостью слов. Так, например, калм. *үг келх* “слово говорить”, монг. *өвөл өвөлжих* “зиму зимовать”, бур. *ажал ажалах* “работу работать”. Словосочетаний такого рода в языках много. Приведенные примеры из монгольских языков внешне сходны с русской конструкцией *зиму зимовать* и английской – *spend the winter*, однако данные конструкции противопоставлены друг другу: монгольские языки используют в этом случае конструкцию с прямым дополнением, английский – слова с различным лексическим значением, а русский – форму винительного падежа.

Итак, основа не может принимать формальный показатель, когда ей предшествует определение ср., например, калм. *Би дегтр авув* “Я взял книгу” и *Би сэн дегтр авув* “Я взял интересную книгу”. В данном примере видно, что даже наличие детерминатива, в частности, *сэн* “интересный” не позволяет присоединить к основе показатель падежа. Если в данную конструкцию введем указательное местоимение типа калм. *эн* “этот”, то это указывает на конкретный, определенный предмет, например, калм. *Эн детриг авув* “Я взял эту книгу”.

Звательный падеж (Vokativ). Так, например, авторы первых грамматик монгольских языков [Шмидт 1832, с. 25; Бобровников 1835, с. 28; Ковалевский 1835, с. 38, 42; Попов 1847, с. 49, 50; Руднев 1905, с. 79, 82] выделяли звательный падеж. В виде замечания отметим, что именительный падеж выполняет функцию звательного падежа. В большинстве языков мира обращение оформляется с помощью первого падежа, в этом случае данный падеж произносится с особой, чрезвычайно характерной звательной интонацией, благодаря чему он теряет вообще всякое смысловое значение. Иными слова-

ми говоря, именной падеж в функции звательного падежа оформляет обращение, которое стоит как бы обособленно в предложении, хотя с последним оно связано при помощи особой интонации. Следовательно, звательная форма не выражает в отличие от собственно-падежных форм синтаксической связи между словами в предложении. В нашей речи у обращения особая функция, отличная от членов предложения, служащая для выражения мысли: побудить собеседника слушать речь. Поэтому в качестве обращения часто употребляются имена собственные, отчества и фамилии, свидетельствующие также о тождественном выражении обращения формами номинатива в монгольских языках. Представляется необходимым отметить, что функциональная субституция звательного падежа, существовавшего на раннем этапе развития многих языков, формами номинатива происходит не одинаково. Например, в русском языке этот процесс достиг полного завершения [Николаева 1971], что касается украинского языка, то он до сих пор сохранил формы звательного падежа.

Таковы краткие лингвистические данные современного состояния обращения, почерпнутые из разных по строю и развитию языков и иллюстрирующие живой процесс субституции вокатива номинативом, связанный с функциональной близостью этих падежей. В более поздних работах исследователи перестали его выделять на том основании, что звательный падеж не характерен монгольским языкам. Но, как показывает языковой материал, звательный падеж существует в монгольских языках как особая грамматическая форма и элементы звательного падежа пережиточно сохранились в монгольских языках, где он представляет собой скорее форму обращения и имеет довольно широко употребление. Звательный падеж имеет свои формальные приметы интонационного, синтетическо-аффиксального или аналитического типа.

Таким образом, показатель звательного падежа – это так называемая частица обращения в современных языках, которая не выражает каких-либо синтаксических отношений, оставаясь за пределами членов словосочетания или предложения. Данный падеж имеет омонимичные притяжательным частицам показатели типа монг. *-aa/-oo/-өө/-ээ*, например, *Ахаа!* “Брат”! *Эгчээ!* “Сестра”! Конечный слог слова в нем произносится долго и с ударением, например, калм. *Керми – Керме’ н и Кермэ’, Дорж – Доржа’*. Ср. монг. *Доржоо* и др.-монг. *ай, Доржо!*

Таким образом, для языков, в которых имеется морфологически выраженный звательный падеж, по мнению К.Е. Майтинской, “определение падежей должно быть несколько шире” [Майтинская, с.234].

Падежи ограниченного употребления (реликтовые падежи). В монгольских языках выделяется несколько падежей, которые называются либо редуцированными (застывшая форма наречия), либо редко употребляемыми.

Следует отметить, что Г.Д. Санжеев выделяет особо падежи так называемого “ограниченного распределения”: падеж предела в ойратском языке с формантом *-цаа/-цоо*, в монгольском *-цаа/-цээ/-цоо/-цөө*, в бурятском *-саа/-сээ/-соо/-сөө*. Данные аффиксы принимают единичные слова. В древнем же языке этот падеж с формой *-ца/-се* использовался широко [см. Godzinski S., с. 94-95].

В монгольских языках в свое время был неопределенно-местный или расширительный падеж (Transitiv) с формантом *-уур/-үүр*, *-гуур/-гүүр* *-уур/-үүр*, например, монг. *доогуур* “по низине”, *хойгуур* “стороной”, *дотуур* “по низине”, *гадуур* “снаружи”, *дээгүүр* “поверху”, *хөдөөгүүр* “по степи”. В современных монгольских языках формы этого падежа, лексикализовавшись, перешли в наречия места, например, монг. *цаагуур*, калм. *цааһур*, бур. *саагуур*, “по той стороне”, монг. бур. *наагуур*, калм. *нааһур* “по этой стороне”, “перед чем-то”, калм. *дорагур*, бур. *доогуур* “низом”, *дээгүүр* “поверх”, *үглөөгүүр* “утром”.

Многие из падежей функционировали в разные периоды развития средневекового и классического монгольского языка, но в процессе эволюции строя монгольских языков некоторые падежи отмирали, выходили из активного употребления и уже отсутствуют в современных монгольских языках, как, например, местный падеж с формативом *-а/-е*: *газар-а* “в стране”, соединительный падеж с формантом *-луҕа/-lüge*: *yabuqu-luҕа* “когда пошли”, падеж предела: калм. *тергэ* “высотой с телегу”, монг. *шагайцаа* “по щиколотку”, бур. *хоолойсоо* “по горло” и неопределенно-местный или расширительно-местный монг. *ходоогуур* “по степи”, выдвигались на периферию, превращались в наречия, что произошло, например, с транзитивом. В последующих работах монголистов указанные падежи, за исключением направительного, не нашли своей ниши в падежной системе.

Таким образом, в монгольских языках имеются реликты древней падежной системы:

калм. *-һур/-гур*, монг., бур. *-гуур/-гүүр*, стп.-м. *-гүр/-гүр* со значением транзитива в пространстве и времени, например, калм. *деегур*, монг., бур. *дээгүүр*, стп.-м. *degegür* “поверху”; калм. *дораһур*, монг., бур. *доогуур*, стп.-м. *dourür, doqürür*: [Болд, с. 110-111; Дондуков 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 186; Рассадин 1999, с. 82];

монг. *-ш*, бур. *-ша/-шэ/-шо*, стп.-м. *-ii* со значением направления движения или другого действия, например, монг. **доо+ш=доош*, бур. **доо+шо=доошо* “вниз”, **кой+ш=хойш*, бур. **кой+шо=хойшо* “назад”, “к северу”, “на север”, стп.-м. *qoyiši* [Болд, с.109-110; Дондуков, 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 186; Рассадин 1999, с. 82]. В современном калмыцком и старокалмыцком языках данный аффикс не обнаружен;

монг. *-гш*, бур.: **гада+гш=гадагш* “наружу”, **дээ+гш=дээгш* “наверх”;

монг., бур. *-на/-нэ/-но*, стп.-м. *-на* со значением местонахождения, например, монг. *цаана*, бур. *саана*, ср. калм. *ца* “там”, “по ту сторону”, стп.-м. *йауан-а*, монг., бур. *наана* “здесь”, “на этой стороне”, монг. *дорана* “внизу”, стп.-м. *етипе* “вперед” [Дондуков 1964, с.115; Орловская 1974, с. 185-186; Рассадин 1999, с.81-82];

бур. *-ра/-рэ*, стп.-м. *-ра/-ре* со значением местонахождения, например, бур. *доро*, ср. калм. *дор*, монг. *доор*; стп.-м. *dori, dour-a* “внизу”, бур. *дээрэ*, ср. калм. *деер*, монг. *дээр*; стп.-м. *deger-e* “наверху” [Дондуков 1964, с. 115; Рассадин 1999, с. 82];

калм. *-аран* со значением пространства на эту сторону, по ту сторону: *нааран* “сюда”, *цааран* “туда”, *альдаран*, *хамаран* “куда”.

1.6.2. Притяжательное склонение в монгольских языках

В монгольских языках, кроме простого склонения (непритяжательное – “основа + падежный формант”), выделяется особый притяжательный тип склонения (“основа + падежный формант + показатель притяжательности – личной *мой, твой, его* и т. д. или безличной *свой, свои*”). В связи с этим различается два подтипа притяжательного склонения – лично-притяжательное и безлично-притяжательное.

В монгольских языках притяжательные частицы следуют за падежными формами. Соединения падежного и притяжательного аффиксов, образующие составные морфемы в монгольских языках, могут быть сочетаниями и агглютинативными, и фузионными, например, калм. *гертчнь* “в твоём доме”. Такие двухморфемные показатели существительных или субстантивированных слов составляют особый тип окончаний, который не характерен, например, русскому языку.

Совокупность окончаний такого типа образует парадигму лично-притяжательного склонения или парадигму склонения безлично-притяжательного склонения. Также выявляются в монгольских языках еще и лично-предикативные окончания существительных, которые тесно связаны с личными местоимениями, о чем будет сказано ниже.

Когда говорящий хочет, наряду с указанием на грамматические отношения, выразить одновременно и отношение, например, личной принадлежности предмета, он использует специальные показатели, развившиеся в процессе эволюции монгольских языков, которые присоединяются к падежным окончаниям простого склонения, поскольку все-таки несут указание на те или иные грамматические отношения. Показатели принадлежности при этом используются коннотативно, только уточняя принадлежность. Принадлежность в данном случае может быть конкретно-личная (*мой, твой, наш, ваш, их*) и неопределенно-личная. Если первая указывает на конкретное лицо, ко-

тому принадлежит предмет, то вторая неопределенно-личная принадлежность дает лишь представление о принадлежности, не уточняя конкретного лица и соответствует понятию “свой”, “собственный”. Здесь фиксируется как бы промежуточная стадия между обобщенностью/неопределенностью, закрепленными за простым склонением и конкретным/определенным, закрепленным в лично-притяжательном склонении. Примеры: монг. *aqa*=*ууган* “своего брата”, *ečige-jügen* “своего отца”, ойрат. *xaršidur-yen* “в свой дворец”, *eke-ben* “своей матери”, калм. *көвүнэсн* “от своего сына”.

Необходимо помнить, что в монгольских языках, имеющих лично-притяжательные и безлично-притяжательные частицы, перед оформленным одним из них существительным могут быть и часто бывают соответствующие личные или безличные местоимения, которые усиливают и подчеркивают притяжательность. Это отголоски старого состояния, ср. калм. *мини гер* “мой дом” < *мини герм* “мой дом-мой”, то есть комбинированный способ, в калмыцком языке первый член в этих притяжательных конструкциях факультативен. По мнению О.П. Суника, лично-притяжательные частицы во многих алтайских языках называют морфологическими дериватами соответствующих личных местоимений. Иногда их называют даже энклитическими личными местоимениями или частицами личной принадлежности, слившись с субстантивным именем и превратившись в аффиксы.

В монгольских языках в функции лично-притяжательных показателей выступают постпозитивные слова (классический монгольский язык), частицы (современные монгольские языки), но каждый из этих показателей, восходящий к соответствующему личному местоимению, либо имеет форму родительного падежа, либо восходит к ней [Санжеев 1953, с.178]. В монгольских языках формы: *mini* “мой”, *cini* “твой”, *mani* “наш”, *tanu* “ваш” выступают только в качестве определения в препозиции (примеры: *manu nom* “моя книга”, но *nom mini* “книга моя”); *in-u* “его”, *an-u* “их” – только как частицы притяжания 3-го лица (*teguni nom* “его книга”, но *nom anu* “книга его”), в качестве лично-притяжательных частиц: *mini*, *cini*, *mani*, *tani*; 3-е лицо: *tu/ani*. Соответственно современные монгольские лично-притяжательные частицы:

монг. *мин*’, *мāн*’, *чин*’, *тан*’, -н’;

бур. -(м)-н’и, -(м)наi, -шн’и, -тнаi, -н’;

даг. -мин’, -ман’, -шин’, -тāн’, -ин’ < *ину “его”, *ану “их”.

Имеющиеся в ряде живых монгольских языков лично-предикативные частицы, оформляющие слова из различных частей речи, в том числе и существительные, восходят к личным местоимениям в форме именительного, а не родительного падежа: бур. *би* “я” – *-б* ~ *-м*, *-бди*; *ба* “мы”, *бидэ* – *-бди* ~ *-мди*, *ши* “ты” – *-ш(и)*, *та* “вы” – *-т(а)*. Такие же лично-предикативные показатели отмечены в калмыцком, могольском языках, а также в дагурском *-би* “я”, *-ба* “мы”, *-чи* “ты”, *-та* “вы” [Санжеев 1953, с. 85].

Показатели принадлежности (лично-притяжательные частицы) в монгольских языках, как видно из приведенного материала, генетически связаны с местоимениями и всегда обнаруживают связь с наглядностью. Они имеют в своем составе явные форманты притяжательности, ср. монг. *-н(и). И, как подчеркивают исследователи, особый вставочный -н выявляется в формах для 3-го лица: -и < -ин, -си < -син. Отдельные авторы видят в этом “н” остаток родительного падежа, то есть некий рудимент притяжательности.

Вопрос о происхождении лично-притяжательных форм имени существительного, особенно если учесть, что такие же формы могут выражать не только притяжательные (определятельные) отношения, но и отношения предикативные, не может считаться окончательно выясненным. Проблематичным остается и вопрос о месте рассматриваемых, так называемых местоименных аффиксов, в составе соответствующих словоформ. Препозиция определения, в том числе и выраженного именительным падежом местоимения или его особой притяжательной формой первых двух лиц типа калм. *би/чи//та*, *мини/чини//нь* требует специального объяснения. Почему местоименные притяжательные, как и предикативные, показатели, дублирующие препозитивные местоимения, оказываются не префиксами, а именно аффиксами-окончаниями, занимающими позицию, свойственную в монгольских языках, в частности не атрибуту, а предикату?

Позиция эта не случайна, ее нельзя объяснить простой инверсией. Постпозиционное положение притяжательных и предикативных местоименных морфем – свидетельство их общей предикативно-атрибутивной природы: калм. *мини өвгм* “мой старик-мой”, так же как и *би өвгнб* восходит к (*би*) *өвгн* (*би*) “я старик-я”. Такое двойственное значение лично-притяжательных частиц еще более отчетливо проявляется при оформлении адъективных слов, выступающих в роли сказуемых, оформленных лично-предикативными частицами: калм. *чи бичкнч* “ты мал”, *бидн кундэжэцхавидн* “мы разговариваем”. Многие алтаисты и финно-угроведы аффикс, состоящий из одного элемента, считают усеченным или редуцированным вариантом тех же личных местоимений. В действительности же никакого сокращения личных местоимений, редукции или выпадения звуков не было. Наоборот, по мере утраты значения принадлежности одним показателем определенности к нему нарастал другой, гласный или согласный показатель определенности. Все это, как и приведенные выше данные из монгольских языков, говорит о том, что лично-притяжательные частицы существительных исторически восходят к предикативному употреблению соответствующих личных местоимений, морфологическими дериватами которых являются и лично-предикативные и лично-притяжательные частицы.

В монгольских языках имеется два типа местоименных окончаний. Один из них характеризует особые индикативные формы глагола – это

лично-предикативные окончания. Другой тип образуют рассматриваемые здесь лично-притяжательные частицы, которые вместе с тем могут выступать и в предикативной функции, оформляя имена существительные, прилагательные и особенно причастия во всех монгольских языках. Различие между этими двумя значениями или синтаксическими функциями материально совпадающих лично-местоименных частиц устанавливается контекстуально или посредством дополнительных морфологических и синтаксических средств. Они более подробно описаны в связи с проблемой притяжательной конструкции (см. Гл. I, п. 1.5.), поэтому не будем специально останавливаться.

Следует напомнить, что все притяжательные частицы могут присоединяться к различным типам основ существительных, следуя непосредственно за показателем падежа и образуя два ряда форм принадлежности. Так, например, в основе бурятского существительного в лично-притяжательных частях 1-го лица имеется *-н*, например, бур. *ахамни*, ср. калм. *ахм*, монг. *ах минь* "мой брат". Как нам известно, по материалам монгольских языков, в функции лично-предикативных частиц выступают частицы типа калм *-в*, бур. *-б*. Ср. калм. *багшв* и бур. *би багшав* "учитель-я".

Данные из монгольских языков говорят, что лично-притяжательные частицы существительных исторически восходят к предикативному употреблению соответствующих личных местоимений, морфологическими дериватами которых являются и лично-предикативные и лично-притяжательные частицы.

Второй тип притяжательных форм образуют безлично-притяжательные частицы, также следующие непосредственно за падежными формами. Структурно-морфологически они не отличаются от лично-притяжательных, но они являются только притяжательными и общими для всех лиц. С их помощью выражаются не такие значения, как "мой", "его", а значения "свой", "свои". В русском языке *свой*, *свои* принято называть не местоименным притяжательным прилагательным, а возвратным местоимением, то есть "принадлежащий себе". Также местоимение *себя* и частицу *-ся/-сь* в русском языке называют возвратными. Что касается алтайских языков, то в них нет категории притяжательного возвратного местоимения. Его значение передается посредством падежных форм определительного местоимения со значением "сам", "сами". Поскольку лично-притяжательные частицы, свойственные монгольским языкам, являются морфологическими дериватами личных местоимений типа *я/мой*, *ты/твой*, *он/его*, так и частицы безлично-притяжательные в плане историческом выступают дериватами определительного местоимения со значением "сам", "свой".

Следует отметить, что безлично-притяжательные, как и лично-притяжательные частицы, присоединяемые к падежам, не изменяют функ-

ции и значения большинства ниже рассматриваемых падежей (Гл. I. п. 1.6.), образующих парадигму простого склонения.

Как отмечалось выше, если лично-притяжательные частицы могут быть и лично-предикативными формантами существительных, прилагательных и причастий во всех монгольских языках, то безлично-притяжательные частицы всегда являются притяжательными, например, “свой ~ свои”, но не “сам”. Их постпозитивное положение в слове связано не с инверсией определительно-притяжательного “свой”, который всегда препозиционен, а с определительным “сам”, “сами” всегда постпозиционен в отношении определяемого, например, калм. *би эврэн* “я сам”, *чи эврэн* “ты сам”, *тер эврэн* “он сам”.

Таким образом, при известном параллелизме образования личных и безличных притяжательных частиц полного структурно-морфологического совпадения между ними нет. Если в лично-местоименных аффиксах отразились две разные функции соответствующих личных местоимений – притяжательная “частица с показателем родительного падежа”, с одной стороны, и лично-предикативные местоименные аффиксы, с другой стороны, то в безлично-притяжательных монгольских аффиксах отражены дифференцированные по числам определительные местоимения “сам”, “сами”, получившие значения “свой”, “свои” и присоединяемые к аффиксам падежей, не исключая и именительный падеж, называемый в этих случаях по его функции винительным падежом.

Как пишет Г.Д. Санжеев: “Суть притяжательного склонения заключается в том, что к соответствующей падежной форме наращивается частица, представляющая собой усеченную форму личного местоимения в родительном падеже (лично-притяжательное склонение)” [Санжеев 1953, с. 178]. В монгольском классическом и других языках показатели безличного притяжания по числам не дифференцированы ср. род. и вин. п.: *-бан ~ -бен/ -цян ~ -цен, -југан ~ -југен*; в современном монгольском дат.-мест. *-нән*, в других падежах: *-јан*; другие монг. языках *-гән--ән, -н, -хā ~ -гā, -ā* [Санжеев 1953, с.179-180]. И здесь в функции винительного падежа – прямое дополнение – форматив этого падежа опускается, а безличная частица притяжания наращивается на чистую основу: бур. *malā* “свой скот”, *tanā* “вас своих”, *modō* “свою палку”, *mor’ō* “свою лошадь”, *gere* “свою юрту”. На вопросе о происхождении безлично-притяжательных формативов, их связи с соответствующими определительными, то есть возвратными местоимениями, в указанной работе Г.Д. Санжеев не останавливается.

В.Л. Котвич в “Лекциях по грамматике монгольского языка” [1902] поставил в генетическую связь безлично-притяжательные аффиксы с прономинализованным существительным *бэжэ* “человек”, “тело”, “сам”. Гипотеза эта развивалась в работе А.Ф. Бойцовой, предполагавшей, что тунгусское

мэн “сам”, “свой” восходит к ульчскому *бэжэн – следует бэжэ-ни “тело-его”, “сам-он” [Бойцова, с. 70]. Г.И. Рамстедт монгольский возвратный аффикс -бан, -ган возводил к некоему *вен, идентичному тунгусскому мэн “сам”, мэр “сами”. Вместе с тем он находил в нанайском языке в значении “сам” бэжэ в эклектическом употреблении сокращенное в -би. [Рамстедт 1957, с. 73].

Н.Н. Поппе безлично-притяжательный суффикс также возводил в монгольских языках к праформе *ben, который генетически связан с возвратно-притяжательным местоимением *öben “свой”. В монгольских языках возвратно-притяжательные частицы по числам не различаются.

В.Л. Котвич, много занимавшийся сравнительным исследованием алтайских местоимений, отмечает, что рассматриваемая нами частица произошла от существительного бэжэ “человек”, “сам”, “тело” [1962, с. 171].

Напомним, что в отличие от лично-притяжательных частиц, которые восходят к разным формам личных местоимений, выступают то как притяжательные, то как предикативные, формы субстантивных слов с безлично-притяжательными частицами всегда оказываются только притяжательными (поссесивными).

И тем не менее вопрос о происхождении лично-притяжательных форм существительного не может считаться окончательно решенным.

1.6.3. О двойном склонении в монгольских языках

В монголоведении традиционно сложилось понятие о так называемом двойном склонении, когда словоформа имени существительного получает сразу два падежных окончания, присоединяемых последовательно один к другому. Это наблюдается во всех монгольских языках. Примеры: монг. *Манай ээж эмээ хоер Богдод тун ч сүжигтэйг бодоод, нэг удаа Богдын авраалаар загнуулахаас мултарья*. “Чтобы избавиться от гнева матери и бабушки, решил воспользоваться их набожностью к Богдо”, где *сүжигтэйг* “набожности”, оформлено формами совместного и винительного падежей, выполняет в предложении роль прямого дополнения при переходном глаголе. Основная семантическая нагрузка ложится на аффикс винительного падежа; *Ээжийнхээ амьд дээр аавынхаа танагтайд хань ижилтэй бол* “Пока мать жива и отец в состоянии найди себе подругу жизни”; *Тэнд ажилтайгаас хойш одоо явахаас яахав* “Коли там я имею работу, придется тебе ехать”; *Харин миний хувьд бол энэ сувдыг хамгийн ашигтайгаар хэрэглэхээс өөр зүйлгүй гэдгийг нуугаад яах вэ* “Что касается меня, я не скрою, что хочу с выгодой использовать эту жемчужину, так как у меня нет другой цели”. В рассмотренных примерах слова *сүжиг-тэй-г*, *танаг-тай-д*, *ажил-тай-гаас* выражают обстоятельственные, причинные отношения с помощью аффиксов винительного, дательно-местно-временного и исходно-временного падежей.

Таким образом, синтаксические отношения выражаются не аффиксом совместного падежа, а закрепленными за ним падежными аффиксами, несущими основную смысловую нагрузку. А.А. Бобровников в свое время отмечал, что аффикс *-tai/-tei*, *-tu/-tü* известен старописьменному монгольскому языку как словообразовательный аффикс со значением обладания имени прилагательного [Бобровников 1849, с. 69-70]. Монгольский ученый Г. Жамбалсурэн также выделяет дистрибуцию омонимичного аффикса *-tai/-tei*, *-tu/-tü*, подтверждая примерами свою точку зрения: словоформа *aav-mai* “с отцом”, словообразовательное значение *хайр-май* “дорогой”, глагольное значение *тэмдэглүүш-тэй* “заслуживающий внимания”.

Но в то же время следует отметить, что статус двойного склонения в монгольских языках пока еще окончательно не определен. При этом ряд монголистов признает сочетание двух разных падежей, некоторые говорят о первоначальной субстантивации первых падежных форм и о присоединении к этим уже субстантивным падежным формам других падежей.

Несмотря на ряд критических замечаний в отношении статуса двойного склонения или двойных падежей, таких как родительно-дательно-местно-временной, совместно-орудный, совместно-винительный в монголоведении прочно укоренилось мнение о наличии этих падежей. Сторонники статуса двойного падежа [Тодаева 1951, с.73-74; Орловская 1961, с.27; Орловская 1999, с. 52; Ринчинэ 1952, с. 147-149; Санжеев 1953, с. 177] утверждают, что двойные падежи зафиксированы почти во всех монгольских грамматиках. Сущность двойных падежей заключается в том, что к основе (именительного падежа) последовательно наращиваются аффиксы двух падежей, например, монг. *ах-ын-д* “у брата”, “на квартире брата”. Двойные падежи Г.Д. Санжеевым [1953, с. 179] трактуются как новые падежи, появившиеся в недавнем прошлом.

Ввиду того, что парадигматическая система падежей характеризуется в языках отсутствием дисперсивности, появление так называемых новых падежей в парадигме склонения монгольских языков вызывает сомнение. Теоретически допустимы разные формы двойных падежей, но в литературе они встречаются крайне редко. Данное образование можно квалифицировать как словоформы со словообразовательным значением.

Д.Д. Амоголонов относительно двойного падежа в бурятском языке пишет: “...присоединение двух падежных аффиксов к основе одного и того же слова выполняет двойную роль: 1) словообразовательную и 2) словоизменительную, то есть, с одной стороны, двойные аффиксы придают словам значение конкретизации того, что выражено основой слова, а, с другой стороны, последний из присоединенных аффиксов выполняет обычную функцию выражения отношения одного предмета к другим” [Амоголонов 1958, с. 142]. Т.А. Бертагаев аффиксы двойного падежа называет

комбинированными, при этом, отмечая их значения, утверждает: “Для всех комбинированных падежных аффиксов характерно одно: первый, основополагающий аффикс, а иногда слагаемые в целом имеют несколько поблекшее грамматическое значение, специализированный, суженный смысл, сдвинутый в сторону словообразовательных аффиксов” [Бертагаев 1969, с. 36].

З.К. Касьяненко отрицает в монгольских языках наличие двойного склонения. Ср. монг. *аха-ийн гэр* “дом брата, но *ага-yin-dur, ага-yin-аца* означает всегда и только “в братнином”, “из братнина” в значении дом, который принадлежит старшему брату. Словообразовательная природа показателя такого “родительного падежа” в подобных “удвоенных” падежах не может вызывать сомнений. Вот почему вывод З.К. Касьяненко, который относится по сути и к двойным падежам некоторых, якобы всегда падежных форм, является безусловно верным: “Склонение субстантивированных прилагательных на *-тай/-тэй/-той*, совпадающих с совместным падежом имени существительного, и на *-ийн (-ын, -ны)*, совпадающих по форме с родительным падежом имени, суть, простое, а не двойное, так как аффиксы, предшествующие падежным, есть словообразовательные” [Касьяненко 1963, с. 45].

Можно сказать, что в плане ретроспективном (генетическом) аффикс не только родительного падежа в значительной степени еще остается словообразовательным, но и анализ некоторых двойных форм, именуемых падежными, способствует решению этой проблемы. Становление косвенных падежей и тем самым именительного падежа, прежде всего, сводится к развитию некоторых словообразовательных аффиксов в аффиксы словоизменяемые, то есть собственно-падежные, чему способствует и “удвоение” их.

Что касается калмыцкого языка, то его исследователи в этом языке особо выделяют двойное склонение, которое появляется, по их мнению, тогда, когда некоторые падежные формы принимают аффиксы других падежей. Двойное склонение, как правило, образуется от имен существительных, обозначающих людей. “Основой для образования склонения с двойным падежом, – как указывает Д.А. Павлов, – становятся родительный и совместный падежи” [1984, с.111]. В калмыцком языке наиболее полно из всех монгольских языков представлена парадигма двойного склонения. Примеры: *ах* “брат”, род.п. *ахин* “брата”, род.-дат.-м. *ахинд* “у брата”, род.-вин. *ахинаг* “у брата”, род.-ор. *ахинар* “братом”, род.-соед. *ахинла* “с братом”, род.-совм. *ахинта* “с братом”, род.-исх. *ахинас* “от брата”, род.-напр. *ахинур* “к брату”. Наряду с формой винительного падежа в живом калмыцком языке отмечается форма на *-иниг/-инэг*: ср. *ахиниг* и *ахинэг* “братовых”. Перед аффиксом орудного, исходного и направительного падежей в словах с конечным *-н* в родительном падеже появляется соединительный согласный *-н-в*

лексеме *Мухарин*, например, *Мухаринаһар* “через Мухарина”, *Мухаринаһас* “от Мухарина”, *Мухаринаһур* “к Мухарину”. В калмыцком языке встречаются единичные случаи образования двойного падежа от основы дательного падежа, например, *гертэс* “из дома”, где *-т* – аффикс дательного-временного падежа, *-эс* – аффикс исходно-временного падежа. Ср. *эндэс* “отсюда”, *тендэс* “оттуда”. К форме двойного склонения может присоединяться и частица безлично-притяжательного склонения, например, *хойртад* “двухлетнему”, *хойртадан* “своему двухлетнему” или “когда было два года”. Кроме того, к именам с двойным падежом наращиваются лично-притяжательные частицы и появляется *-э*, например, *ач* “внук”, но *ачинэдм* “семье внука”, *ачинэһичнь* “семью внука”, *ачинэһэртн* “через семью вашего внука”, *ачинэһэсмдн* “из семьи нашего внука”.

Дательного-местно-исходный двойной падеж указывает на выход кого- (чего)-либо изнутри чего-либо: калм. *гертэс*, монг. *гэрээс*, бур. *гэртэхээ* “из дома”. Это же значение может передаваться посредством послелогов калм. *дотрас* монг. *дотроос*, бур. *сооһоо*: калм. *гер дотрас*, монг. *гэр дотроос*, бур. *гэр сооһоо* “из дома”.

Падеж во всех языках является той грамматической категорией, которая в предложении выполняет синтаксические связи с другими словами. Все те падежные формы двойного склонения, стоящие сразу после основы в монгольских языках не могут выполнять синтаксической функции, а выполняют деривационную, словообразовательную функцию. Так, например, орудный падеж в калмыцком языке, основой которого является имя в родительном падеже, выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия, например, *экинэр* “по-матерински”, “как мать”, *ахинэр* “по-братски”, “как брат”, *күүкнэхэр* “как дочь”, “по-дочерни”. Во всех остальных падежах указывается на предмет, являющийся объектом действия вместе с каким-либо другим предметом, например, калм.: *Мини ахинтэ Дава ирлэ* “С семьей моего брата приехал Дава”.

Установление особых “падежных основ”: *основа + падежный аффикс*, например, “основа в родительном падеже”, выделяемая в описательной грамматике калмыцкого языка, к которой будто бы присоединяются в так называемом двойном или повторном склонении другие падежные показатели, преимущественно локативные, находится в явном противоречии как с общепринятым определением понятия основы, так и с определением понятия падежа.

Никакие разряды действительно формообразующих падежных или притяжательных аффиксов в состав основы входить не могут. Если же некоторые из такого рода аффиксов все же могут стать принадлежностью основы, то это лишь свидетельствует о неформообразующем и непадежном характере такого рода аффиксов.

Как отметил один из сторонников теории двойного склонения в монгольских языках, “значения таких двойных падежных форм... совершенно такие же, как простые падежные формы”, так как они “выражают по одному, а не по два синтаксических отношения сразу” [Поппе 1937, с. 60-61].

Соединение в одной словоформе двух или нескольких якобы падежных или разнопадежных форм отмечается не только в калмыцком языке. Так, например, в чукотском языке личные местоимения в формах ряда косвенных падежей “имеют перед падежным показателем суффикс -к, идентичный показателю местного падежа (*мур-ы-к* “у нас”)”. Как пишет П.И. Инэнликэй, аффикс -к “перестает быть падежным показателем” и обозначает “общее местоположение”, подобно аффиксу *-чыку/-чико-* “внутри чего-либо”, *-гиң/-гэң* “под”, *-ткын* “поверхность”, “верхушка” и т. д., к которым могут присоединяться соответствующие действительно падежные суффиксы [Скорик 1974, с. 141].

Далее А. Н. Жукова, в отличие от своих предшественников, описывая систему падежных форм в корякском языке, выделяет не только формант дательного падежа как основу для образования направительного, исходного, продольного падежей, но и отделяет от собственно-падежных форм особые “суффиксы пространственной ориентации”, входящие в основу склоняемого существительного. Суффиксы эти конкретизируют местоположение предмета в пространстве: *-лк-* “на поверхности чего-либо”, *-гиң/-гэң* “у подножия чего-либо”, “под чем-либо”. “Причислять суффиксы, – пишет Жукова, – указывающие на местоположение предмета внутри чего-либо, к падежным окончаниям мы не можем из-за того, что существительное с суффиксом *-чыку/-чико-*, *-лыку/-лыко* принимают формы падежей – абсолютного, исходного, продольного” [Жукова 1972, с. 110].

Данное положение можно применить к монгольским языкам и на основании этого сделать, что в монгольских языках не может быть двойного склонения, ибо это противоречит законам их строя. Мы склоняемся к той точке зрения, которая утверждает лексикализацию первой падежной формы, ср. монг. *Тэр нутаг зунда бортойг би мэдэв* “Я узнал, что в том месте летом бывают дожди”, где показатель *-г* выражает объект, а показатель *-той* означает состояние наличия дождей. Все это осмысливается как опредмеченное состояние.

1.6.4. Послеложные и падежно-послеложные конструкции

Пространственные отношения, наряду с временными и обстоятельственными, являются одним из типов базовых отношений, которые воспринимаются человеком и отражаются с помощью языковых средств. Пространственные, временные и обстоятельственные отношения присущи

всякой материи, но вместе с тем пространственные отношения для восприятия проще, нежели временные и тем более обстоятельственные. Если пространство связано с явлениями окружающей нас действительности, время связано с последовательностью и сменой событий и состояний, то обстоятельство характеризует действие или состояние со стороны условий сосуществования. Для того, чтобы осознать пространственные связи, достаточно непосредственного восприятия устанавливающего их лица. Воспринимать же время человеку гораздо сложнее, так как ему необходимо пережить или отметить в наблюдаемом объекте смену ряда состояний. Не случайно во многих языках, в частности в монгольских, пространственные отношения выступают как первичные, но, переосмысляясь, могут выражать и другие отношения. Для многих послелогов, падежно-послеложных конструкций характерен следующий ряд в развитии их значений: пространство – время – причина – цель. Многие послелогические формы в монгольских языках с пространственным значением приспособляются для выражения временных, обстоятельственных и других логических отношений.

а) Пространственные отношения падежно-послеложных конструкций

Монгольские языки для выражения пространственных отношений пользуются самыми разнообразными средствами. Для этого необходимо различать общие и частные пространственные значения. Общие пространственные отношения касаются самого типа процесса. Всякий процесс, который рассматривается в плане пространственных отношений, включает в себя три фазы: начало, продолжение и конец, например, калм. *герүр оров*, монг. *гэр лүү оров*, бур. *гэртэ оробо* “вошел в дом”; калм. *герт бээна*, монг. *гэрт байна*, бур. *гэртэ байна* “находится в доме”; калм. *гертэс харва*, монг. *гэртээс, гэртээс гарав*, бур. *гэрһээ гараба* “вышел из дома”. Начало и прекращение пространственных отношений имеет характер перемещения, продолжение этих отношений представляет собой местонахождение.

Таким образом, в пространственных отношениях происходит противопоставление перемещения и местонахождения. Перемещение не следует путать с движением. Иногда в группу глаголов движения включаются такие глаголы перемещения, как типа калм. *йовх* “идти”, калм. *нисх* “лететь”, также глаголы, указывающие на отсутствие состояния у объекта как “качаться”, “дрожать”. К глаголам перемещения относятся глаголы, указывающие на движение, которое связано с преодолением пределов некоторого пространства. Примеры: калм. *Герт оржана* (*Гер дотр оржана*) “Входит в дом”; калм. *Гертэс харчана* (*Гер дотрас харчана*) “Выходит из дома”. Но если субъект совершает движение, не выходя за пределы опре-

деленного пространства, он занимает в отношении локализации одно и то же место, и данный процесс следует рассматривать как местонахождение. Примеры: бур. *ой соогуур ябаха* “идти по лесу”; *дүхэригтэ ябаха* “идти по кругу”. Различие между указанными пространственными отношениями, отражается, в частности в бурятском языке, на выборе послелого и падежной формы. Вместе с тем, как будет показано ниже, четкая грань между предикагами обоих типов отсутствует, различия их значений в ряде случаев могут нейтрализоваться.

Пространственные отношения в монгольских языках могут быть представлены в следующем виде: калм. *дотр*, монг. *дотор*, бур. *дотор*//*соо* “внутри”, калм. *һаза*, монг. *гадаа*, бур. *газаа*, “вне”; калм. *өмн*, монг. *өмнө*, бур. *үмэнэ* “спереди”, калм. *ард*, монг. *хойно*, бур. *хойно* “сзади”; калм. *деер*, монг. *дээр*, бур. *дээрэ* “наверху”, калм. *дор*, монг. *доор*, бур. *доро* “внизу”; калм. *өөр*, монг. *ойр*, бур. *ойро* “возле”; калм. *хажүд*, монг. *хажууд*, бур. *хажууда* “сбоку”; калм. *деегүр*, монг., бур. *дээгүүр* “через”, “по поверхности”, калм. *хажуһар* “мимо”; калм. *эргэд* “вокруг”, калм. *дундур* “посреди”, калм. *эн талд* “на этой стороне”, калм. *тер талд* “на той стороне”.

Пространственные отношения могут получать ряд модификаций. Одна из них сопряжена со степенью связанности локализуемого предмета и локализатора. Однако эти различия не всегда оформляются языковыми средствами, например, в калмыцком языке:

<u>Позиция өмн “спереди”:</u>	в передней части – “впереди” <i>өмн</i> с контактом – “впереди”, “перед” <i>өмн</i> без контакта – “впереди”, “перед” <i>өмн</i>
<u>Позиция деер “сверху”:</u>	в верхней части – “вверху”, “наверху” с контактом – “на” <i>деер</i> без контакта – “над” <i>деер</i> ,

Примеры основных пространственных отношений типа калм.:

<i>нахождение (где?):</i>	<i>перемещение со значением (куда?):</i>
<i>гер дотр (герт) “в доме”</i>	<i>герүр “в дом”</i>
<i>герин һаза “вне дома”</i>	<i>гер дотрас (гертэс) “из дома”</i>
<i>герин өмн “перед домом”</i>	<i>герин өмн “перед домом”</i>
<i>герин ард “за домом”</i>	<i>герин ард “за дом”</i>
<i>герин деер “на доме”</i>	<i>гер деер “на дом”</i>
<i>герин дор “под домом”</i>	<i>гер дор “под дом”</i>
<i>герин хажүд “у дома”</i>	<i>гер тал (герүр) “к дому”</i>

перемещение (откуда?):
герин дотрас (гертэс) “из дома”
герин цааһас “из-за дома”
гер деерэс “с дома”
гер талиас “от дома”.

В каждом ряду модификации позиций различаются не всегда аналогичным образом. Иногда соответствующий послелог отсутствует или не всегда различаются значения где? и куда?

Таким образом, пространственное отношение может быть выражено любым средством, обозначающим связь двух субстанций. В монгольских языках к таким средствам относятся косвенные падежи, а также конструкции с послелогам. Послелог в монгольских языках связывают две основы имени, глагол, сочетая синтаксически подлежащее и дополнение, выражает тем самым отношение между двумя субстанциями, что позволяет один и тот же тип отношений выразить именной или глагольной основой или послелогом.

Кроме того, пространственные отношения могут быть выражены производными послелогам, являющимися важнейшим средством выражения пространственных отношений в монгольских языках. Послелог подразделяются на непроизводные (первообразные) и производные (непервообразные). Последние сравнительно немногочисленны; особенно активно в калмыцком и бурятском языках пополняются в послереволюционный период за счет существительных, наречий и глаголов. Производные послелог не образуют строгой системы

Так, калмыцким послелогам *тал*, *деер*, *дотр*, *һаза*, *өмн*, *дунд*, *күртл*, *ард*, *хөөн* в бурятском языке соответствуют *тала*, *дээрэ*, *дотор*, *газаа*, *үмэнэ*, *дунда*, *хүрэтэр*, *арада*, *хойно*, а в монгольском – *тал*, *дээр*, *дотор*, *руу/рүү*, *луу/лүү*, *тийшээ*, *дотор*, *дэргэд*, *өмнө*, *дунд*, *хүртэл*, *хойно*, *ард*. Недостатки падежной системы восполняются послеложными аналитическими конструкциями, а также послелогам, омонимичными наречиями (типа калм. *деер*, *дор*, *хажу*). Некоторые послелог имеют варианты вследствие того, что они застыли в различных формах. Эти варианты квалифицируются как самостоятельные послелог, которые позволяют бесконечно дифференцировать пространственные значения. Они могут выступать в сопряженной функции, уточняя значение падежа. Например, послелог бытуют в таких вариантах:

а) в калмыцком *деер* – *деегүр* – *дееһар* – *деерэс*, *дунд* – *дундас* – *дундаһур*, *дор* – *дораһур* – *дораһар* – *дорас*, *дотр* – *дотраһар*;

б) в монгольском *дээр* – *дээгүүр* – *дээрээс* – *дээрхи*, *дунд* – *дундаас* – *дундуур* – *дундахи*, *доор* – *доороос* – *доогуур* – *доорхи*, *дотор* – *дотроос* – *дотроор* – *доторхи*;

в) в бурятском *дээрэ – дээгүүр – дээрэхээ, дунда – дундуур – дундаһаа, доро – доогуур – дороһоо, соо – соогуур – сооһоо* и т. д.

Многие из них могут принимать частицы личного или возвратного притяжания и аффиксы уменьшительности.

Кроме того, некоторые производные послелого, посредством которых образуются аналитические конструкции, стали выражать более абстрактные значения, особенно если они употребляются в научно-популярном, публицистическом и учебно-методическом стилях. Примеры производных послелогов бурятского языка:

1) *эсэргүү, эсэргүүгээр* “против” (объектные отношения): *дайндаа эсэргүү тэмсэх* “бороться против войны”;

2) *ушар дээрэхээ, ушарһаа, шалтагаанаар* “ввиду, вследствие, по причине, по случаю” (причинные отношения): *үбшэнэй шалтагаанаарх үлэхэ* “оставаться по причине болезни”; *харанхы мунхаг ушарһаа мэдэхэгүй* “не понимать вследствие невежества”; *хайндэр байһан дээрэхээнэ болжуулаха*; “отметить по случаю праздника”;

3) *туршада, турша соо, хугасаада* “в течение, в продолжение” (временные отношения): *һарын туршада дүүргэхэ* “закончить в течение месяца”; *хэдэн хоногой туршада үргэлжэлхэ* “длиться в продолжение нескольких дней”;

4) *талаар, тушаа* “в деле, в области, в отношении, по части” (объектные отношения): *культурна байгуулалтын талаар* “в области культурного обслуживания”; *индустриализации талаар амжалта туйлаха* “добиться успехов в отношении индустриализации”;

5) *ашаар, замаар, аргаар* “посредством, путем” (определяющие обстоятельственные отношения): *хэлсээ хэһэнэй ашаар эблэрхэ* “достигнуть перемирия путем переговоров”; *шэнжэлэлгын ашаар тодоруулха* “выявить путем исследования”;

6) *ашаар* “благодаря” (причинные отношения): *туһаламжын ашаар амжалта туйлаха* “благодаря оказанной помощи достигнуть успехов”.

Падежные формы могут выступать в автономной функции, указывая самостоятельно на локализацию предмета, когда падежная форма лишь сопровождает тот или иной послелог.

Ниже рассматриваются послеложные и падежно-послеложные как традиционные конструкции, выражающие всевозможные синтаксические отношения, но обычно это отношения вторичного плана, более абстрактные, так и послеложные конструкции, появившиеся в связи с развитием монгольских языков как новолитературных. Формы пространственных моделей составляют ядро функционально-семантических единств пространства.

Послеложные формы со значением направления куда-нибудь
или нахождения где-нибудь кого (чего)-нибудь

Указание на предмет, через который, сквозь который совершается или направляется действие, движение, в монгольских языках чаще всего может быть передано послелогоми калм. *күртл*, бур. *хүрэтэр*, монг. *хүртэл*. Примеры: калм. *Балһсн күртл хаалиһ тэвхэр бээсн бээжс*, бур. *Город хүрэтэр түмэр харгы табиха байгаа*, монг. *Хот хүртэл зам тавихаар бэлтгэсэн* “В город хотели проложить железную дорогу”. Здесь послелог калм. *күртл*, монг. *хүртэл*, бур. *хүрэтэр* используется для указания на предел чего-нибудь.

Указание, куда обращен или направлен предмет, передается послелогом тал в калмыцком, уруу в бурятском и направительным падежом рүү в монгольском. Примеры: калм. *Проезд тал ордг амн деер*, бур. *Туннель уруу орохо нүхэн дээрэ*, монг. *Туннель рүү орох нүхэн дээр* “Над входом в проезд”.

При упоминании о предмете, месте, пространстве, внутри или в пределах которого кто-или что-либо находится, в монгольских языках используются послелогои: калм. *Гер дотр кун бээнгэ*, монг. *Тэр байшин дотор хүн байна*; бур. *Гэр доторо хүн байна* “В доме находится человек”; калм. *Беш дотр бээдг*, монг. *Зуухан дотор байгаа*, бур. *Пешэн дотор байгаа* “В печи находится”.

Значение места и пространства, в пределах которого осуществляется действие, в монгольских языках передается послелогоми: монг. *Уужим тасалгаан дотор байна*, калм. *У хора дотр бээжгэнэ*, бур. *Уужам столово соо байна* “В просторной столовой находился”.

Значение местонахождения кого (чего)-нибудь может передаваться послелогоми калм. *дотр*, монг. *дотор*, бур. *соо*, например: калм. *Сад дотр күлэжэлэ*, монг. *Цэцэриэгийн дотор хүлээж байсан*, бур. *Сад соо хүлээжэ байгаа* “В саду ожидал”. В бурятском языке послелог *соо*, обозначающий нахождение предмета где-либо, например: *Клуб соо хүнүүд дуурэн* “В клубе полно людей”, более употребителен, чем послелог *дотор*, который характерен для книжного стиля. Надо сказать, что послелог *дотор* распространен во всех монгольских языках и диалектах. В бурятском языке он изредка употребляется в восточных говорах, но совсем не встречается в западных. В классическом монгольском языке в качестве послелога имя *дотор* “нутри” использовалось в форме древнего местного падежа с формативом *-а*, который впоследствии был утрачен, например: *ой дотор-а* “в лесу”.

В современном монгольском языке *дотор* употребляется с родительным падежом, а в калмыцком сочетается с основой управляемого имени. Г.Д. Санжеев, сравнивший этот послелог в разных монгольских языках [1953, с. 231-232], считает, что в бурятском языке он чаще всего требует родитель-

ного падежа. Однако это не подтверждается нашими материалами. Как и в старописьменном монгольском (*гэр дотор-а* “в юрте”), в бурятском языке он встречается в сочетании с основой имени, например, *гэр дотор* “в доме”. Бурятский послелог *соо*, управляющий первой основой, совершенно не известен другим монгольским диалектам [Санжеев 1953, с. 233]. Как указывает Г.Д. Санжеев, этимология этого слова неизвестна, и попытка связать его происхождение с *дотор* не имела успеха.

При передаче значения обстоятельства места в монгольских языках также используется наречие места, например, бур. *газаагаа байһанаа*, калм. *һаза бээн*, монг. *гадаа байсан* “во дворе находился”.

В монгольских языках имеются словосочетания с послелогом, в котором имя существительное, обычно в сочетании с количественными существительными, обозначает меру пространства. Они называют расстояние от места совершения действия до какого-либо пункта, по отношению к которому и указывается расстояние. Обычно оно выражается аффиксом дательного-местного падежа, например, калм. *Станцас дөрвн дундур километрт* “В четырех с половиной километрах от станции”; монг. *Хотоос гучин таван километрт цаагуур байсан*, бур. *Городһоо гушан табан километрэй газарта байһан* “В тридцати пяти километрах от города находился”.

Возможна передача указанного значения разделительным деепричастием и причастием будущего времени в дательном-местном падеже в сочетании с количественными числительными, например, калм. *Хойр һәрәдәд хажуднь тусв*, бур. *Хоёр һүрэхэдээ хажуудань ерэнэн байба* “В два прыжка очутился рядом”.

При указании на нахождение одного предмета на поверхности другого в калмыцком языке используется основа с послелогом *деер* и частицей притяжания, например, калм. *Терунэ кишг деернь бээнэ*. В монгольских языках в этом значении употребляются с историческим продольным падежом (транзитивом) послелог монг. *гадуур*, например, *Цамцныхаа гадуур бүсэндээ зүүжээ*, и бур. *дээгүүр*, например, *Тэрэнэй самсын дээгүүр байба* “Поверх его рубашки”.

Послеложные формы со значением предела, границы

В калмыцком языке это значение передается посредством основы с послелогом *куртл*, в монгольском это послелог *хүртэл*, в бурятском – *хүрэтэр*. Примеры: калм. *Театр күртл одухав* “Они дошли до театра”; монг. *Театр хүртэл юу ч яриагүй* “До театра они ни о чем не говорили”; калм. *Вокзал күртл хол*; бур. *Вокзал хүрэтэр холо*, монг. *Галт тэрэгний буудал хүртэл хол* “До вокзала далеко”; калм. *Машин күртл һарһав* “Провожали до машины”. В приведенных примерах вышеназванный послелог обозначает направление к точке предмета, не захватывающей сам предмет.

Данный послелог используется и при указании на расстояние, отделяющее одно место от другого, например, калм. *Улан-Удэгэс Чита күртл 700 километр*, монг. *Улаан-удээс Чита хүртэл бараг 700 километр зайтай*, бур. *Улаан-үдэһөө Шэтэ хүрэтэр 700 шахуу модо юм* “От Улан-Удэ до Читы 700 километров”. Здесь послелог *күртл* представляет собой застывшую деепричастную форму от глагола *күрх* “доходить”, “дойти”. В подобных конструкциях он управляет дательным-местным падежом имени существительного и наречием, которые могут употребляться с личным и возвратным притяжением, например, бур. *шэхэндээ хүрэтэр улайшаба* “покраснел до ушей”, *доро хүрэтэр* “до низа”. Как видно из приведенного выше примера, управляемое слово часто ставится в форме основы. В “Грамматике калмыцкого языка” [1983, с. 280] отмечается, что данный послелог в сочетании с разными словами образует наречные конструкции типа энд куртл “до этого места”. Подобного рода сочетания Ц-Ж.Ц. Цыдыпов [1972, с.235] называет послеложными аналитическими конструкциями.

Г.Д. Санжеев отмечает, что основа *хүрэ*= употребляется в особых предложениях, например, бур. *сухалаа* (от *сухал* “гнев”), *хүрэхэ* “рассердиться”; *унда* (или *ундаа*) *хүрэхэ* “жаждать, захотеть пить”; *нойр хүрэхэ* “клонить ко сну”; *уур хүрэхэ* “гневаться”. “В этих предложениях, – пишет он, – следует усмотреть пережитки, или реликтовые остатки, от некогда наличного в монгольских языках особого изафетного построения, сохранившиеся в случаях так называемой неотчужденной принадлежности. Наличие долгого гласного после соответствующих имен, обозначающих предметы неотчужденной принадлежности, следует объяснить последующей интерпретацией и переосмыслением того, что впоследствии стало неясным” [Санжеев 1953, с. 237].

Возможна передача обозреваемого пространственного значения аффиксом дательного-местного падежа или послелогом в сочетании с глаголом *күрх* “дойти”, например, калм. *Шар харһа урһсн роцд эрэ гижэ күрв*, монг. *Нарс моднуудын дэргэд хүрч ирэв* “Дошел с трудом до сосновой роши”. В калмыцком языке имеем сочетание *эрэ гижэ күрв*, где значение глагола *күрв* и предполагаемого послелога *күртл* очень близко; значение первого поглощает значение второго, и необходимость в послелогом отпадает. В монгольском языке употребляется еще и послелог *дээр*, например: *Тийнхүү арай гэж чадан ядан ортоон дээр хүрч очиход* “С трудом дошел до станции”.

Кроме падежного аффикса, данное значение может передаваться послелогом калм. *дотр*, монг. бур. *дотор* и изредка калм. *тал* в форме исходного падежа. Примеры: калм. *Сад дотрас гүүһад ирв*, монг. *Цэцэрлэгийн дотроос охин гүйгээд ирсэн* “Из сада выбежала девочка”; калм. *Үдлә балһсн талас машин гүүлгэж, ирв*. В монгольском языке это значение передается послелогом *дунд*, например: *үд дунд хотоос машин давхиж ирэв* “В обед из города примчалась машина”.

В бурятском языке употребляется форма *сооһоо* от послелого *соо*: *Олон хүнүүд ой сооһоо гараба* “Много народу вышло из леса”. В этом же языке встречается и форма *талаһаа* со значением “со стороны”, например, *баруун талаһаа* “с западной стороны”. Как видно, *талаһаа* употребляется с прилагательными, обозначающими стороны света, и придает им значение “пространство, расположенное по бокам, краям чего-нибудь, не середина”, например, *талбайн баруун талаһаа* “с западной стороны площади”.

Конструкция *исходный падеж + существительное с частицей*, например, калм. *чигн*, бур. – *шье* употребляется при обозначении какого-либо целого, какой-либо совокупности, откуда выделяется кто (что)-либо, например, калм. *һурвн күүнэс негнь чигн гер талан хэж ирсн уга*, бур. *Мүнөөхи гурбанай хэнииньшье гэртээ бусажа ерэнэгүй* “Никто из троих домой не возвращался”.

При обозначении предмета, лица и так далее, с противоположной или обратной стороны которых направлено действие, употребляются послелого, например, калм. *цааһас*, монг. *цаанаас*, бур. *саанаһаа* “сзади”. В монгольских языках данную конструкцию можно изобразить схематически: *родительный падеж + послелог в форме исходного падежа*. Значение этой конструкции синтезируется из значения родительного падежа и послелого в исходной форме. Основную семантическую нагрузку несет первая часть, от которой и зависит форма исходного падежа послелого, а вторая уточняет значение, например, калм. *Өрүн нарн заводин цааһас өөдлж йовна*; монг. *Заводын цаанаас өглөөний нар маягтай цухуйж бий*, бур. *үглөөнэй наран заводай саанаһаа үндыбэ* “Утреннее солнце поднималось из-за завода”.

В следующем примере данное значение передается послелогом, например, калм. *һатцас* в форме исходного падежа: *Уул һатцас толһа дееһэр* “Из-за горы над головами”. В калмыцком языке послелог *һатцас* имеет только пространственное значение, например, *үүдн һатцас* “за дверью” [Грамматика калмыцкого языка, с. 278].

Один и тот же аффикс, оформляющий каждый из этих калмыцких послелогов *цааһас* и *һатцас*, вносит элемент однородности в их функции, так как грамматическое значение каждого послелого складывается из значения аффикса, выражающего различные отношения (в данном случае места, откуда исходит действие, движение), и основы слова, лексически уточняющей то, что нельзя выразить падежными аффиксами.

При обозначении предмета, от которого начинается движение того (тех), кто за ним находится ради какого-либо занятия, действия, также используются послелого калм. *ардас*, монг. *араас*, бур. *саанаһаа* в форме ис-

ходного падежа. Примеры: калм. *Столин ардас босв*, монг. *Ширээний араас босов* “Из-за стола поднялся”; бур. *Гэрэй саанаһаа гаража ерэбэ* “Он вышел из-за дома”.

При обозначении среды, группы людей, через которые кто (что)-либо проходит, пробивается, в калмыцком языке используется основа с послелогом *заагар* и *һатцас*, например: *Модна бичрмүд заагар* “Сквозь ветви дерева”, калм. *Модн һатцас үзв* “Сквозь деревья увидел”, в монгольском – родительный падеж с послелогом *завсраар*: *Моддуудын навчийн завсраар* “Сквозь листья деревьев”, *Модны завсраар Тоня харагдсан* “Сквозь деревья показалась Тоня”.

*Послеложные формы со значением
"по ту сторону, вне, позади кого (чего)-нибудь"*

При указании предмета, места, за пределы которого, дальше которого или через который направлено действие, движение, в монгольских языках используются обороты с послелогом. Примеры: калм. *Кулисын ца һарһав*, монг. *Хөшөөний ард оруулжээ* “Провел за кулисы”. Однако *ард* в значении “за” употребляется редко.

Вообще в монгольских языках не очень развито значение “по ту сторону”, “вне”, поэтому данное значение передается причастием или деепричастием, например, калм. *Поезд эргү давад һархла*, бур. *Поездын далда ороходо*, монг. *Галт тэрэг тойрч явахад* “Когда поезд ушел за поворот”.

В монгольском языке использована лексема *дотогш* (букв.: “внутри”) в форме исторического директивного падежа, например, *Хаалга сахигчид үзүүлэж дотогш нэвтэрч байлаа* “Показав часовым (документ), входили внутрь”. В бурятском языке – послелог *саана*: *Воротагай саана гаража болохо байгаа* “За ворота можно было выйти”.

При указании расстояния обычно со словами, обозначающими меру, количество, в калмыцком и бурятском языках употребляется аффикс дательного-местного падежа. Примеры: калм. *Энүг станциур зурһан дуунад зоохмн болжана*, бур. *Энээнне зургаан модондо абаашаха*. В монгольском языке употреблена основа имени, например: *Тэднийг станц руу зургаан мод газар хүргэх хэрэгтэй* “Их надо подвозить за шесть верст к станции”.

При указании предмета, места, дальше или по другую сторону которого находится кто (что)-либо, происходит что-либо, употребляется послелог калм. *ца*, монг. *цаана*, бур. *саана*. Иногда он имеет форму исходного падежа: *Үүднэ цааһас э соңсгдв*, монг. *Үүдний цаанаас байсан хүмүүсийн дуу чимээг сонсвол*, бур. *Үүдэнэй саанаһаа хүнүүдэй абьян дуулдаба* “За дверью слышались голоса”.

При обозначении предмета, около которого, в непосредственной близости от которого находится, размещается кто-либо для какого-либо действия, занятия, в калмыцком языке употребляется послелог *ард*, например: *Столин ард сууна*, в монгольском – *дэргэд*, например: *Ширээний дэргэд сууга*; в бурятском – *саана*: *Столой саана нууна* “За столом сидит”.

При обозначении предмета, непосредственно позади, после которого движется, идет кто (что)-либо, в калмыцком языке употребляется послелог *ард* в форме исходного падежа как с притяжением, так и без такового, в монгольском и бурятском – послелог *хойно* в форме исходного падежа. Примеры: калм. *Терунэ ардас дахж*, монг. *Буузний эзэн хойноос иржээ* “За ним двинулся”. Послелог *хойно* образован от омертвелой ныне *коji-> хоji > хоi*. В бурятском: *хоймор* “задняя половина юрты” [Санжеев 1953, с. 230]. Встречается он во всех монгольских языках в виде монг., бур. *хойно*, калм. *хоон*, стп.-м. *qоуп=а*. Использование в калмыцком языке послелога *ард* вместо *хөөн* объясняется тем, что последний больше употребляется во временном значении.

Послелоги в исходном падеже калм. *ардас*, бур. *хойноһоо*, монг. *хойноос*, управляя именем в родительном падеже, употребляются со значением следования за чем-либо. Примеры: калм. *Түнэ ардас һарв*, монг. *Түүний хойноос бууж*, бур. *Тэрэнэй хойноһоо гараба* “Вышел вслед за ним”; калм. *Терунэ ардас тарвалдад үүмж йовцхана*, монг. *Түүний хойноос нь оргож зуттааж яваа* “Вслед за ним бежали врассыпную”.

Возможно употребление в этой функции родительного падежа с послелогами, например, калм. *дару*: *Эн ахр үгмүдин дару хойр колонк тэвсн һар бээнэ* “Вслед за этими короткими словами стояли две колонки подписей”.

При указании места действия, расположенного прямо перед кем (чем)-либо, на противоположной стороне от кого (чего)-либо, в монгольских языках употребляются послелоги с родительным падежом: калм. *тус* в качестве послелога с локальным значением имеет место только в калмыцком языке. В некоторых случаях при обозначении объектных значений употребляются послелоги, например, монг. *талд*, бур. *тэндэ* в форме дательного-местного падежа, калм. *туск* в форме винительного падежа. В калмыцком и бурятском языках лексема *тус* употребляется атрибутивно, например, калм. *тус эмтн*, бур. *тус арад* “данный народ”. Примеры: калм. *Школин тус тараж өгчэлэ*, монг. *Сургуулийн нөгөө талд*, бур. *һургуулийн тэндэ хубааж байгаа һэн* “Напротив школы раздают”. В монгольском языке возможна передача данного значения послелогом *дэргэд*: *Хашааны дэргэд хэдэн минут зогсож байна*, в бурятском – послелогом *урда*: *Гэрэй сэхэ урда шиидэжэ ядангаар минута тухай зогсобо* “Напротив дома остановилась на несколько минут”.

При указании на то, что действие происходит в задней, тыльной части объекта, в монгольских языках употребляется родительный падеж с после-

логом калм. *ард*, бур., монг. *хойно* в форме исходного падежа с аффиксом принадлежности. Примеры: калм. *Төрүнэ ардаснь күн йовжэ йовна*, монг. *Хойноос нь хүн явжээ*, бур. *Тэрэнхээ хойнонь хүн ябаба* “В трех шагах позади него шел знакомый человек”.

Реже в этом значении используется в калмыцком языке деепричастная форма: *...яхан меджэ чадад, харудмуд давад гүүхэд йовна* “Бежал, оставляя позади себя огороды и задворки”.

*Формы и конструкции, выражающие положение,
являющееся точкой отсчета*

При указании границ, пределов, в которых совершается движение, действие, в монгольских языках употребляется послелог в исходном падеже в соединении с основной имени, например, калм. *Хашан үүдн талас герүр таньдго күүкн оржэ йовна*, монг. *Хашааны хаалганаас байшин руу үл таних эмэгтэй явлаа*, бур. *Хаалгын тэндэнхээ гэр тээшэнь танигдаагүй басанган ябажа ябаба* “От калитки к дому шла незнакомая девушка”. Данное значение калмыцкий язык передает послеложной конструкцией *исходный падеж + аффикс направительного падежа*. В бурятском варианте данное значение направления передано в форме *исходный падеж + послелог тээшэ* с частицей притяжания, в монгольском – *исходный падеж + послелог руу*.

*Формы и конструкции, выражающие положение по отношению
к предмету, над которым находится или перемещается
кто (что)-нибудь*

В монгольском языке используется послелог *ард*, который управляет родительным падежом, в калмыцком – *деер* и бурятском – *дээрэ*, который чаще всего управляет первой основой, изредка – родительным падежом. Послелог *деер* (*degere*) представляет собой образование от омертвело́го корня *dege+re*. Последний элемент встречается в словах *тере* “тот”, *doura* “внизу”, *jaγura* “в пути”:

а) при обозначении пространства, предмета, выше которых находится что-нибудь, например, бур. *Диван дээрэ гэрэл носоодхибо*, монг. *Диваны дээр гэрэл гялсхийв* “Над диваном вспыхнул свет”;

б) при обозначении предмета, над которым совершается действие. В этом значении в монгольских языках соответствует послелог как с притяжательной частицей, так и без нее, например, калм. *Шүд түүнэ толһа деернь*, бур. *Толгой дээрэ үзэгдэбэ*, монг. *Толгой дээр юм харагдах байлаа* “Над головой появилось что-то”. Возможна передача в монгольском и бурятском языке послелогом в форме исторического транзитива, например, монг.

Отгөн хар үүлс газар дээгүүр молхон нүүлээ, бур. Газар дээхэнүүр хара-боро үнгэтэй шииг нойтоор шэгээтэй үүлэнүүд мүлхин үнгэрнэ, а в калмыцком – послелогом *дееһар* в застывшей орудной форме, например: *Чиигэс кувксн хар-бор үнлн һазр дееһар ик дораһар нүүжэ бээнэ* “Низко над землей ползли темно-серые, набухшие влагой тучи”.

Послелог в общемонгольской форме *degegèr* образован от корня *dege-* + форматив *-gèr*, от *деер* он отличается тем, что употребляется в более узком значении, то есть обозначает движение предмета по всей поверхности чего-либо.

*Формы и конструкции со значением направления движения
в сторону какого-либо предмета*

Данное значение указывает на общую направленность действия на предмет, не уточняя, направлено ли действие к его фасаду, боку, середине. В монгольском языке ему чаще всего соответствуют аффиксы направительного *-ур/-үр* и дательного-местного *-д, -т* падежей и послелогов.

При обозначении направления действия в калмыцком языке употребляется послелог *тал*, например, *гер тал* “к дому”. К этому послелогу может присоединяться исторический аффикс падежа директива *-qđi* с безличным притяжением *-ан*, например, *гер талакшан* “в сторону своего дома”, ср. *гер талан* “к своему дому”.

В бурятском языке используется послелог *тээшэ*, управляющий первой основой, например, “плыть к берегу” *эрье тээшэ тамарха*, “ребенок побежал к матери” *үхибүүн эхэдээ гүйн ошобо*. В этом языке как послелог *тээшэ*, так и дательного-местного падеж могут употребляться с частицей личного и безличного притяжения, например, *гэр тээшээ ошохо* “пойти к своему дому” и *гэртээ ошохо* “пойти домой”.

В монгольском языке направление движения обозначается посредством послелога *тийш*, например, “пойти к реке” *гол тийш явах*, “отправиться к своему приятелю” *найз тийшээ*. В калмыцком языке – послелогом *тал*: например, *Суусн улс тал өөрдв*. В монгольском языке возможна передача этого значения послелогом *дэргэд*, управляющим родительным падежом, например: *Хүмүүсийн дэргэд очив*. В бурятском языке это значение передается аффиксом дательного-местного падежа, например: *Һуугаашадта ошобо* “Подошел к сидящим”.

В бурятском языке при указании на предел направления действия или движения используется послелог *тээшэ*, например: *Хараха найдамжатай-гаар гэр тээшэ ерэбэ*, Возможна передача этого значения в калмыцком языке послелогом *талан* с безличным притяжением, в монгольском *-лүү*, калм. *Гер талан өөрджэ ирэд үзхв гижэ ицжэ йовна*, монг. *Уулзах итгэлтэйгээр бодсоор гэр лүү дөхлөө* “Подходили к дому с надеждой увидеть его”.

В монгольских языках повторенные существительные, последнее из которых оформляется частицей возвратного притяжания, служат для образования сочетаний, обозначающих предметы, лица, которые находятся очень близко друг к другу или соприкасаются, например, “встретиться лицом к лицу” калм. *чирэ-чирэһэрн харһх*, бур. *нюур нюураараа уулзаха*; “шагать плечом к плечу” калм. *ээм ээмэн нишлүүлэд йовцхана*, бур. *мүр мүрөө хаша-салдан алхалха*.

*Формы и конструкции со значением
"по поверхности, вдоль поверхности чего-либо"*

При обозначении предмета, места, пространства, на поверхности которого или вдоль которого происходит действие, движение, в монгольском и в бурятском языках употребляется послелог в форме исторического транзитива *дээгүүр*, например, монг. *Виктор даруй эргэж гудамж дээгүүр алхсаар алга боллоо*, бур. *Виктор тротуар дээгүүр түргэн алхалан ошобо* “Виктор быстро бежал по тротуару”. Ср. калм. *Виктор тротуарар адһж йовб*, где имя употребляется в форме орудного падежа.

То же значение может быть передано в калмыцком языке послелогом *деггэр* – это форма орудного падежа от *dee-*, например, калм. *Чолун хаалһ деггэр йовцхав*. В бурятском, монгольском языках – послелогом *дээгүүр* в форме исторического транзитива, например, *Зэргэлһэн шоссе дээгүүр ошобо*, *Хажуугаарх зам дээгүүр явцаав* “Пошел по мостовой”.

Значение, места, пространства, в пределах которого происходит движение, действие – для большей конкретизации и обозначения происходящего действия именно внутри чего-нибудь. В таком случае калмыцкий язык пользуется послелогом *дотраһар*, в котором произошла орфографическая дифференциация между послелогом *дотр* и аффиксом *-ар* орудного падежа, например: *Гер дотраһар халж одсн күн үүднжэнэ*, в монгольском языке это значение передается послелогом *дотуур* в форме исторического транзитива, например: *Байшингийн дотуур өөд сөөр-гөөр алхасаар байв*. В бурятском языке – послелогом *соогуур* также в форме транзитива: *Таһалга соогуур хүхирһэн хүн гүйнэ* “По дому в бешенстве бежит человек”.

В бурятском языке значение “в пределах чего-либо, в чем-либо, где-либо” передается посредством послелога *соогуур*, например, “идти по лесу” *ой соогуур ябаха*, а также аффиксом дательного-местного падежа, например, “идти по кругу” *дүхэригтэ ябаха*. В бурятском языке значение “по направлению чего-либо” передается посредством послелога *уруу*, а также аффиксом орудного падежа, например, *мүрөөрнь мүшхэхэ* “идти по следу”, *урадхуул уруунь тамарха* “плыть по течению”.

Кроме падежного аффикса возможна передача этого значения калмыцким послелогом *дееһәр* – застывшая форма орудного падежа от *деер*, например, калм. *Тужурк дееһәр шил өңгтә хурин дусалмуд һожжэ бээнэ*, а в бурятском языке используется этот же послелог, но в форме исторического транзитива: *Шииг тужурка дээгүүр дуһалнууд монсогойролдон дуһална* “По тужурке скатывались крупные капли”.

При обозначении предмета, по ширине которого совершается действие, монгольские языки используют основу имени с послелогом калм. *көндлң* монг. *хөндөлөн*, бур. *хүндэлэн*. Примеры: калм. *Арвн тавад шаху күн винтовкан эмалин бүүргд көндлң тэвсн йовна*, бур. *Тон дүтэхэн шоссе дээгүүр арбан табаад хазаар моритой хүнүүд винтовконуудаа эмээл дээгүүрээ хүндөлөн баряад ябажа ябаба*, монг. *Бугаа эмээл дээр хөндөлөн барьсан арван таван морьтой хүн* “Ехали человек пятнадцать конных с винтовками поперек седла”.

При обозначении движения лица, предметов с той стороны, куда направляется движение другого лица, предмета, монгольские языки используют родительный падеж с послелогом в форме исходного падежа, например, калм. *Терүнэ өмнэс күүкн аашна*, бур. *Урдаһаань хүүхэн ябажа ябаба* “Навстречу ему шла девушка”.

*Формы и конструкции, выражающие положение,
с которого, откуда совершается действие, движение*

При обозначении предмета, лица, с поверхности которого или от которого отделяется, удаляется кто (что)-либо в монгольском и калмыцком языках употребляется послелог *деер* (*дээр*) в форме исходного падежа, например, калм. *Хойр дорэ деерэс нег һазр бас хойр сүүдр һэрэдв*, монг. *Уурын тэрэг дээрээс бас хоер дүрс харайж үзэгдэв* “С обеих сторон спрыгнули сразу две тени”. В бурятском языке используется аффикс исходного падежа: *модонһоо набшаһа талһаһа* “сорвать лист с дерева”, *харгыһаа гараха* “сойти с дороги”.

При обозначении места, пространства, откуда направлено движение, действие возможна передача этого значения послелогом калм. *деер*, монг. *дээр* в форме исходного падежа, а в бурятском языке к послелогу присоединяется частица безличного притяжания, например, калм. *Полк деерэс дөрвн пар көлмүд унжжэсана*, бур. *Полко дээрэхээн дүрбэн паар хүлүүд һанжалзана*, монг. *Тавиур дээрээс дрвөн хүний хөл унжсина* “С полки свисали четыре пары ног”.

При обозначении места, откуда исходит действие, в калмыцком, монгольском языках может употребляться послелог *тал* в форме исходного падежа, например, калм. *Төмөр хаалиһ талис зэңг соңсгджэсана*, монг. *Төмөр*

замын талаас бослого гаргаж эхэллээ гэсэн дорхноо тархав “Со стороны вокзала линии приходили слухи”.

При обозначении места или направления относительно какого-либо предмета или говорящего в бурятском языке употребляется конструкция с послелогом *тала*, *тээ* в форме исходного падежа, например, бур. *Хото тээһээ дорьбоотой абьян ээдэлбэ* “Со стороны города раздался оглушительный звук”, бур. *Зосоо талаһаа үүдэтэй* “вход со двора”, бур. *үйлсэ талаһаань орохо* “вход с улицы”.

*Формы и конструкции со значением
"возле, рядом, около кого (чего)-либо"*

Значение нахождения предмета или совершения действия около предмета передается на монгольские языки послелогом калм. *оор*, *хажүд*, бур. *хажууда*, монг. *дэргэд*, которые почти без ограничения сочетаются с именем существительным любого лексического значения и поэтому являются самыми употребительными среди наречных послелогов с пространственным значением. Примеры: калм. *Терүнэ өөр ирсн эмтн үүмлдэжэнэ*, бур. *Тэрээнэй хажууда залуушууд тухашаралдана* “Около него возились люди”; калм. *Таньдг герин өөр йовдлан арһулдв*, монг. *Хашааны дэргэд хүрч зогсон* “Около знакомой усадьбы замедлил шаги”.

Послелог калм. *оор*, *хажүд*, бур. *хажууда*, монг. *дэргэд*, каждый из которых имеет небольшие различия, например, послелог калм. *оор* указывает на нахождение предмета рядом, в непосредственной близости, калм. *хажүд*, бур. *хажууда*, монг. *дэргэд* имеет значение “сбоку”. Эти послелог встречаются во всех обозреваемых языках, но отличаются степенью употребительности в каждом из них.

При обозначении предмета или лица, в непосредственной близости от которых происходит что-либо, находится, располагается кто (что)-либо, в калмыцком языке употребляется послелог *оор* и синонимичный ему послелог калм. *хажүд*, бур. *хажууда*, монг. *хажууд*, например, калм. *Теднэ мөрднэ хашаан өөр уята бээнэ*, бур. *Тэдэнэй моридын мүн тэндэ хашаагай хажууда уяатай байна*, монг. *Тэдний морид мөн тэнд хашааний хажууд уяатай болно* “Их лошади стоят привязанными у забора”.

Калмыцкий послелог *өөр* наречного происхождения управляет родительным падежом, например, *үүднэ өөр* “у двери”, *худгин өөр* “у колодца”; *хотна өөр* “около села”, *Көөһин өөр* – *кө*, *өөкнэөөөр* – *өөкн* (поговорка) “Вблизи сажи – сажа, вблизи жира – жир”. В бурятском языке ему соответствует послелог *ойро*, который с предыдущим родительным падежом или последующим притяжением означает “возле”, “у”: *галай ойро* “возле (у) огня”. В монгольском языке довлеет наречное значение: *голын ойр* “близко у реки”; *худагт ойр буух* “располагаться близко у колодца”.

В калмыцком языке имеется послелог *хажүд*, но он менее употребителен, чем *өөр*, например, *герин хажүд* “возле дома”; *тана хажүд кевтсн цаасн* “бумага, лежащая около вас”.

В монгольском языке имеются еще послелогии *дэргэд*, *захад*, например, *голын бүр дэргэдэх байшин* “дом у самого берега реки”; *галын захад* “у огня”; *нуурын захад* “у озера”. Послелог *дэргэдэх* употребляется в старописьменном языке с родительным падежом: *ger=yin dergede* “возле юрты”. Данный послелог бытует в бурятском литературном языке и имеет книжный оттенок, например, *ордоной дэргэдэ байха* “находиться у дворца”. Возможна передача данного значения аффиксом дательного-местного падежа, например, калм. *хашан үүднд* “у ворот”.

Указание на предмет, лицо, которые находятся или совершают действие рядом с объектом, около, подле объекта, в калмыцком и монгольском языках осуществляется с помощью родительного падежа с послелогам *калм. өөр, хажүд, бур. ойро, хажууда*. Кроме этого, в бурятском языке возможно употребление родительного падежа с послелогам *дэргэдэ* в форме дательного-местного падежа, *ойгуур* в форме исторического транзитива. Примеры: калм. *Герин өөр оцкдурк улснь мөрд деерэн мордэцацхана*, монг. *Хашааны дэргэдөөчигдөр танилцсан хүн нь мордож байв*, бур. *Усадьбын хажууда үсэгэлдэрэйн танилцууд моридтоо мордожо байбад* “Возле усадьбы садились на лошадей его вчерашние знакомые”; калм. *Төрүнэ өөр кесг улс бээнэ* “Возле него находится группа людей”; бур. *Тэрэнэй хажууда байба* “Был возле него”, бур. *Аршаанда ойро тойрон шубуудай олон гээшэ* “Возле целебного источника так много птиц”, бур. *Бултааран тээ дүтэшилэг байхан ханабай дэргэдэ суглабад* “Все собрались возле канавы, находящейся тут же поблизости”; бур. *Тэрэ Дулма хаанасэб... гээд ханаад орхитойн адли, отогой ойгуур нэгэ гарахадал гэнэ* “Как только он подумал о том, где же Дулма, как показалось, что кто-то идет возле шалаша”.

При указании на совершение действия кругом, около, вокруг предмета монгольские языки пользуются глагольными формами, например, калм. *Балһисг эргэд*, бур. *Городые тойроод* “Вокруг города”; бур. *Энеэдэтэй наадатай залуушууд тэдэнин тойрон сугларбад* “Собрались вокруг них веселые молодые люди”; бур. *Голой зүүн бэээр таража хууһан борсогор айлуудай газаагуур манай мезрэлдэхэ соностоно* “Слышится мычание скота вокруг невзрачных юрт, разбросанных как по левой, так и по правой стороне речки”.

Послеложная конструкция с послелогам *калм. хажуһар, бур. хажуугаар* в форме орудного падежа, монг. *дэргэдүүр* в форме исторического транзитива как с частицей притяжания, так и без таковой называет действие, которое совершается субъектом, не задевая кого (что)-либо, не попадая в кого (что)-либо, не останавливаясь, минуя кого (что)-либо, например, калм. *Герин хажуһар һарцхав*, бур. *Гэрэй хажуугаар үнгэрбэд* “Прошли мимо раз-

рушенного дома”; калм. *Дегд ээжлэрнь хажууһарнь гүүжэ харла*, монг. *Хоцорсон Лизагийн дэргэдүүр гүйлжээ*, бур. *Тэрэ басаганай хажуугаар гүйдэжэ* “Мимо нее пробежали”; монг. *Цонхны дэргэдүүр явсан* “Шел мимо окон”, а в бурятском языке значение “мимо” передается послелогом *тушаа*, например, бур. *Сонхо тушаа ябахадаа*, в калмыцком употребляется родительный падеж с послелогом *хажууһар* в форме орудного падежа, например: *Терзин хажууһар давжэ йовад* “Проходя мимо окна”.

При указании на совершение действия или нахождение предмета по прямому направлению длины объекта, например, бур. *эрье зубшан ябаха* “идти вдоль берега”. Монгольский и бурятский языки для передачи этого значения используют основу с послелогом *руу* (*уруу*) и притяжательной частицей, например, монг. *Ташуураар нуруу руу нь нэг буулигахад цохжээ*, бур. *Тэрээнэй нюрга уруунь ташуураараа шабхадажархиба* “Ударил кнутом вдоль спины”. В этой функции возможно употребление родительного падежа с послелогом калм. *хажууһар*, монг., бур. *хажуугаар* в форме орудного падежа, например, калм. *Герин хашан хажууһар йовжэ йовад, таньдг күг үзв*, бур. *Усадьбын хашаа хажуугаар ябахадаа* “Медленно идя вдоль забора усадьбы”; монг. *Төмөр замын хажуугаар* “Мимо железной дороги”. Помимо послелога *хажуугаар*, в монгольском языке возможно употребление послелога *дэргэдүүр* в форме исторического транзитива, например, *Хүмүүсийн дэргэдүүр гарахдаа* “Проходя вдоль рядов мобилизованных”. В бурятском языке данное значение передается послелогом *урдуур* в форме транзитива, например: *мобилизовалагдагшаадай рядай урдуур*.

*Формы и конструкции со значением
нахождения “в середине, в центре”*

Указание на нахождение предметов в пространстве, между которыми, в середине, в центре которых имеется что-нибудь, в монгольских языках используется основа с послелогом калм., монг. *дунд*, бур. *дунда*. Примеры: калм. *Чи күүкд дунд, би көвүд дунд көдлмиш кех билэвидн*, монг. *Чи хүүхнүүдийн дунд, би хүдийн дунд ажил хийх хэрэгтэй байна*, бур. *Ши басагадай дунда, би хүбүүдэй дунда худэлмэрлэхэ хэмди* “Ты среди девчат, я среди ребят взялся бы”; калм. *Мадн дунд нертэ эмтн бээнэ*, монг. *Бидний дунд үнэхээр алдартай улс байна*, бур. *Манайшые дунда айхабтар бэрхэ зөн олон даа* “Много народу знаменитого среди нас”.

В бурятском языке возможна передача этого значения синонимичным послелогом *дотор*, например: *Бидэнэй дотор предатель хүнэй байһынь мэдээгүй яхаб* “Среди нас находился предатель”.

При указании на предмет, который находится в середине чего-либо, в монгольских языках употребляется родительный падеж с послелогом калм.

дунд, бур. дунда и синонимичным им послелогом калм. *дотр*, монг. *дотор*.
Примеры: *Селэн дунд өндөр цомг дээр чонж зогсжана*, *Тэр тосгоны дунд өндөр дов дээр улаантны их бууны анги байжээ* “Монастырь стоял на высоком холме посреди деревни”; калм. *Хоран дунд цемгн уга бильярд бээнэ*, бур. *Таһаигын дунда сэмбэ хушаитатай мантан бильярд байна* “Посреди комнаты здоровенный бильярд без сукна”.

При передаче значения “посредине” монгольские языки используют также родительный падеж с послелогом калм. *дунд*, бур. *дундахи*. Примеры: калм. *Селэнэ дунд костел зогсжана*, бур. *Монастыриинь деревниин дундахи үндэр гүбээ дээрэ байба*, монг. *Толгой дээр байралсан тосгоны дунд сум байв* “На холме посредине деревни стоял костел”.

Рассмотренным выше послелогам синонимичен родительный падеж с послелогам калм. *хоорнд*, бур. *хоорондо*, указывающие на нахождение предмета в ряду других предметов, между предметами, например, калм. *Хойр терзин хоорнд тагт дегтрмүдэр дүүржэ*, бур. *Хоёр сонхыень хоорондо обоо ехэ номуудтай таг* “Между двумя окнами полка с книгами”. При передаче этого значения монгольский язык использует деепричастные формы: *Буугаа хоёр хөлөөрөө хавчиж тавиад сууна* “Он сидел, поставив между ног ружьё”.

При обозначении сферы явлений, пространственных границ, в которых замкнуто какое-то действие, в калмыцком языке может использоваться послелог *хоорнд*, в бурятском языке – с историческим продольным падежом (транзитивом) послелог *хоорондуур*, например, калм. *Бахлукас авад теңер һазр хойран хоорнд юм биш оркх* “А то возьмут за жабры и повесят между небом и землей”; бур. *Дулма Дугаровна партануудай хоорондуур аргаахан ябасагаана* “Дулма Дугаровна тихо прохаживается между рядами парт”.

При обозначении среды, группы людей, в пределах которых кто (что)-нибудь оказывается, что-нибудь совершается, когда речь идет о взаимоотношениях людей, в монгольских языках используются послелог калм. *дунд*, *хоорнд*, бур. *хоорондо* с основой имени или с родительным падежом. Примеры: калм. *Эзн болн типографд көдлдг улс хоорнд оньдин ноолдан һарад бээдмн*, бур. *Эзн болон типографида хүдэлгшээдэй хоорондо таһаршагуй ажал хүдэлмэри хээдэнэ* “Между хозяином и работавшими в типографии ведется непрерывная борьба”; калм. *Эк күүкн хойран хоорнд күүндвр һарчана*, монг. *Эх хүүхэн хоёр хооронд ярилцана*, бур. *Эхэ басаган хоёрой хоорондо хөөрэлдөөн болоно* “Между матерью и дочерью происходит разговор”.

Формы и конструкции со значением "поверх чего-либо, сквозь, минуя что-либо"

При обозначении предмета, места, поверх которого направлено действие, движение, в калмыцком языке употребляется послелог *дееһар* в форме

орудного падежа, в монгольском и бурятском – *дээгүүр*, *дээгүүрээ* в форме исторического транзитива, например, калм. *Хаша дееһәр һәрэдэж*, монг. *Хашааны дээгүүр үсэрч*, бур. *Хашаа дээгүүрээ харайжа ороо* “Перемахнул через забор”.

Послелог *деегүүр* (стп.-м. *degegür*) представляет собой образование омертвелый корень **dege*-+ форматив транзитива *-gür*. От однокорневого *деер* он отличается тем, что обозначает движение предмета над чем-либо или по всей поверхности чего-либо. В калмыцком и бурятском языках этот послелог сочетается с основой имени, а в монгольском – с родительным падежом.

При обозначении какого-либо пространства, среды, какого-либо устройства, сквозь которые проникает, проходит кто (что)-либо используется аффикс орудного падежа монг. *-аар*, калм. *-ар*, послелого в застывшей транзитивной форме монг. *дундуур*, калм. *дундур*, бур. *соогуур*, например, калм. *Телефон форточкар дамжад орулгсн*, монг. *Салхивчаар оруулсан телефон* “С улицы через форточку к телефону провели два провода”; монг. *Ойн дундуур өнгөрөв* “Проехал через лес”; калм. *хаалһин дундур* “посередине дороги”; бур. *ой соогуур гараха* “пройти через лес”.

При обозначении какого-либо пространства, места и т. д., поперек которого располагается что-либо, или с одной стороны на другую, с одного края на другой совершается действие, движение, употребляется в калмыцком и монгольском языках деепричастная форма, например, калм. *Садар дэврэж гүүһэд*, *хаша дееһәр һәрэдэж һарад*, *модн тал һардг хаалһд орв*, монг. *Цэцэрлэгийн хашааг давж*, *ой тийш одох замаар бүх чадлаараа гүйсэн*. В бурятском языке используется послелог в форме исторического транзитива *соогуур*, например, “*Сад соогуур гүйгээд*, *ой ошоһон харгы дээрэ гараба* “И бежал через улицу к дому”.

В этом значении употребляется также лексема *көндлң* в калмыцком, *хөндлөн* – в монгольском и *хүндэлэн* – в бурятском языках, например, калм. *уульңц көндлң* “через улицу”, монг. *гудамжийг хөндлөн гарах*, бур. *үйлсэ хүндэлэн гараха* “перейти через улицу”.

Формы и конструкции со значением “перед кем (чем)-либо”

При обозначении предмета, впереди, напротив которого совершается действие, в калмыцком и монгольском языках употребляется послелог *өмн* (*өмнө*), в бурятском – *урда*, например, калм. *орна өмн* “перед кроватью”, монг. *байшингийн өмнө*, бур. *гэрэй урда* “перед домом”. В калмыцком и монгольском языках послелог *урд* (*урьд*) употребляется во временном значении. В старописьменном языке *өмн* бытует в форме *етйн*=*е*. В “Сокровенном ска-

зании" встречается форма *урида*, имеющая при родительном падеже локальное значение, например, *čeriqün urida jabaqu qaraul* [§ 46] "караул, идущий впереди войска".

*Формы и конструкции со значением
"под каким-нибудь предметом"*

При указании предмета, места, лица, ниже которого направлено движение, действие, в монгольских языках употребляется послелог *дор* как в первой, так и во второй основе падежа: калм. *Көвүн һаза сег дор унтжана* "Парень спит во дворе под навесом", бур. *Тэрэ унтария һарабша доро абаашажа, хонохоое үлэбэ* "Он принес свою постель под навес и остался ночевать"; монг. *Тэр гадаа хонхоор ор дэвсгэрээ саравчин дор гаргав* "Он вынес свою постель под навес, чтобы там ночевать". В "Сокровенном сказании" употребляется форма *doro*, например: *Tüq qüürqe doro jida qehteül* [§ 58] "Под знаменами и барабанами стоят копыеносцы". В старописьменном языке этот послелог бытует в виде *dour=a*, в монгольском – *доор*.

В калмыцком языке *дор* в форме орудного падежа указывает на неопределенность направления в значении "под", например, калм. *Мишкүдән суудг һазрин дораһар чикүхав* "Свои мешки запихали под лавки, под которыми сидели". В монгольском языке неопределенность направления передается послелогом с историческим транзитивом *доогуур*, например, монг. *Тэд бас лангуун доогуур шуудайтай юмнуудыг хийв*. В бурятском – послелогом *доро*, например, бур. *һандал доро мэшээгүүдые абаашаһаар лэ байба* "Все тащили мешки, которые положили под лавки".

При указании места, пространства, в непосредственной близости от которого, в ближайшей окрестности которого находится кто (что)-либо, употребляются послелог *дэргэд* – в монгольском, *шадар* – в бурятском языке, например: монг. *Москвагийн дэргэд*, бур. *Москва шадар* "под Москвой".

При указании на лицо, предмет, место, пространство, ниже которого кто (что)-либо находится или что-либо происходит, в монгольских языках используется послелог калм., монг. *дор*, бур. *доро*. Примеры: калм. *Терзин дор кевтжәнә*, монг. *Тэр цонхон дор хэвтэж байна*, бур. *Сонхо доро буланда хэбтэнэ* "Лежит под окном".

При обозначении предмета, под которым совершается действие, монгольские языки используют послелог, например, калм. *Көл дор үүрмг чо-луна э һарв*, бур. *Хөл доро харшаганаба* "Под ногами хрустнула галька". С *дор* имеет общую омертвелую основу послелог калм. *дораһур*, имеющий аналогию с *деегур*, например, калм. *Көл дораһур һазр гүүж бәәнә* "Быстро-быстро бежит под ногами земля".

При указании на место, пространство, около которого, в непосредственной близости к которому, в окрестностях которого происходит что-либо, в калмыцком языке передается послелогом *өөгэр* в орудной форме, например: *Тедн терзин өөгэр йовхла цуһар сэн* "Все они хорошие, пока под окнами ходят".

Таким образом, как показывает приведенный материал, обстоятельные отношения в монгольских языках выражаются не только формами косвенных падежей, но и послеложными конструкциями с использованием лексических средств.

Падежные формы монгольских языков, употребляющиеся без послелогов, и падежи, употребляющиеся с послелогом, совпадают по основному значению. И в том и в другом случае это пространственные отношения разной степени абстракции. Однако послелогом, будучи употребительными (лексическими) грамматическими средствами для выражения отношений слов в предложении, конкретизируют весьма общие значения косвенных падежей, а также основы управляемых ими имен.

Состав послелогов с пространственным значением в обозреваемых монгольских языках совпадает (за исключением бурятского послелога *соо*, калмыцкого *һаһу*). Это в основном послелогом, употребляющиеся и в качестве наречий, например, калм. *деер*, монг. *дээр*, бур. *дээрэ* "на", "над", "наверху", калм., монг. *дор*, бур. *доро* "внизу", "под", калм. *дотр*, монг. *дотор*, бур. *соо* "в", "внутри", калм. *хоон*, монг., бур. *хойно* "позади, на северной стороне", калм., монг. *урд*, бур. *урьд*, *урида* "перед, на южной стороне" и т.д.

Как видно из материалов, извлеченных из нормативных изданий, различия между локативными послеложными конструкциями монгольских языков незначительны, они обусловлены различиями в употреблении некоторых послелогов. Так, в калмыцком языке употребляется послелог *дотр*, в монгольском *дотор*, в бурятском – послелог *соо* в значении "внутри", "в". Примеры: калм. *сад дотр*, монг. *цэцэригэгийн дотор*, бур. *саад соо* "в саду".

Значения падежей формируются на основе их синтаксических функций в словосочетаниях и предложениях. Значение падежной формы всегда тесно связано с ее словесным окружением. Оно зависит от характера грамматической связи падежной формы с тем словом, от которого она зависит (для управления характерны одни падежные значения, для примыкания – другие), от лексического значения слова. Поэтому значения падежей с послелогом в монголоведении рассматриваются в синтаксисе (см. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика...) В специальной литературе для обозначения этих сочетаний употребляются разные названия: либо это конструкция (предложно-именная, предложно-падежная, предложно-аналитическая, предложная), либо сочетание (предложно-именное, предложно-падежное), либо предложно-падежная словоформа, либо предложная группа. В новой

академической грамматики русского языка она названа "предложно-падежной формой имени" [Грамматика русского языка 1980, с. 712].

В монголоведении сложилась такая традиция, что падежные формы и послелого, выражающие пространственные, временные и другие отношения, рассматривались порознь в разных разделах грамматики. Лишь Ц-Ж.Ц. Цыдыпов, монографически исследовавший аналитические конструкции в бурятском языке, выделил в нем специальную послеложную аналитическую конструкцию, которая "состоит из сочетания знаменательного слова с пост-позитивным служебным словом. Например: *Уһан соо загаһан амидардаг* "Рыба живет в воде". В этом предложении сочетание слов *уһан* (вода) и *соо* (в) составляет аналитическую конструкцию" [Цыдыпов, с. 235]. Как показал наш материал, точно такие же конструкции имеются в калмыцком и современном монгольском языках, выражающие пространственные отношения. В связи с этим послеложные аналитические конструкции монгольских языков, выражающие пространственные отношения, вполне можно называть и именными аналитическими локативными группами.

В монгольских языках подавляющая масса послелогов с локальным значением управляет основой имени и родительным падежом калм. *герин ард//ца, герин урд//хөөн* и т. д. Г.Д. Санжеев [1953, с.188] отмечает, что родительный падеж в послеложных конструкциях все более и более оттесняет собою все прочие падежи, в то же самое время уступая свое место первой, или полной, основе. Дело в том, что в монгольских языках различаются две основы: первая, или полная (типа *морин*), и вторая, или неполная (типа *мори*, то есть с выпадением *-н*). В бурятском языке именительный падеж полностью совпадает с первой, или полной, основой. Но несмотря на наличие внешнего сходства, это все же разные категории. Именительный падеж выступает в предложении подлежащим и сказуемым, чего нельзя сказать в отношении первой основы, например, бур. *морин дээрэ* "на коне". Эта-то первая, или полная основа широко употребляется в послеложных конструкциях.

Послелого монгольских языков органически связаны с управляемым именем и поэтому иногда сливаются с ним (например, превращение послелога *уруу* в аффикс направительного падежа с потерей им сингармонической огласовки). Применительно к русскому языку академик В. В. Виноградов, имея в виду близость предлогов к падежным формам, считал, что предлоги могут быть рассматриваемы как "агглютинативные префиксы косвенного объекта". "Однако, – писал он, – в русском языке предлоги в большей своей части еще не вполне утратили лексическую отдельность и еще не стали простыми падежными префиксами..." [Виноградов 1947, с. 677].

Сложна нюансами синонимика предлогов. Сравните, например: "Рощей ближе к дому" и "Через рощу ближе к дому". То же можно сказать и в отношении падежных форм и послеложных конструкций монгольских язы-

ков. Так, бур. *гэртээ, гэр соо и гэр дотор* различаются тем, что в *гэр соо* по сравнению с *гэртээ* больше акцентируется оттенок "внутри чего-то", а *гэр дотор* имеет книжный оттенок. Падежные формы и послеложные конструкции различаются между собой весьма тонкими смысловыми оттенками. Так, в предложении, например, калм. *Орн деер сууна* "Сидит на кровати" послелог указывает, что один предмет находится на поверхности другого. А в предложении калм. *Орн деернь – зург* "Над кроватью – картина" послелог указывает на то, что один предмет находится над другим на некотором расстоянии. Если же будет предложение: калм. *Орн деегүрнь дегтр, газет овалһата* "На кровати его множество книг и газет навалено", то послелог *деегүрнь* сигнализирует о том, что одни предметы во множестве находятся на (по) всей поверхности другого предмета. Такого же порядка смысловые оттенки можно обнаружить и в антонимичных им послелогах калм. *дор, дорнь, дораһур* со значением "под".

Следует отметить, что сопоставление падежных форм и послеложных конструкций в монгольских языках позволяет обнаружить в первых значительно больше пространственных значений, чем указывается в грамматиках. Анализ текстов показывает, что многообразию значений в монгольских языках соответствуют также разнообразные значения, передаваемые формами косвенных падежей – винительного, направительного и соединительного. Однако монгольская система падежей с пространственным значением оказалась недостаточной для выражения более детальных обстоятельственных отношений. В этом случае возникла необходимость в использовании дополнительных языковых средств – послеложных конструкций. Характерной особенностью монгольских языков является то, что для выражения пространственных и временных отношений используются только: а) основа имени с послелогом и б) родительный падеж с послелогом.

б) Временные значения падежно-послеложных конструкций

В монгольских языках они подчиняются общим закономерностям. Временные отношения выражаются падежными формами, послеложными конструкциями, отглагольно-именными оборотами, причастными, деепричастными формами и лексическими средствами. Временные отношения могут иметь различные нюансы и оттенки, среди которых можно выделить следующие: а) начало действия, б) конец его совершения, в) продолжительность во времени, г) приблизительность или неопределенность времени совершения действия, д) последовательность события во времени, е) одновременность совершения действия, ж) повторяемость событий.

Послелоги с временным значением реализуют эти значения в тесной взаимосвязи с определенными существительными и причастиями, которые имеют склонение. Семантика существительных, участвующих в образовании послеложных конструкций с временным значением, разнообразна.

*Падежно-последложные формы
в значении момента или срока чего-нибудь*

При указании на момент времени, который соответствует промежутку между концом и началом какого-либо отрезка времени, в калмыцком языке используется орудный падеж, например: *Гал цаһан өдрэр тонулла харһен көвүн адрж түнүр һарэдэд одв* “Мальчишка, взбешенный грабежом среди белого дня, кинулся на него”.

При указании на момент времени, который наступает вслед за чем-либо, по окончанию чего-либо, позже кого (чего)-либо, монгольские языки используют причастие прошедшего времени в родительном падеже + послелог калм. *хөөн, дару*, монг. *дараа*, бур. *һүүлээр* и причастие в исходном падеже + послелог *хойшо*. Примеры: монг. *Хурлын дараа*, калм. *Бюроһин хөөн*, бур. *Бюрогой һүүлээр* “После бюро”; калм. *Мини дару түрүн болж үзхэр бэәсн ахнь билэ* “Ведь после меня, которого он хотел видеть, был брат”; бур. *Июлийн тэнгэнээ хойшо бороо хура огто ороногуй* “После середины июля совершенно не бывает дождя”; бур. *Амаралтын һүүлээр һургуулидаа ерэг* “Пусть придет в школу после выходного”.

Рассматриваемое значение в калмыцком языке передается аффиксом дательного-местного падежа, например: *Эн өдрмүдт амрхан меддмн биш*, в монгольском и бурятском языках – послелогом *үед (үедэ)* в форме дательного-местного падежа, например: *Тэр үед бяцхан хотдоо эцхийг мэдэхгүй* “В эти дни не знает покоя”, бур. *Тиһхэ үедэ Алайрай зон хадын хүнүндые “обошон” гэжэ нэрлээ юм* “В то время аларцы называли горных людей “обоошонами”. Возможна передача этого значения именем в последложной функции в форме орудного падежа, например, монг. *Маргааш нь үдийн үесээр машин хотоос ирсэн* и послелогом *багта*, например, бур. *Обед багта городһоо гүйлгэжэ ерэбэ* “В обед из города примчалась машина”.

При обозначении срока, в продолжении которого совершается действие, монгольские языки используют основу, например, калм. *Эн асхн ирсн уга*; бур. *Энэ һүни бусажа ерэбэгүй*, монг. *Энэ үдэш гарч явсан* “В эту ночь не вернулся”. В калмыцком языке возможна передача этого значения аффиксом соединительного падежа, например: *Тер агчмла лодк дор булхв*, а в бурятском – послелогом *соо*, например: *Тэрээхэн миг соо доогуур шорд орошобо* “В тот миг под лодку понтона юркнул”; бур. *Дүүрэн шулуу хээтэй чемоданаа хоер час соо город соогуур мори тэрэгээр абажа ябаа* “В течение двух часов он возил по городу на конной телеге свой чемодан, наполненный камнями”.

Кроме падежных аффиксов и послелогов монгольские языки используют форму деепричастия предела, например, калм. *Цэ уужэ бэәтл классд юн болсна тускар номһнар сурв*, форму причастия будущего времени

в дательном-местном падеже с возвратным притяжением в монгольском языке: *Цай уухдаа ах дуу хоер эвтэй сайхан ярилцаж, ангид болсон явдлын тухай асууна*. В бурятском языке используется послелог *зуураа* с причастием будущего времени + притяжательная частица, например: *Сайлажа нууха зуураа класстань юун болохоной тухай даруугаар нурана*. Возможно употребление в этом языке причастия будущего времени в дательном-местном падеже с возвратным притяжением, например: *Сайлажа нуухадаа* “Во время чаепития спокойно расспрашивает о происшедшем в классе”.

*Формы и конструкции со значением
временного предела и промежутка*

В монгольских языках используется именительный падеж с послелогом, например, калм. *күртл*, монг. *хүртэл*, бур. *хүрэтэр*. Примеры: калм. *Сүүлин минут күртлэн бийэн сээнэр бэрв*, бур. *нүлшингээ минута хүрэтэр бэээ найнаар баряа* “До последней минуты держалась хорошо”.

Калмыцкий и бурятский языки используют также форму деепричастия предела, например, бур. *Үүр сайтар тэрэ нюдээ анибагүй* “До самого рассвета он не сомкнул глаз”; калм. *Хургэ эклтл хойр цаг үлдв* “До начала собрания осталось два часа”.

В значении “раньше чего-нибудь” в бурятском языке употребляется послелог *урид* с причастием будущего времени в исходном падеже, например: *үглөө бүри эртэлэн, наранай гарахаһаа урид...* “Каждое утро еще до восхода солнца”.

При обозначении времени, отделяющего одно событие от другого, монгольские языки используют деепричастную форму предела, например, калм. *Дакад харһтл мөнд йовтн*, бур. *Дахин уулзатараа баяртай*, монг. *Дахин уулзаглаа баяртай* “До новой встречи”.

*Формы и конструкции со значением
временного отрезка*

При указании на промежуток времени, в течение которого что-либо совершается, происходит, монгольские языки используют родительный падеж с послелогом калм. *дотр*, *турушарт*, монг. *дотор*, *туруш*, бур. *соо*, *турушада* в форме дательного-местного падежа, основу имени с послелогом *соогоо* или родительный падеж с послелогом *турушаа соо*. Примеры: калм. *Нег сарин дотр олн юмн кегдсн* “За месяц было так много сделано”, калм. *Эн жшлин турушарт олн юмыг үзв*, монг. *Энэ нэгэн жилийн дотор олон үзсэн нь юмаа*, бур. *Энэ жэл соогоо хараа даа* “Много видел за этот год”; бур. *Оройдоол нэгэ часай туруша соо тэрэ элдэб муухай, ханаандаа ороогуй*

зуудэ узээд орхоо нэн “За какой-то час он умудрился перевидеть множество кошмарных снов”.

В последнем примере временное значение передается послелогом *туриша соо*. Этот составной послелог управляет родительным падежом, ср. бур. *хэдэн үдэрэй туриша соо* “за несколько дней”.

Кроме послелогов монгольские языки используют аффикс дательного-местного падежа: калм. *Эн цагин эргүд кениг эс үзв*, монг. *Энэ хугацаанд байгаагүй хэн байх билээ*, бур. *Энэ сагтаа хэниие хараагүйб даа* “Кого только не видели за это время”.

Для передачи значения “свыше какого-нибудь временного предела” калмыцкий и бурятский языки используют причастие прошедшего времени с послелогом: калм. *хөөн*, например: *Сөөгин өрэл давсна хөөн унтцхав*, бур. *хойно*, например, *Һүниин тэн холо үнгэрһэн хойно унтаба*, монг. *хойш*, управляющим исходным падежом: *Шөнө дундаас хойш зүүрмэглэв* “Уснул далеко за полночь”. В бурятском языке возможна форма исходного падежа: *Хахад хүниһөө үнгэрөө* “Уже за полночь”.

При указании на промежуток времени до какого-то предела бурятский язык использует основу имени с послелогом *урид*, например: *Поездын ябаханаа нэгэ час урид ерэхэ* “Придет за час до отхода поезда”. Калмыцкий и монгольский языки используют родительный падеж с послелогом калм. *омн*, монг. *өмнө*, например, калм. *Байрын хойр хонгин өмн эгч ирв*, монг. *Баяраас хоер хоногийн өмнө манай эгч ирэв* “За два дня до праздника приехала моя сестра”.

Формы и конструкции со значением отрезка времени

При обозначении отрезка времени, который целиком заполняется действием, в калмыцком языке употребляется форма условного деепричастия с временным значением, например: *Асхн болхла йовжэ одчкад, сө хэрү ирдмн*, в бурятском – наречие в застывшей форме дательного-местного падежа: *Үдэшэндөө гаража ошоод, хүни ердээг байгаа*, в монгольском – основа имени: *үдэш гадагш гарч, шоно орой харьж ирдээг байжээ* “Вечером выходил на улицу и ночью поздно домой возвращался”. В калмыцком языке возможна передача этого значения аффиксом дательного-местного падежа: *Тер суткдан арвн нэгмн часдан көдлми кеһад сууна* “Он просиживал по восемнадцать часов в сутки”. Кроме того, в калмыцком языке возможна передача и аффиксом орудного падежа, например: *өрүһәр, хонхнас өмн*, в монгольском – аффиксом исторического транзитива: *өглөөгүүр сувиллын газар хонх дуугархаас өмнө*, бурятский язык использует послелог *бүри*, например, *үглөө бури, хонхын ханхинахааа минута урид* “По утрам, за минуту до звонка”.

При указании на время, являющееся начальным, исходным моментом в развитии, распространении какого-либо действия, состояния, в монгольских языках употребляется три вида средств выражения: а) в калмыцком языке используется отглагольно-именной оборот *имя в исходном падеже + авн*, например, типа *эн цаһас авн* “с этого времени”: *Эн одрәс авн дегтр бичлһн түргәр йовб*, б) в бурятском – деепричастный оборот *үглөөһөө эхилээд* “с утра”, в) в монгольском, как и в бурятском, – исходный падеж с послелогом *хойшо*, например, монг. *Энэ өдрөөс хойш уран зохиолын ажил нь урагшаа давшсан* “С этого дня литературные дела двинулись вперед” и монг. *Тэр өдрөөсоо хойш ажил байдал улмаар доройтож* “С этого дня жизнь шла под уклон”; бур. *Энэ хүнийһөө хойшо гэр соо байха аргагүй болоһон* “С этой ночи в доме стало плохо”.

Они могут выражаться конструкцией *знаменательное слово + послелог*. При указании на приблизительный момент времени монгольские языки используют разные послелог: калмыцкий язык – служебное имя *алднд* в форме дательного-местного падежа, а бурятский – форму родительного падежа + послелог *тэн багта*. Примеры: калм. *Үдин алднд кодлмш генткн зогсгдв*, бур. *Үдэрэй тэн багта хүдэлмэри гэнтэ таһалдаба* “Около полудня работа была прервана”.

Указание на приблизительное время “почти” передается различными послелогам, например, в бурятском языке употребляется послелог *тухай*: *Улаан-үдэдэ нэгэ һара тухай байха* “Прожить в Улан-Удэ с месяц”, в монгольском – послелог *хиртэй*: *Би Улаан-үдэд нэг сар хиртэй сууж байна* “Я живу в Улан-Удэ около одного месяца”, в калмыцком – послелог *шаху*: *Би Улан-Удэд нег сар шаху бээжэһэв* “Я живу в Улан-Удэ более месяца”.

В калмыцком языке отглагольно-именной оборот (основа в форме исходного падежа), в бурятском – послеложный оборот (основа с причастием будущего времени и с послелогом) используются при обозначении ряда последовательных промежутков времени и чередующихся явлений, по мере наступления которых развивается какое-либо действие или наступает какое-либо состояние. Примеры: калм. *Ова өдр ирвәс модн таһрад йовна* “Насыпь с каждым днем углублялась”; калм. *Түрүн өдр ирвәс тер жолоһан һартан авв*, монг. *Өдөр ирэх бүр түүний эрх мэдэл их болов*, бур. *Үдэр ерэхэ бүри тэрэ боожоео шангаах гартаа бажууна* “С первых дней он взял вожжи в свои руки”.

*Формы и конструкции со значением срока,
промежутка времени*

При указании на срок, промежуток времени, по истечении которого происходит действие, совершается что-либо, монгольские языки употребляют сочетание имени с формой разделительного деепричастия глагола болох “наступать” (о времени), например, калм. *Арвн минут балад нег чигн күн көдлсн уга* “Через десять минут никто не работал”; монг. *Тав минут болоод хурал эхэлнэ* “Через пять минут начнется собрание”; бур. *Час болоод байхда эм уудаг байха* “Принимать лекарство через час”.

Возможно употребление причастия с послелогом калм. *хөөн*, который служит для большего уточнения отношения [Сорокина, с. 76]. Послелог *хөөн* управляет исходным падежом причастия, например, калм. *Нег өдр хонсна хөөн поездмуд үзг болһнур авч одв* “Через день поезд увозил их в разные стороны”, монг. *Гурав хонсон хойно хотод ороод ирлээ*, бур. *Гурба хоноһон хойно городто оробо* “Вошли в город через три дня”.

Родительный падеж с послелогом калм. *дару*, бур. *удаа* в значении времени. Примеры: калм. *Терүнэ дару көлиннь эмн тасрв*, бур. *Энэнь хүшэр байгаа, тээд тэрээнэй удаа хүлнүүдни намдаа урбажа* “Но вслед за этим отказали ноги”.

*Формы и конструкции со значением
"за некоторое время до чего-нибудь"*

При выражении времени, события, явления, раньше которого что-нибудь совершается, в монгольских языках используется родительный падеж с послелогом калм. *өмн*, монг. *өмнө*.

Кальмыцкий родительный падеж с послелогом *өмнэс* в форме исходного падежа и монгольская основа имени с послелогом *тийшээ*, например, калм. *Чеейинь таслад шатажах өвдкүрин өмнэс ишкэд унв* “Шагнул навстречу жгучей боли”; калм. *Үклин өмнэс дэврв*, монг. *Дайсан тийшээ давхин ормогц* “Бросился навстречу смерти”; калм. *Хурм кехин өмн балһснд тагчг*, монг. *Эр эм болох нь өмнө гэж байсан хурандаа хотын амгалан* “Не желал нарушать спокойствие в городе перед свадьбой”. В бурятском языке при передаче этого значения используется послелог *урда* “перед” синонимичный послелогам калм. *өмн*, монг. *өмнө*, например, бур. *Ябахынгаа урда эндэ тэдэнэй ажал хүдэлмэри ойлголсожо* “А перед отъездом они договорились”.

О М. Ковалевский в своем словаре дает *урид* как наречие и как послелог и считает, что *урда* и *урид* – это два разных слова, а не орфографические варианты одного и того же. Шагджи в своем орфографическом словаре *урид* приравнивает к *өмн* “перед”, “юг”. Г.Д. Санжеев отмечает: “Различие между

урид (послелог), *урида* (наречие) и *уриду* (атрибутивное имя) появилось, по всей вероятности, в тот период развития монгольских языков, когда внутренняя огласовка (флексия типа германского чередования гласных) имела определенную семантическую значимость..., когда агглютинация оттесняет собою первоначальную внутреннюю флексию, в связи с усилением роли и синтаксической значимости падежей смысловое различие между описываемыми образованиями начало в известной степени стираться, что сопровождалось ослаблением значения огласовки. Поэтому во многих диалектах фонетическое различие между перечисленными образованиями также начало стираться до полной утраты конечных гласных (халх. *урьд*)” [Санжеев 1953, с. 229]. Необходимо заметить, что в калмыцком языке *урд* “раньше” встречается как наречие, но ни в коей мере как послелог.

Формы и конструкции, выражающие временные отношения, совпадающие со временем главного действия

В калмыцком языке это значение передается причастием будущего времени в форме дательного-местного падежа, например: *Күүкнә ик ах Совет бәәхд толһалжәжә* “Старший брат при Советах возглавлял”. В бурятском и монгольском языках для выражения данного значения употребляется имя *үе* со значением “время”, “период” в дательном-местном падеже, например, бур. *Совет засагай үедэ* “При власти советов”; монг. *Хамжилгат есны үед амьдрах* “Жить при крепостном праве”.

Обзор падежных форм и послеложных конструкций показывает, что при общей функции выражения временных отношений они по семантическим оттенкам объединяются в несколько групп:

1. Отрезок времени, в течение которого совершается какое-либо действие. Это значение прежде всего выражается дательном-местно-временным падежом, например, калм. *Эн өдрүдт* “в эти дни”, *1832 жилд* “в 1832 году”. Наречия времени в дательном-местном падеже с безличным притяжением обозначают повторяющееся время, например, калм. *асхнд* “по вечерам”, *өрүнд* “по утрам”. Этот оттенок может передаваться отглагольно-именным сочетанием, например, калм. *өдр болһн*, и послеложным сочетанием, например, бур. *үглөө бүхэндэ*, монг. *үглөө бүри* “каждое утро”.

Кроме того, оно выражается послелогам *калм. хөөн, туршарт*, бур. *туршада, соо, турша соо*, монг. *дотор, зуураа*, например, калм. *өвлин туршарт* “в течение зимы”; бур. *хоер час соо* “за два часа”; монг. *хоюулаа зуураа* “в то время, когда они остались вдвоем”; бур. *тэрээхэн агшам соо* “в тот миг”. Между собой они имеют некоторые семантико-стилистические отличия. Например, монг. *зуураа*, сочетающийся с причастием будущего времени, означает “в то время, когда”, то есть употребляется для обозначения

временного промежутка, во время которого происходит другое действие. Некоторые из послелогов чаще употребляются в одних и реже в других языках. Например, послелог *догтр* встречается в калмыцком, *дотор* в монгольском языках, а *соо* – в бурятском. Одни имеют книжный, а другие – разговорный оттенок.

Если падежная форма указывает на то, что действие занимает только какую-то часть или момент этого периода, например, калм. *1920 жшлд харсн* “родился в 1920 году”, то послеложные конструкции обозначают весь промежуток времени, например, калм. *жшилн туршарт кэдлв* “Проработал весь год”. К этому же значению примыкают формы и конструкции со значением приблизительности во времени. В этом значении употребляется орудный падеж, например, бур. *Убһэндэ оролгоноор* “примерно в то время, как начнут приступать к сенокосу”, монг. *үдийн үесээр* “примерно в обед”. Значение приблизительности более четко выражается посредством послелогов калм. *шаху*, монг. *шахуу*, бур. *тээшэ, тухайда, багаар, багта*, например, калм. *сар шаху*, монг. *сар шахуу*, бур. *һара тухай* “около месяца”; бур. *гурбан хоног тухайда* “примерно в течение трех суток”, бур. *нара тонгойхо тээшэ* “к закату солнца”.

2. Время, начиная с которого или после которого совершается действие. Это значение выражается прежде всего исходным падежом, например, калм. *хойр цагас* “с двух часов”, бур. *недондоһоо* “с прошлого года”. С оттенком протяженности во времени оно выражается в бурятском языке сочетанием исходного падежа с послелогом *хойшо* или *сааша*, например, бур. *үглөөһөө хойшо ороно* “с утра льет”; бур. *багаһаа хойшо* “с детства”; бур. *эндэһээ сааша* “с этих пор”. В калмыцком языке это значение передается отглагольно-именным оборотом, например, *өрүнэс авн хур оржана* “с утра льет дождь”, *бичкн цагас авн* “с детства”, *эн цагас авн* “с этого времени”. Такое же послеложное сочетание встречается и в бурятском языке, где деепричастие *абан* (от глагола *абаха* “брать”) в значении послелогога употребляется с исходным падежом числительного или словосочетания с ним, а также с причастием будущего времени – со значением “почти что”, например: *Ошоһоор һараһаа абан боложо байна* “Уже прошел месяц, как он уехал”; *Үүр сайхаһаа абан унтаа* “Он заснул почти на рассвете”.

Послелогои бур. *һүүлдэ, һүүлээр*, калм. *чилгчд, чилгчэр* в данном значении сочетаются также с родительным падежом, например, бур. *суглаанай һүүлээр*, калм. *хургин чилгчэр* “после собрания”, бур. *суглаанай һүүлдэ*, калм. *хургин чилгчд* “в конце собрания”. Разница между этими падежно-послеложными конструкциями заключается в том, что во втором случае обозначается время, после которого совершается действие, а в первом – начальный предел действия. Значение “после того как, затем” может выражаться сочетанием послелогога калм. *хоон*, бур. *хойно* с причастием прошедшего вре-

мени, например, калм. *одсн хоон*; бур. *ошоһон хойнонь* “после того как он ушел”. Здесь имеется в виду, что другое действие произошло сразу же после данного, например, калм. *одсн хөөнэснь ирв*, бур. *ошоһон хойнонь ерээ* “пришел после того, как он ушел”. Когда же подразумевается значение “после чего-нибудь” с оттенком более длительной отдаленности во времени, послелого бур. *һүүлээр* и *удаа* употребляются с причастием прошедшего времени в родительном падеже, например, *ошоһоной һүүлээр*, *ошоһоной удаа* “после того, как он ушел”.

3. Время, до наступления которого совершается какое-нибудь действие. В этом значении употребляется форма исходного падежа имени существительного или причастия будущего времени с послелогоми: калм. *өмн*, бур. *урда тээ*, *урьд*. Примеры: калм. *самолет нисхэс негн час өмн*, бур. *самоледой ниидэхэнээ нэгэ час урид* “за час до отлета самолета”; калм. *хургин өмн*, бур. *суглаанай урда тээ* “до собрания”. Причастие оформляется притяжением, например, калм. *хот идхиннь өмн*, бур. *эдеэлхынгээ урда* “перед едой”. Как видно, с данными послелогоми употребляется причастие будущего времени или имя существительное в исходном и родительном падежах. Разница между ними в том, что при исходно-временном падеже более ощущается оттенок необходимости чего-то до какого-то события, явления, например, калм. *хургин өмн бичх*, бур. *суглаанһаа урда бэшэхэ* “написать до собрания”.

В рассматриваемом значении употребителен послелог в калмыцком *омн* и монгольском *омно*, в бурятском языке – *урда*, *урид*, *урда тээ*. Встречающийся в бурятском литературном языке послелог *үмэнэ* имеет книжный оттенок, например, *арбаад гаран хэлэй үмэнэ* “более десяти лет тому назад”.

Во всех трех языках часто используется в указанном значении деепричастие предела, а также послелог калм. *күртл*, монг. *хүртэл*, бур. *хүрэтэр* в форме данного деепричастия, например, калм. *һурвн часла поезд иртл* “к трехчасовому поезду”, *сүүлин минут күртл* “до последней минуты”, бур. *хурал эхилтэр* “до начала конференции”.

4. В одно время с чем-то, в момент или сразу после какого-то действия. В этом значении употребляются послелогои: калм. *хамдан*, *эдл*, *цацу*, бур. *хамта*, *сасуу* в сочетании с причастием будущего времени в совместном падеже, например, калм. *һархтнь хамдан*, бур. *гарахатайнь хамта*, *гарахатайнь сасуу*, *гарахатайнь адли* “как только он вышел”. Послелогои калм. *цацу*, бур. *сасуу* в разговорном языке сочетаются также со слитным деепричастием, например: *Кельнь цацу*, *хэлэн сасуу* “Как только он сказал”. В разговорном языке употребительна словоформа калм. *тенд*, бур. *тэндэ* в послеложной функции, например, калм. *һархнь тенд*, бур. *гарахынь тэндэ* “как только хотел он выйти”.

В разговорном языке употребляется наречие в сочетании с основной имени причастия будущего времени, например, бур. *хэлэхэ муртөө* “сказав”. Такое же значение приобретает послелог калм. *дор*, бур. *доро* с безличным притяжением в сочетании с указательным местоимением третьего лица, например, калм. *тер дор*, бур. *тэрэ доро* “тотчас же”.

Полное совпадение во времени каких-нибудь явлений или событий выражается посредством послелогов калм. *деер*, дунд, бур. *дээрэ*, *дунда*, а также имен существительных с временным значением в дательном-местном падеже, причастной формой в этом же падеже, например, калм. *зөвчлхин деер*, бур. *хэлсэн дээрэ* “на обсуждении”, *гүйдэл дунда* “во время бега”, *хааны засгийн үед* “при царской власти”, *уулзаха хирэдэ* “во время встречи”, калм. *намаг бээхд*, бур. *миний байхада* “при мне”. Описанный здесь оттенок значения близок к указанному в пункте один.

5. Через какой-то промежуток времени. Данное значение выражается посредством послелога калм. *хоон*, монг., бур. *хойно*, а также формой разделительного деепричастия глагола калм. *болх*, бур. *болохо* и формой предельного деепричастия, например, калм. *нег хонсна хөөн*, бур. *нэгэ хоноһон* “через день”, калм. *минут болад*, бур. *минута болоод* “через минуту”, бур. *час болоод байхада* “через час”, бур. *гурба хонож байтал* “через трое суток”.

Как видно, в калмыцком языке послелог *хөөн* управляет родительным падежом причастия прошедшего времени, в бурятском языке – его основой. Глагол бур. *болоод* употребляется с именами счета, причем после него возможно употребление вспомогательного глагола *бай*.

Временные пределы действия в монгольских языках выражаются исходным падежом, а также конструкциями: основа имени + деепричастие предела, основа имени + калм. *болсн хөөн*, родительный падеж имени + бур. *һүүлээр*, например, калм. *асхнас*, бур. *үдэшэнһөө* “с вечера”, калм. *өрцээтл*, бур. *үүр сайтар* “до рассвета”, калм. *час болсн хөөн*, бур. *час болоһон хойно*, бур. *часай һүүлээр* “после часа”.

Ограничение временных возможностей обозначается конструкциями: основа имени + послелог, например, калм. *өрүн куртл* или *өрүн тал* “к утру”, наречие или основа имени + послелог, например, бур. *үглөөгүүр тээшэ* “к утру”.

При указании на предельный срок совершения действия употребляются конструкции: дательном-местный падеж + частица притяжения, например, калм. *сөөдэн*, бур. *һүниндөө* “за ночь”; или основа имени + деепричастие, например, калм. *жыл болад*, бур. *жэл болоод* “через год”.

Другие временные оттенки обозначаются конструкциями: родительный падеж + калм. *хоорнд*, бур. *хоорондо*, родительный падеж + калм. *өмн*, бур. *урда*, *урьд*, *һүүлээр*, например, калм. *хойр һурвн часин хоорнд*, бур. *хоер гурбан часай хоорондо* “между двумя и тремя часами”; калм. *үдин өмн*, бур. *удын урда* “до полудня”.

**в) Целевые, причинные и иные значения
надежно-последовательных конструкций**

Указание на цель в монгольских языках передается формой дательного падежа, например, калм. *Би уснд одлав*, монг. *Би усанд явсан*, бур. *Би уһанда ошооб* “Я пошел за водой”. Цель может передаваться и орудным падежом, например, калм. *Кергар ирв*, бур. *Хэрэгээр ерээ*, монг. *Хэрэгээр иржээ* “Приехал по делам”.

В “Грамматике калмыцкого языка” указывается, что причастие будущего времени в орудном падеже употребляется со значением цели, например, калм. *Сурһуль сурхар ирлэ*, монг. *Сургууль сурахаар иржээ* “Приехал, чтобы учиться”; калм. *Тедн аңгучихар һарв* “Они пошли, чтобы охотиться”; калм. *Зураһан күцәһәр – зүткнә* “Сражались, чтобы выполнить план” [Грамматика калмыцкого языка, с.125]. Однако в той же грамматике эта форма с целевым значением, с нашей точки зрения, неправомерно указана под рубрикой “дательного-местного падежа”, где приведены такие примеры: *Эн гериг элдврт өгхәр адһжәцхала* “Спешили, чтобы сдать дом в эксплуатацию”; *Тедн хурт орицхар ирлэ* “Они прибыли, чтобы присутствовать на собрании” [Грамматика калмыцкого языка, с. 121]. Здесь причастие будущего времени, конечно, составляет тесное единство с управляемым им дательным-местным падежом имени существительного. Однако такое целевое значение присуще причастию будущего времени. Конструкция *хурт орицхар* не отличается по существу от конструкции *сурһуль сурхар*, приведенной с орудным падежом. Отличие лишь в том, что в одном случае имеем оформленный, а в другом – неформальный дательный-местный падеж. В других монгольских языках причастие будущего времени также встречается в значении цели, например, бур. *Тэдэнэр эб найрамдалай түлөө тэмсэлдэ оролсохоор бэеэ зэһэнхэй* “Они полны решимости участвовать в борьбе за мир”.

При обозначении лица, предмета, в пользу которого что-либо делается, которому что-либо предназначается, калмыцкий язык использует аффикс дательного-местного падежа, возможно его употребление и в бурятском языке, например, калм. *Тиим дивизд хааһ һарһж өгтн гижэ закврмуд терүндн келдәжәнә*, бур. *Тэрэ бүхэндэн тиимэ дивизидэ зам сүлөөжгты гэһэн приказууд* “В них приказывалось освободить путь для какой-то дивизии”.

Характерная особенность монгольских языков заключается в том, что, вступая в грамматическое отношение с другими словами, местоимение не меняет свою форму, не принимает аффиксов. Ср. калм. *Хамгин үнтә юмн – ноолда кедг эв-арһан геечкн хөөн, ю хәәж амд бәәхв?* “Для чего жить, когда он потерял самое дорогое – способность бороться?”. Возможна передача местоимением, где оно стоит в родительном падеже, например, калм. *Юуна төлә амдт бәәхв?* “Для чего жить?”

При обозначении лица, предмета, обстоятельства, по отношению к которым имеет силу, значение то или иное состояние, качество, монгольские языки пользуются послелогом, например, калм. *төлә: Тадниг цугтаһинтнь терүнә төлә һарһэж хайгдх болв чигн, эн йовхмн* “Он поедет, хотя нам для этого вас всех выкидывать придется”. В отдельных случаях возможно употребление в калмыцком и бурятском языках дееспричастного сочетания, например, калм. *Түрүн болж партәс доңг сурж билә, бур. Партиһаа анха түрүүшынхәэ туһаламжа эрижә хандаһан байгаа* “Впервые он обратился за помощью к партии”.

При указании лица, предмета, которые нужно забрать, достать, монгольские языки используют форму будущего времени причастия, например, калм. *Нег дәкж Лисицын Федотов тал пошт авхар ирв, бур. Нэгэтә Федотовһоо почто абахая Лисицын оробо* “Как-то зашел Лисицын к Федотову за почтой”.

Из падежных форм в монгольских языках значение причины присуще прежде всего исходному падежу, например, калм. *халунас үрх* “испортиться из-за жары”.

В калмыцком языке исходный падеж с причинным значением обычно сопровождается послелогом *көлтә* (“из-за, благодаря, по причине”), например: *Тәмкәс көлтә толһам өвдв* “От курения заболела голова”. Значение причины имеет также дательный падеж, например, калм. *белгт ханх* “быть довольным подарком”.

В послеложных конструкциях, выражающих причинные отношения, участвуют послелогии. В калмыцком языке – *деерәс, төлә*, а в бурятском – *дээрээһээ, тула, тулада, тулоо*, например, калм. *му хувцсна төлә* “из-за плохой одежды”, бур. *добтолһоной түлөө* “из-за нападения”.

При указании на причину или виновника какого-либо действия калмыцкий язык использует исходный падеж с послелогом *көлтә*, монгольский – родительный падеж с послелогом *уршгаар*, а в бурятском языке для передачи этого значения употребляется исходный падеж со вспомогательным глаголом *боложо*. Примеры: калм. *Тер үмәр эригчәсн көлтә цуг геринь көлврүлж идә-буда кәжә*; монг. *Чиний тэр цоохор чөтгөрийн уршгаар орон савыг нэгжиж урвуулаж сүйтгэлээ*, бур. *Тэрэ даһюу шүдхэрһөө боложо, урбуулжа* “Из-за него, черта корявого, весь дом перевернули”. Кроме падежных аффиксов и послелогов в монгольских языках в этом значении употребляется вспомогательный глагол, например, калм. *Түрүн болж һуйдан шав авад*, монг. *Анх удаа гуяа буудуулж хүнд шархадсан* “Первый раз из-за ранения в бедро”.

Причинное значение в монгольских языках выражается исходным падежом, например, калм. *Эн тоотас мини маһмуд киһтрәд одв* “Меня от всего этого бросило в мороз”; калм. *Чирәнһ цоклһнас харлж оч* “Лицо было

черно от побоев”. В следующем примере употребляется послелог *көлтэ*, который управляет исходным падежом: калм. *Климк гүүлһнэс көлтэ эмсхлэд бээнэ* “Он запыхался от бега”.

При сравнении предметов в монгольских языках используются конструкции: основа имени + калм. *шиг*, бур. *шэнээн*, основа имени + монг. *шаху*, основа имени + монг. *мэт*, бур. *шэнги*, например, калм. *уул шиг*, бур. *хадын шэнээн* “величиной с гору”.

При выражении совместности, соучастия, а также при обозначении сопутствующего субъекта в монгольских языках используются такие конструкции: *основа имени + совместный падеж* или *основа имени + причастие прошедшего времени + имя существительное*, например, калм. *өвгн эмгтәһән*, бур. *үбгэн хүгшэнтээ* “старик со старухой; калм. *дегтр бәрсн күнкн*, бур. *ном бариһан басаган* “девушка с книгами”.

При указании на предмет или лицо, участвующее в совместном действии или сопровождающее другое лицо или предмет, в монгольских языках употребляется совместный падеж, а в калмыцком, помимо совместного падежа, используется еще и соединительный, например, калм. *Командирмүдтә переезд тал одв* “С командирами пошел к переезду”; калм. *Фросяла үүрмүд*, бур. *Фроситой тэдэнэр хани нүхэд*, монг. *Фроситой эгч дүү мэт сайн* “С Фросей они друзья”.

Комитативные отношения могут также выражаться посредством послелогов калм. *хамдан*, монг. *хамт* и бур. *сугтаа*, которые могут употребляться при указании на содержание чего-либо, наличие которого характеризует содержащий предмет, например, калм. *Бичглә хамдан мөңг илгәж*, монг. *Захиатай хамт мөнгө явуулсан*, бур. *Бэшигтэй сугтаа мүнгэ ябуулаа* “Вместе с письмом выслал деньги”.

При указании на объект речи, чувства и мысли (так называемый делиберативный объект) в монгольских языках используется конструкция *основа имени (причастие) + послелого* калм. *тускар*, бур. *тухай*, например, калм. *Йовдлын тускар келх*, бур. *Ябаһан тухайгаа хөөрэхэ* “Рассказать о поездке”.

Послелог *тухай* “насчет, о”, встречающийся в современном монгольском и бурятском языках, управляет родительным падежом. В калмыцком же языке этот послелог в форме *туск* (винительный падеж), а чаще *тускар* в застывшей орудной форме также управляет родительным падежом. Г.Д. Санжеев в “Сравнительной грамматике” [1953, с.217] замечает, что в классическом языке этот ойратский послелог *тус* со значением “о, насчет” употреблялся лишь в ранний период, например, *нам-ун тус* “о законе, о священной книге”. Уместно отметить, что послелог *тус* употребляется в калмыцком языке в пространственном значении, например, *герин тус* “напротив дома”.

Приведем текстовые иллюстрации: калм. *Дарань кәдлмшин тускар күүндүхэв*, монг. *Тэр доор ажил тухай хэлэлцэв* “Тут же договорились о работе”; калм. *Федор йовхиннь өмн үлдэжэх үүрмүдлэһэн теднэ кәдлмшин тускар бооца күнндөр кезжэлэ*, бур. *Ябаханаа урид эндэ үлэһэн нүхэдтэйгөө тэдэнэй ажал хүдэлмэри тухай ойлголсожо байгаа* “Они договорились перед отъездом об их работе”.

Указание на лицо, на которое направлена речь, мысль, в калмыцком языке передается послелогом *тускар* в застывшей орудной форме, например, *Көвүнэ тускар зэңг уга*. Монгольский язык использует для этого послелог *тухай*, например, *Тэр хүүний тухай мэдээ байхгүй* “О нем ничего не слышно”.

При указании на лицо, предмет, о которых кто-нибудь заботится, беспокоится или наоборот, в монгольских языках используются послелогом калм. *тускар*, монг. *тухай*, бур. *тухайда*. Примеры: калм. *Тер дакад фронтин тускар ухалжана*, бур. *Тэрэ үшөө фронт тухайда бодоно* “Он думает о фронте”; калм. *Үүриннь тускар ухалдг цол уга болв*, бур. *Нүхэр тухайдаа бодохо забшые угы байба*, монг. *Нөхөрийн тухай бодох завгүй байсан* “Некогда было размышлять о товарище”.

Возможна передача указанного значения и аффиксом дательного падежа, например, калм. *Өдрин дуусн винтовкдан һундад бээв*, монг. *Тэр өдөр бууныхаа тухай гунихрана*; бур. *Бүхэли үдэртөө винтовкодо һанаалба* “Весь день грустил о винтовке”.

Послеложная конструкция указывает на предмет данной речи, мысли. В этой функции данному значению соответствует калмыцкий послелог *тускар*, например, калм. *Шиидврин тускар келв*. В бурятском языке в этих целях используется основа: *Тэрэ шиидхэбэрэз туһалагшадаа хөөрэжэ үгэбэ* “Рассказал о принятом решении”.

Указание на предмет мысли в калмыцком языке можно передать аналитической конструкцией: *основа в форме исходного падежа с притяжанием + глагольная форма*, например, калм. *Фидиниг кәдлмшәснь һарһтха гижэ рапорт өгө* “Начальник подал рапорт об увольнении”, или основа с причастием: *Школин совет нәэмдгч класс чләсн аттестат өгх шиидвр һарһжэ* “Школьный совет решил выдать восьмому классу аттестат об окончании”.

При обозначении предмета, лица, на которых сосредотачивается мысль или по поводу которых проявляется чувство, интерес, в монгольских языках используются те же послелогом *тускар* и *тухай*, например, калм. *Ик театрин күртл тедн төрүц күүндл уга, һанцхн юумна тускар ухалад одүхав* “До Большого театра они прошли почти не разговаривая, думая об одном”; калм. *Тер йөвдлин тускар күүндв*, монг. *Би тэр хэргийн тухай ярилцаж байлаа* “Я говорил с ним об одном”. В сочетании с именем существительным и глаголом послелогом выражают объектные отношения и употребляют-

ся при указании на процесс речи, мысли и объект. Главным словом в этой конструкции является глагол со значением речи или мысли. В этом значении употребляется в калмыцком языке послелог *тускар*, в монгольском и бурятском – *тухай*, например, калм. *Тер көвүнэ тускар күн дегтр бичхи*, монг. *Түүний тухай зохиол бичих хүн байхгүй*, бур. *Тезд тэрэ хүүбүүнэй тухай хэншье юумэ зохоноггүй* “Про него тут книжку никто не пишет”. В монгольских языках возможна передача этого значения лексическими средствами или сочетанием послелога калм. *туск*, *тускар*, бур., монг. *тухай* с причастными и отглагольными образованиями, например, монг. *өөрөө надад цөмийг хэлсэн*, калм. *Нанд тер йовдлин тускар цугтинь келж өгв* “Федор рассказал мне про случай”; калм. *Кемр дурна туск болхла, икэр соньмсжана*, монг. *Хэрэв залуучуудын янаглаж ханилах тухай бичсэн байвал их л сонирхдог*, бур. *Хэрбээ инаг дурлалай тухай байгаа хаань, би ехэ һонирхдогби* “Очень интересуюсь, ежели про любовь”.

г) Объектные и иные отношения надежно-послеложных конструкций

Послелоги, обозначавшие главным образом пространственные отношения, все более используются для обозначения более абстрактных, в частности, объектных, причинных и других отношений, например, калм. *Ах нь эн тускар медж болжана* “Насчет брата это узнать можно”.

При обозначении лица, предмета, о которых идет речь, утверждается что-нибудь, монгольские языки употребляют родительный падеж с послелогом, например, калм. *тускар*, монг., бур. *тухай*, возможно использование бур. *тухайда* в форме дательного-местного падежа, например, *Ходоровин тускар* “Насчет Ходорова это”; калм. *Би энүлэ идейн тускар күүндв*, монг. *Би үүнтэйгээ үзэл суртлын тухай ярилдаж суусан юм*; бур. *Би энэнтэй идея тухайда хөөрөлдөө хээб* “Я с ней разговор вел насчет идеи”.

При обозначении лица, действия, события, по отношению к которым что-то проявляется враждебно, вопреки, не в соответствии, калмыцкий язык употребляет родительный падеж с послелогом *омнэс* в форме исходного падежа, например: *Терчн йосна өмнэс буру гижэххи* “Она против власти ничего не имеет”.

Лексемы типа *эсэргүү*, *эсрэг* приобрели послеложное значение в словосочетаниях типа бур. *дайнда эсэргүү тэмсэхэ* “выступать против войны”; бур. *засагта эсэргүү* “против власти”. Значение “против” может передаваться посредством глаголов бур. *эсэргүүсэхэ*, *буруушааха*, *буруу гэхэ*, например, монг. *Засгийг буруушааж эсэргүүцэх явдал түүнд огт байхгүй*, бур. *Зүгээр засагыг буруушаахагүй байха* “Она против власти ничего не имеет”.

Приблизительность меры указывается в бурятском и калмыцком языках послелогом *шаху* (букв. “около, немного меньше). Примеры: калм. *Ар-*

вад шаху мөртэ улс, бур. Кряж дээгүүр арбаад шаху моритой хүн дабажа гараба “Около десятка конных перевалило через кряж”. В бурятском языке при передаче этого значения употребляется также разделительное числительное, например, бур. Табаяд колхознигүүд суглаанда ерээ “Явилось на собрание около пятидесяти колхозников”; бур. Баруун урдахн захын таһалга соо табадахн класста ороһон арбаад хүбүүд байрланхай “В комнате, находящейся в юго-западной части дома, живет около десятка мальчиков, поступивших в пятый класс”.

При обозначении образа действия монгольские языки употребляют основу с послелогом калм. дотран или глагольные формы. Примеры: калм. Нөр дотран Тоня экиннь келсин үг соңгсв, монг. үүрэглэн хэвтсэн Тоня эхин нь дуу соносогдсон “Сквозь дремоту Тоня услышала негромкий голос матери”; калм. Асхн бүрг болж йовсн цала көвүн оln күүнэ ду соңгсв “Сквозь сумрак раннего вечера мальчик услышал голоса многих людей”; монг. үдшийн бүрэнхий болж чимээ дуулдана “В вечерних сумерках слышится шум”.

При обозначении состояния калмыцкий и монгольский языки употребляют глагольные формы, например, калм. Күүкн һаза ууртан бүтэж кесгтэн зогсв, монг. Сэтгэл хямарснаас тэр өөрийгөө мэдэхгүй байв “Она стоит вне себя от негодования”.

При обозначении предмета, лица, явления, действия, которые находятся или происходят снаружи, за пределами чего-нибудь, калмыцкий язык использует отрицание биш, угаһар в орудной форме. В бурятском и монгольском языках используется основа имени с отрицанием. Примеры: калм. Наадксиннь өмнь гэмшгтэ биш, бур. Бэшэнэйнь амин аюлгүй, монг. Үлдэгсдийн амьдрал аюулгүй “Жизнь остальных вне опасности”; калм. Энүнд нег ур үг суржана, бур. Эндэ нэгэ нүхэр түрүүн үгэ эриһэн байна; монг. Нэг нөхөр ээлж үг хэлэхийг гуйв “Здесь слово попросил один товарищ”.

Сочетание причастия прошедшего времени и местоимения с притяжательной частицей в монгольских языках. Примеры: калм. Хот ууһад һар гисн бийнь, тер йовжэ одв, монг. Тэд нар үдийн хоол ид гэсээр байтал үл зөвшөөрөн даруй яаравчан оджээ “Несмотря на уговоры остаться, он ушел”; калм. Экән зов эс гисн бийнь тер подвалас һарв, бур. Эжсынгээ хориһоор байтар погребоһоо гараба “Несмотря на протесты матери, он выбрался из погреба”; калм. Бээсн күчән һарһад дэврн бийнь, хэру күчтэ цоклһн авч, уралан йовжэ чадад бээцхэв, бур. Зүгээр хэды хүсэ гаргабашье хатуу шанга контракаар угтуулаад, тэдэнэр саашаа ябажа шадабагүй “Но продвинуться дальше, несмотря на все усилия, не смогли”; калм. Тонян эк һучн зурһа күрсн наста баахн күүкнлэ эдл шулуун-дулуун, монг. Тонягийн ээж бол нэгэн томоотой янзын авгай богоод хэдий гучин зургаан настай, хүүхэн мэт, бур. Тониин эхэ гушан зургаан һаһатайшые һаа залуу солбоноор хүдэлдэг “Мать Тони, несмотря на свои тридцать шесть лет, двигалась, как молодая девушка”.

При обозначении подобия, сходства с кем-нибудь калмыцкий язык использует соединительный падеж или основу с послелогом *мет* и совместный падеж, монгольский – совместный падеж с послелогом *адил*, а бурятский – основу с послелогом *шэнги*. Примеры: калм. *Би бичкндэн чамла эдл билэв*, монг. *Би бол бага насандаа чамтай адил явсан юм* “Я в детстве был вроде тебя”; калм. *Барометр Дубавала эдл* “Барометр, вроде Дубавы”; калм. *Нилх күүкдин бээдлтэ бичкн көвүн болхар седнэ*, бур. *Жаахан хүбүүн болон нэгэ нялха шэнги үзэгдэхые* “Он хочет казаться невинным мальчиком вроде младенца”; калм. *Мана эзн девскр мет*, бур. *Манайшье эзэн хадаа мебель шэнги хүн юм*, монг. *Манай эзэн эд бараа шиг хүн дээ* “Хозяин у нас вроде мебели”.

При обозначении лица, предмета, за исключением которого (не считая которого) имеется что-нибудь, в калмыцком языке употребляется исходный падеж с послелогом *талдан* и *оңдан*. В данной конструкции эти послелоги теряют лексическое значение, выражающее отношение имени прилагательного к другим словам в предложении.

В бурятском языке для передачи этого значения употребляется исходный падеж с послелогом *гадна*, *ондоо*, а также отрицание *бэшэ*, в калмыцком языке – послелогом *талдан*, в монгольском – исходный падеж с послелогом *өөр*, *гадна*, возможна передача этого значения и отрицанием калм. *биш*. Примеры: бур. *Эжыһээнэ бэшэ хэншье эрхэлүүлдэг энхэрдэггүй һэн*, калм. *Экэснь талдан күн энкривд уга юмн*, монг. *Хүн болсоор эхээсээ өөр хүнд хайртай, янаг үнэсүүлсэнгүй* “Кроме матери, никто не ласкал”; калм. *Намагас оңдан күн герт уга*, монг. *Надаас өөр хүн манайд байхгүй гэв*, бур. *Намнаа ондоо хүн гэртэ угы* “В доме кроме него никого не было”.

При обозначении явления, события, за исключением которых происходит что-нибудь, в монгольском, калмыцком и бурятском языках употребляется аффикс исходного падежа. Примеры: калм. *Болв тодрха биш, сүүдрэс талдан юм үзгдсн уга*, бур. *Тезд бүгэдээрээ хара һүүдэрһөө бэшэ юунишье харабагүй*, монг. *Нэг бараа харагдахаас өцр чухам танигдах юмгүй байв* “Кроме неясного темного силуэта, ничего не увидел”.

Послеложная конструкция *причастие прошедшего времени в родительном падеже + послелог* калм. *хөөн*, монг. *хойно*, отглагольное существительное бур. *һүүлдэ* в форме дательного-местного падежа и деепричастная форма бур. *бороо боложо*. Примеры: калм. *Эмчрин оньгтаһар халэснэ хөөн иигэж бичв*, монг. *Эмч нарийн шинжилж үзсэн хойно дансанд тэмдэглэгдсэн*, бур. *Анхааралтай врачечно үзэглэнэй һүүлдэ иигэжэ бэшэгдэбэ* “В результате внимательного осмотра было так записано”; бур. *үһээ бороо боложо, гол горхонууд үерлэбэ* “В результате проливных дождей разлились реки”.

Калмыцкий соединительный падеж с послелогом *хамдан*, бурятский совместный падеж с послелогом *хамта* и монгольский родительный падеж с

последелогом *хамтаар* в форме орудного падежа употребляются для передачи комитативных значений. Примеры: калм. *Тер хойрла хамдан үүдэр көвүн орв*, монг. *Тэрэ хоёрын хамтаар нэг хөвгүүн гэнэт ормогц даруй шургалан оржээ* “В дверь вместе с ними вьюном проскочил мальчишка”; калм. *Жорж ца-наадкинь тоолм уга эцкэн татжэ, гергэннэ эрк-бүллэ хамдан Павлиг гертэсьн көөж харһв*, бур. *Бүлэнэртэй хамта подкочно хүдэлмэри ябуулба* “Жорж перешел на сторону отца и вместе с семьей вел подпольную работу”.

В бурятском языке в этих целях возможно также употребление совместного падежа, словосочетания (местоимение с числительным), лексических средств, например, *Хурьгадай томошог болоходо эхэтэйнь бэлшээр идэ гаргахата тэдэнэр хүйтэн газараа хэбтэхээс ханадаг, тиигээжэ хүйтэ абажа үбдэдэг байхадань...* “Большие ягнята, пущенные со взрослыми овцами, часто ложатся на холодную землю и поэтому простуживаются”; бур. *Та үмсын үнездые хамтадань адуулсаха гэхэн хүн байгаа бэшэ аалта* “Не вы ли собираетесь пасти коров единоличников вместе с колхозными”; бур. *Антон Семеновичтай сугтаа хүдэлхэ гэжэ ерэнэн хоер залуухан багша басагад һөөргөө ханаба* “Две молодые девушки-учительницы, прибывшие на работу вместе с Антоном Семеновичем, решили вернуться назад”; бур. *Пуушал Баашка бидэ хоюулан сэб хүйтэн буряад архи гудамхижа байнабди, тиигээжэ байтарнай Баашкын хүгшэн ухват баряад, галзууршаба гэжэ залд гээд һэришэнэ* “Проснулся от страха – ему приснилось, что он вместе со всеми попивает прохладное бурятское вино, а жена Васьки взяла в руки ухват и словно взбесилась”.

Нами рассмотрено довольно большое количество послеложных конструкций с указанием пространственных, временных, целевых, объектных и других значений и адекватных средств выражения в монгольских (кальмыцком, бурятском и современном монгольском) языках на материале переводной и оригинальной художественной и публицистической литературы.

Падежные формы и послеложные конструкции в монгольских языках богато представлены, по своим функциям в основном близки между собой, служат выражением различных оттенков семантико-грамматических отношений. Однако каждая из них отличается своеобразием значений и средств их выражения.

Монгольские послелогии относятся к классу грамматикализованных служебных слов и не могут быть самостоятельными членами предложения. Это служебные слова, уточняющие основу имени или причастия, выражающие отношения между знаменательными словами. В этом плане они равнозначны формальным показателям, а именно, падежным аффиксам. Однако вне сочетания со знаменательными словами сами по себе послелогии ничего не обозначают. Их смысловое значение скрыто и выявляется лишь в сочетании с падежной формой слова: только в этом случае они

указывают на место действия, его направление, причину, время, цель и т.д.

Падежные аффиксы, с одной стороны, послелогои, с другой стороны, выражают одни и те же отношения. Однако послелогои в сочетании с косвенными падежами выражают более тонкие и разнообразные оттенки пространственных, временных и других логических отношений.

Послелогои в монгольских языках всегда помещаются за основой, к которой относятся, то есть они постпозитивны. Некоторые монгольские послелогои застыли в нескольких падежных формах.

Таким образом, монгольские послелогои по своему употреблению близко стоят к падежам, дополняя и дифференцируя значения падежных форм. Однако они характеризуются фонетической самостоятельностью, не подчиняются гармонии гласных подобно морфемам, то есть не уподобляются тем словам, которыми управляют. Послелогои могут выступать синонимами падежных аффиксов.

Послелогои употребляются с определенными падежами. Так, послелогои калм. *газа, тал, сүлд, дунд, дундас, ца, тенд, дундур, урд, өмн, хөөн, хөөнэс, талар, төлэ, туршарт*; монг. *гадаа, сүүлд, сүүлээр, дунд, дундаас, дундуур, цаана, хойно, хойноос, өмнө, тэнд*; бур. *газаа, талдаа, һүүлдэ, таллаар, һүүлээр, дунда, дундаһаа, саана, тула, тулада, түлөө, турша, турш, урьд, урид, урда, үмэнэ, хойноһоо* управляют родительным падежом; послелог *өөдэ* – дательноместным падежом; послелогои калм. *эдл, цацу, хамдан*; бур. *адли, сасуу, хамта, хамт* – совместным падежом; послелогои калм. *ца, цаагур, урд, урдас, хөөн*; бур. *саана, саагуур, урид, урьд, урдаһаа*; монг. *цаана, цаагуур, урдаас, хойшо* – исходным падежом. Послелогои бур. *багта, багаар, дээрэнээ, доро, дороһоо, зураа, мэтэ, соо, сооһоо, соогуур, хүртэр, дундаһаа, тушаа, тухай, тухайда, тээшэ, хоорондо, тээһээ, шахуу, шэнги*; калм. *деер, деерэс деегүр, дор, дорас, доогур, дунд, дундас, хоорнд, күртл, шаху, мет*; монг. *дээр, дээрээс, дээгүүр, дор, дороос, доогуур, хүртэл, зураа, дундаас, тухай, тийш, уруу, хооронд, шахуу, шиг* употребляются с основой имени или с исходной формой причастия будущего или прошедшего времени. Возможность сочетаться с причастными формами является особенностью послелогов. Следовательно, послелогои относятся к разряду грамматикализованных служебных слов. Они не имеют самостоятельного лексического значения, но только грамматическое, и поэтому отдельно от других слов не употребляются, а всегда сочетаются с именами существительными, местоимениями и числительными, а также с причастиями, оформляя их грамматические отношения.

Для передачи того или иного значения монгольские языки не всегда в таких случаях прибегают к помощи послелогов, часто используются падежные формы. В других случаях это могут быть отглагольно-именные слова,

деепричастия и причастия с падежными аффиксами. Последние, будучи реляционными морфемами, являются структурными аффиксами второго порядка, они наращиваются к производным основам, уже оформленным словообразовательными аффиксами и релятивными аффиксами первого порядка (аффиксы числа, лица, принадлежности, определенности-неопределенности). Вместе с тем здесь имеет место национальное своеобразие каждого языка, так как “в правилах сочетания слов, в закономерности образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка” [Буряад бэшгэй дурум ба словарь, с. 4]. Кроме того, разнообразные средства выражения тех или иных категорий монгольских языков еще недостаточно изучены.

Рассмотренный материал показывает, что среди систем значений основное место занимают формы и конструкции, выражающие пространственные отношения. Они указывают на ориентир (локум), то есть пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение другого предмета (действия, признака), и характер их взаимоотношений – статический или динамический. В связи с этим пространственные значения подразделяются на два основных класса – ориентирующие и двигательные. Для каждого из них характерны модели иерархических оппозиций. Падежные формы и послеложные конструкции указывают на местонахождение или движение предмета внутри и вне ориентира, под и над, перед и за ним и т.д.

В выражении этих значений большую роль играют послелоги, развивающиеся от конкретных значений к отвлеченным. В своем прямом значении послелоги указывают на положение и движение предмета в пространстве. Затем значение послелога переносится с пространства на время как сферу представления, наиболее близкую к пространству. Далее происходит широкая полисемантизация послелогов, и уже на стадии оформления литературных языков появляются послеложные конструкции, выражающие логические отношения цели и причины. В разговорных языках абстрактные логические значения, например причины, выражаются посредством различных падежей и лексических средств, например, бур. *даараһандаа, даараһан хадаа, дааража* “из-за того, что замерз”. В литературных языках, особенно в книжных стилях, для выражения этих значений используются аналитические конструкции, возникающие на основе конструкций с пространственным значением, например, бур. *шала дээрэ* “на полу” – пространственное значение, бур. *мордохо дээрэ* “перед самым отправлением, перед тем, как отправиться” – временное, бур. *гэр байраггүй дээрэнэ* “из-за отсутствия жилья” – причинное.

В монголоведении еще не определен полностью статус этого рода сочетаний. Как писал Т.А. Бертагаев: “Все сочетания с послелогом относятся к аналитическим конструкциям, но не все они могут образовать так называемые

мую аналитическую форму. Подавляющее большинство послелогов не входит в парадигму склонения имен, они только расширяют смысловую систему падежей, внося в нее дополнительные оттенки значения. Только сочетания с послелогом соо, присоединяемым к основе имен и соотносительным с формой дательного падежа, могут быть причислены к аналитическим формам. Лишь те аналитические конструкции, которые образуют соотносительный грамматический ряд или соотносятся с синтетическими формами данного языка, являются аналитическими формами” [Бертагаев 1965, с.127].

Следует признать утверждение о том, что послеложные конструкции нельзя включать в парадигму падежного склонения. Но мы не согласны с тем, что некоторые из них относятся к формам, а другие – к конструкциям языка. Ц-Ж.Ц. Цыдыпов, специально исследовавший проблему аналитических конструкций в бурятском языке и рассмотревший послеложные конструкции в отдельном подразделе, считает, что “аналитическая конструкция по составу и структуре имеет много общего с сочетанием слов, по семантике и функции – со словом, но по существу не представляет собой ни то и ни другое” [Цыдыпов, с.235].

Автор рассматривает аналитическую конструкцию как относительно самостоятельное явление в языке в отличие от слов и сочетания слов, то есть как что-то переходное от словосочетания к слову. Сочетание знаменательного слова с постпозитивным служебным словом – послелогом – представляет собой синтаксическое целое, конструкцию. Ц-Ж.Ц. Цыдыпов [с.235] называет ее послеложной аналитической конструкцией. Признаками таких конструкций являются устойчивость или невыпадаемость служебного слова, соотносимость с определенными синтетическими, то есть с падежными формами. Ц-Ж.Ц. Цыдыпов прав, утверждая, что аналитическая конструкция – это не слово и не словосочетание, однако можно определеннее сказать о ее статусе. Мы не согласны с теми лингвистами, которые говорят о наличии падежей (например, в английском языке), выражаемых сочетанием предлога с именем, то есть аналитически. Нельзя, видимо, считать, что *гэр соо* “в доме” есть аналитическая форма дательно-местного падежа. Безусловно, что падежи и послелог тесно связаны; некоторые послелог становятся падежными аффиксами, они синонимичны. В то же время нельзя уподоблять их, так как падежные аффиксы не выражают тех многообразных значений, которые заключены в послелогах. Нет достаточных оснований и приравнивать послелог к полноценным словам, поскольку они не выражают ни субстанций, ни качеств и свойств, ни действий и состояний. Но все-таки это самостоятельное слово.

В самом деле, в приводимом Ц-Ж.Ц. Цыдыповым примере *Загахан ухан соо амидардаг* “Рыба живет в воде” четыре слова, но три словоформы. Послеложная аналитическая конструкция обладает признаками как слова,

так и словосочетания. Так, в приведенной Ц.-Ж. Цыдыповым конструкции знаменательное слово *уһан* является носителем лексического значения и функционирует в качестве грамматического компонента. Таким образом, послеложная конструкция имеет единое лексическое значение и единое грамматическое оформление. Но это еще не слово, ибо лишено такого признака, как цельнонаправленность: послелог сочетается со словом, тогда как функционально равнозначный ему элемент – падежный аффикс – входит в состав слова. Морфема, обслуживая слово, по своей огласовке подчиняется основе слова, тогда как послелог, обслуживающий аналитическую конструкцию, не теряет своей фонетической самостоятельности. То, что эта конструкция выступает в качестве одного члена предложения, сближает ее со словом, однако по своему составу и структуре она имеет много общего со словосочетанием. В академической грамматике русского языка указывается, что “соединением предлога с падежной формой образуется новая, особая и целостная смысловая единица”, и что она представляет собой “синтаксическое единство”, нечленимое “на уровне синтаксической семантики” [Грамматика русского языка 1980, с.712]. Таким образом, в синтаксисе послелог становится элементом формы слова. Иными словами, сочетание типа *уһан соо* есть синтаксическая форма слова, первичная синтаксическая словоформа.

Принципиально важно, что выражаемое ею значение не является полностью грамматическим. В его реализации участвуют имена и причастия, обозначающие разного рода пространственные, временные и другие объектные отношения. Например, во временных аналитических конструкциях участвуют группы слов, обозначающие различные периоды и измерения времени (минута, час, год, век и т.д.). Следовательно, послеложная аналитическая конструкция есть категория не чисто грамматическая, а лексико-грамматическая. Здесь много образований типа бур. *хотын газгаа* “за гордом”, которые еще только находятся на пути к аналитическим конструкциям.

Послеложная конструкция – более позднее явление, чем падежи и послелоги. Согласно концепции Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова, она возникла из сочетаний знаменательных слов. Рассматривая зависимые компоненты таких сочетаний, автор констатирует, что “в дальнейшем эти слова постепенно теряли свое конкретное лексическое значение и все более абстрагировались, в результате чего превратились в служебные слова: *гэрэй зосоонь* “внутри дома” стало *гэр соо* “в доме”, *хада уруу* “по горе вниз”/ “под гору” [Цыдыпов 1972, с.33]. В результате, по Цыдыпову, образовались аналитические послеложные конструкции. Об этом писали и другие исследователи. Как показали изыскания монголоведов, некоторые падежные аффиксы в относительно недавнем прошлом были служебными словами [Бертагаев 1962, с.52]. Существуют и

такие, которые могут функционировать как знаменательные слова, например, *дотр* “нутро, подкладка”. Следует отметить, что связь производного с современной точки зрения послелого с знаменательным словом калм. *усн дотр* более тесная, чем связь производного послелого. В первом случае от знаменательного слова невозможен вопрос к послелогу, тогда как во втором случае он возможен, например, калм. *хашан газа* – *хашана (хама? “где?”) газа* “за двором”; знаменательное слово может принимать частицу притяжания, например, калм. *хашаань газа* “за их двором”, то есть здесь компоненты более самостоятельны и менее компактны. Однако и в этом случае послелог не допускают постановки между собой и сочетающимися с ними именами других членов предложения.

Таким образом, общим моментом в развитии аналитических конструкций является тенденция к лексическому и грамматическому объединению компонентов, к образованию синтетических форм, что вызывается постоянным их совместным употреблением.

Мы считаем, что послеложная конструкция в монгольских языках является лексико-семантической категорией, связанной с синтаксисом, лексикой и морфологией. В известной мере ее можно считать межуровневой единицей [Трофимова 1989, с.70]. Однако значение этой конструкции формируется на синтаксическом уровне с участием лексических средств.

Характерные особенности аналитических послеложных конструкций монгольских языков, которые сводятся к следующему:

1. Послелог всегда употребляется постпозитивно. Между ним и знаменательным словом нельзя поставить пояснительное слово, послелог управляется падежами, например, калм. *стол деер* “на столе”, сравните *ик стол деер* “на большом столе”.

2. Послелог по сравнению с падежами менее употребителен.

3. При послеложном управлении знаменательные слова стоят либо в форме основы имени, либо в форме родительного падежа (остальные падежи с послелогамися весьма редки).

4. Послелог сохраняется в застывшей форме какого-то локального падежа (ср. типа калм. *деер* – *деегур* – направительный падеж, *деерас* – исходный падеж) и иногда могут присоединять к себе частицу личного притяжания или возвратного притяжания с общим значением принадлежности.

Как было сказано выше, послелог делятся на производные и непроизводные. Первые отличаются абстрактным характером значений, а вторые достаточно четко соотносятся с другими разрядами слов – именами существительными, наречиями, глаголами. В зависимости от лексического значения знаменательных слов, сочетающихся с производными послелогамися, последние выражают разные отношения: пространственные, временные, причинные, целевые и другие логические отношения. Указанные значения

в монгольских языках выражаются падежными формами, послеложными конструкциями, лексическими средствами.

Все производные послелогои делятся на наречные, отыменные, отглагольные. Среди нескольких значений одно является для данного послелога центральным, остальные – периферийными. Исконной функцией рассматриваемых форм и конструкций являются пространственные отношения, остальные представляют собой дальнейшее абстрагирование этого основного значения. Так, послелогои калм. *омн*, бур. *умэнэ*, калм. *хоон*, бур. *хойно*, калм. *дор*, бур. *доро* и другие, имея исконное пространственное значение, со временем стали выражать временные, причинные и другие логические отношения. Потребность в уточнении отношений к объектам вызывает рост числа послеложных конструкций, что является ярким примером обогащения грамматической системы языка, развития абстрактных синтаксических значений.

ГЛАВА II

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, имя прилагательное в монгольских языках рассматривается как самостоятельная часть речи, называющая признак в каком-то предмете. Имени прилагательному характерна подчиненность от зависимых слов. Тип связи в монгольских языках между прилагательным и зависимым словом выражается посредством примыкания. Положение прилагательного в составе атрибутивной группы всегда препозиционно. Основная функция прилагательного – функция определения, дополнения, именной части сказуемого, в орудном падеже выступает в роли обстоятельства образа действия, что позволяет им в этой форме лексикализироваться в виде наречия. Это связано прежде всего с тем, что в монголоведении вопрос о частях речи не получил должного освещения.

К числу спорных вопросов относятся имена прилагательные, которые не обладают внешними морфологическими показателями, отличающими их от других частей речи, в частности, от имени существительного и наречия. Также имена прилагательные не имеют специфических синтаксических средств связи с определяемым словом. Связь между определением и определяемым осуществляется посредством закона синтаксической связи примыкания.

Кратко остановимся на общих положениях монголистов, в чьих работах ставилась данная проблема. Так, Я. Шмидт, характеризуя имена прилагательные как категорию слов, которая употребляется для обозначения не только свойства, но и владения или содержания вещи и может быть подвержена разным степеням сравнения. Им выделяются сравнительная и превосходная степени сравнения. Сравнительная степень распадается на сравнительную увеличительную, которая образуется посредством различных частиц усиления, например, *ауга их*, *нэн сайхан*, *үлэмж мэргэн* и уменьшительную сравнительную, которая образуется посредством наращения аффикса *-хан*, например, *дулаан* “теплый” – *дулаахан* “тепловатый”, “довольно теплый”, *зузаан* “толстый” – *зузаахан* “толстоватый”, “довольно толстый” [Шмидт 1832, с. 39-43].

Предложенное Я. Шмидтом деление прилагательных на первообразные и непервообразные, восприняли все последующие грамматики монгольских языков [Ковалевский 1835; Попов 1847; Санжеев 1952; Тодаева 1951; Орловская 1961].

Т.А. Бертагаев отмечает, что имена прилагательные в большинстве случаев не имеют особых внешних формально-грамматических признаков, отличающих их от других имен. На этом основании многие монголисты якобы относят имена прилагательные к группе качественных имен, не отделяя

их ни от собственных прилагательных, ни от существительных, которые выражают понятие о качестве. Далее Т.А. Бертагаев отмечает субстантивацию прилагательных и выделяет грамматическую субстантивацию, когда показателями грамматической субстантивации является наличие при имени прилагательном падежных окончаний и притяжательных частиц, и лексическую субстантивацию, когда прилагательное полностью переходит в разряд существительных [Бертагаев 1956, с. 69].

Имена прилагательные монгольских языков характеризуются наличием семантических признаков и специфическими формообразовательными аффиксами, что позволяет исследователям признавать категорию прилагательного как самостоятельный класс слов. Классифицируя классы слов, исследователи придерживаются совокупности четырех признаков – семантического, морфологического, синтаксического и словообразовательного. В монгольских языках господствующим признаком является синтаксический признак, так как имена прилагательные могут выступать в функции атрибута, именной части составного сказуемого, обстоятельства образа действия, а субстантивируясь, и субъекта, и объекта. Присоединение орудного падежа к основе отличается своеобразием значения – обозначение отрицательного свойства или качества. Монгольские непроизводные прилагательные морфологически не оформляются, так как они в своей основе не подвергаются грамматическим изменениям. Примеры: калмыцкие слова типа *алт(н)* “золото” без какого-либо грамматического изменения выступает в роли определения, например калм. *алтн дегтр* “золотая книга”, *алтн дегтрт* “золотой книге”, *алтн дегтртэ* “с золотой книгой” и т.д. Имена прилагательные находятся в тесной связи с именами существительными, которые могут выполнять функцию определения и как бы уподобляться им. Но несмотря на такую тесную связь имена существительные называют предмет, явление, состояние, в то время как имена прилагательные выражают качество или свойство предмета. Прилагательные могут иметь категорию числа, склонения, принадлежности, если они субстантивируются, если не субстантивируются, то у них нет категории числа, склонения, принадлежности. Наличие формантов говорит о субстантивации прилагательных.

Так, Я. Шмидт выделял прилагательные первообразные типа монг. *их* “большой” и производные типа *буянт* “благодетельный”, *номт* “грамотный”.

Г.Д. Санжеев по этому поводу писал, что имена прилагательные “... в большинстве случаев являются производными” [Санжеев 1940, с.48]. Действительно, большинство монгольских прилагательных производные. В монголистике наблюдаются некоторые расхождения в понимании термина “прилагательное”. Так, например, А.А. Бобровников вместо традиционного деления имен на существительные и прилагательные предлагает термины

“качественные” и “относительные” для имен прилагательных. Эти понятия устойчиво держались в представлении монголоведов до 50-х годов прошлого столетия. Система А.А. Бобровникова тоже не сняла многие несоответствия между традиционными именами существительными и именами прилагательными. Слова типа *муу* “плохой”, *сайн* “хороший” он относит к именам качественным, не учитывая их прилагательное употребление.

Г.Д. Санжеев [см. ВЯ № 6, 1952, с.94] же, выделяя слова типа *сайн*, *муу* в разряд качественных имен, уточняет, что слова данного типа могут выражать и качество предмета, и действие, и состояние. Такое языковое явление мы можем наблюдать и в тунгусо-маньчжурских языках.

Б.Х. Тодаева считает, что слова типа *сайн*, выполняя в предложении функцию определения, могут быть прилагательными, а в функции обстоятельства – наречиями [Тодаева 1952, с.76, 79, 155, 156].

Д.А. Алексеев несколько иначе трактует: к качественным прилагательным он относит слова такого типа, если они выступают в функции определения к другому имени, а к наречию, если они определяют глагол [Алексеев 1955, с.175]. Рассматриваемая группа слов, как и другие качественные имена, может принимать уменьшительно-ласкательные аффиксы, то есть выражать усиленную или ослабленную степень качества. Отличительной особенностью монгольских прилагательных, по мнению Г.Д. Санжеева, является “...весьма суженное лексическое значение...” [1953, с. 126].

А.Л. Каляев, несколько развивая систему Я. Шмидта и А. Попова, приходит к выводу, что в калмыцком языке, как и во всех монгольских языках, имена прилагательные “это такой разряд неизменяемых слов, которые находясь в препозиции к определяемому слову, показывают признак, качество, свойство предметов и явлений; и не имея формата множественного числа, выражают путем редуPLICATION значение раздельного множества; обладают присущими им словообразовательными аффиксами, оценочными суффиксами и частицами, собственными типами основосложения, а также особой синтаксической дистрибуцией, выделяющей их из разряда имен существительных” [Каляев, с.63-64].

Особенностью монгольских имен прилагательных является то, что в речи они, выступая в качестве атрибута никогда не согласуются по форме с определяемыми именами существительными. В аспекте языковой семантики они обозначают просто признак, независимо от того, принадлежат ли они предмету.

В современных монгольских языках, как и в древнем языке, когда именныe основы выступают в качестве определения, как правило, появляется неустойчивый *-н* в халха-монгольском и скрытый *-н* в калмыцком и бурятском языках. Ср. монг. им. п. *мод(он)* “дерево”, *чулуу(н)* “камень”, *морь(ин)* “конь”, *хонь(ин)* “овца”, соответственно калм. им. п. *модн*, *чулун*, *морн*, *хон* и

бур. *модон, шулуун, морин, хонин*. Появление *-н* в атрибутивных сочетаниях вносит новую смысловую нагрузку: калм. *модн гер*, монг., бур. *модон гэр* “деревянный дом”. А.А. Бобровников отмечает, что формант *-т*, выполняющий функцию определения, ср. *буянт хүн* “добродетельный человек”, но не *буян хүн*.

В халха-монгольском языке необходимо четко разграничивать неустойчивый *-н* в словах типа *алтан* “золотой” ср. *алт* “золото” и род. п. *алтны*. Кроме того, монгольские прилагательные обозначают не только качество предметов, но и определяют действие и состояние, ср. монг. *сайн хүн* “хороший человек”, но *сайн бичив* “хорошо написал”.

В халха-монгольском языке неустойчивый *-н* служит средством дифференциации значений имени существительного и прилагательного, как было отмечено в гл. I, п. 1.6, *-н* является в халха-монгольском языке различителем именительного и неопределенного падежа.

По своему значению и некоторым грамматическим признакам монгольские языки в процессе эволюции не выработали притяжательных прилагательных по типу славянских языков. Принадлежность, как нами отмечалось неоднократно, выражается родительным падежом (см. подробно в гл. I, п. 1.5), поэтому среди прилагательных можно выделить качественные и относительные прилагательные.

2. 1. РАЗРЯДЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

2.1.1. Качественные, качественно-оценочные и оценочные прилагательные в монгольских языках

Качественные прилагательные, подразумеваемые понятием “качества”, по существу, содержательно совмещаются, во всяком случае с некоторыми видами “качеств-свойств”. Так, например, “качество-свойство” следующим образом формулируется в современных русских толковых словарях: “Отличительная особенность, черта, характерный признак кого-чего-либо” [ССРЛЯ. Т. 13, с.443] или: “Качество, признак, составляющий отличительную особенность кого-чего-нибудь” [Ожегов 1973, с.649], точно такое же определение находим в “Словаре” под ред. А.П. Евгеньевой [СРЯ. Т. IV, с.56]. Свойство в предмете всегда устойчиво, постоянно или относительно постоянно и в этом смысле является “характерным признаком” предмета, которое присуще ему и составляет его отличительную особенность: “Присущий кому-, чему-либо, являющийся свойством, качеством кого-, чего-либо” [ССРЛЯ. Т. 1, с.442]; “Составляющий чье-л. свойство, присущий кому-л” [СРЯ. Т. IV, с. 56]; в словаре Ожегова дается указание на устойчивость “свойственного”, а также “привычный для кого-чего-н.” [1973, с.649]. У О.С. Ахмановой “качества” и “свойство” определяются как взаимозаменяемые выражения [1966, с.175, 396].

В монгольских языках по отношению к функции выражения качества и свойства имя прилагательное обнаруживает черты “полевой структуры” (термин А.В. Бондарко – С.Т.). Анализируя формы субстантивных групп с субстантивным определением, выясняем, что качественные значения образуют как бы периферийную группу, тогда как центральную группу составляют образования, с помощью которых передаются собственно предметные связи. Субстантивные же группы с адъективными определениями имеют ограниченные способности к выражению признаков качественного порядка и занимают периферийное положение, поэтому ядро данной группы составляют производные прилагательные, в семантике которых закреплены единично-предметные реалии. На эти реалии указывают основы субстантивов и местоимений. В человеческом сознании отражаются субъективные образы объективной действительности, которые закрепляются в системе языковых значений. Субъективная сторона языковой семантики находит выражение в том, что предметам могут приписываться как бы усмотренные в них самих признаки, а не то, что дано в объекте независимо от его отношения к субъекту. Противоположности, присущие предмету рассмотрения, взаимосвязаны, неразрывны, существуют одна через другую. “Но в отражательной деятельности и ее семантических продуктах благодаря возможностям абстракции образ субъективного отношения к объекту способен приобретать “отдельность” и самостоятельность. Такие смысловые образования, – пишет В.М. Павлов, – принято называть оценочными” [Павлов 1960, с.20]. Прилагательные типа монг. *сайн* “хороший”, *муу* “плохой” выражают противоположные оценки. За их употреблением стоит знание отношений вещей, но выражаются ими непосредственно только реакции субъекта на какие-то свойства объекта, что составляет специфическую особенность семантики данных прилагательных. Объективные свойства явлений, которые оцениваются таким образом, в некоторых случаях могут улавливаться в содержании словосочетаний с узуальным характером и известной долей определенности. Так, если мы возьмем следующие примеры типа монг. *тэнгэр муухай* “плохая погода” или *бие сайн* “хорошее самочувствие”, то можем представить, какой примерно круг признаков имеется в виду. Прилагательные, на которые можно указать на основании изложенной характеристики, немногочисленны. В сущности их набор может ограничиться синонимическими рядами с доминантами “хороший”, “плохой”. Синонимы выражают в основном градации соответствующих оценок типа монг. *сайхан*, *гое*, *их сайхан*, *үзэсгэлэнтэй* “прекрасный”, *гайхамшигтай*, *эрхэм сайн*, *төгс сайн* “превосходный”, *тансаг*, *эрхэм сайхан*, *гойд сайн* “великолепный”, *тааламжтай*, *хөөрхөн*, “славный”, с другой стороны, *өөдгүй*, *ядар*, *олхиогүй* “скверный”, *жигшүүртэй* “гнусный”, *муусайн* “дряной”. Оценивая подобными атрибутами какие-то явления действительности, говорящий не только передает свои впечатления о них, но и как бы апелли-

рует при этом к знанию воздействий соответствующих явлений на субъекты восприятия. Подобные прилагательные можно отнести к “качественно-оценочным” [термин Павлова 1960, с.22].

Качественно-оценочные прилагательные образуют большой разнообразный пласт адъективной лексики. Нас интересует особое значение данной группы прилагательных с точки зрения полевой организации грамматического класса прилагательных, группировки их функций вокруг стержня “качество”. Объективно-качественные и субъективно-оценочные значения прилагательных противопоставлены друг другу, поэтому они могут быть представлены в определенном семантическом образовании в разной мере, в разных соотношениях. Оценочная сторона здесь доминирует, например, в прилагательных типа монг. *хүрэлцээтэй* “достаточный”, *хэрэгтэй* “нужный”, *алдаатай* “ошибочный” и т. д. Эти прилагательные констатируют положительное или отрицательное, ср. монг. *Чи энэ уулын өвөр лүү яв, би уулын ар луу явъя* “Ты иди к южному склону горы, а я пойду к северному склону горы”, где вместе с положительной оценкой от субъекта *уулын өвөр лүү* “к южному склону горы” и *уулын ар луу* “к северному склону горы” оценивают направление, намеченное субъектом как его цели, то есть отношение объектов – человека в динамике и некоторого места. Иногда семантика основы качественных прилагательных может быть нейтральной по отношению к положительному или отрицательному. Они выступают в виде неопределенных и субъективно соотносительных с типами предметов, которые этими признаками характеризуются. Ср. монг. *өндөр гэр* “высокий дом”, *өндөр хүн* “высокий человек”. Абсолютные, безотносительные качества как бы по необходимости навязывают себя в силу своей чисто объективной определенности лишь опознающему их сознанию – вне какой-либо оценки.

Центр поля образуют прилагательные, обозначающие качества-свойства как таковые, но такие, которые вызывают положительные или отрицательные свойства, например, монг. *шавартай, хиртэй, өнгөртэй, булингартай, бохир, буртаг* “грязный” и свойства человека или каких-либо проявлений, например, монг. *ухаантай*, “умный”, *согту* “пьяный”, *хорсолт, хортон, өшөөтөн* “злобный”. Ср., напротив, *энхрий, наалинхай, энхрэг* “ласковый”, *зөөлөн, зөлхөн* “мягкий”, *үслэг, ноолуур* “пушистый”. Крайнюю периферию данного семантического поля занимают собственно-оценочные прилагательные типа монг. *сайн* “хороший”, *муу* “плохой”.

Следуя точке зрения В.М. Павлова, мы считаем, что оценочные прилагательные сохраняют особую связь с качеством, благодаря тому, что оценки основываются на качествах, хотя сами по себе о них и не информируют.

2.1.2. Субстантивные аффиксальные прилагательные. Качественные и относительные прилагательные

Прилагательные с субстантивными основами издавна привлекали к себе внимание исследователей монгольских языков [Орловская 1961; Орловская 1999]. Субстантивные адъективные дериваты выражают отношение предмета, обозначаемого определяемым существительным, к предмету, который обозначается основой прилагательного. Они характеризуются постоянством определенного предметного отношения, устанавливаемого между разнобразными предметами и предметом, который обозначается основой прилагательного. Так, например, существительные, принявшие на себя функцию прилагательных от названий различных материалов, например, монг. *модон*, *төмөр*, *шил*, *чулуун*, *арьсан*. Ср. монг. *модон гэр* “деревянный дом” или *чулуун хэрэм* “каменная стена”, *арьсны малгай* “ меховая шапка”, в приведенных словосочетаниях передается предметное отношение. Предметы могут различаться или объединяться по признаку материала, из которого он сделан. Это, видимо, должно войти в понятие качественности прилагательного. Говоря о признаке по материалу, имеется в виду хотя и главенствующее, но в некоторых случаях одно из значений соответствующих производных прилагательных. Ср. монг. *хүнсний дэлгүүр* “продовольственный магазин”, *барааны дэлгүүр* “промышленный магазин”, *алтн ээмэг* “золотые серьги”, *хурц хутга* “острый нож”. Таким образом, устанавливается не качественность прилагательного, а качественность конкретного значения прилагательного.

Субстантивные прилагательные обозначают признак по материалу, то есть в данном случае происходит сдвиг субстантивной основы в качественное поле. Этому сдвигу способствуют сами существительные с вещественным значением. Эти существительные нуждаются в особых мыслительных установках и способах организации речевых ситуаций, чтобы они могли принимать четко выраженную ограниченность в пространстве и времени. Ср. монг. *алтн ном* “золотая книга” и *ширээ дээр алт байна* “на столе золото”.

Качественность других субстантивных прилагательных может основываться на особенностях значения словообразовательной модели, зависящих не столько от основы, сколько от аффиксов, которые имеют специализированную семантическую функцию. Один и тот же аффикс в одной и той же мере конкретизирует предметное отношение, обуславливая его однородность одного и того же прилагательного с разными определяемыми существительными. Примером могут служить прилагательные с аффиксами типа монг. *-т*, например, *давст* “солёный” – *давс* “соль”, *чулуут* “каменистый” – *чулуун* “камень”; с вариантом аффикса *-тай/-той/-тэй*, например, монг. *аюултай* “опасный” – *аюул* “опасность”, *авьяастай* “талантливый” – *авьяас* “талант”. Здесь повторяется отношение, имеющее то, что обозначено

основой в большей или в меньшей степени. Эта модель с помощью аффикса *-рхаг/-рхэг/-рхог/-рхөг* распространяет свое действие на существительные, обозначающие характерный признак или бросающиеся в глаза особенности, например, монг. *навчирхаг* “обильный листьями” – *навч* “лист”, *усархаг* “богатый водой” – *ус(ан)* “вода”. Данные прилагательные с превышением меры могут сместиться в группу качественно-оценочных. За каждым прилагательным закреплено одно определенное значение, ср. аффикс монг. *-рхуу/-рхүү*, например, *морирхуу* “похожий на лошадь” – *морь* “лошадь”, *могойрхуу* “похожий на змею” – *могой* “змея”.

Словообразовательная модель проявляет избирательность по отношению к тематическим группам основ. Качественность предмету придают аффиксы, входящие в эту модель. Ср., например, *чулуурхаг* и *чулуут* “каменистый”, *авьяастай* и *авьяаслаг* “талантливый”, *гайхамшигт* и *гайхамшигтай* “прекрасный”.

Особые значения проявляются в прилагательных с аффиксами *-саг/-сэг/-сог/-сөг* от основ существительных, обозначающих абстрактные свойства и их проявления, эмоции, человеческие состояния, способности и черты характера. В этом случае качественность, скорее всего свойственность, оказывается заложенной уже в исходном для образования прилагательных лексико-семантическом материале. При субстантивно-адекативной деривации здесь совершается лишь мена грамматико-категориальной определенности лексем, например, *төрхөм* “родня” – *төрхөмсөг* “любящий свою родню”, *торгосог* “любящий шелк” – *торг(он)* “шелк”. В роли определяемых при атрибутах этого рода выступают обозначения человека, то есть человеческие проявления, например, монг. *хөнгөн* “легкий” – *хөнгөмсөг* “легкомысленный”, *гангамсаг* “любящий щеголять” – *ганган* “щеголь”, *хүүхэмсэг* “женоподобный” – *хүүхэн* “девушка”.

2.1.3. Относительное прилагательное и качественная характеристика предмета

Если качество является общей семантической основой прилагательного, то во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности. Относительное прилагательное является названием свойств, характеризующих отношение одного предмета к другому и, образуясь от имени существительного, выражает предметное значение благодаря тому, что его основа указывает на некоторую предметность, например, монг. *угаизатай аичуур* “зорчатый платок”. Данная словоформа является морфологически законченной субстантивной словоформой с падежными и числовыми признаками и способностью сочетаться со своими определениями.

На уровне речи данная субстантивная форма может выступать в обобщенном значении, не иметь конкретной референции, но на уровне языка она может оставаться открытой для референциальных отношений. Предметное отношение к общему значению *угалз*- “узор” поднимает содержание самой референциальной связи с *алчуур* “платок” на уровень типизации этого предмета как представителя своего класса. В схему связи отдельного “платок” с его общим “платок вообще” вклинивается промежуточное звено *угалзтай алчуур* в качестве видового обобщения, в результате чего и формируется родо-видовое отношение “*алчуур – угалзтай алчуур*”.

Относительные прилагательные не только называют свойства, но и эти свойства характеризуют предмет, “обозначаемый определяемым существительным, на отношение которого к другому предмету, обозначаемому основой прилагательного, указывает субстантивное определение” [Павлов, с.32]. Свойство определяемого предмета несет функциональную нагрузку. В относительном прилагательном можно обнаружить и предметное значение именно при его изолированном рассмотрении с теми или иными определяемыми, ср. монг. *хонины* “относящийся к барану”. Специфика относительного прилагательного состоит в том, что на уровне языка оно выражает лишь отношение вообще, то в связях с разными определяемыми относительное прилагательное делает указание на отношение предметов друг к другу. Ср. монг. *номын дэлгүүр* “книжный магазин”, *номын хавтас* “книжный переплет”, *номын тойм* “книжное обозрение”, *номын тавиур* “книжная полка”, *номын худалдаа* “книжная торговля”. Общим значением для этого ряда является только предметное значение, относящееся к “книге” и это предметное отношение никак не специфицирует значение прилагательного, оставляя его на положении функционально избыточного дублета других форм атрибутивного выражения предметного отношения.

Семантико-функциональная оценка субстантивного словосочетания с классическим относительным прилагательным как средства выражения видового понятийного содержания означает совокупную характеристику предмета, которое выделяется словосочетанием как целым в качестве вида определяемого существительного.

Изложенное выше понимание качественности относительного признака выражается в том, что качество есть внутренняя принадлежность предмета, обладающего соответствующим качеством [Павлов, с. 35]. Вместе с тем предметное отношение определяемого само по себе – не качество, а признак предмета, имеющий внешний признак. В рассматриваемых нами типах словосочетаний это внешнее отношение как бы преобразуется во внутреннее отношение благодаря тому, что словосочетания в единстве его состава выражают видовую характеристику класса явлений, которые выделяются из более широкого класса как особой его разновидности. Складывающееся таким об-

разом обобщение, потребность, по мнению В.М. Павлова, “обуславливается социальной жизнедеятельностью людей, вбирает предметно-относительный атрибут... вовнутрь своих границ, притом вместе с надстраиваемым на фундаменте предметно-относительной связи знанием прочих отличительных признаков предмета, именем которого становится словосочетание” [Павлов, с.35]. Совокупность свойств данного предмета составляет его качественную определенность.

Словосочетания рассматриваемого типа могут образовывать переход от свободных словосочетаний к устойчивым словосочетаниям, например, калм. *улан* “красный” – *улан хорха* “дождевой червь” – *улан шавр* “глина” – *улан мөңгн* “медная монета” – *улан хол* “пищевод”; *цаһан* “белый” – *цаһан чолун* “белый кварц” – *цаһан шавр* “известь” – *цаһан буудя* “рис” – *цаһан хорха* “ленточный глист” – *цаһан хорһлжн* “олово”; *шар* “желтый” – *шар шовун* “филин” – *шар тосн* “топленое масло”; *хар* “черный” – *хар модн* “дуб”; *улан* “красный” – *улан арк* “виноградное вино”; *цаһан* “белый” – *цаһан махн* “прямая кишка” – *цаһан санан* “добрая мысль”; *хар* “черный” – *хар санан* “коварная мысль”, *халун* “горячий” – *халун сав* “термос”. Двойственность, внутреннее противоречие состоит в том, что здесь в составе и структуре языкового образования эксплицитно представлено взаимопереплетение синтактико-аналитического и лексемно-аналитического принципов формирования и функционирования языковых единиц, использования в речи индивидуальных составных номинативных знаков, которые образованы по определенной модели.

Синтактико-аналитическая сторона выступает на первый план, когда, например, калм. *улан хорха*, *улан шавр*, *улан хол* соотносится со словами *хорха*, *шавр*, *хол* вообще; в данной плоскости связей, при переходе от рода к виду актуально осуществляется выделение и агрибуция предмету его видовой характеристики. Словосочетание такого рода с его лексемно-аналитической стороны используется как готовое средство номинации предмета определенного типа для его точного обозначения, особенно в ситуации, где не исключен выбор из нескольких предметов, которые принадлежат разным видам одного рода, например, типа калм. *хар* “черный” – *хар усн* “родниковая вода” – *хар күчн* “насилие” – *хар салькн* “сильный ветер” – *хар өрлэ* “рассвет” – *хар арк* “водка” – *хар зүркн* “свирепый” – *хар мөр* “зло” – *хар зуд* “беда, бескормица”, *хар келн* “сглаз” – *улан* “красный” – *улан һар* “пустая рука” – *улан махн* “голое тело”, *улан кел* – “босиком”.

Относительные прилагательные со своей словообразовательной моделью и качественные прилагательные со значением свойства и оценки находятся во взаимодействии друг с другом. Прилагательные с общеродовым значением, построенные по моделям, могут переходить к выражению качеств-свойств с оценочным значением – в этом и проявляются особенно-

сти полевого типа системы языка. Вместе с тем за элементом системы числится и такое свойство, как антисистема.

У относительных прилагательных появляется значение качества-свойства: на базе предметного отношения имеет место перенос на определяемое каких-то свойств, характерных для предмета, обозначаемого основой прилагательного. Типичное для субстанции-атрибута выступает как типичное же для определяемой этим атрибутом субстанции. Это и является одним из проявлений этого свойства, как пишет М.Н. Орловская: “Вместо притяжательных прилагательных в монгольских языках ...употребляются имена существительные в форме родительного падежа” [Орловская 1999, с. 55]. Так, например, в монг. *нохойн хэвтэр* “собачья конура”, или “конура собаки”, с точки зрения онтологии *нохойн* “собачья” или “собаки”, – не субстанция, а качество-свойство, и не ей принадлежит субстанция *хэвтэр* “конура”, а *нохойн* сама принадлежит субстанции *хэвтэр*: качество определяется своей принадлежностью некоему предмету и через эту принадлежность идет конкретизация.

2.1.4. Форма нейтральной степени

Качественные прилагательные с семантической точки зрения могут рассматриваться как: а) параметрические прилагательные; б) оценочные прилагательные; в) прилагательные, обозначающие цвет или форму; г) прилагательные, обладающие отрицательным признаком.

1. Параметрическими прилагательными называют прилагательные, которые образуют антонимические пары типа калм. *хар* – *цахан* “черный – белый”, *хату* – *жөөлн* “твердый – мягкий”, *ик* – *бичкн* “большой – маленький”, *ут* – *ахрхн* “длинный – короткий”, *хуучн* – *шин* “старый – новый”, *сэн* – *му* “хороший – плохой”, *халун* – *киитн* “горячий – холодный”, *бүдүн* – *нархн* “толстый – тонкий”, *өндр* – *майтг* “высокий – низкий” и т.д., различие между которыми может быть возведено к противопоставлению “больше нормы” – “меньше нормы”. Прилагательные *бичкн*, *майтг*, выражают недо-стижение нормы, а их антонимы – превышение нормы [Поцелуевский 1974; Апресян 1974, с.295-297].

2. К оценочным прилагательным относятся прежде всего слова типа монг. *сайн* “хороший”, *муу* “плохой”, как было замечено выше, выражающие общую оценку. Оценка требует соотнесения с нормой, которая в данном случае отражает определенные стандарты и требования. Оцениваемые свойства объекта зависят от его типов. Ср. одно из толкований слова “хороший”: “такой, какой хотели бы, чтобы стал” [Вежбицкая 1990, с.135], например, монг. *сайн оюутан* “хороший студент”, *сайн өдөр* “хороший день”, *сайн морь* “хороший конь”, *сайн хутага* “хороший нож”. Норма для общеоценочных

прилагательных является положительной: хороший выражает соответствие норме, а плохой – несоответствие (недостижение нормы) [Вендлер 1981; Хзар 1985]. К этому типу в монгольских языках можно отнести следующие прилагательные, дающие оценку какому-то определенному свойству, например, монг. *амттай* “вкусный” – *амтгүй, хэрэгтэй* “нужный” – *хэрэггүй* “ненужный”, *сэрэмжтэй* “бдительный” – *сэрэмжгүй* “беспечный”, *дуулгартай* “послушный” – *дуулгаргүй* “непослушный”, *таарамжтай* “удобный” – *таарамжгүй* “неудобный”.

3. К прилагательным, обозначающим обладание отрицательным признаком или необладание признаком, относятся следующие слова, например, монг. *дүлэй* “лишенный слуха”, *гань* “не имеющий семьи, близких”, *хоосон* “не заполненный ничем”, *цэвэр* “освобожденный от грязи, не имеющий грязи”, *шууд* “не имеющий изгибов”, *нүцгэн* “не имеющий на себе покровов”. Однако в своем большинстве такие прилагательные в процессе употребления могут подвергаться релятивации и становиться градуируемыми: *прямым* можно назвать то, что все же имеет изгибы, хотя и малозаметные, а *чистым* – то, что не совсем чистое [Сепир 1985, с.76-78; Арутюнова 1988, с.233]. Показательно то, что в данных прилагательных при наличии конкретизаторов, усиливающих степень качества, отсутствует признак, что является нормой, а в остальном пары типа *цэвэр* “чистый” – *хиртэй* “грязный” подобны парам *сайн* – *муу*.

4. Прилагательные, обозначающие цвет или форму, обычно используются в качестве фона, по контрасту с которым демонстрируется относительный характер значения прилагательных типа “хороший” или “плохой” [Сепир 1985; Вендлер 1981; Чейф 1975]. Прилагательные цветообозначения также можно считать соотносящимися с нормой. Так, например, у монголов “белый” ассоциируется с цветом молока, “красный” – с цветом крови.

Выражение усиления или ослабления степени качества в монгольских языках может совмещаться с прагматическими задачами, а иногда и вытесняться ими. Средства выражения усиления степени качества используются для повышения убедительности высказывания, а средства, выражающие ослабление признака, – для снижения категоричности утверждения. Соотношение этих двух целей отчасти зависит от значения прилагательного. Так, аффиксальные образования с аффиксом: монг. *-втар/-втэр/-втор/-втөр*, *-дуу/-дүү*, калм. *-втр/-вр*, *-цр*, бур. *-бтар/-бтэр/-бтор*, *-бар/-бэр/-бор* от цветообозначений используются именно для выражения ослабленной интенсивности, например, монг. *хар* “черный” – *харавтар* “черноватый”, *шар* “желтый” – *шаравтар* “желтоватый”, *хөх* “синий” – *хөхөвтөр* “зеленоватый”; *цоохор* “пестрый” – *цоохордуу* “пестроватый”, *хар* “черный” – *хардуу* “черноватый”, *х.өх* “синий” – *х.өхдүү* “синеватый”, *ногоон* “зеленый” – *ногоондуу* “зеленоватый”; калм. *цаһан* “белый” – *цаһавтр* “беловатый”, *улан*

“красный” – *улавр* “красноватый”, *цаһан* “белый” – *цаһавр* “беловатый”, *хар* “черный” – *харцр* “черноватый”, *шар* “желтый” – *шарцр* “желтоватый”; бур. *саһаан* “белый” – *саһаабтар*, *ногоон* “зеленый” – *ногообтор* “зленоватый”, *хурин* “коричневый” – *хүрибтэр* “коричневатый”, *улаан* “красный” – *улабар* “красноватый”.

2.1.5. Степени качества, проявляющиеся в монгольских прилагательных

Под степенями качества подразумеваются различные количественные проявления того или иного признака или свойства. Один и тот же признак качества в монгольских языках может по-разному проявляться в многочисленных предметах и явлениях действительности. Как неоднократно отмечалось в литературе, характерным для прилагательных является то, что монгольские языки не выработали морфологических степеней сравнения, как это представлено в европейских и тюркских языках. Качественное содержание признака в монгольских языках находит свое грамматическое выражение. При этом за исходную точку отсчета условно принимается некая нейтральная форма прилагательного, по сравнению с которой данного признака в одних формах может содержаться больше, а в других – меньше. Кроме того, один и тот же признак или качество одни предметы или явления действительности содержат в большем или в меньшем количестве по сравнению с другими. Впервые на это обратил внимание еще А.А. Бобровников. Он в своей “Грамматике монгольско-калмыцкого языка” разграничивал формы, выражающие ослабленную и усиленную степень качества и степени сравнения. Суффиксы *-хан/-хэн*, *-шиг*, *-втар* А. Бобровников относил к суффиксам, служащим для показания степеней качества. Он писал: “Для выражения степеней сравнения имена не принимают особых окончаний” [1849, с. 66]. А. Орлов в бурят-монгольском языке также выделял суффиксы со значением уменьшительности и увеличительности [1878, с. 11, 22].

Особенности степени качества и их формы были подробно разработаны М.Н. Орловской, которая выделяла в современном монгольском языке сравнительные конструкции, выражающие только качественное различие в обладании каким-то признаком.

Мы разделяем точку зрения М.Н. Орловской, и, руководствуясь положением, выработанный ею, мы можем выделить в монгольских языках три формы сравнения качественных прилагательных, не считая основную форму прилагательного, от которой образуются все остальные: а) форма ослабленной степени качества; б) форма усиленной степени качества; в) форма сравнительной конструкции.

Форма *ослабленной степени* качества выражает уменьшение, ослабление качества по отношению к тому, что обозначается основой имени прилагательного. Данная форма образуется путем присоединения к основе прилагательного аффиксов, которые могут взаимозаменяться, например, монг. *-втар/-втэр/-втор/-втөр*, *-дуу/-дүү*, *-хан/-хэн/-хон/-хөн* и *шиг*. Примеры: *хар* “черный” – *харавтар* “черноватый”, *шар* “желтый” – *шаравтар* “желтоватый”, *хөх* “синий” – *хөхөвтөр* “зеленоватый”; *цоохор* “пестрый” – *цоохордуу* “пестроватый”, *хар* “черный” – *хардуу* “черноватый”, *хөх* “синий” – *хөхдүү* “синеватый”, *ногоон* “зеленый” – *ногоондуу* “зеленоватый”; *нарийн* “тонкий” – *нарийхан* “тоненький”, *шинэ* “новый” – *шинэхэн* “новенький”, *урт* “длинный” – *уртшиг* “длинноватый”; калм. *-вр*, *-цр*, *-хн*, например, *улан* “красный” – *улавр* “красноватый”, *цаһан* “белый” – *цаһавр* “беловатый”, *хар* “черный” – *харцр* “черноватый”, *шар* “желтый” – *шарцр* “желтоватый”, *киитн* “холодный” – *киитцр* “холодноватый”, *дулан* “теплый” – *дулахн* “тепленький”, *бичкн* “маленький” – *бичкхн* “малюсенький”; бур. *-бтар/-бтэр/-бтор*, *-бар/-бэр/-бор*, *-шаг/шэз/-шоз/-шиг*, например, *саһаан* “белый” – *саһаабтар*, *ногоон* “зеленый” – *ногообтор* “зеленоватый”, *хүрин* “коричневый” – *хүрибтэр* “коричневатый”, *улаан* “красный” – *улабар* “красноватый”, *хүйтэн* “холодный” – *хүйтэбэр* “холодноватый”, *һарюу* “кривой” – *һарюушаг* “слегка кривой”, *үндэр* “высокий” – *үндэршэз* “высоковатый”, *боро* “серый” – *борошог* “сероватый”.

Форма *усиленной степени качества* в монгольских языках передается различными способами. Основные из них следующие:

1. Самый распространенный – использование различных наречий или словосочетаний со значением меры, например, калм. *эвр*, *дегэд*, *йир*, *маш*, *зөвэр* “очень”, например, *сэн* “хороший” – калм. *эвр сэн* – *дегэд сэн* – *йир сэн* “очень хороший”, *халун* “холодный” – *зөвэр халун* или *дегэд халун* – *йир халун* “очень холодный”, *улан* “красный” – *маш улан* или *эвр улан* – *дегэд улан* – *йир улан* ≈ *чис улаан* “очень красный”; монг. *маш*, *тун*, *дэн*, *нэн*, *цэл*, *час* “очень”, например, *бүдүүн* “толстый” – *маш бүдүүн*, *муу* “плохой” – *тун муу* “очень плохой”, *догшин* “свирепый” – *нэн догшин* “очень свирепый”, *их* “большой” – *нэн их* “очень большой”, *хөх* “синий” – *цэл хөх*, *улаан* “красный” – *час улаан* “очень красный”; бур. *аяр*, *шад*, *угаа*, *лаг* “очень”, *тон*, *шэб* “совсем”, *над*, *шал* “совершенно”, *сэб* “исключительно”, *дан* “чересчур”, *яһала* “довольно”, например, *сэсэн* “умный” – *угаа сэсэн* “очень умный”, *ноерхуу* “высокомерный” – *дан ноерхуу* “слишком высокомерный”, *улаан* “красный” – *шад улаан* “очень красный”, *хара* “черный” – *над хара* “очень черный”, *өндөө* “другой” – *тад өндөө* “совершенно другой”, *тэнэг* “глупый” – *шал тэнэг* “очень глупый”, *хүйтэн* “холодный” – *сэб хүйтэн* “очень холодный”, *хүхэ* “синий” – *сэл хүхэ* “очень синий”. Иногда в роли усилителя выступает лексема калм. *ик*, монг. *их*, бур. *ехэ* “большой”, например, калм. *ик сэн*, монг.

их сайн, бур. *ехэ хайн* “очень хороший”. При этом лексемы калм., *маш, йир*, монг. *маш, бур, их, маш их*, бур. *угаа, тон, айхабтар, ехэ, бузар* весьма продуктивны и образуют аналитическую форму усиленной степени качества от любого качественного прилагательного, например, бур. *айхабтар ухаантай хүн* “очень умный человек”, *бузар хайн юумэ* “очень хорошая вещь”.

2. Для выражения усиления степени качества используется усилительное местоимение, например, калм. *хамгин, кецу* и *даву*, монг. *хамгийн*”, бур. *эгээн* с общим значением “самый”. Примеры: калм. *бат* “крепкий” – *хамгин бат, кецу бат, даву бат* “самый крепкий”; монг. *хайрт* “любимый” – *хамгийн хайрт* “самый любимый”, *сайн* “хороший” – *хамгийн сайн* “самый лучший”; бур. *хайн* “хороший” – *эгээн хайн* “самый лучший”.

3. Усиленная степень качества может выражаться путем удвоения основы имени прилагательного, то есть частичной редупликации, причем одна из них усекается до первого слога, к которой добавляется монг. *-в*, например, *хар* “черный” – *хав хар* “совсем черный”, *шар* “желтый” – *шав шар* “совсем желтый”, *цагаан* “белый” – *цав цагаан* “совсем белый”, *улаан* “красный” – *ув улаан* “совсем красный”; калм. *-б*, например, *хар* “черный” – *хаб хар*, “совсем черный”, *цаһан* “белый” – *цаб цаһан* “совсем белый”, *ценкр* “голубой” – *цеб ценкр* “самый голубой”; бур. *хара* “черный” – *хаб хара* “совсем черный”, *саһаан* “белый” – *саб саһаан* “совсем белый”. Данный способ передачи степени качества может, видимо, рассматриваться как определенный вид звукоподражания, или звуковой символики.

4. Весьма употребителен в калмыцком языке и такой способ выражения усиления степени качества, который можно назвать редупликационным, то есть использование удвоения прилагательного, например, *ик* “большой” – *ик-ик* “очень большой”, “пребольшой”, *хурдн* “быстрый” – *хурдн-хурдн* “очень быстрый”, “быстрый-быстрый”. Явление это широко представлено в самых различных языках. Этот древний, по мнению Н.К. Дмитриева, тип образования усилительной формы широко известен и тюркским языкам [1948, с.85]. Что касается монгольского и бурятского редупликационного усиления степени качества, то дистрибуция прилагательных требует специального изучения, и поэтому приходится ограничиваться лишь отдельными соображениями. Так, если взять только цветообозначения, то, видимо, рассматриваемая конструкция затруднительно образуется или вообще невозможна от прилагательных, например, монг., бур. *улаан* “красный” – *улаан-улаан?* “красный-красный?”, *хар* “черный” – *хар-хар?* “черный-черный?”. Неупотребительна, далее, эта конструкция от обозначений специфических оттенков цвета, например, названий лошадиных мастей: монг. *хээр-хээр* “гнедой-гнедой”, *буурал-буурал* “чалый-чалый”. Характерно, что данная конструкция в монгольских языках не образует редупликационного интенсифика (см. п.3).

5. Особым вариантом редупликации является конструкция “повтор основы, но с фонетической трансформацией начального звука” и иметь значение интенсификации, например, калм. *баахн* “небольшой”, *баахн-саахн* в значении “малое”, *бичкн* “маленький”, *бичкн-сичкн* “в общем-то маленькие”. Явление это широко представлено в монгольских языках.

6. Усиленная степень качества выражается конструкциями: *исх. п. + им. п. ед. ч.*, например, монг. *ихээс их* “самый большой”, *сайнаас сайн* “лучший из лучших” или *род. п. ед. ч. + им. п. ед. ч.*, например, монг. *ихийн их* “самый большой”, *сайны сайн*, бур. *хайнай хайн* “лучший из лучших”. Последняя конструкция явно лексически ограничена и притом наполнима только прилагательными с положительным значением.

Семантической основой *формы сравнительной конструкции* в монгольских языках является количественная оценка меры признака. Мера может быть присуща не любому признаку, а только тому, который допускает количественные изменения. Изменяющийся признак допускает упорядочение по нарастанию или убыванию интенсивности и задается, как правило, параметрическим прилагательным типа калм. *ик*, *бичкн* “большой”, “маленький”, *сэн*, *му* “хороший”, “плохой”, образующим основу непрерывности градаций соответствующего класса объектов. По мнению Э. Сепира, градуироваться может все, что допускает различие в каких-либо отношениях по признаку “больше/меньше”: предметы, действия, признаки предметов и признаки действий [Сепир 1985, с.44-45]. Между тем в монгольских языках форма сравнительной степени является средством выражения качественной определенности предмета, связанным с двумя основными типами интерпретации степени качества, например, калм. *сээнэс сэн*, монг. *сайнаас сайн*, бур. *хайнһоо хайн*. “лучший из лучших” калм. *цаснас цаһан* “белее снега”, *салькнас хурдн* “быстрее ветра”, монг. *морь үнээнээс өндөр* “конь выше коровы” или *алт зэснээс хүнд* “золото тяжелее меди”; выражается синтаксически с использованием исходного падежа, при этом основа прилагательного остается без изменения. По мнению Н.К. Дмитриева [1948, с.83], данная форма показывает различие в степени одного и того же качества. Этот тип сравнительной конструкции в монгольских языках является наиболее продуктивным.

Прилагательные типа монг. *дорхи*, *дээрхи* “нижний”, “верхний”, *доторхи*, *гадуурхи* “внутренний” “внешний”, *урдахь*, *хойтхи* “южный” “северный” имеют значение “находящийся более к ...”, “находящийся менее к ...”, неслучайно, что их соответствия в монгольских языках представляют собою конструкции в сравнительной степени.

2.1.6. Имена прилагательные, образованные от именных и глагольных основ

Большинство прилагательных в монгольских языках образуются путем присоединения словообразовательных аффиксов к именным и глагольным основам. Аффиксы делятся на продуктивные и непродуктивные [подробнее о них см. Грамматика калмыцкого языка, 1983 с.132-146; Грамматика бурятского языка, 1962, с.100-126; Орловская 1961, с.91-95; Дондуков 1964, с.1-97; Каляев 1969, с.160-179; Рассадин, 1999, с.72-75].

Калм. *-та/-тэ*, монг. *-т*, бур. *-та/-тэ/-то*, стп.-м *-tu/-tü* образуют адъективы со значением обладания предметом или качеством, названному в производящей основе. Прилагательные, образованные данными аффиксами могут иметь при себе свои определения. Примеры: калм. *элсн*, монг. *элс(эн)* “песок” – калм. *элстэ*, монг. *элст*, “песчаный”; калм. *нарн*, бур. *наран* “солнце” – калм. *нарта*, бур. *нарата* “солнечный”; калм. *сахл*, монг. *сахал*, бур. *хахал* “борода” – калм. *сахлта*, монг. *сахалт*, бур. *хахалта* “бородатый”.

Калм. *-та/-тэ*, монг. бур. *тай/-тэй/-той*, стп.-м. *-tai/-tei* со значением обладания чем-либо или отношения к тому, что выражено в производящей основе, например, калм. *чиг*, монг. *чийг*, бур. *шииг* “влага” – калм. *чигтэ*, монг. *чийгтэй*, бур. *шиигтэй* “влажный”; калм. *күчн*, монг. *хүч*, бур. *хүсэн* “сила” – калм. *күчтэ*, монг. *хүчтэй*, бур. *хүсэтэй* “сильный”.

Как известно, данный аффикс может служить показателем совместного падежа имен существительных со значением принадлежности. Об этом аффиксе Т.А. Бертагаев пишет: “...в монгольских языках в далеком прошлом суффикс *-тай* не относился к падежным формам. Он выражал идею принадлежности чего-нибудь предмету вообще, не только лицу. Однако в современных монгольских языках этот суффикс выступает уже в ином качестве – как суффикс совместного падежа имени существительных” [Бертагаев 1956, с.98]. Идея принадлежности в процессе эволюции языка трансформировалась в значение признака, присущего данному предмету. Имена существительные в совместном падеже могут выполнять функцию определения, например, калм. *мөртэ күн*, монг. *морьтой хүн*, бур. *моринтой хүн*. Выступая в функции сказуемого, имена существительные в совместном падеже сохраняют свое основное значение предметности, например, калм. *Эн күн мөртэ* “Этот человек с конем”. Прилагательные могут сочетаться с усилительными словами и участвовать в образовании сравнительных конструкций, например, калм. *дегд уурта*, монг. *хамгийн ууртай* “очень злой”, бур. *яһала ууртай* “довольно злой”;

калм. *-х*, монг. бур. *-хи*, стп.-м. *-ki* со значением места и времени: калм., монг. *энд*, бур. *эндэ* “здесь” – калм. *эндк*, монг. *эндэх*, бур. *эндэхи* “находящийся здесь”; калм. *тенд*, монг. *тэнд*, бур. *тэндэ* – калм. *тендк*, монг.

тэндэх, бур. тэндэхи “находящийся там”; калм. өрүн, монг. өглөө, бур. үглөө – калм. өрүнэк, монг. өглөөгүүрхи, бур. үглөөгүүрхи “утренний”.

Характерной особенностью монгольских языков является то, что отрицательные частицы калм. уга, эс, биш, монг. гүй, үгүй, бур. гүй, стп.-м. -йгеи (ср. *уqan йгеи* “недогадливый”) имеют самостоятельное значение “нет” и могут образовывать имена прилагательные со значением отрицательного качества. Образованные имена прилагательные антонимичны прилагательным с общемонгольским аффиксом *-tai/-tei*. Примеры: калм. керг, монг., бур. хэрэг “дело” – керг уга, монг., бур. хэрэггүй; калм. иткл, монг. итгэл, бур. этигэл “надежда” – калм. иткл уга, монг. итгэлгүй, бур. этигэлгүй “ненадежный”;

калм. -ск, -мг, монг. -саг/-сог/-сөг, бур. ша/-шо/-шэ, выражающие страсти к чему-нибудь: калм. цэ, цай “чай” – калм. цээсг, монг. цайсаг “любящий пить чай”; калм. мах(н), монг. мах, бур. мяхан. “мясо” – калм. махсг, монг., махасаг, бур. мяхаша “любящий поесть мясо”; бур. бэлэг “подарок” – бэлэгшэ “любящий делать подарки”; калм. шудрх “терпеть” – шудрмг “ловкий”;

калм. -льг/-рьг, монг. -лаг/-лэг, бур. -лиг со значением подобия по форме, а также обладания чем-либо: калм. өвр, монг. эвэр “рог” – калм. өврльг, монг. звериэг “роговидный”; бур. торгон “шелк” – торгонлиг “шелковистый”;

монг. -рхаг/-рхог, бур. -рхуул/-рхүү, стп.-м. -rqaγ/-rkeg, -rqaui/-rkei со значением обилия чего-нибудь: монг. чулуун “камень” – чулуурхаг “каменистый”, монг., бур. модон “дерево” – монг. модорхог, бур. модорхуу “лесистый”;

монг. -рхуул/-рхүү, бур. -рхуул/-рхүү со значением подобия чего-либо монг., бур. могой “змея” – монг., бур. могойрхуу “змееобразный”;

калм. -ул/-ү, монг. -уул/-үү, бур. -уул/-үү/-юу, стп.-м. -γul/-gü со значением качества, приобретенного в результате действия или может обозначать недостаток или отрицательное качество, например, калм. хатх, монг. хатх, бур. хатаха “сушить” – калм. хату, монг. бур. хатуу; монг. яд-, бур. яда “бедствовать” – монг, бур. ядуу “бедный” [см. Орловская 1961, с.86; Дондуков 1964, с.82-83; Каляев 1969, с.166; Болд, с.98-101; Рассадин 1999, с.74];

калм. -хал/-хэ, монг. -хайл/-хойл/-хий, бур. -хайл/-хэйл/-хой, стп.-м. -qai/-kei обозначает различные отрицательные свойства и качества, их внешний вид и форму, например, калм. му, монг., бур. муу “плохо” – калм. мууха, монг., бур. муухай “плохой”; калм. эвдр, бур. эбдэр “ломайся” – эвдрхэ, бур. эбдэрхэй “испорченный”; монг. эц “уствовать” – эцэнхий “усталый” “сломанный”;

калм. -мл, монг. -мал/-мэл/-мол/-мөл, -рхайл/-рхойл/-рхий, -хой, бур. -мал/-мэл/-мол, -хой образуют качественные прилагательные со значением обладания качествами и признаками, полученными в результате действия, выраженного в производящей основе глагола, например, калм., монг. буд, бур. буда

“красить” – калм. *будмл*, монг. *будмал*, бур. *будама*л; калм. *бич*, монг. *бичих*, бур. *бэшэ* “писать” – калм. *бичмл*, монг. *бичмэл*, бур. *бэшэмэл* “написанный”; монг. *тод*, бур. *тодор* “делать ясным” – монг., бур. *тодорхой* “ясный”;

калм., бур. *-г* со значением качества, приобретенного в результате действия, например, калм. *тен*, бур. *тэнэ* “дурачиться” – калм. *тениг*, бур. *тэнэг* “глупый”;

калм. *-ң*, монг. *-н*, бур. *-нгир*, стп.-м. *-нг* характеризуют предмет по значению, связанному с действием, выраженным в основе глагола, например, калм. *дохл*, монг. *догол* “хромать” – калм. *доглң*, монг. *доголон*; бур. *гажса* “кривой” – *гажангир* “искривленный”;

калм. *-мг*, монг. *-маг/-мэг/-мог/-мөг*, бур. *-маг/-мэг/-мог* обозначают обладание качеством, например, калм. *хурмлх* “лениться”, монг. *хуур*, бур. *хуура* “обманывать” – калм. *хуурмг*, монг., бур. *хуурмаг* “ленивый”;

калм. *-һр*, монг. *-гар/-гэр/-гор/-гөр*, бур. *-гар/-гэр/-гор* дают образное описание человека, частей его тела, черт характера, например, калм. *котих* “морщить” – *котһр* “курносый”; монг. *дорвой* “оттопыриваться” – *дорвогор* “оттопыренный”; бур. *хилай* “косить” – *хилагар* “косоглазый” [Орловская 1961, с.88-89; Шагдаров 1962, с.119-121; Дондуков 1964, с.72-74; Рассадин 1999, с.74];

калм., монг. *-д*, бур. *-да/-дэ/-до* обозначает качество или указывает направление, например, калм. *эмн*, монг. *амь*, бур. *амин* “жизнь” – калм. *эмд*, монг. *амьд*, бур. *амида* “живой”.

2.1.7. Синтаксическая характеристика имен прилагательных

Функциональной особенностью прилагательных является их атрибутивное употребление. Субстантивация – это категория контекстуальная, реализующаяся на уровне речи. Субстантивированным словам в монгольских языках присуща конкретизация значений, субстантивируясь, имена прилагательные могут выполнять функцию подлежащего, например, монг. *Тэр ганцаараа байгаа будуун чинь сибирийн бодон шивдээ* “То, что четко виднеется, оказывается, дикий сибирский кабан” и дополнения, например, монг. *Сайныг дагавал сарны туяа, мууг дагавал могойн хор* “Дружить с хорошими – лунный свет, поведешься с плохими – змеиный яд”. В предложении они выступают в роли определения к именам существительным. Определение в монгольских языках всегда стоит перед определяемым и никогда не согласуются с ним ни в числе, ни в падеже, например, калм. *Бичкн уульдг – ик ичдг* “Маленький плачет, а взрослый стыдится”, монг. *Шинэ, оргон, сайхан гудамжууд чигээр гарна* “Новые широкие, красивые улицы идут прямо”, бур. *үндэр хадын орой хооһон* “У высокой горы вершина голая”. Монгольские прилагательные, наряду с определением признака предмета, могут опреде-

лять признак действия, например, монг. *Серүүн дээр газар дохье* “Надо двигаться пока прохладно”.

Для монгольских имен прилагательных не свойственна предикативная функция, но для того, чтобы подчеркнуть признак предмета, имя прилагательное может употребляться в качестве сказуемого, например, калм. *Морнэ сэн холд йовхла медгдг* “Качество лошади познается в дальней дороге”, монг. *Толгой нь халзан, гэдэс нь бүдүүн* “Голова его – лысая, а живот – толстый”, бур. *Хашан мориндо газар холо* “Ленивой лошади путь далек”. Имена прилагательные в функции сказуемого чаще употребляются в пословицах и поговорках, например: калм. *үгин ахр сэн, дееснэ ут сэн* “Хороша краткость в речах, а для веревки ее – длина”; монг. *Эрдэмтэн хүн номхон, их морон долгион* “Образованный человек скромнен, большая река спокойна”.

Субстантивация, как семантико-грамматическое явление, характерна для монгольских языков. Субстантивации подвергаются имена прилагательные, имеющие генетическое родство с именами существительными. Прилагательные, теряя свое основное значение, переходят в класс существительных. Так, например, М.Н. Орловская отмечает субстантивацию синтаксическую, когда имя прилагательное в предложении принимает функции имени существительного, и семантическую, когда имя прилагательное полностью переходит в категорию существительных [Орловская 1961, с. 106].

Т.А. Бертагаев же [1961, с. 93] отмечает грамматическую субстантивацию, при которой имена прилагательные, могут принимать аффиксы падежей, притяжательные частицы, показатели множественности. При лексической субстантивации, по его мнению, имена прилагательные принимают на себя все категории существительного, в том числе и категорию склонения, например, монг. *Зузааныгаа зузаанд аваад ир* “Принеси толстому своего толстого”.

1. Субстантивация связана с названием лиц в соответствии с какими-либо признаками их физической внешности: калм. *сохр*, монг. *сохор* “слепой”, *доголон* “хромой”.

2. Субстантивация связана с названием лиц по каким-нибудь внутренним качествам *зоригт хүн* “смелый человек”, *мэргэн хүн* “мудрый человек”.

3. Субстантивация связана с названием людей в зависимости от рода их занятий, профессии *оедолчин* “портной”, *эрдэмтэн* “ученый”.

4. Субстантивация связана с названием лиц по их положению, состоянию, происхождению *ажилгүй хүн* “безработный человек”, *өвчтөн* “больной”.

5. Субстантивация связана с названием домашних животных по их внешнему признаку *хээр* “гнедой”, *хул* “саврасый”.

Как известно, монгольские прилагательные не изменяются по числам и не склоняются. Категория падежа присуща субстантивированным сло-

вам, если прилагательные субстантивируются, то они начинают склоняться, причастия, субстантивируясь, тоже склоняются. Склоняются и предметно-указательные слова, соотносящиеся с местоименными существительными. Склоняются также качественно-указательные слова, соотносящиеся с субстантивированными прилагательными и замещающими их в речи. Склоняются также причастия глагольно-указательных слов, когда они в речи замещают причастия полнозначных слов. Категория склонения присуща субстантивированным количественным числительным.

В монгольских языках существует многочисленная группа слов, которая, не изменяя своей формы, может употребляться как имя прилагательное и как существительное. Примеры из калмыцкого языка: *хотхр* “вогнутый”, “вогнутость”, “ложбина”, *өндр* “высокий”, “высота”, *бүдүн* “толстый”, “толщина”, *шар* “желтый”, “желтизна”, *хату* “твердый”, “твердость”. Сюда можно отнести и синкретические основы типа *өвгн* “старый” и “старик”, *змгн* “старая” и “старуха”, *залу* “муж”, “молодой”.

Основная функция прилагательного на уровне речи – определительная, например, калм. *улан хол* “пищеvod”, *шар тосн* “топленое масло”, *цаһан шавр* “белая глина”. Прилагательные могут употребляться для выражения субъекта или объекта действия, например, калм. *бичэч күн* “пишущий человек”, но *бичэч* “писатель”. Используются для выражения обстоятельства образа действия, например, монг. *сайн сурагч* “хороший ученик” и *сайн сурдаг* “хорошо учится”, *хурдан морь* “быстрый конь”, *хурдан гүйдэг* “быстро бегаёт”; калм. *сэн йовдл* “хороший поступок” и *сэн бээх* “хорошо жить”, *салу хора* “отдельная комната” и *салу бээх* “отдельно жить”, то есть качественные прилагательные служат для определения предмета и процесса действия или состояния. Хотя в процессе развития языка для выражения обстоятельства образа действия, для более четкой конкретизации этого значения используется форма орудного падежа, присоединяемого и к формам качественных и относительных прилагательных: калм. *ут* “длинный” и *утар (дуулх)* “(петь) протяжно”, *хурдн* “быстрый” и *хурдар (ирх)* “быстро (приехать)”. Ср. монг. *амжилттай* “успешный”, *амжилттайгаар* “успешно”.

Таким образом, прилагательное может субстантивироваться и переходить в другую часть речи, в имя существительное, но может остаться и прилагательным, субстантивируясь только в данном его синтаксическом употреблении. Тогда оно оказывается в необычном для него синтаксическом положении самостоятельного члена предложения, то есть, когда прилагательное лексически не субстантивируется, не получает постоянного предметного значения, оно остается субстантивированным только в отдельном его использовании. Субстантивированные прилагательные образуются от того, что часть речи, установившаяся в своем синтаксическом положении атрибутивного члена, попадает в положение другого члена предложения, имеющего предметное значение.

ГЛАВА III

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Имя числительное в монгольских языках – это класс однозначных слов, обозначающих число, количество и связанные с ним мыслительные категории порядка при счете, кратности, собирательности. В соответствии с этими значениями выделяются различные разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, кратные, дробные, приблизительные, неопределенные.

3.1. Количественные числительные

Понятие числа находит отражение в количественных числительных, образующих ядро, вокруг которого группируются другие разряды числительных, обозначающих отвлеченный результат счета. В структурном отношении количественные числительные можно разделить на простые и сложные. К простым относятся числительные, состоящие из одного корня, например, монг. *нэг*, калм. *негн*, бур. *нэгэн* “один”, монг. *гурав*, калм. *хурвн*, бур. *гурбан* “три”, монг. *дөрөв*, калм. *дөрвн*, бур. *дүрбэн* “четыре”, монг. *тав*, калм. *тавн*, бур. *табан* “пять”, монг. *зургаа*, калм. *зурхан*, бур. *зургаан* “шесть”, монг. *долоо* калм. *долан*, бур. *долоон* “семь”, монг. *найм*, калм. *нээмн*, бур. *найман* “восемь”, монг. *ёс*, калм. *йисн*, бур. *юэн* “девять”, монг. *арав*, калм. *арвн*, бур. *арбан* “десять”, монг. *хорь*, калм. *хөрн*, бур. *хорин* “двадцать”, монг. *гуч*, калм. *гучн*, бур. *гушан* “тридцать”, монг. *дөч*, калм. *өөчн*, бур. *дүшэн*, “сорок”, монг. *тавь*, калм. *тэвн*, бур. *табин* “пятьдесят”, монг. *жар*, калм. *жирн*, бур. *жаран* “шестьдесят”, монг. *дал*, калм. *далн*, бур. *далан* “семьдесят”, монг. *ная*, калм. *найн*, бур. *наян* “восемьдесят”, монг. *ер*, калм. *йирн*, бур. *эрэн* “девяносто”, монг. *зуу*, калм. *зун*, бур. *зуун* “сто”.

К сложным числительным относятся числительные, состоящие из сочетания двух и более основ по модели: монг. *арван*, калм. *арвн*, бур. *арбан* “десять + единицы первого десятка”, например:

<u>монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
<i>арван нэг</i>	<i>арвн негн</i>	<i>арбан нэгэн</i>	одиннадцать
<i>арван хоёр</i>	<i>арвн хойр</i>	<i>арбан хоёр</i>	двенадцать
<i>арван гурав</i>	<i>арвн хурвн</i>	<i>арбан гурбан</i>	тринадцать
<i>арван дөрөв</i>	<i>арвн дөрвн</i>	<i>арбан дүрбэн</i>	четырнадцать
<i>арван тавь</i>	<i>арвн тавн</i>	<i>арбан табан</i>	пятнадцать
<i>арван зургаа</i>	<i>арвн зурхан</i>	<i>арбан зургаан</i>	шестнадцать
<i>арван долоо</i>	<i>арвн долан</i>	<i>арбан долоон</i>	семнадцать
<i>арван найм</i>	<i>арвн нээмн</i>	<i>арбан найман</i>	восемнадцать
<i>арван ес</i>	<i>арвн йисн</i>	<i>арбан юэн</i>	девятнадцать.

Количественные числительные второго, третьего, четвертого, и последующих десятков образуются по аналогии с числительными первого десятка, например,

<u>монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
<i>хорин нэг</i>	<i>хорн негн</i>	<i>хорин нэгэн</i>	двадцать один
<i>хорин хоёр</i>	<i>хорн хойр</i>	<i>хорин хоёр</i>	двадцать два
<i>хорин гурав</i>	<i>хорн хурвн</i>	<i>хорин гурбан</i>	двадцать три
<i>хорин дөрөв</i>	<i>хорн дөрвн</i>	<i>хорин дүрбэн</i>	двадцать четыре
<i>хорин тавь</i>	<i>хорн тавн</i>	<i>хорин табан</i>	двадцать пять
<i>хорин зургаа</i>	<i>хорн зурһан</i>	<i>хорин зургаан</i>	двадцать шесть
<i>хорин долоо</i>	<i>хорн долан</i>	<i>хорин долоон</i>	двадцать семь
<i>хорин найм</i>	<i>хорн нэгмн</i>	<i>хорин найман</i>	двадцать восемь
<i>хорин ёс</i>	<i>хорн йисн</i>	<i>хорин юһэн</i>	двадцать девять

Монгольские языки очень богаты своими формами числительных и разрядами числительных. Для обозначения чисел более высокого порядка монголоязычные народы пользовались числительными, заимствованными из тибетского и санскритского языков. Ср. монг. *түм*, калм. *түмн*, бур. *түмэн*, монг. *арван мянга*, калм. *арвн миңһн*, бур. *арбан мянга* “десять тысяч”; калм., монг., бур. *бум*, монг., бур. *зуун мянга*, калм. *зун миңһн* “сто тысяч”; монг., бур. *живаа*, калм. *жываа*, монг. *арван сая*, калм. *арвн сай*, бур. *арбан сая* “десять миллионов”; монг. *дүнчүүр*, калм. *дуңшур*, бур. *доншуур*, монг., бур. *зуун сая*, калм. *зун сай* “сто миллионов”. От этого типа числительных не образуются другие разряды числительных.

Характерной особенностью калмыцких и бурятских простых числительных, оканчивающихся на неустойчивый *-н*, является то, что они в сочетании с другими числительными не утрачивают конечный *-н*, исключение составляет числительное калм. *негн*, бур. *нэгэн* “один”, которое при обозначении количества сотен, тысяч в сложных количественных числительных утрачивает *-н*, например, калм. *нег миңһн*, бур. *нэгэ мянга* “одна тысяча”.

Что касается склонения количественных числительных монгольских языков, то они, как и существительные, в некоторых падежах восстанавливают скрытый *-н*, в других употребляются без этого *-н*, например:

падежи	<u>монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
Им.	<i>гурав</i>	<i>хурвн</i>	<i>гурбан</i>	три
Род.	<i>гурвны</i>	<i>хурвна</i>	<i>гурбанай</i>	трех
Дат.-м.	<i>гурвд</i>	<i>хурвнд</i>	<i>гурбанда</i>	трем
Вин.	<i>гурвыг</i>	<i>хурвыг</i>	<i>гурбые</i>	трех
Оруд.	<i>гурваар</i>	<i>хурвар</i>	<i>гурбаар</i>	тремя

Соед.		<i>хурвнла</i>		с тремя
Совм.	<i>гурвантай</i>	<i>хурвнта</i>	<i>гурбатай</i>	с тремя
Исх.	<i>гурвнаас</i>	<i>хурвнас</i>	<i>гурбанһаа</i>	от трех
Напр.		<i>хурвнур</i>		к троем

Вообще, когда количественные числительные выражают понятие отвлеченного числа, они уподобляются именам существительным и могут принимать аффиксы падежа, числа, принадлежности, которые свойственны субстантивам. При этом количественные числительные могут быть теми же членами предложения, что и существительные. При этом количественное числительное, употребляясь в роли подлежащего, может иметь при себе показатель подлежащего, например, бур. *Хори болбол тэгшэ тоо* “Двадцать есть четное число”. В роли подлежащего эти числительные могут принимать притяжательные частицы, например, калм. *Негнь тохан чигэ торха болад зогсв* “Один из них представился карликом с локоток”. В монгольском языке количественные числительные в функции подлежащего всегда употребляются в усеченной основе: *Арав тавд тэгш хуваагдана* “Десять делится на пять”.

Выступая в качестве определения, количественные числительные употребляются в полной основе с *-н*, как и существительные. Способом синтаксической связи является примыкание. Ср. монг. *булга(н)* “соболь”, но *булган малгай* “соболя шапка” и аналогично числительное, например, *гурав* “три”, но *гурван хонь* “три овцы”: *Би тэр гурвыг харав* “Я видел тех трех”, но *Би гурван хонийг харав* “Я видел трех овец”. Примеры: калм. *долан хонга болзг* “недельный срок”, бур. *зуун наян мянган километр зайтай* “триста восемьдесят тысяч километров”.

В качестве дополнения количественное числительное может принимать формы косвенных падежей, например, монг. *Найм тавд тэгшээр хуваагдахгүй* “Восемь на пять без остатка не делится”; калм. *Хориг хойрт хувахла – арвн* “Двадцать разделить на два – десять”; бур. *Табые дүшэн табаар үдхэгты* “Пять умножьте на сорок пять”.

Количественное числительное в качестве обстоятельства могут употребляться в форме орудного падежа без *-н*, например, калм. *Нег метринь тавар авув* “Купил метр за десять рублей”, бур. *Гурбаар хубажа абабад* “По три – на каждую”, монг. *Оюутнууд гурваараа суудаг* “Студенты живут по трое”.

Количественное числительное в краткой форме основы (без *-н*) может употребляться в качестве обстоятельства, ср. например, монг. *тэр тосгон руу явахдаа гурав хоно* “добираться трое суток до той деревни”, *дот харавч, дөрөв хоно* “Хоть на вид и близко, ехал четверо суток” (поговорка).

Выступая в качестве сказуемого, количественное числительное всегда теряет конечный *-н*, например, монг. *Бадам дөрөвдөх нь*, калм. *Бадм*

дөрвдчкнь "Бадма – четвертый", бур. *Табан таба – хорин таба* "Пятью пять – двадцать пять".

Одним из характерных признаков количественных числительных в монгольских языках является то, что они не имеют категорию грамматического числа. Категория числа заложена в самой основе, но принимать показатели множественности они могут тогда, когда субстантивируются; ср. например, монг. *найман нар* "найманы", *зуутууд* "несколько сотен", *мянгад* "мингаты", бур. *табангууд* "табангуты". От числительных не образуется других частей речи. В монгольских языках название некоторых племен связано с числительными, например, монг. *дөрвөд* "дербеты" связано с *дөрвөн* "четыре", *мянгад* "мянгаты" от *мянга* "тысяча", *найман* "найманы" от *найм* "восемь".

3.2. Порядковые числительные

Порядковые числительные обозначают порядковые номера, присваиваемые предметам или явлениям при счете и располагаются в естественном числовом порядке. Эта последовательность предметов осознается как их признак, и с этой точки зрения, по мнению Н.К. Дмитриева, "порядковые числительные приближаются к категории прилагательных" [1948, с. 94].

Порядковые числительные в монгольских языках оформляются двумя вариантами аффиксов, например, монг. *-дугаар/-дүгээр*, *дахь*, *дэх*, калм. *-дгч*, *-двар/двар*, бур. *-дахи/-дэхи/-дохи*, *-дугаар/-дүгээр*.

Таким образом, существуют параллельно ("первый", "второй", "десятый"):

МОНГ.

нэгдүгээр ~ *нэг дэх*
хоёрдугаар ~ *хоёр дах*
гуравдугаар ~ *гурав дах*
дөрөвдүгээр ~ *дөрөв дэх*
тавдугаар ~ *тавь дах*
зургаадугаар ~ *зургаа дах*
долоодугаар ~ *долоо дах*
ёсдүгээр ~ *ёс дэх*
арвдугаар ~ *арав дах*

КАЛМ.

негдгч ~ *негдвар*
хойрдгч ~ *хойрдвар*
урвдгч ~ *хурвдвар*
дөрвдгч ~ *дөрвдвар*
тавдгч ~ *тавдвар*
зурһадгч ~ *зурһадвар*
доладгч ~ *доладвар*
йисдгч ~ *йисдвар*
арвдгч ~ *арвдвар*

БУР.

нэгэдэхи ~ *нэгдүгээр*
хоёрдохи ~ *хоёрдугаар*
гурбадахи ~ *гурбдугаар*
дүрбэдэхи ~ *дүрбэдүгээр*
табадахи ~ *табадугаар*
зургаадахи ~ *зургаадугаар*
долоодохи ~ *долоодугаар*
юхэдэхи ~ *юхэдүгээр*
арбадахи ~ *арбадугаар*

Порядковые числительные в предложении, как правило, выступают в качестве определения к существительному, например, монг. *арвадугаар анги төгсөв*, калм. *арвдгч класс чилэв*, бур. *арбадахи класс дүүргэвэ* "окончил десятый класс"; возможно употребление в функции дополнения и подлежащего, например, калм. *Хойрдгчдан эвдрсн* "Во второй раз поссорились",

Дарунь – *хойрдгчнь босад харв* “Тут же поднялся второй и ушел”; бур. *Хоёрдохинь нэгэдэхинээ түрүүлжээ ерээ* “Второй прибыл впереди первого”.

Некоторые порядковые числительные в монгольских языках имеют синонимы. Так, синонимами числительного “первый” в определенных случаях являются слова типа монг. *тэргүүн, анхны, толгой*. Эти слова могут заменять числительное “первый” только тогда, когда оно употребляется в функции определения. При этом они имеют различные семантические оттенки.

Следует отметить, что в отдельных словах при образовании порядковых числительных в монгольских языках можно обнаружить корень слова, который является историческим. Так, например, кроме обычной формы типа монг. *гуравдугаар* “третий”, *дөрөвдүгээр* “четвертый”, встречаются слова *гутгаар, дотгоор* с теми же значениями. В этом случае **γu-*, **dö-* являются историческими корнями числительных *γurban* “три”, *dörben* “четыре”. Эти краткие формы часто встречаются в письменной речи. М.Н. Орловская пишет, что в древнем языке “от числительного *qurban/γurban* “три”, кроме его порядковой формы: *γurbadyar*, употреблялись и формы *qutu'ar~ quta'ar, γutuγar, γudyar, γudayar*. От *dörben* “четыре” были формы: *dörbedüger, dötü'er, dötüger* [1999, с.69].

3.3. Собираемые числительные

Собираемые числительные обозначают совокупность предметов по количеству составляющих ее единиц. Они образуются от усеченных основ количественных числительных с помощью присоединения следующих аффиксов: монг. *-уул/-үүл*, калм. *-ули/-үли, -лули/-лүли*, бур. *-уулан/-үүлэн/-юулан/-луулан*.

Собираемые числительные склоняются как имена существительные и могут подобно им принимать лично-притяжательные и безлично-притяжательные частицы, например, калм. *хурвуланднь* “всем троим”, монг. *гурвууландаа*, бур. *гурбууландаа* “себе троим”.

В предложении собираемое числительное может быть подлежащим, например, калм. *Ода хоюрн харад йовцхав* “Сейчас вдвоем поехали”, монг. *Хоюулаа миний хүү* Оба мои сыновья“, сказуемым – калм. *Амн-нурһн зурһалули* “Шейных позвонков – шесть”, дополнением – *хурвалань авад харв* “Троих он вынес”, обстоятельством – *Бидн хоюрн хол биш одхм* “Вдвоем пойдем недалеко”.

<u>монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>бур.</u>	<u>рус.</u>
<i>нэгүүл</i>	<i>негүли</i>	<i>нэгүүлэн</i>	только один
<i>хоуул</i>	<i>хойрули</i>	<i>хоуулан</i>	вдвоем

<i>гурвуул</i>	<i>хурвуулн</i>	<i>гурбалуулан</i>	втроем
<i>дөрвүүл</i>	<i>дөрвүүлн</i>	<i>дүрбүүлэн</i>	вчетвером
<i>тавуул</i>	<i>тавуулн</i>	<i>табуулан</i>	впятером
<i>зургаагуул</i>	<i>зургаалулн</i>	<i>зургаалуулан</i>	вшестером
<i>долоолуул</i>	<i>дололулн</i>	<i>долоолуулан</i>	всемером
<i>наймуул</i>	<i>нээмүлн</i>	<i>наймалуулан</i>	ввосьмером
<i>ёсүүл</i>	<i>ийсүүлн</i>	<i>юхэлүүлэн</i>	вдевятиором
<i>арвуул</i>	<i>арвуулн</i>	<i>арбалуулан</i>	вдесятером

3.4. Разделительные числительные

Разделительные числительные используются для обозначения количественно однородных групп, на которые распределено данное множество. Данная группа числительных представляет собой атрибутивно-обстоятельственные формы, образующиеся посредством следующих аффиксов, например, калм. *-ад/-эд*, монг. *-аад/-оод/-ээд*, бур. *-аад/-ээд/-оод/-өөд*. При присоединении этих аффиксов у основы выпадает конечный *-н*, например, калм. *хурвад*, монг. *гурваад*, бур. *гурбаад* “по три” от общемонгольской формы *γurban* “три”; монг. *дөрвөөд*, калм. *дөрвад*, бур. *дүрбөөд* “по четыре” от общемонгольской формы *dörben* “четыре”.

При образовании разделительных числительных монг. *нэгжээд*, *нэгжээд*, калм. *нежэд*, бур. *нэгжээд* “по одному” от общемонгольской основы *nigen*; монг. *хошоод*, калм. *хошад*, бур. *хошоод* “по два” от общемонгольской основы *qoyar* “два” выпадают конечные согласные *-н*, *-р* и происходит чередование монг. *nije-//nijie-*, *qoyo-(qoe-)*. Ср. *nijiel sumut ququlutqun* [СС, §19] “сломаю по одной стреле”, *tere nijiel sumut metü* [СС, §22] “подобно стрелам жить поодиночке”, стп.-м. *nij eged* [А.Т., §166] “по одному”.

Монгольские языки используют для оформления разделительных числительных удвоение основы того же разделительного числительного, где второй компонент стоит в форме орудного падежа, например, калм. *хошад-хошадар* “по два”, бур. *таба-табаар* “по пяти”, ср. второй компонент в чистой основе монг. *тав таван* “по пять”, бур. *таби-таби* “по пятьдесят”, бур. *нэгэ-нэгэ* “по два”.

Повторение одних и тех же чисел, следующих друг за другом, передает одинаковое, равномерное распределение предметов по группам, что указывает на многократность такого распределения, например, калм. *хошад-хурвад* “по два-три” или *хошад*, *хурвадар* “по трое, четверо”.

Разделительные числительные изменяются по падежам и могут принимать лично-притяжательные частицы, как количественные числительные. В предложении выполняют функцию обстоятельственных слов.

3. 5. Кратные числительные

Кратные числительные обозначают количество повторений некоторого действия или явления, как правило, ограничены первым десятком чисел и образуются путем присоединения аффиксов, например, монг. *-таа/-төө*: *гурвантаа* “трижды” от *гурав* “три”, *дөрвөнтөө* “четырежды” от *дөрөв* “четыре”. Ср. калм. *хойр дакж*, монг., бур. *хоёр дахин* “дважды”, калм. *нурав дакж*, монг. *гурав дахин*, бур. *гурба дахин* “трижды”. Как видим из примеров, для оформления кратного числительного приходится применять специальные слова типа калм. *дакж*, монг., бур. *дахин* в значении “раз, крат”.

В предложении кратные числительные обычно выполняют функцию обстоятельства, например, калм. *хойр дакж сурв*, монг. *хоёр дахин (удаа) асуув*, бур. *хоёр дахин (удаа)* “дважды спросит”. Этот разряд числительных в грамматиках монгольских языков обычно не выделяется, за исключением академической грамматики современного монгольского языка [1997], хотя кратность выражается во всех монгольских языках. По своей функции этот разряд приближается к наречиям. Для числительных вообще характерно выступление в функции существительных, прилагательных, наречий, так что это не должно быть препятствием для выделения кратных числительных в калмыцком и бурятском языках, тем более имеются специальные слова для образования этих числительных.

3.6. Дробные числительные

Дробные числительные обозначают дробные величины и являются всегда компонентами: количественное числительное + порядковое числительное в форме родительного падежа. Компонент в форме родительного падежа всегда препозитивен, например, монг. *тэг бүхэл аравны тав* “Ноль целых пять десятых”, калм. *хоосн бүкл миңһнэ зун арвн хойр* “Ноль целых сто двенадцать тысячных”, бур. *табанай гурбан* “три пятых”. Кроме того, в монгольских языках встречаются слова, которые по своему употреблению идентичны дробным числительным, например, монг. *тал*, *тэн хагас*, калм. *өрэл*, *дундур*, бур. *хахад* “половина”, монг. *бүтэн хагас*, калм. *күсдундур* “полторы”, монг. *дөрөвний нэг*, калм. *дөрвнэ* “четверть” и образуются сочетанием двух количественных числительных.

Дробные числительные склоняются как количественные числительные, при этом изменяется вторая часть компонента, а первая часть остается без изменений – в форме родительного падежа.

3.7. Приблизительные числительные

Числительные приблизительного счета обозначают приблизительно, примерное, точно не подсчитанное количество предметов.

Приблизительные числительные образуются с помощью присоединения к количественным числительным, обозначающим только целые десятки тех же аффиксов, которые образуют разделительные числительные, монг. *-aad/-ээд/-оод/-өөд*, *гаад/-гээд/-гоод/-гөөд*, калм. *-aad/эд*, бур. *-aad/-оод/-ээд/-өөд/-яад/-еод*, *-гаад/-гоод/-гээд*, например, монг. *жараад*, калм. *жирэд* “около шестидесяти”, бур. *зугаад* “около ста”.

В монгольских языках приблизительность количества выражается также повторением разных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа, например, монг. *тав-зургаа хоног*, калм. *тавн-зурхан хонг*, бур. *таба-зургаан хоног* “пять-шесть дней”. Также приблизительное числительное образуется аналитическим способом с особыми служебными словами, например, монг. *орчим*, *хир*, *барагцаа* в значении “около” путем перестановки компонентов: *арав орчим хүн* или *арав гаруй хүн* “человек десять”, *гурван цаг орчимд (хирд)* “часа в три”. Количественные и разделительные числительные, сочетаясь с послелогами, например, калм. *шаху* “около”, *һар* “более”, выступают в значении приблизительных числительных. Примеры: *долан шаху* “более семи”, *дал һар* “более семидесяти”.

3.8. Неопределенные числительные

Неопределенные числительные выражают неопределенное число и несоотносимы в морфологическом плане ни с порядковыми, ни с собирательными числительными. Способность человека оперировать приблизительными множествами находит отражение в том, что к определенно-количественным числительным примыкает группа слов, обозначающих неопределенные количества, например, монг. *олон*, *зүндөө* “много”, *цөөн үй түмэн* “уйма”: *олон дэвтэр* “много тетрадей”, *цөөхөн (цөөн, хэдэн) мөнгө* “немного денег”, калм. *олн, кесг* “много”, *дала* “очень много”, *цөн, цөөкн* “несколько”, “немного”; монг. *хэд, хэдэн, хэд хэдэн* “несколько”, *хэдэн мянга* “несколько тысяч”. Неопределенные числительные могут сочетаться с усилительными словами, например, калм. *дегд олн* “очень много”.

Итак, имена числительные в монгольских языках обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим выделять их как особую знаменательную часть речи. В основе числительных лежит их особое отношение к грамматическому числу. Числительное, выражая понятие числа, не может соотноситься с грамматической категорией числа. Числи-

тельное не может принимать аффиксы множественности. Лексическое значение числительного связывается с понятием множества. Числительные могут сочетаться с именами существительными и обозначать считаемые предметы. Характерной особенностью монгольских числительных является изменение по падежам. В современных монгольских языках господствует десятичная система, в основе которой лежат десять пальцев, на которых, по замечанию Ф. Энгельса, “люди учились считать, то есть производить первую арифметическую операцию” [Энгельс, с.37]. Зафиксированы факты, когда счет в монгольских языках начинается с большого пальца без участия одной какой-либо руки. Ср. у русских принято начинать счет с мизинца. Также счет осуществляется у монголоязычных народов путем использования локтя с запястьем.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В каждый период своего развития лингвистика предлагала определенную теорию, которая должна была способствовать раскрытию сущностных характеристик языка. И в своем стремлении вскрыть его природу и назначение, его внутренние законы она все чаще уходила за пределы собственно лингвистического анализа. Такое положение объяснимо полифункциональностью языка как материального воплощения мысли, средства общения и познания. Однако привлечение исследовательского аппарата и проведение аналогий с другими областями знания, такими, как психология, социология и т. д., оправдано лишь до определенного предела, а именно, до тех пор, пока соблюдается принцип неизоморфности анализируемых систем во избежание полного отождествления понятий и категорий изначально призванных служить разным целям.

Тенденция к синтезации научных исследований предполагает возможность наиболее адекватного описания объекта путем установления характера его отношений внутри некоторых супрасистем. И если мы будем говорить о языке и его отношениях с логикой, социологией, философией, то выстраивается своего рода система взаимосвязей, внутри которой и вырисовывается сущность, роль, специфика каждой составляющей. При этом необходимо учитывать не только внутриязыковой контекст, но и внеязыковую ситуацию, которую “образует вся система человеческой деятельности, включающая в себя язык как один из ее элементов” [Петров, с. 5]. Всякое высказывание обладает значением, речевым воздействием, передачей и восприятием смысла.

Функционирование высказывания предполагает взаимодействие разноплановых категорий. При описании языковых единиц, как указывал В. Гумбольдт, мы сталкиваемся с неоднородными категориями. Согласно этой идее И.И. Мещаниновым была выдвинута концепция: “...существует огромная разница между категориями, выражаемыми в строе языка, и категориями, выражаемыми посредством языка” [Мещанинов 1945, с. 8].

В процессе развития языка категории, выражаемые посредством языка, преломляясь в сознании человека, находят в нем свое выражение. В результате этого одни из них могут быть материально выраженными, то есть иметь строго закрепленные за ними маркеры. По сути, это любая именная категория: числа, склонения, ослабленной или усиленной степени качества, определенности и т.д. Другие, не имея явных формальных показателей, способны, однако, детерминировать выбор при построении высказывания,

предопределяя возможность формоупотребления в значении множественного числа. Можно, например, сказать монг. *морь хардаг* “стережет коней”, но нельзя использовать в этом значении винительный оформленный падеж, например, *морийг хардаг* “стережет одного коня”. Эта категория получила название неопределенности, которая от определенности отличается по степени абстрагированности и по уровню языковой актуализации. Если, например, категория множественности представляет собой именную парадигму с однозначным системным соответствием формы значения и закрепленными за формой материальными маркерами, то, скажем, категория единичности актуализируется опосредованно.

Интерес ученых к категории определенности-неопределенности (далее О/НО) зародился еще в эпоху античности [Готт, Урсул 1971, с.55]. Но ее сущность с точки зрения современного состояния изученности можно передать тавтологическим выражением: проблема неопределенности самая неопределенная в лингвистике. До недавнего времени все исследования по категории О/НО концентрировались вокруг вопроса становления и употребления в европейских языках артикля как одного из языковых средств ее выражения. Проблема фактически сводилась к установлению правил выбора грамматических указателей категории О/НО. Для языков, лишенных артикля, эта проблема в принципе не ставилась и не изучалась.

В последние годы научный интерес к категории О/НО заметно возрос. Этому способствовали, прежде всего, лингвистические исследования в области семантики и теории коммуникации. Современная лингвистика пытается рассматривать язык не как автономную систему, а в неразрывной связи с человеческим мышлением, ментальностью, с человеческой когницией, которая меняется вслед за изменениями, происходящими в окружающем человека мире, в то же время лингвистика как бы приоткрывает глубинные аспекты данной категории, подводит лингвистические исследования к этапу постановки новых вопросов, касающихся ее грамматического статуса, функционально-семантической природы, форм выражения в языках, не имеющих артиклей, речевых особенностей, взаимодействия с другими грамматическими категориями.

Тесная грамматическая связь категории О/НО с другими категориями и их функциональное взаимодействие, например, в монгольских языках должна осознаваться, по-видимому, по мере ее становления и формирования языковых способов выражения. В противном случае трудно будет объяснить существование в монгольских грамматиках различных средств, на которые возложена основная нагрузка в языковом выражении категории О/НО.

Как известно, интерес языкознания последних лет сконцентрирован на содержательной стороне языка, поэтому устанавливать наличие формальной общности выражения категории О/НО и, например, в категории числа

является далеко не достаточным как с научной точки зрения, так и с точки зрения практики речевого общения. Обращение к содержательной стороне указанных категорий, к семантике их значений сопряжено со многими языковыми проблемами, знакомство с которыми становится неизбежным для цели исследования. Одной из таких проблем является проблема грамматического толкования содержания понятий определенность-неопределенность. При всей изученности категории О/НО вопрос о значении ее исходных понятий не нашел должного освещения в европейских, тюркских языках, не говоря уже о монгольских языках. Ряд лингвистов отмечает лишь их производность от значений определенного и неопределенного падежа.

В последнее время ведутся исследования не только лингвистами, но особенно плодотворно в этом направлении работают философы [Готт, Урсул 1971; Дорожкин 1978; Мануйлов 1985], которые пытаются определить философский статус категории О/НО. Так, например, ими ставится вопрос о локализации категории О/НО: является ли она категорией объекта или субъекта. Конечно, вопрос о локализации категории О/НО не менее важен и для лингвистики, ибо от этого зависит смысловое наполнение содержания понятий О/НО.

Следует обратить внимание на то, что в лингвистике проблема локализации категории О/НО сложнее, чем в философии. Если в философии рассматривается соотношение двух субстанций, участвующих в становлении категории О/НО, – объективной действительности и воспринимающего ее субъекта, то в языкознании, кроме этого, появляются еще две: язык в функции орудия общения и воспринимающий его субъект.

Процесс познания сущности понятий О/НО осложняется тем, что каждая из составляющих коммуникативного акта сама по себе характеризуется сложной природой, что не может не сказаться на ее функционировании в речевом потоке. Если анализировать с этой точки зрения, например, объекты и явления внеязыковой действительности, происходящие в объективном мире, и их философское осмысление, то можно установить три характерных им состояния: количество, качество, взаимоотношение или взаимодействие. Два первых состояния – это объективные свойства предметов материального мира, а третье – способ их существования. Каждое из этих свойств находит отражение в языке как орудии отражения, а диалектика их взаимодействия формирует семантическое содержание коммуникативных процессов. Поэтому определенность-неопределенность как общеязыковую категорию можно соотнести, во-первых, с количественной определенностью и неопределенностью, во-вторых, с качественной определенностью и неопределенностью и, в-третьих, с определенностью и неопределенностью взаимоотношений. Названные аспекты категории О/НО являются отражением соответствующих состояний объектов и явлений в реальной действительности.

Так, в высказывании монг. *Энэ миний найз* “Это мой друг”, именной компонент *миний найз* определен как в количественном, так и в качественном отношении. Источники этих определенностей различны. Качественная определенность вытекает из отношения принадлежности, которое возможно с помощью личного местоимения *миний* “мой”. Количественная определенность является результатом действия морфологических показателей, сопровождающих существительное *найз* “друг”. Определенность отношений двух именных компонентов этого высказывания обнаруживается в случае его речевой актуализации.

В научной литературе, а также в практических грамматиках широко распространено мнение, что определенность связана с чем-то известным, конкретным, а неопределенность – с неизвестным, неконкретным, обобщенным, абстрактным и тесно переплетается с теорией референции. По мнению большинства ученых, референция – соотнесенность языковых выражений с индивидуализированными объектами внешнеязыковой действительности. Это в принципе верное суждение требует некоторой детализации.

Референциальная отнесенность актуализированных в речи языковых единиц с объектами внеязыковой действительности является еще одной трудностью адекватного описания содержательной структуры понятий О/НО, как составляющих категорию О/НО. Эти две языковые проблемы настолько близки друг другу, что некоторые исследователи склонны их отождествлять [Падучева 1985, с.86]. Тем не менее эти два языковых понятия не тождественны. Большинство современных ученых усматривает суть референции в указании на конкретно существующий объект речи в реальной действительности. Из этого следует, что референция соприкасается с категорией О/НО со стороны определенных субстанций.

Что касается неопределенности, то по мнению Н. Д. Арутюновой, эта сторона проблемы недостаточно изучена [Арутюнова 1982, с. 37]. К сказанному следует добавить, что референция в ее современном толковании тяготеет не только к определенным сущностям, но и к конкретным, количественно детерминированным.

Трактовку категории О/НО, основанную на принципе “актуализации и детерминизации имени”, находим у Т.М. Николаевой, которая применяет этот подход при определении неопределенности, говоря о его “отношении к классу подобных ему”, а определенность как бы демонстрирует свою единственность в описываемой ситуации [Лингвистический энциклопедический словарь, с.349].

Ш. Балли, основываясь на концепции актуализации и детерминизации имени, рассматривает показатели определенности-неопределенности “как актуализаторы, преобразующие единицы языка в единицы речи... При употреблении в речи имя существительное сочетается с артиклем и этим осу-

шествляется переход от идеи к действительности... Опускание артикля при существительном рассматривается в оппозиции с существительными в сопровождении артикля, выражающими определенность-неопределенность” [Гладров, с.234].

Как было замечено выше, категория неопределенности указывает на неизвестный и произвольно выбранный предмет (вещь) из целого ряда, а категория определенности обозначает известный предмет (вещь): значения определенности-неопределенности связаны с вводом в речевое сообщение новых, то есть ранее не упоминающихся предметов. Следует учесть, что монгольские языки формально не отражают ту разницу, которая в немецком языке обозначается оппозицией, например, *Mann* “человек”, с одной стороны, *der Mann* “этот человек” и *ein Mann* “один человек”, с другой.

Как считает Э. Косериу, функция актуализации выражается специальными актуализаторами, которая в немецком языке обозначается противопоставлением определенного и неопределенного артиклей [Cosegiu 1981, p. 190]. Для выражения этой оппозиции монгольские языки обладают разными средствами, о чем подробно будет сказано ниже.

Таким образом, категория О/НО включается в сферу исследования как высказывания изолированного, так и группы связанных высказываний. В этом смысле можно говорить об определенной эволюции и интерпретации понятия О/НО.

На основе противопоставления средств выражения О/НО можно исходить из двух разных подходов к выявлению сущности данной категории. Первый подход – *когнитивный* или *логический*. “Когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре” [Демьянков, ВЯ, 1994, № 4]. В связи с этим когнитивная грамматика приравнивает значение к концептуализации, которая охватывает не только твердо установленные концепты, но также новые концепции и впечатления в момент их появления, включает не только абстрактные интеллектуальные концепции, но также такие явления, как сенсорные, эмотивные и другие ощущения, осознание человеком физического, социального и лингвистического контекста речевых событий. Второй подход – *функциональный*, четко сформулированный в “Тезисах Пражского лингвистического кружка” (“Язык есть система средств выражения, служащая определенной цели”) [Пражский лингвистический кружок, с.17], он вновь становится актуальным в лингвистике.

Изучение языковой способности и языкового исполнения (*competence* и *performance*) не достигает цели вне обращения к структуре речевого акта, куда включается интенция говорящего, реально выраженное им значение. Среди лингвистов широко распространено мнение, что языковые явления прежде всего контролируются точно формулируемыми синтаксическими

факторами и играют большую роль в образовании разных степеней грамматичности, и между тем языковые явления контролируются несинтаксическими факторами.

Категория О/НО, являясь одной из языковых категорий, полное описание которой невозможно без учета акта коммуникации, подвергается пристальному вниманию в современной теории функционализма. Здесь важная роль принадлежит исследованиям И.И. Ревзина [1978, с.133-272], который впервые применил функционально-семантический подход к языку и к категории О/НО, а также концепция Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой о соотносительности языковых единиц с внеязыковой действительностью относительно русского языка. Применение к живому языку методов логического анализа позволило Е.В. Падучевой выявить большое разнообразие типов денотативных статусов [Падучева 1985, с. 83-101]. В последние годы появилось значительное число работ, посвященных семантике и средствам выражения О/НО в русском языке [Крушельницкая 1961; Гуревич 1968; 1983; Поспелов 1970; Фурсенко 1970; Алехина 1975; Рылов 1975; Рогова 1995]. Так, например, И.И. Ревзин пишет о функциональном подходе: “Под коммуникативным фактором имеется в виду определенность в узком смысле слова, то есть обусловленность данной коммуникативной ситуацией, предполагаемость предмета или, наоборот, его возникновение в данной ситуации...” [Ревзин 1978, с.198]. В свете этих положений представляется интересным вопрос о соотношении понятийных и грамматических категорий в языке.

Как нам представляется, на определенном этапе развития монгольского языкознания оказывается необходимым новый подход, функциональный, отличающийся от старого. Его специфика заключается в том, что объект изучается с точки зрения его функций, его связей с окружающей нас действительностью: “Бесконечное углубление в сущность объекта идет от функции к структуре, а от нее – к более глубокой функции ...” [Новик, Мамедов, Давтян 1983, с.173].

Как было замечено выше, в монгольских языках для выражения значения О/НО нет средств, подобных европейским определенному и неопределенному артиклям. Но тем не менее оппозиция значений О/НО выражается и в них, но иными способами. Отмеченные выше коммуникативные правила о том, что говорящий учитывает осведомленность слушающего об объектах речи, реальны.

В грамматиках всех монгольских языков имеются формы, выражающие категорию О/НО. Но тем не менее до сих пор эта категория в монгольских языках остается неизученной, причем не только в историческом, но и в синхронном плане. При этом, естественно, не выработано и само понимание сущности грамматической категории О/НО. Хотя можно с уверенностью сказать, что монгольские языки – языки с развитыми показателями О/НО.

Существование категории О/НО в монгольских языках в свое время отрицал Г.Д. Санжеев: “Уже давно изучается вопрос о том, когда то или иное имя выступает, будучи прямым дополнением, в форме винительного падежа, и когда в своей второй основе. Как известно, многие исследователи склонны усматривать здесь проявление категории определенности-неопределенности. По мнению этих исследователей (преимущественно тюркологов), вторая основа вместо винительного падежа употребляется в тех случаях, когда речь идет о неопределенном предмете, то есть в тех случаях, в каких употребляется неопределенный артикль в западногерманских языках. Подобное толкование до самого последнего времени было почти господствующим, но теперь начинает постепенно рушиться...” [Санжеев 1953, с.184]. Видимо, здесь в какой-то степени сказывается влияние русского языка.

Однако, как нам представляется, система форм и грамматических категорий монгольских языков должна устанавливаться не по образцу и подобию других языков, например, русского, и не на основании логико-философских концепций, а путем анализа действительно существующих в этих языках формальных различий и образуемых ими оппозиций.

4.1. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в именах существительных монгольских языков

На падежную систему вообще и наличие *неопределенного падежа*, который выражает неопределенность объекта, места расположения и направления и его обобщенность, в монголоведении не раз обращалось внимание, и уже был сделан ряд наблюдений, касающихся употребления винительного оформленного и винительного неформленного падежей. Вот что по этому поводу пишет А.А. Бобровников: “...часто частица винительного падежа может быть удержана и опущена по произволу” [Бобровников, с.241]. Он приводит примеры из Гэсэра (с.19 по изд. Шмидта), где явно указывает на потенции падежной оппозиции: *гурбан хони-ји чинос-ту баригулджу идегулбе* “трех овец скормили волкам”, где определенность выражается аффиксом винительного падежа и через две строчки эта же фраза повторяется слово в слово, но вместо *хони-ји* стоит *хони*, употребленное в своей второй основе, которая выступает в форме неопределенности, выраженная винительным неформленным падежом. А.А. Бобровников явно обращает внимание на средства передачи выражения определенности-неопределенности.

Из посылки А.А. Бобровникова [с. 242-244] можно заключить, что винительный падеж с показателем *-ји* выражает категорию определенности, если речь идет об именах собственных и именах, которые сопровождаются указательными и притяжательными местоимениями, во-первых, “когда имя или управляющий им глагол или то и другое вместе имеют при себе опреде-

ление”, во-вторых, “когда винительный падеж не может быть употреблен непосредственно перед глаголом и когда вследствие многосложности предложения может быть запутанность в речи”, в-третьих, А.А. Бобровников в своей работе дает реальную по содержанию и функции оценку винительному падежу. Данный подход А. Бобровникова, учитывающий употребление винительного падежа, следует считать прогрессивным.

Работы последних лет свидетельствуют о том, что в монголоведении начали осознаваться и отмечаться те черты, которые составляют своеобразие монгольских языков по сравнению с языками других типов.

М.Н. Орловская, анализируя функционирование показателей винительного падежа в языке “Алтан тобчи” в прямом дополнении, пытается связать его с определенностью объекта, который имеет принципиальную грамматическую значимость для данной категории в монгольских языках [Орловская 1984, с. 25].

Непринятие большинством монголоведов немаркированного винительного падежа является большой помехой в изучении категории О/НО. Такой недифференцированный подход ведет к наложению друг на друга двух разных функционально-семантических полей, затушевывает грамматические свойства основы имени и искажает реальную картину значений О/НО основы имени в целом. А что означает отсутствие показателя винительного падежа при именной основе в позиции прямого дополнения? По-видимому, отсутствие материально выраженного показателя винительного падежа можно объяснить так называемой неопределенностью или обобщенностью объекта. Но как объяснить примеры на стр. 25 “Язык “Алтан тобчи” М.Н. Орловской: *Tömüčin nigen morin unuba* [А.Т. I, с.50] “Темучин сел на (одного) коня”; *Nigen inu ууагсан mori tayilaḷu abču ireged* [А.Т. II, с.165] “Один из них, отвязав, привел коня”. По-видимому, механизм функционирования показателей О/НО не может быть правильно понят, если их правильно не осознавать с точки зрения их функций, закономерностей функционирования, существующих наряду с другими средствами, к которым прибегает язык. В первой фразе использовано числительное *nigen* “один”, употребленное здесь в роли неопределенного местоимения, которое в данном контексте является единственным для выражения определенного объекта и не может быть опущено без нарушения смысла. Употребление соответствующего неопределенного местоимения, однако, дифференцирует значение неопределенности и делает отдельные фразы в этом смысле однозначными. Многозначность неопределенности обычно снимается контекстом или данной ситуацией. Во второй фразе на значение определенности указывает конкретизатор *ууагсан* “привязанный”, где, скорее всего, говорящий имеет в виду вполне определенного для него коня. Так, например, Т.А.Бертагаевым, Ц.Б. Цыдендамбаевым выделены группы слов, встречающиеся только в маркированной формантом

винительного падежа в позиции прямого дополнения. По мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, это является свидетельством сравнительно позднего их проникновения в язык. Но как интерпретировать, что другие группы слов в функции прямого дополнения могут иметь двойное употребление? Т.А. Бертагаев считает, что нулевой винительный падеж передает неподчеркнутую или ослабленную объектность [Бертагаев 1968, с.48].

Выдвинутая М.Н. Орловской интерпретация двойного употребления прямого дополнения означает "...необходимость обозначать объект тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Так появился падежный показатель, ставившийся только по мере необходимости, во избежание смешения субъекта и объекта, а затем даже тогда, когда субъектная и объектная функция слова не вызывали сомнения" [Орловская 1984, с. 28]. Отсутствие материально выраженного аффикса винительного падежа позволяет нам интерпретировать это как нулевой аффикс, выражающий определенное грамматическое значение и подводит нас, хотя и косвенно, к существованию категории определенности-неопределенности.

Т.А. Бертагаев считает, что "нулевой винительный падеж передает неподчеркнутую или ослабленную объектность, а оформленный падеж – усиленную и выдвинутую на первый план объектность" [Бертагаев 1968, с. 48].

Е.А. Кузьменков пишет, что причины отсутствия форманта винительного падежа не относятся "ни к характеристикам позиции, ни к характеристике класса слов" [Кузьменков, с. 44].

В то же время общеизвестно, что в любом языке действуют прежде всего правила, но выявление их требует проникновения во все сферы языка, определения взаимосвязей грамматических категорий, взаимосвязей различных уровней языка. Зная, что основная функция языка – коммуникативная, зададимся вопросом, что хочет сказать говорящий употреблением той или иной формы? По-видимому, противопоставление оформленного и неоформленного прямого дополнения может соотноситься с определенностью или неопределенностью объекта, а это означает, что употребление или отсутствие показателей винительного падежа семантически обусловлено, поскольку связано с категорией О/НО. Между определенным и неопределенным винительным падежом есть связь и даже взаимодействие. Винительный падеж может выполнять не только функцию прямого дополнения, но и сказуемого и даже подлежащего. Винительный определенный и неопределенный падежи являются лишь одной из форм выражения категории О/НО в монгольских языках, хотя и типичной, но отнюдь не единственной.

Итак, с одной стороны, категория О/НО в монгольских языках может взаимодействовать с винительным падежом, а с другой стороны, между категорией О/НО и категорией числа существуют функциональные, содержательные связи.

Таким образом, в сферу категории О/НО можно включить такие языковые единицы, которые могут характеризоваться как коммуникативные – вторая основа вместо винительного падежа, когда речь идет о неопределенном предмете, то есть в тех же случаях, в каких употребляется неопределенный артикль в западноевропейских языках и такие языковые (коммуникативные) единицы, как местоимения, описательные конструкции.

Представление О/НО как о категории со своей специфической содержательной структурой и различными по выражению формальными показателями позволяет поставить вопрос о статусе этой категории в монгольских языках.

Принятие тезиса о категории О/НО в монгольских языках как близком к универсальности компоненте содержательной структуры высказывания не снимает с обсуждения такой проблемы, как статуса грамматики монгольских языков, в которую категория О/НО входит составной частью. Несомненно, что грамматика монгольских языков есть совокупность коммуникативных категорий, которые необходимы для правильного построения высказывания как изолированного, так и в тексте. Хотя грамматика коммуникативного синтаксиса монгольских языков еще не описана, но уже можно ставить вопрос о взаимосвязи категории О/НО с другими категориями в семантическом пространстве, причем не только с именными категориями, например, падежа (монг. *ном уншив (ном-ыг уншив)*, калм. *дегтр умшив (дегтр-иг умшив)*, бур. *номо уншаба (ном-ые уншаба)* “Читает книг-а (книг-у)”; числа (монг. *хүн ирэв (хоёр хүн ирэв)*, калм. *күн ирв (хойр күн ирв)*, бур. *хүн ерэбэ, (хоёр хүн ерэбэ)* “Человек (два человека) пришел (-и); принадлежности (монг. *гэр минь (гэр тань)*, калм. *герм (герчнь)*, бур. *гэрэмни (гэртнай)* “Мой (твой) дом”, но и с глагольными категориями. Кроме того, категория О/НО связана с актуальным членением речи: с субъектом высказывания – “темой” и с объектом высказывания – “ремой”.

Как же формировалась категории О/НО, когда были созданы предпосылки для выделения данной категории в самостоятельную? Если обратиться к истории вопроса, то увидим, что В.М. Илличем-Свительчем в грамматике ностратического праязыка впервые выявлено грамматическое противопоставление маркированного прямого объекта немаркированному, развившееся в оппозицию определенного объекта неопределенному. Далее в сравнительной грамматике алтайских языков устанавливается родство северно-тунгусских форм неопределенного винительного падежа на *-ja и фонетических сходств, которые и в монгольских, и в тюркских языках имели противоположную функцию определенного винительного падежа, противопоставленную чистой основе с функциями винительного оформленного и винительного неоформленного падежей. Г. Рамстедт возвел данное соотношение к общеалтайскому [Рамстедт 1957, с.6-39; Котвич 1962, с.187].

Согласно же точке зрения В. М. Иллича-Свитыча, первоначальное значение показателя **-ja* (значение принадлежности) сохранено в севернотунгусском языке. А в монгольском и тюркском языках этот показатель принимает на себя функции **-ta*, сохранившегося только в местоименных формах косвенных падежей [Иллич-Свитыч, с.49-50]. Ср. монг. *i-ma-da* “ему” от основы *-i* и т. п.; или ср. функционально сходное **-m-* в косвенных падежах индоевропейских местоимений. Согласно этой точке зрения, как считает Вяч. Вс. Иванов, ситуация в общеалтайском языке была сходной с маньчжурской, а развитие в монгольском и тюркском – результат инновации [Иванов, с.13].

С общетипологической точки зрения несомненный интерес представляет неоформленный винительный объекта, который заменяет формальный показатель **j* со значением принадлежности оформленным винительным. Винительный оформленного объекта противопоставляется винительному неоформленному падежу, о чем будет сказано ниже.

Основной трудностью при рассмотрении данной категории является отсутствие методов описания категории определенности-неопределенности в монгольских языках. Метод перевода хорош при описании средств передачи, когда речь идет не о контрастивном описании. В данной главе будет в основном применяться метод смыслового анализа основы имени, с которым связана внутренняя структура категории определенности-неопределенности, которая дает возможность объяснить, действительно ли это самостоятельная категория.

Признавая тезис о системности языка, нельзя не согласиться с тем, что лингвистический статус той или иной категории определяется наличием выбора, по крайней мере, между двумя возможностями, что собственно и является условием существования оппозиции. В данном же случае определенность и неопределенность, противопоставляясь между собой, являются членами одной смысловой оппозиции, причем определенность маркирована, а неопределенность немаркирована. Введение данной категории несет большую функциональную нагрузку: определенность как бы отождествляет, идентифицирует, скрепляет текст (формальные показатели определенности – это темовыделители, например, монг. *Би үүнийг чинь Навандугарыг ирэхээр хэлнэ* “Я это скажу, когда придет Навандугар”), а неопределенность является как бы новой информацией.

Категория О/НО при этом функционирует в разных плоскостях и, по всей видимости, ее становление и развитие в монгольских языках проходило не одинаково. Рассмотрение этого вопроса не входит в задачу нашей работы, поскольку этот вопрос относится больше к исторической грамматике, чем к описательной или теоретической грамматике, поэтому здесь мы его касаться не будем.

Основной трудностью, как было замечено выше, в монгольских языках является описание данной категории. Определенность как бы отождествляет, идентифицирует, скрепляет текст, неопределенность есть как бы метка новой информации, точно также как существующее мнение о том, что показатель *-нь*, приклеивающийся к основе имени, выражает функцию личного притяжания, нуждается в уточнении. Для этого следует разграничить разные функции именного форманта *-нь*. В монгольском предложении *Ах нь ирэв* “Пришел его брат” и *Чулуу нь энэ байна* “Вот камень” какова функция показателей *нь*? В первом предложении *нь* является показателем личного притяжания 3-го лица, а во втором – формальным средством выражения категории определенности, *чулуу* без *нь* выражает категорию неопределенности. Лексема *чулуу* обозначает предмет, существующий в сознании. Лексема *чулуу-н* в словосочетании *чулуу-н гэр* выступает в роли определения, где *-н* является показателем определенности. Ср. *мод сайн ургав* (неопределенное дерево, неизвестное), *модо-н аяга* (определенная, конкретная чаша) “деревянная чаша”.

Маркированная основа имени с помощью формальных показателей в монгольских языках характеризуется тем, что предмет выступает как известный, конкретный и выделяется из класса однородных с ним предметов. Ср. *гэр* “дом” как неопределенный, неизвестный предмет, *герийг* “дом” определенный, конкретный предмет. Маркированная основа имени коррелирует с немаркированной основой без каких-либо показателей.

Нам представляется возможным отметить, что в монгольском и калмыцком языках формальный показатель *-г*, присоединяемый к основам выражает одновременно и функцию падежа, и функцию определенности. В предложении: монг. *Та надад тэр ширээн дээр байгаа харандаа-г өгнө үү?* “Дайте мне, пожалуйста, тот карандаш, который лежит на столе” (определенный, конкретный), *Та надад нэг харандаа-г өгнө үү?* “Дайте мне, пожалуйста, один (какой-либо) карандаш” (неопределенный, неизвестный). Аналогично в калмыцком языке: *Стол деер бээсн дегтр-ийг өгнэт?* “Вы дадите мне книг-у, лежащую на столе?”, *Стол деер бээсн дегтр-г өгнэт?* “Вы дадите мне книг-у, лежащую на столе?”. Ср. бур. *Шэрэ дээрээ байхан ном-ые үгэнэгүт?* “Вы дадите мне книг-у, лежащую на столе?”, *Шэрэ дээрээ байхан ном-г үгэнэгүт?* “Вы дадите мне книг-у, лежащую на столе?”. Древний показатель **-igi* в бурятском языке дает чисто фонетическое развитие: *-ыел-иие*.

В монгольском языке, если глагол указывает на постоянное, обычное действие, то основа никогда не оформляется винительным падежом. Примеры: монг. *Би хонинд унах морь барилаа* “Я поймал коня, на котором буду пасти овец”, *Бид үхрийн сүү уулаа* “Мы пили коровье молоко”, *Сүүтэй цай уув* “Пили чай с молоком”, *Гурван аяга айраг уув* “Выпили три чашки айрака”, *Сайхан хоол идэв* “Поели сытнюю пищу”, *Хаврын тариа тарьж байна* “Посеяли весеннее зерно”, *Би хоёр хонь танд өгнө* “Я подарю вам двух овец” и

т.д. Основы *морь, сүү, цай, айраг, хоол тариа, хонь* в вышеназванных примерах употреблены со словами-конкретизаторами, поэтому они не принимают показателя винительного падежа. Монгол никогда не скажет: *Үхрийн сүүг зулаа. Сайхан хоол-ыг идэв*. Ср. *Би таны унах мор-ийг баршлаа*. “Я поймал коня, на котором вы будете пасти овец” *Бид Доржийн үхрийн сүүг зулаа* “Я пил молоко коровы Доржа”. *Би таны өгсөн сүүтэй цайг зулаа* “Я пил чай с молоком, приготовленный вами”; *Доржийн хийсэн сайхан хоолыг идэв* “Я поел прекрасную пищу, которую приготовил Дорж”; *Хараагийн сангийн аж ахуйн тариаг тарьж дуусав* “Госхоз “Хараа” закончил сев зерновых”; *Би гэрээсээ авчирсан хоёр хонийг танд өгнө* “Я дам вам две овцы, привезенные из дома”. Основы *морь, сүү, цай, хоол, тариа, хонь* здесь находятся в форме винительного падежа и выражают значение категории определенности. (Следует обратить внимание на то, что категория определенности может управляться и родительным падежом).

О/НО объекта (предмета) в монгольских языках отразилась по-разному в зависимости от того, как употребляется объект (предмет) в речи. О/НО может выражаться специальными показателями определенности и эти показатели могут относиться к разным частям речи. Характерной особенностью монгольских языков является то, что понятие определенности может быть перенесено с одной части речи на другую.

Основа, которая образуется с помощью присоединения простых неразложимых на составные части гласных и согласных показателей определенности, придающих основе имени значение определенности, может называться основой определенности.

Как пишет Дж. Киекбаев: “Основы определенности, образовавшиеся гласными и согласными определенности, почти во всех урало-алтайских языках способствовали развитию винительного определенного падежа, управляемого переходным глаголом. А показатели, способствовавшие развитию морфологической категории принадлежности и образовавшие также основу определенности, присоединяясь к переходным глаголам, дали толчок развитию объектно-определенной формы спряжения глаголов в обско-угорских, мордовских и венгерском языках, а также развитию прошедшего определенного (очевидного) времени в тюркских, монгольских, уральско-угорских и финском языках” [Киекбаев, с.57].

Так, древняя основа определенности на -г, которая является в монгольском и калмыцком языках показателем винительного падежа в бурятском языке не воспринималась как форма винительного оформленного падежа. Поэтому в бурятском языке к основе на -г в винительном падеже наращивался вторичный показатель этого падежа -и/-ы. Ср., например, бур. *ном* “книга” и *номые (номыйы)* “книгу”, из монг. *номыг* “книгу”, -ы: *номыгы* > *номыйы* (орф. *номые*); ср. еще бур. *гэр* “дом” – *гэрые* “дом” из *гэрыг/гэрийг*

+ *-и/-ы*: *гэрийы* (орф. *гэрие*); бур. *мал* “скот” – малые “скотину” из *малыг* + *-и/-ы*: *малыйы* (орф. *малые*). Компонент *-и* в приведенных примерах не будет “вставочным” звуком или “буфером” [см. Санжеев 1953, с.84-86], а будет являться древним показателем винительного определенного падежа, который сросся с аффиксом *-ы/-и*, и образовавшим вместе с последним сложный аффикс винительного падежа. Показатель *-ы/-и* в современном монгольском языке самостоятельно выступает в качестве винительного оформленного падежа. Примеры: монг. *гар-ы минь аяархан атгана уу?* “Пожми тихонько мою руку”, где *-ы* является показателем винительного падежа. Ср. *гар-ы* “руку” вместо *гар-ыг*. Как считает Б.Х. Тодаева, здесь опущен конечный гласный *-г*, так как перед определяемым *гар* стоит местоимение *минь* “мой” [Тодаева 1952, с.370]. По всей видимости, показатель винительного падежа *-ыг* заменен показателем *-ы*, который вместе с *-г* образовал вторичную форму винительного оформленного падежа на *-ыг*. Ср. в монгольском и калмыцком языках *гар-ыг*, но в бурятском *гар-ые*.

Следует отметить, что в бурятском языке есть случаи сохранения *-г* в показателе винительного падежа. Примеры: *дэн* “свеча” и *дэн-гыг* “свечу”. Основа имени, имеющая неустойчивый *-н*, выступает как показатель определенности, в винительном падеже принимают показатель *-ые/-ийе*. Примеры: *хони-н* “овца”, *модо-н* “дерево” в винительном падеже принимают показатель *-ые/-ийе* (*мод-ые* “дерево” из **моды-г-ы* и *хон-ийе* “овцу” из **хони-г-и*).

В классическом монгольском языке имена с основой на *-н* в винительном падеже принимали показатель **-и*. Примеры: **мори-н* “конь”, **морин-и* “коня”. Попутно заметим, что в классическом монгольском языке и бурятском основы имени, оканчивающиеся на гласную, принимают показатель **=и/=и*, **=yi/=yi*.

Древний показатель определенности **-н* имеет самое широкое распространение в монгольских языках и выполняет различные грамматические функции. Являясь древним суфигированным определенным артиклем, *-н* отбрасывается, в результате чего основа имени выражает значение неопределенности.

1. Показатель **-н* самостоятельно выступает в своей древней функции в качестве постпозитивного определенного артикля у старых основ имени, оканчивающихся на гласный, например, *мори-н* “лошадь”, *модо-н* “дерево”, *хони-н* “овца”, *дуу-н* “песня”. Ср. выражение конкретности, определенности калм. *модн урһжана* “дерево растет”, бурят. *морин ябана* “лошадь идет”, *модон* “дерево”, *хонин* “овца”; выражение обобщенности, абстрактности, а следовательно, неопределенности монг. *Би морь барилаа* “Я поймал коня”; бур. *Шоно хони бариба* “Волк схватил овцу”, *Модо отолбо* “Он рубил дерево”.

2. Для монгольских языков характерна форма родительного падежа, образованная с помощью показателя определенности *-н* (*-ын*, *-ийн*), присо-

единающаяся к основе имени. Примеры: калм. *ноха*, монг. бур. *нохой* “собака”, калм. *ноха-н*, монг., бур. *нохой-н* “собаки”; калм. *сурхуль*, монг. *сургууль*, бур. *хургуули* “школа”; калм. *сурхулийн*, монг. *сургуул-ийн*, бурят. *хургуулийн* “школы”. Основа имени на *-н* в родительном падеже принимают показатель *-ы/-ий*, так как данная основа, как было сказано выше, является готовой основой, содержащей в себе значение определенности. Для развития формы родительного падежа от основы, оканчивающейся на *-н* (компонент *-н* является исторически сращенным показателем определенности к основе имени) не требовался дополнительный показатель определенности *-н*. Примеры: монг. *мод(он)* “дерево” – *модн-ы* “дерева”, *дуу(н)* “песня” – *дуун-ы* “песни”, *ус(ан)* “вода” – *усн-ы* “воды”. Следует заметить, что в монгольских языках показатель *-н* сохраняется и в именительном падеже.

3. В качестве аффикса принадлежности 3-го лица, например, монг., бур. *гэр нь*, калм. *гернь* “его дома”, монг., бур. *аха нь*, калм. *ахнь* “его брата”.

4. Показатель определенности *-н* в современном монгольском языке несет определенную семантическую нагрузку (для дифференциации лексем) в значении местонахождения, например, монг. *гэрт байгаа*, калм. *герт бээнэ* “находится в доме”, но монг. *гэрэнд байгаа* “находится в футляре”; в значении числа: монг. *хоёронд ирлээ* “прибыли второго”; часть целого: монг. *хоёрын нь нэг* “один из двух”.

Как известно, родительный падеж в монгольских языках выражает принадлежность одного предмета другому и в зависимости от определенности или неопределенности обладания предметом может принимать или не принимать формальные показатели. При этом аффикс родительного падежа *-ийн*, *-ий*, который присоединяется к определенному классу слов в монгольских языках, следует считать более сложным и древним образованием. Примеры: *гэр* “дом” *гэр-иг-ин* ≤ *гэрийн* “дома”; *хүн* “человек” *хүн-иг* ≤ *хүний* “человека”, *үүлэн* “облако” *үүлэн-иг* ≤ *үүлэний* “облака”. Данная форма родительного падежа развилась, по всей видимости, из основы определенности на *-иг*, являющейся формой винительного определенного падежа, с помощью присоединения аффикса родительного падежа *-ин/-ын*. Встречаются случаи в древнем монгольском языке, когда основа определенности на *-иг* > *-ий*, например, *хүн-иг* > *хүний* “человека”, воспринималась как форма родительного падежа. Вот что об этом пишет М.Н. Орловская: “В тексте “Алтан тобчи” встречается употребление показателя винительного падежа вместо ожидаемого родительного, например, *Tegün=i* (вм. *tegün=i*) *qoyina Temür Qadaγ=a aq=a degü doluγula sayin ulayan morin=iyan unuji ečiged buliyaju abcu irebei* [А.Т. II, с.160] “После этого Тэмур Хадага с братьями всемером отправились, сев верхом на прекрасных буланых коней и, отобрав [ребенка], вернулись”. Вряд ли есть основание считать подобные случаи результатом простой описки” [Орловская 1984, с.24].

Таким образом, форма родительного падежа развилась из основы определенности на *-г/-иг, -н*, а форма винительного падежа на *-ийг* присоединяется к основам, оканчивающимся на шипящие и гласные мягкого ряда в корне, после перехода согласного *-г* в *-й* путем присоединения показателя определенности *-г*. Примеры: монг. *гэр* “дом” *гэрийн* из *гэр-ий-г* “дома”, *багш* “учитель” *багшийн* из *багш-ий-г* “учителя”, *хань* “спутник” *ханийн* из *хан-ий-г* “спутника”.

В монгольских языках основа определенности на *-ий* из *-иг* является базой для винительного оформленного падежа. Ср. *гэр-ий-н* – *гэр-ий-г*.

Гласный показатель определенности *-а* образует форму родительного падежа в калмыцком языке у основ имени, оканчивающихся на *-н*. Примеры: калм. *модн* “дерево”, *мод-н-а* “дерева”, *арсн* “шкура” *арс-н-а* “шкуры”, *дуун* “песня” *дууна* “песни”. В приведенных калмыцких примерах *-н* является исторически сращенным показателем определенности. Что касается бурятской формы родительного падежа *-ай, -эй, -ой*, то она восходит к более древней форме этого аффикса **-аг, -эг, -ог*. Примеры: *мал* “скот” *мал-ай* из **мал-а-г* “скота”, *модон* “дерево” *модон-ой* из **модон-ог* “дерева”. Бурятские аффиксы *-ай, -эй* образовались из **-аг, *-эг*, которые распадаются на следующие элементы: *-а-г, -э-г*. Первый элемент *-а* является показателем определенности, который образовал основу определенности на *-а* и *-э*, например, *модон-а, мал-а* и далее присоединяется показатель определенности *-г*, который перешел в среднеязычный сонорный звук *-й*, поэтому элемент *-а, -э* в составе бурятского аффикса родительного падежа *-ай, -эй* нельзя рассматривать как вставной гласный звук между основой и аффиксом *-й* произошедшего из **-г*.

Основа имени в бурятском языке образует форму родительного падежа путем присоединения аффикса *-гай, -гэй, -гой*, развившаяся из основы определенности на *-г*. Примеры: *дүрөө* “стремя” *дүрөөгэй* “стремени”, *кино, киногой*.

В монгольском языкознании не раз высказывалось предположение о генетической связи винительного и родительного падежей [Санжеев 1953, с.160-163, 195; Бертагаев, 1964, с.43]. Это предположение подтверждается данными из других монгольских языков. В баоанском, дунсянском, монгорском, дагурском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка винительный и родительный падежи имеют одни и те же показатели [Санжеев 1953, с.163, 195; Тодаева 1964, с.26; Тенишев, Тодаева, с.53-54; Рассадин 1999, с.45]. “Не случайным, – считает М.Н.Орловская, – оказывается и то, что наименование деятеля в причастных оборотах может оформляться как винительным, так и родительным падежами” [Орловская 1984, с.24].

Среди так называемых морфологических соответствий монгольской категории О/НО можно наряду с другими назвать, как было выше сказано

М.Н. Орловской, противопоставление падежей, в частности, винительного и родительного, то есть обозначение неопределенности с помощью родительного падежа вместо ожидаемого винительного. Следовательно, предположение монголистов о генетической связи родительного и винительного падежей следует считать справедливым. Семантика этих падежей указывает на определенность в разных аспектах: определенность или единичность в сфере обладания предметом и определенность и единичность прямого дополнения или объекта в связи с переходными глаголами, а форма винительного оформленного, из которой развилась форма родительного падежа, служит при этом только основой определенности. До сих пор остается нерешенным вопрос о характере связи категории О/НО с категорией винительного падежа, недостаточна исследована морфологическая функция формальных показателей винительного падежа, с помощью которых маркируются не только определенные и неопределенные падежные формы, но и другие формы основы имени. Никем и нигде не ставился вопрос о том, в каких грамматических формах выражается или не выражается категория О/НО. Вместе с тем не в полной мере изучена проблема разграничения функций формальных показателей винительного падежа. Что касается происхождения формальных показателей, то существуют противоречивые мнения, которые требуют критической оценки.

В описательных грамматиках стало общим местом положение о том, что винительный падеж выражает две функции – функцию объекта действия, прямого дополнения и функцию субъекта в причастных и деепричастных оборотах, кроме бурятского языка. Винительный оформленный падеж указывает на определенность предмета, выделяемого из числа других однородных ему предметов и синтаксически служащего прямым дополнением или объектом. Примеры: монг. *Би таны морийг авлаа* “Я взял вашу лошадь”, *Би энэ морийг авлаа* “Я возьму эту лошадь”, *Би гэрээсээ авчирсан хоер морийг танд өгнө* “Я дам вам двух лошадей, пригнанных из дому”, то есть известных, определенных лошадей. Ср. примеры из бурятского языка: *Номые абагты!* “Возьмите книгу”, то есть определенную, известную, *Хадые тойрохо* “обогнуть (определенную) гору”, но *Хада тойрохо* “обогнуть гору”. По мнению Д.Д. Амоголонова, в бурятских выражениях в первом случае форма винительного падежа выражает определенность, а во втором – неопределенность.

Винительный неоформленный падеж типа “*хада тойрохо*” не имеет формальных показателей и совпадает с основой имени. В качестве прямого дополнения, управляемого переходным глаголом, винительный неоформленный падеж в монгольских языках употребляется в тех случаях, когда предмет в речи упоминается в первый раз или не выделяется из числа однородных предметов и выражает какой-то неизвестный предмет, что уже было отмечено А.А. Бобровниковым: “Имена, принимаемые в неопределенно обширном

значении и составляющие со своим глаголом фразу для обозначения целого ряда действий, располагаются непосредственно перед глаголом без знака винительного падежа, например, *γal šitaxu* “огонь разводить”, *tori unixu* “на лошадь садиться”, *tori barixu* “лошадь поймать” [Бобровников, с.242-243].

Как уже говорилось, винительный оформленный, управляемый переходным глаголом, в монгольских языках употребляется в тех случаях, когда речь идет об упомянутом, уже известном предмете. Однако имеются также и другие случаи, когда в монгольских языках употребление винительного падежа в качестве прямого дополнения считается обязательным, так как предметы являются известными из речевой ситуации или же определенность выражается языковыми средствами. Постараемся перечислить эти случаи на следующих примерах, если прямое дополнение имеет показатели принадлежности, то оно является определенным и выступает в качестве объекта без показателей винительного падежа, например, монг. *Би морио барья*, калм. *Би мэрэн бэрнэв* “Я поймаю своего коня”; монг. *Цайгаа ууя* “Давай будем пить (свой) чай”; монг. *Хичээлээ давъя*, калм. *Кичелэн давмый* “Будем повторять (свои) уроки”. В бурятском языке же данное значение без показателя винительного падежа не употребляется. Ср. *Абагты даха-тнай*, или *Абагты дах-ые-тнай* “Возьмите свою шубу”.

Таким образом, если рассматривать форму принадлежности в синтаксическом плане, то есть поставить ее в качестве объекта, управляемого переходным глаголом, то выясняется другая, еще неизвестная особенность аффиксов принадлежности, которая не только выражает принадлежность предмета тому или другому лицу, но и определенность. Из приведенных примеров видно, что аффиксы принадлежности в монгольских языках несут двойную нагрузку, во-первых, выражают принадлежность предмета одному из трех лиц и, во-вторых, определенность предмета. Предмет является определенным, потому что известно кому он принадлежит. Поэтому в современных монгольском и калмыцком языках основа имени с аффиксом как личной, так и безличной принадлежности в качестве объекта может не принимать показателя винительного падежа. Определенность выражается аффиксами только личной принадлежности. Примеры из калмыцкого языка: *Дегтрэн аву* “Я взял свою книгу”, *Дегтрчнь энд* “Твоя книга здесь” и *Дегтрнь авуч* “Ты взял его (не свою) книгу”, где формы *дегтрнь* “его книгу”, *дегтрчнь* “твою книгу” выражают определенность, а *дегтрэн* – “свою книгу” – личную неопределенность.

Подведем итог всему сказанному.

1. Если перед прямым дополнением в качестве определения стоят прижательные местоимения монг. *миний* “мой”, *чиний* “твой”, *манай* “наш”, *танай* “ваш”, *туүүний* “их”, то прямое дополнение без показателя винитель-

ного падежа не употребляется. Здесь личная принадлежность, выраженная синтаксически, указывает на определенность, например: монг. *Миний морийг бариад ир* “Поймай моего коня”, *Би чиний сайн-ыг мэднэ* “Я знаю тебя хорошо”, *Түүний цамц-ыг угааж өгье* “Я постираю его рубашку”.

2. Прямое дополнение обязательно принимает показатель винительного падежа, если перед ним в качестве определения стоят указательные местоимения. Примеры: монг. *Би энэ номыг гурав уншлаа* “Я эту книгу прочитал три раза”, *Би энэ хэргийг сайн мэднээ* “Я хорошо знаю это дело”, *Тэрэ морийг бариарай* “Поймай того коня”.

3. Если перед прямым дополнением в качестве определения выступает причастие, то слово, указывающее на местонахождение объекта может стоять в пространственных падежах. Дополнение является определенным и обязательно принимает показатель винительного падежа. Примеры: монг. *Та надад тэр ширээн дээр байгаа харандааг өгнө үү?* “Дай мне, пожалуйста, карандаш, который лежит на столе”; калм. *Гер дотр бээсн куг дууд* “Позови человека, который находится в доме”.

4. Если прямым дополнением является простое или распространенное причастие или придаточное определительное предложение, сказуемым которого является причастие, то винительный оформленный падеж обязателен. Примеры: бур. *Айл зонһоо халаһые альбан дараха, эжэлһээн халаһые шөнө дараха* “Оторвавшегося от народа постигнет неудача, отставшего от стада задавит волк”; монг. *Ханилсныг хуурдаг хүнд би ер дургүй* “Я не очень люблю людей, которые предают друга”.

5. Имена собственные, клички животных в качестве определения стоят только в форме винительного падежа с показателем. Примеры: монг. *Жадамбыг дуудав* “Позвал Жадамбу” или *овгон Шүхэртийг дуудав* “Старик позвал Шүхэрта”.

В наличии *неопределенного множества* также проявляется категория определенности-неопределенности. В монгольских языках между категорией О/НО и другими именными категориями существуют функциональные и логические отношения. Согласно теории А.В. Бондарко наличие функциональных отношений между категориями рассматривается как единство, стоящее выше морфологических категорий [Бондарко 1976, с.144].

Представление о содержательной стороне категории О/НО может быть составлено лишь при сопоставлении с другими категориями. В плане нашего вопроса важно подчеркнуть прежде всего мысль, что соотносимость языковых выражений с индивидуализированными объектами внешнеязыковой действительности может быть единичной субстанцией или представлять множество, которое рассматривается как единый образ. Существенно и то, что референт актуализированного существительного отличается активной ролевой деятельностью в окружающем его мире. Это дает возможность вы-

делить его среди других и безошибочно идентифицировать на уровне представлений при повторном появлении в поле зрения участников коммуникации.

Референтная актуализация существительных, обозначающих дискретные объекты, в количественном отношении выявляет два аспекта: определенное количество и неопределенное количество. Как известно, особенностью основы имени в современных монгольских языках является отсутствие в ней, как правило, каких бы то ни было морфологических признаков (см. п. 1.6. Категория склонения в монгольских языках).

Основа имени в монгольских языках может означать и реальную единичность и неопределенную множественность, однако значения эти во многом не совпадают с привычными представлениями, сложившимися, например, в русском языке, в котором своеобразие числа основы имени отражено уже в самой основе. Особенностью основы существительных монгольских языков является отсутствие в них, как правило, каких бы то ни было морфологических признаков единичности или множественности. Ср. примеры из калмыцкого языка: *усн* “вода”, *гер* “дом”, *модн* “дерево”, *альмн* “яблоко”, *эльсн* “песок”, *хөн* “овца”, *гол* “река”, *дегтр* “книга”, *ховцн* ~ *хувцн* “одежда” являются видовыми понятиями, которые выражают целый класс однородных предметов и сами по себе являются достаточно абстрактными, обобщенными, неопределенными. Определенными они могут стать только при соотнесении с каким-либо конкретным предметом действительности. Здесь основа имени не имеет никаких морфологических признаков, поэтому она не может быть определена с точки зрения числа. При определенных условиях эти основы не исключают значения единичности и этим противостоят множеству предметов, составляя с ней особого рода коррелятивные пары. Такой тип корреляции не равен корреляции русского языка, где обе коррелирующие формы сами в себе несут закрепленную за ними определенную числовую корреляцию, являясь одинаково полноправными членами коррелирующей пары. В монгольских языках немаркированная основа имени не несет в себе никакой определенной обязательной корреляции, но зато благодаря своей потенциальной грамматической многогранности может стать членом любой корреляции, в зависимости от наличия в данном языке той или иной маркированной основы. Коррелятивность немаркированной основы имени по определенности-неопределенности существует во всех монгольских языках благодаря наличию в каждом из них маркированной основы имени определенности, которая никогда не выражает неопределенности и тем самым противостоит немаркированной основе имени.

Немаркированность основы имени влечет за собой важные грамматические последствия, которые, в первую очередь, сказываются на грамматических категориях, в частности, на значении неопределенности.

Основа имени никак не определяется, не индивидуализируется, а это означает, что основа имени сама по себе не может быть определена с точки зрения определенности-неопределенности.

В именах прилагательных категория определенности-неопределенности никак не проявляется.

4.2. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в именах числительных монгольских языков

Категория определенности-неопределенности проявляется в особых разрядах: а) приблизительных числительных, б) неопределенных числительных. Оба они передают идею неопределенного множества. Приблизительные числительные передаются с помощью аффиксов типа калм. *-ад/-эд*, например: *Хойр ахнь хошад нурһ идчкэд, эс медсн болад бээнэ* “Два старших брата съели около двух позвонков и делают вид, будто ничего не знают”; монг. *-aad/-ээд/-ood/-өөд*, например: *Нэг бригадын жараад настай нэг өвгнийг дуудав* “Вызвали старика лет 60, который работал в одной бригаде”; бур. *-aad/-ээд/-ood/-өөд/-яад/-ёод, -gaad/-гоод/-гээд, -иад*, например: *Энэ митингдэ зуун табяад мянган хун байгаа* “На этом митинге присутствовало около ста пятидесяти тысяч человек”. Наряду с этим в монгольских языках отмечается значение распределения по количеству, например, монг. *арваа-даар*, калм. *арвадар*, бур. *арбаадаар* “по десять” и также передает значение неопределенности.

Значение неопределенности передается с помощью особых слов, выражающих неопределенное количество. К ним относятся: калм. *олн* “много”, *кесг* “несколько”, *дала* “очень много”, *цөн, цөөкн* “немного”, *невчкн* “немного”, монг. *олон* “много”, *цөөн* “немного”, *үй түмэн* “уйма”, *хэдхэн* “несколько”, бур. *олон* “много”, *үсөөн* “мало”.

Как мы знаем, морфологически немаркированная основа имени с помощью количественного числительного *нэг* имеет уже значение единичности “один” и вместе с тем, благодаря своему свойству быть конкретизатором, одновременно передает значение неопределенности. Иначе говоря, немаркированная основа вместе с лексемой “один” одновременно соотносится с двумя категориями: единичности и определенности и единичности и неопределенности. Так, например, словосочетание калм. *нег гер* означает как “один дом”, так и “какой-то дом”. То же характерно для бурятского и халха-монгольского языков.

Придерживаясь концепции, принятой в некоторых исследованиях к определению характера функциональной взаимозависимости, соотносящихся между собой именных категорий [Бондарко 1962, с. 179-203; Бондарко, Буланин 1967, с. 116; Пупынин 1990, с.25; Смирнова 1996, с. 107-144], кате-

горию единичности будем считать основой, в которой функционирует категория О/НО.

Немаркированная основа выражает значение неопределенной единичности, а маркированная основа с лексемой *нэг* “один” может иметь два аспекта: определенную единичность и неопределенную единичность, так как лексема *нэг* “один” связана с обозначением только одного предмета, который является объектом внимания участников речевого акта.

Таким образом, следует отличать способы выражения категории неопределенности лексемой *нэг* “один” от других количественных числительных. То, что в монгольских языках количественные числительные с элементом *-н* в функции определенного артикля являются определенной формой, а без *-н* в функции неопределенного артикля – неопределенной формой, все это можно установить из того факта, что элемент *-н*, являясь древним показателем определенности, опускается при глаголах, когда количественные числительные выступают в роли обстоятельства меры и степени, например, калм. *дола ирв*, бур. *доло (долоо) ерээб* “семь раз приходил”, в данном примере глагол выражает абстрактное действие и имеет значение неопределенности.

В бурятском сочетании *олон таба* “бесчисленное множество” букв. “много пять” также не возможен показатель определенности *-н*, так как это сочетание указывает на неизвестное количество раз.

Элемент *-н* на конце основы, бесспорно, выражает значение определенности. Примеры: калм. *тав(н) гер*, монг. *тава(н) гэр*, бур. *таба(н) гэр* “пять домов”, калм. *арв(н) хургн*, монг. *арва(н) хурган*, бур. *арба(н) хургана* “десять пальцев”. Исключение составляет числительное калм. *негн*, монг., бур. *нэгэн* “один”, которое как определение перед именем утрачивает свой конечный элемент *-н*, например, монг. *нэг хүн*, калм. *нег күн*, бур. *нэгэ хүн* “один человек”, поскольку числительное “один” в монгольских языках, кроме своего основного значения, может употребляться еще и в функции неопределенного препозиционного артикля, о чем было сказано выше. Примеры: калм. *Таниг нег күн суржана*, бур. *Таниие нэгэ хүн нурана* “Вас спрашивает какой-то (один) человек”.

При счете в монгольском и бурятском языках неустойчивый элемент *-н*, являющийся показателем определенности, опускается, когда название считаемых предметов не упоминается, в калмыцком же *-н* наоборот сохраняется.

Таким образом, в монгольских языках количественные числительные имеют две формы: конкретную, определенную с элементом *-н* в конце и абстрактную, неопределенную без элемента *-н*. Иначе говоря, основа с количественными числительными одновременно выражает две грамматические категории: категорию числа (единичности) и определенности и категорию единичности и неопределенности.

Когда основа имени не оформляется показателем винительного падежа, *нэг* может выступать не как показатель количества, а как показатель разной степени неопределенности и иметь значение “некий”, например, калм. *нег кун*, монг. *нэг хүн*, бур. *нэгэ хүн* “какой-то человек”, монг. *нэг сар болоод ирнэ*, калм. *нег сар болад ирн*, бур. *нэгэ һара болоод бусажа ерэнэ*, “через месяц вернусь”, калм. *нег герт бээнэ* “в каком-то доме” и т. д.

Следует отметить, что переходным моментом между употреблением *нэг* “один” в функции количественного числительного и употреблением в значении “некий, некоторый” является также присущая ему способность сохранять и то и другое свое значение в зависимости от семантического окружения. Примеры из калмыцкого языка: *Би ямр болвч нег дегтр авнав* “Я возьму какую-нибудь книгу”, *Намд негн дегтр бээнэ* “У меня есть одна книга”. При этом числительное *нег* “один” одновременно выступает и как неопределенный артикль. Примеры из монгольского языка: *Эрт урьд цагт баян ч биш нэг хүн байжээ. Тэр хүн гурван хүүтэй гэнэ.* “Жил давным-давно один человек, которого и богатым не назовешь и было у него три сына”. Их можно перевести на любой язык довольно точно, не нарушая значений О/НО. Лексема *нэг* “один” в “артиклеобразном” употреблении означает, что говорящему известно, кто (-что) именно имеется в виду, но он не хочет этого указывать. Использование данной лексемы может быть вызвано нежеланием преждевременно раскрыть лицо, например, в зачинах сказок или намерением скрыть от слушающего информацию или несущественностью конкретизации. Ср., например, в калмыцком языке: *Чи юу кежээнэч?* “Что ты делаешь?” *Нег юум кежэ бээнэв* “Да занимаюсь тут одним делом”; *Нег кун намд келв* “Сказал мне один человек”. С помощью перефразировки здесь можно обнаружить семантический инвариант: *не хочу указывать, кто именно; хочу, чтобы осталось неизвестным, кто именно.*

В тех случаях, когда лексема типа калм. *нег*, субстантивируясь, может принимать аффикс принадлежности и обозначать целое, откуда выделяется кто- (что)-либо она выступает как показатель определенности: калм. *тавн куунэс негнэ* “один из пяти”. Сочетаясь с мерными словами, лексема *нег* выражает значение числа и определенности: калм. *Би нег хил авув* “я купил один килограмм”. Следует отметить, если основа имени с конкретизатором “один” нейтральна к категории О/НО, то основа имени не противоречит значению определенности и может приобрести его в известных ситуациях.

Основа имени с числительным *нег* “один” выражает, во-первых, значение неопределенности типа калм. *Нег герт билэв* “Я был в одном доме”; калм. *Нег лавкд нег дегтр бээжэ* “В одном магазине была одна книга”, во-вторых, нейтральность в отношении О/НО типа калм. *Стол деер дегтр бээнэ* “На столе лежит книга”; калм. *Би хө, мөр, үкр хэрүлжэ бээнэв* “Я пасу овцу, лошадь, корову”.

4.3. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в местоимениях монгольских языков

Кроме того, категория О/НО имеет выражение в системе частей речи еще у местоимений, у которых сформировался особый разряд *неопределенных местоимений*. Как часть речи местоимение занимает в грамматике монгольских языков особое место. Оно не имеет конкретного вещественного значения и выражает субстантивно или атрибутивно мыслимые понятия о лице или предмете, также может указывать на действия и обстоятельства. По определению В. Аврорина, местоимения по своей природе имеют максимально обобщенный характер, обладая способностью обозначать любое понятие определенной категории, но в речи в определенном сочетании слов, обладают способностью к предельно уточненному обозначению конкретного понятия, что и оправдывает их возникновение и существование в языке [Аврорин, с.245].

Характерной особенностью склонения личных местоимений монгольских языков является наличие основы определенности на *-н* в косвенных падежах, когда местоимение стремится выразить конкретные грамматические категории, возникает необходимость конкретизации и приобщения местоимения к определенному предмету или пространству .

Категория О/НО в монгольских языках пронизывает все разряды местоимений и выражается в разнообразной форме. Следуя схеме, предложенной В.И. Рассадным [1991], представляется возможным выделить следующие типы категории О/НО, которые образуют самостоятельный центр поля О/НО:

- предметная, субъектная О/НО;
- качественная О/НО;
- О/НО действия;
- обстоятельственная О/НО;
- количественная О/НО.

Группа неопределенных местоимений монгольских языков образует самостоятельный центр поля неопределенности, например, монг. *нэгэн* “кто-либо”, “кто-то”; *хэн ч, хэн чиг* “кто-нибудь”, “любой”; *юу хээн* “кое-что”, *юу ч, юу чиг* “что-нибудь”; *ямар нэгэн* “какой-нибудь”, *ямар ч, ямар чиг, аль ч, аль чиг, али нэгэн* “который-нибудь”, “какой-нибудь” (из них), *алибаа* “какой-нибудь”, “какой-либо”, “какой угодно”, *хэд ч, хэд чиг, хэд нэгэн* “несколько”; калм. *кен болв чигн, кен негн, кенчн, кен чигн, кен ян* “кто-то”, *кезэ болв чигн* “когда-то”, *ямр негн, ямр чигн, ямр болв чигн, ямаранчн*, “какой-нибудь”, *аль негн* “некоторый”, *зэрм* “некоторые”, “кое-какой”, *кесг* “несколько”, *нег кун* “какой-то человек”, *эду теду* “несколько” *кеду чигн* “сколько-нибудь”, *юн*

болв чигн, юн негн, юнчн, юн чигн “что-то”; бур. хэнш, хэншье, хэншьеб даа, хэн бэ даа, хэн нэгэн, “кто-то”, ямар нэгэн, ямар бэ, ямар даа, ямаршье, ямаршьеб, ямаршьебдаа, ямаршьеб нэгэ, ямаршьебдаа нэгэ “какой-нибудь”, али нэгэн, алиньше “который-нибудь”, хэдышье “сколько-нибудь”, хаана нэгэтэ, хаана холо, хаанаб, хаанабдаа, хаанаш, хаанашье, хаанашьеб, хаанашьебдаа “где-то”, хэзээ нэгэ, хэзээ нэгэтэ, хэзээб, хэзээбдаа, хэзээдэш, хэзээдэшье, хэзээл “когда-нибудь”, хэрш, хэршье “хоть как”, яаш, яашье “что угодно, как угодно”, юуни, юунишье, юунишьебдаа, юүхэн хүүхэн “что-то”, “что-то”, зарим “некоторый”, “какой-то”, хэдэ “несколько”, юуб даа “что-то”, хаанаб даа “где-то”, эды тэды “несколько”, хаана холо “где-то”, хаа газар “кое-где”, хаа ганса “когда-нибудь”, числительное нэгэн “один” в постпозиции: ямар нэгэн “какой-то”, али нэгэн “некоторый”, числительное нэгэн в препозиции: нэгэ хүн “какой-то человек”.

Значения неопределенности местоимение всегда передает однозначно. Монгольские языки обладают очень дифференцированной системой неопределенных местоимений, способных передать различные семантические оттенки неопределенного значения основы. Выражение категории О/НО местоимениями является лексическим способом. Показательно, что лексема *нэг* в ряду неопределенных местоимений занимает центральное место и имеет дейктическое значение. В составе неопределенных местоимений она выполняет функцию постпозитивного показателя, напоминающего неопределенный артикль европейских языков, и используется для образования неопределенных местоимений. Примеры: монг. *хэн нэгэн манайд ирэнэ үү?* “кто-либо к нам придет?”, *тэр хүн нэг юм хэлиээ* “он что-то сказал”; *ямар нэг сэтгэл уужрах* “почувствовать какое-нибудь облегчение”; *ямар нэг хүн гараара хана тэмтрэх* “кто-то стал шарить рукой по стене”; *али нэг одорт* “в какой-нибудь прекрасный день”; *ямар нэг юмнас айцгааж* “боясь чего-то”.

Лексема *нэг* “один” в составе неопределенно-личных местоимений имеет добавочное значение: неизвестность, неопределенность для говорящего. Специфичность семантики лексем *нэг* “один” с местоимениями монг. *хэн*, *али*, *ямар*, *хэдэн* заключается в том, что она указывает на отдельный фиксированный, но не конкретизированный для говорящего элемент определенного или неопределенного множества, который выступает в качестве участника события. С помощью перефразировки можно обнаружить семантический инвариант: говорящему неизвестно, кто именно является участником или из-за отсутствия информации говорящий не уверен, кто участвует.

Рассмотрим подробнее особенности употребления монгольского неопределенного местоимения *хэн нэгэн* “кто-то” в отличие от *хэн ч* “кто-нибудь” и функционирование местоимения типа *хэн нэгэн* не в прямом неопределенном значении, а в модально-оценочном. Своеобразие местоимения *хэн* с компонентом “ч” усматривается в том, что “между объектами, каче-

ственно способными участвовать в событии, устанавливаются отношения “или”, определяемое их возможностью фактического участия, а с другой стороны, – этот участвующий в событии элемент еще не выбран” [Селиверстова 1964, с.81]. Различие между этими местоимениями заключается в противопоставлении существующего объекта *хэн нэгэн* и объекта, которому не приписывается реальное существование и противопоставлением между существующим и несуществующими объектами. Примеры: монг. *Над руу хэн ч ирвэл хэлээрэй* “Если кто-нибудь ко мне придет, скажи”; *Над руу орой хэн ч ирдэг вэ* “Вечером ко мне кто-нибудь да придет”. Если местоимение *хэн нэгэн* совместимо с модальностью единичного факта, то *хэн ч* требует особой модальности.

Местоимения *хэн нэгэн* и *хэн ч* различаются по своей роли в актуальном членении предложения: *хэн ч* всегда несет на себе логическое ударение, то есть это новое, рема. Примеры: монг. *Хэн ч энэ ажлыг хийж чадна* “Любой справится с этой работой”.

Что касается местоимения *юу ч* “что-нибудь”, то оно имеет значение “чтобы ни было”, в семантике этого неопределенного местоимения скрыта многократность действия и содержит в себе значение уступки или условия, например: *Юу ч болвол бу ай* “Чтобы не случилось, не бойся”.

Не менее характерна для монгольских языков и модальная неопределенность. Все предикаты истинности, необходимости, восприятия и знания получают значение предположительности: монг. *биз, магад (гүй)* “наверное”, “может быть”, “наверняка”; *зөв* “точно”; *илүү зөв* “вернее”.

Значение определенности эксплицитно передается указательным местоимением *энэ* “этот”. Указательное местоимение в монгольских языках употребляется тогда, когда план повествования меняется, например, монг. *Монгол бол сайхан орон. Энэ бол миний төрсөн нутаг* “Монголия – прекрасная страна. Это – моя родина”, указательное местоимение *энэ*, замещая имя существительное, выступает в другом пространственно-временном срезе.

Значение определенности приобретает основа в чистом виде с указательным местоимением. Примеры: калм. *Эн гер тавн давхрта* “Этот дом имеет пять этажей”; калм. *Эн зэңг сэн болв* “Эта весть оказалась хорошей”; калм. *Эн сө дегд киитн болв* “Эта ночь очень холодная”.

Следует отметить, что при всей близости лексемы калм. *тер* “том”, “он” в значении определенного и неопределенного “артиклей” добавочные семантические наращения (знаю, но не хочу указывать) препятствуют его использованию там, где требуется “артиклевая”, неосложненная неопределенность: при квалификации объекта в предикативе, например, калм. *Тер хөөч* “Он чабан” при введении нового объекта в ситуацию, например, калм. *Герүр күн орв* “В комнату вошел человек”. Ср., например, в калмыцком языке функционирование в качестве средства выражения значение неопределенно-

сти и неопределенного местоимения: а) *Гер тал күүкн аашна* “К дому идет девушка”; б) *Гер тал нег күүкн аашна* “К дому идет какая-то девушка”.

Монгольские языки обладают целым рядом различных возможностей, чтобы передать общезыковую категорию О/НО.

1. Определенную связь можно констатировать между оппозицией О/НО и выбором оформленного винительного и неоформленного винительного падежей в предложениях типа монг. *Морь бариад ир* “Поймай коня”, основа имени в позиции прямого дополнения выражается неоформленным винительным падежом и передает тем самым неопределенное значение, во втором предложении *Морийг бариад ир* “Поймай коня” объект известен, основа имени – дополнение выступает в винительном оформленном падеже. В этом случае основа имени выражает значение определенности.

2. Взаимодействие О/НО с категорией числа и падежа (винительного) сказывается в таких высказываниях, где значение неопределенности проявляется в немаркированной основе имени и обозначает множество предметов, например, калм. *дегтр*, монг. *ном*, бур. *намо* “книга”, “книги”, калм. *хө*, монг., бур. *хонь* “овца”, “овцы”.

3. Особая сфера представлена в оппозиции числительного типа калм. *нег* в значении “один”, “некий”, “кто-то”. Числительное *нег* “один” употребляется при выражении основной значения определенности, а грамматизированной лексемой *нег* “один” передается значение неопределенности типа калм. *негн гер* “один дом”, известный, определенный и *нег гер* “какой-то дом”, неизвестный. Аналогичная картина с указательным местоимением калм. *тер* “тот” в значении неопределенности и личным местоимением калм. *тер* “он” в значении определенности.

4. Категория определенности-неопределенности рельефно отражается в неопределенных и приблизительных числительных, например, монг. *Арваад настай хүү* “Мальчик около десяти лет”, *Хэсэг ном бариад явав* “Он взял несколько книг”.

5. Общезыковая категория О/НО является также одним из критериев выбора особого разряда неопределенных местоимений, например, калм. *Юн чигн болшиг* “Ничего не случится”, монг. *Ямар ч байсан бид маргааш явна* “Чтобы не случилось мы поедим завтра”, бур. *Ямар нэгэ хүнгэлэлтэ* “Какое-нибудь облегчение” и указательных местоимений: монг. *Энэ хүн хонь хардаг* “Этот человек пасет овец” *Нэг хүн хонь хардаг* “Какой-то человек пасет овец”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе было осуществлено исследование системы именных грамматических категорий монгольских языков с позиций семантико-функционального подхода к лингвистическим фактам.

Грамматические категории как структурные единицы представляют собой совокупность форм, объединяемых или одним общим, или разными, но однородными, родственными грамматическими значениями, могут также быть одной формой с собственной семантикой. С помощью грамматической категории на уровне речи передается информация о свойствах или связях предметов, признаков, количеств. В соответствии с этим было выделено семь грамматических категорий существительных, прилагательных, числительных, местоимений: множественности, принадлежности, склонения, определенности-неопределенности, усиленной или ослабленной степени качества, сравнительной конструкции, кроме этого нами выявлены средства выражения рода в монгольских языках.

Можно считать установленным факт наличия в древнемонгольском и среднемонгольском языках категории мужского и женского родов в именной системе монгольского языка применительно к прошлому. При этом отмечается, что средством дифференциации имен, обозначающих живые существа по полу, в монгольских языках является деление гласных по способу образования. Различие мужского и женского родов осуществляется посредством противопоставления нейтрального гласного *i* гласным как заднего, так и переднего рядов. Ж. Дёрфер считает, что наблюдения С. Одзава коренным образом меняют представления монголистов о грамматической системе монгольских языков применительно к их историческому прошлому [Doefler, p. 248-266]. В современных монгольских языках такое не наблюдается. В них полностью отсутствует какое бы то ни было проявление грамматического рода. Остались лишь морфологический и лексический способы выражения биологического пола живых существ и более ясной стала проблема сингармонизма, которая некогда использовалась не только в плане словообразования, как это было впервые установлено Б.Я. Владимирцовым, но в плане словоизменения.

Категория склонения представляет собой совокупность падежных форм. Каждая форма является носителем служебного грамматического значения, а также обобщенным образом какой-либо разновидности связей, отношений предметов с другими предметами, явлениями. Выделение именительного падежа оправдано при семантико-функциональном подходе к языку, этот падеж может быть признан формой с нулевым показателем, обладающей падежным значением. Значение каждой падежной формы есть сложный образ, содержанием которого является представление о предмете,

вступающим в определенную связь с какими-либо другими объектами, процессами. Падежные формы имеют одно или несколько значений, которые передают самые разнообразные смыслы и представляют собой отражения многочисленных предметных связей. Падежные формы объединяются в категорию склонения однородностью значений.

Падежные формы характеризуются тем, что каждая из них имеет четкое, легко обнаруживаемое значение и в каждом случае использования в речи несет самостоятельную семантическую нагрузку. Монгольские падежные формы являются средством передачи информации о связях между элементами объективной действительности и в этом заключается их коммуникативное назначение.

Именная категория множественности трактуется как многочленная категория. Основное коммуникативное назначение – сигнализация о том, что предметы, называемые основами словоформ, находятся в количестве более одного. Основа имени лишена количественного значения и индифферентна к количеству называемых ею предметов.

Категория принадлежности – совокупность форм, объединенных одним общим для всех членов этой совокупности значением “грамматической принадлежности”, но различающихся формоизменительными значениями грамматического лица. Каждая форма имеет сложную семантику и может включать в себя образы нескольких предметов, которые связаны между собой отношением “принадлежности”. На основе этих форм в речи строятся словоформы, сообщающие о том, что предмет, называемый объектом обладания, связан с предметом, репрезентируемым значением с субъектом обладания. Такое отношение понимается как отношение принадлежности. На основе этих форм в речи строятся словоформы, сообщающие о том, что предмет, называемый объектом обладания, связан с предметом, репрезентируемым значением с субъектом обладания. Такое отношение понимается как отношение принадлежности.

Таким образом, *существительные* в монгольских языках представляют особый грамматический класс слов со своеобразной морфологической структурой. В них выявляются основы различных типов, состоящие из корневой и аффиксальных морфем, имеющих как словообразовательное, так и особое формообразующее значения. В функции завершения основ и превращения их в целые законченные словоформы – субстантивные слова, употребляемые в различных синтаксических функциях: подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, выступают различные форманты – падежные, лично-притяжательные – формы синтаксического словоизменения.

Ряд аффиксальных – основообразующих и основозавершающих – морфем монгольских языков имеет свои не только типологические, но и материальные соответствия в тунгусо-маньчжурских, отчасти в тюркских и

финно-угорских языках, которые говорят в пользу известной теории урало-алтайского языкового родства либо очень древних генетических связей этих языков.

Богатство грамматических категорий монгольских существительных и разнообразие средств их материального выражения подтверждает известный в урало-алтаистике вывод, согласно которому монгольские языки сохраняют немало таких грамматических форм и значений, которые являются для других групп алтайских языков пережиточными или отсутствуют вообще.

Вместе с тем многие из форм и значений монгольских слов, в том числе слов из класса имени существительного, не могут быть в плане историческом реконструированы и разъяснены без должного учета аналогичных форм и значений других урало-алтайских языков, прежде всего тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и тюркских языков, но это дело будущего.

Имя прилагательное, служащее для определения предметов и лиц по различным качественным и относительным признакам, в монгольских языках имеет ту специфику, что для выражения степеней качества использует как морфологический способ, так и синтаксический. Отсутствие морфологически выраженных степеней сравнения оно компенсирует употреблением синтаксических конструкций, основанных на использовании исходного падежа, типа монг. энэ ном тэр номоос бур сонирхолтой юм “эта книга интереснее той”. Качественные прилагательные монгольских языков, особенно названия цветов, отличаются тем, что могут морфологически выразить ослабленную степень качества, а синтаксически – усиленную. Прилагательные монгольских языков отличаются еще и тем, что не имеют в своем составе притяжательных прилагательных. Функция определения по принадлежности принадлежит лишь имени существительному в форме родительного падежа. В отличие от европейских языков в монгольских языках прилагательные характеризуются очень активной субстантивацией, что по сути дела является окказиональной конверсией. При этом прилагательные, не меняя своей внешней формы, превращаются в существительные и обладают теми же грамматическими категориями, что и имена существительные. Это свидетельствует об историческом синкретизме основ существительных и прилагательных, тем более что и основы имен существительных при определенных условиях могут, не меняя своей внешней формы, выступить в качестве определения. Связи с категорией определенности-неопределенности у прилагательных не выявлено.

Имя числительное, называя количества и количественные признаки, с одной стороны имеет характер имен существительных – это категория количественных числительных, называющих количества как таковые, то есть количество как предмет, с другой – выражают количественный признак, вы-

ступая как количественное определение. Таким образом, количественные числительные имеют двойственный характер, выступая и как имена существительные со всеми присущими им грамматическими категориями и функциями, и как имена прилагательные с присущими им функциями. В то же время некоторые из разрядов числительных по своей семантике и функции сближаются то с именами прилагательными, то с наречиями. Характерной чертой числительных монгольских языков является их тесная связь с категорией определенности-неопределенности, выражающаяся в том, что у них выработались два разряда: приблизительные числительные и неопределенные числительные, обусловленные ею.

Категория определенности-неопределенности – общеязыковая категория, связанная с соотношением действительности, указывающая на конкретность, обобщенность, необобщенность отражения действительности. Определенность-неопределенность пронизывает всю языковую систему монгольских языков. Она и рассматривается нами как общеязыковая категория, которая отражает информированность слушающего говорящим о названном объекте действительности и вместе с тем дается анализ средств выражения О/НО. Все это дает возможность, с одной стороны, определить статус отдельных средств выражения О/НО в системе монгольских языков, указать их парадигматические соотношения, охарактеризовать различные семантические оттенки выражаемых им значений О/НО, с другой стороны, раскрыть взаимодействие разнородных формальных показателей и существующие между ними иерархические отношения.

Категория О/НО как в современных монгольских, так и в зафиксированных письменных памятниках находит довольно четкое грамматическое выражение. Монгольские языки на протяжении многих веков вырабатывали специальные средства выражения категории определенности-неопределенности. Показатели определенности, присоединяясь к основе имени, придают ему не только значение конкретности или определенности, но и значение притяжательности или числа. Поэтому неудивительно, что в монгольских языках основы с одинаковыми формальными показателями могут выражать как категорию множественности, так и категорию определенности или категорию принадлежности и категорию определенности, образуя омонимы.

Показатели определенности, в свою очередь, образовали основу определенности, которая могла самостоятельно выступать и восприниматься в значении различных грамматических форм. В большинстве случаев к основе определенности наращивались и другие показатели определенности, например, к основе, оканчивающейся на гласную, могли присоединяться согласные, к основе, оканчивающейся на согласную, присоединяются гласные.

Понятие определенности противопоставляется понятию неопределенности. Неопределенность имеет свои формальные признаки. Понятие О/НО пронизывает все морфологические категории монгольских языков. Что касается понятия неопределенности, то она выражается винительным неоформленным падежом и множественным числом, поскольку неизвестно количество предметов в 3-м лице имени, так как оно является неопределенным. Понятие О/НО в монгольских языках отражается рельефно, что свидетельствует о том, что монгольские языки сохранили древнейшие черты.

* * *

Подводя итог всему исследованию, следует сказать, что семантико-функциональный подход позволил интегрировать лексические, морфологические, словообразовательные языковые средства на основе общности их функций. Был проведен анализ единств, базирующихся на категориях грамматики. Поскольку все именные категории языка теснейшим образом взаимосвязаны, они были рассмотрены комплексно под углом зрения общеязыковой категории определенности-неопределенности, которая как оказалось, пронизывает все именные категории – и множественность, и склонение, и принадлежность. В местоимениях же и числительных выработались даже особые разряды, отражающие эту категорию. Наше исследование показало, что в монголоведении следует восстановить в правах эту категорию, равно как и наличие неопределенного падежа в системе склонения. В связи с особой важностью статуса категории определенности-неопределенности в монгольских языках считаем необходимым изучить ее проявление и в других частях речи – глаголе, наречии. Кроме того, наше исследование показало, что существительные, прилагательные и числительные имеют между собой много общего. Возможность же субстантивации прилагательных и числительных, показывающих при этом опредмеченные признак и количество, сближает их с именем существительным полностью, причем сближаются они не только формально, но и функционально.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. – М.-Л., 1959.
2. Азарх Ю.С. К истории собирательных имен типа брата, зверье в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. – М., 1975– 1977.
3. Аксаков К.С. Сочинения филологические. Ч.2. – М., 1880.
4. Акуленко В.В. О выражении количественности в семантике языка // Категория количества в современных европейских языках. – Киев, 1990.
5. Алексеев Д.А. Именные части в монгольских языках // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3.
6. Алексеев Д.А. Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке // Сб. тр. по филологии. – Улан-Удэ, 1948. – Вып. 1.
7. Алексеев Д.А. Части речи в бурят-монгольском языке // Зап. Бурят-Монгольского гос. ин-та языка, литературы и истории. – Улан-Удэ, 1941. – Вып. V-VI.
8. Алехина Н.Ф. Категория определенности-неопределенности предмета в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975.
9. Амоголонов Д.Д. Введение в морфологию бурят-монгольского языка // Учен. зап. Бурят-Монгольского госпединститута. – Улан-Удэ, 1955. – Вып. VII.
10. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. – Улан-Удэ, 1958.
11. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М., 1974.
12. Апресян Ю.Д. Понятие субъекта действия и особенности его выражения в русском, английском и французском языках // Функционально-типологические проблемы грамматики. – Вологда, 1986.
13. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1976. – Т.1.; М., 1978. – Т. 2.
14. Ардентов Б.П. Введение в языкознание. – Кишинев, 1967.
15. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
17. Арутюнова Н.Д. Безличность и неопределенность // Язык и мир человека. – М., 1998.
18. Арутюнова Н.Д. Дескрипции и дискурс // Язык и мир человека. – М., 1998.
19. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

20. Бадмаев Б.Б. Категория принадлежности в калмыцком языке / Зап. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Элиста, 1962. – Вып. 2.
21. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. – Элиста, 1966.
22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
23. Барадин Б.Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. – Баку, 1929.
24. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
25. Бертагаев Т.А. Проблема классификации частей речи (на материале монгольских языков) // Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1956. – Т. XXI.
26. Бертагаев Т.А. Падеж основы // Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-та. – Улан-Удэ, 1956. – Вып. 49.
27. Бертагаев Т.А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. – М., 1964. – Вып. 3.
28. Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. – Л., 1968.
29. Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. – М., 1961.
30. Бертагаев Т.А. Суффикс -тан и его производные в монгольских языках // Зап. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Элиста, 1964. – Вып. 3. – Сер. Филологическая.
31. Бертагаев Т.А. Сочетание слов и аналитическая конструкция // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М., 1965.
32. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М., 1969.
33. Бирюлин Л.А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1984.
34. Благова Г.Ф. Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1.
35. Бобровников А. Грамматика монгольского языка. – Спб., 1835.
36. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
37. Бодуэн де Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т.2.
38. Болдырев Б.В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. – М., 1976.

39. Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. – Новосибирск, 2007.
40. Большой лингвистический энциклопедический словарь. Языкoзнание. – М., 1998.
41. Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видoвого противопoствaления русского глагола // Ученые зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Проблемы славянского языкознания. – М., 1962. – Т. 23.
42. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. – Л., 1967
43. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971.
44. Бондарко А. В. Словообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2
45. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976.
46. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984.
47. Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – Спб.: Наука, 1996.
48. Бойцова А.Ф. Категория лица в эвенкийском языке. – Л., 1940.
49. Бордаев Э.Ч. О выражении категории рода (пола) у живых существ в монгольских языках // Вестник института. Сер. Филология. – Элиста, 1975. – № 12.
50. Букреева Е.И. Выражение категорий единичности в сфере имен существительных в современном английском языке // Романские и германские языки. – Киев: Наук. думка, 1985.
51. Булатова Л.Н. Еще о грамматическом статусе категории числа // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1983.
52. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. – М., 1980.
53. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968.
54. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982.
55. Булыгина Т. В., Шмелева А.Д. Механизм квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы словообразования. Проблемная группа “Логический анализ языка”. – М., 1988.
56. Буддыгина Т.В., Крылов С.А. Понятийные категории // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
57. Буряад бэшэгэй дурим ба словарь. – Улан-Удэ, 1962.
58. Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973.

59. Быкова Е.М. Факультативность? // Восточное языкознание. Факультативность. – М., 1982.
60. Вандриес Ж. Язык. – М., 1937.
61. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М., 1990.
62. Вендлер З. О слове “good” // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. – Вып. 10.
63. Визир П.И. Диалектика определенности и неопределенности. – Кишинев: Штиинца, 1976.
64. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
65. Виноградов В. В. Русский язык. – 2-е изд. – М., 1972.
66. Владимирцов Б. Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке // Доклады Академии наук. – 1926. – С. 61-62.
67. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л., 1929.
68. Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке // Доклады Академии наук. – 1925. – С. 31-34.
69. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений: На материале иберо-романских языков. – М., 1974.
70. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
71. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика. Морфология. – Улан-Батор, 1975.
72. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – М., 1986.
73. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996.
74. Гак В.Г., Кузнецов С.Н. О типологии квантитативной сегментации предметов// Лингвистическая типология. – М., 1985. – С. 113-122
75. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Вильнюс, 1983.
76. Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб.: Наука, 1992.
77. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. – Л., 1938.
78. Готт В.С., Урсул А.Д. О категории определенности и неопределенности // Вопросы философии. – 1971. – № 6.

79. Грабарь И.А. О дательно-местном падеже в “Сокровенном сказании монголов” // Монгольский лингвистический сборник. – М.: Наука, 1985.
80. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М., 1962.
81. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.
82. Грамматика русского языка. – М., 1980.
83. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
84. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя. – Л., 1987.
85. Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1975. – №3.
86. Гуревич В.В. О семантике неопределенности // Филологические науки. – 1983. – №1.
87. Гухман М.М. Единицы словоизменительной системы и понятие поля // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.-Л., 1960.
88. Дамдинов Д.Г. Семантико-стилистическая характеристика послелогов бурятского языка с пространственно-временным значением // Стилистика и лексикология бурятского языка. – Улан-Удэ, 1972.
89. Дамдинсурэн Ц. Первое лицо личных местоимений монгольского языка. Хэл зохиол судлал. – Улаанбаатар, 1980.
90. Дарбеева А.А. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках // Ономастика. – М., 1969.
91. Дарбеева А.А. О личных местоимениях 3-го лица в монгольских языках // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1.
92. Демьянков В.З. “Событие” в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1983. – Т.42. – №4.
93. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.
94. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
95. Дмитриев Н.К. Категория числа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956.
96. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков // Наречия места в турецком языке. – М., 1962.
97. Долинина И. Б. Конструкции с “поссесивными актантами” // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – Спб.: Наука, 1996.

98. Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13.
99. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964.
100. Дондуков У.-Ж.Ш. К вопросу о развитии омонимии в бурятском литературном языке // Вопросы бурятской филологии. – Улан-Удэ, 1973. – Вып. II.
101. Доржиев Д.-Н.Д. Употребление падежей в “Прошении Арьяева” и “Рапорте Моджиева” // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969.
102. Дорожкин А.М. О понятии определенности // Философские науки. – 1978. – № 2.
103. Ельмслев Л.О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сб. ст. – М., 1972.
104. Еселевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. – Казань, 1979.
105. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
106. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык: Теоретический курс. – М., 1957.
107. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных: На материале современного английского языка. – М., 1992.
108. Жукова А. Н. Количественная характеристика имени существительного в корякском языке // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – Спб.: Наука, 1996.
109. Журинский А. Н. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. – М., 1971.
110. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. – Л., 1975. – Ч.1.
111. Иванов В.В. Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнеславянских языках свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1978.
112. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (1- s). Указатели. – М., 1976.
113. Ильинская Т.М. Конструкции с поссессивными актантами в английском языке (к постановке вопроса) // Лингвистические исследования 1983. Синтаксический анализ предложения. – М., 1983.
114. Калмыцко-русский словарь. – М., 1977.

115. Каляев А.Л. Морфологическая структура имен прилагательных в калмыцком языке // Ученые записки Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории. Сер. Филологическая. – Элиста, 1969. – Вып. 3.
116. Каляев А.Л. Адъективные имена в монгольских языках // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, 1976.
117. Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (сравнительный анализ): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1979.
118. Карамшоев Д. Возникновение и развитие отыменных показателей категории рода в щунгано-рушанской группе // Иранское языкознание. Ежегодник. – М., 1980.
119. Касевич В.Б. Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – Л., 1992.
120. Касьяненко З.К. О двойном склонении в монгольском языке // Филология стран Востока. – Л., 1963.
121. Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке // Вопросы грамматики языков стран Азии. – Л., 1964.
122. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. – Л., 1968.
123. Категория бытия и обладания в языке. – М., 1977.
124. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1978.
125. Катлинская Л.П. Функциональное словообразование / активные процессы словопроизводства в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.
126. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление – Л.: Наука, 1972.
127. Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996.
128. Ковалева Л.М., Метакса В.Д. Контекст как средство конкретизации семантики притяжательных местоимений // Вопросы грамматики и лексикологии германских и романских языков. – Иркутск, 1974.
129. Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. – Казань, 1835
130. Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. – Казань, 1844-1849. – Т. I-III.
131. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. – М.-Л., 1941.
132. Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. Филолог. науки. – 1946. – Вып. 10.

133. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. До-октябрьский период. – 2-е изд., доп. и испр. – Л., 1982.
134. Копыленко М.М. Средства выражения количества в русском языке. – Алма-Ата, 1993.
135. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. – Спб., 1902.
136. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
137. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – Изд. 2. – Прага, 1929.
138. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1961.
139. Крылов С.А. Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Разработка и применение лингвистических процессоров. – Новосибирск, 1983.
140. Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. – М., 1984. – Вып.23.
141. Кузьменков Е.А. Опыт дистрибутивной классификации лексем современного монгольского языка // Востоковедение 7. Серия востоковедческих наук. – Л., 1980. – Вып. 23.
142. Кумахов М.А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4.
143. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. – М.: Наука, 1971.
144. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. – М., 1992.
145. Майтинская К.Е. Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках (на материале финно-угорских языков). Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.-Л., 1965.
146. Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежа (на материале финно-угорских языков) // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.
147. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 2. – Л., 1936.
148. Межкатегориальные связи в грамматике. – Спб., 1996.
149. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л., 1938.
150. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М., 1978.
151. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1.
152. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Тр. Воен. ин-та иностр. яз.– М., 1945. – № 1.
153. Мещанинов И.И. Понятийные категории и грамматические понятия // Вестник Моск. ун-та. – 1946. – № 1.

154. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1974.
155. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981..
156. Монгольско-русский словарь. – М., 1957.
157. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (Семантика). – Элиста, 1998.
158. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
159. Надеяев В.М. Современный монгольский язык. – Новосибирск, 1987.
160. Николаева Т.М. Словосочетания с лексемой “один”. Норма, значения и их контекстная маркированность // Синтаксис текста. – М., 1971
161. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М., 1979.
162. Николаева Т.М. Словосочетание с лексемой “один”. Норма, значения и их контекстная маркированность // Синтаксис текста. – М., 1979б.
163. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. – М., 1982.
164. Николаева Т.М. Иерархия категориальных корреляций пассивности в рамках высказывания и приименного словосочетания // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы сообщения. – М., 1983.
165. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. – М., 1985.
166. Овдиева Н.Л. Способы семантического расширения предложения бытия и наличия с помощью паратаксиса: Автореф. дис. ...канд. фи-лол. наук. – Л., 1981.
167. Одзава Сигэо. “Генте: хисси мо: кого+но: си гоби.” – То:кл гай-кокуго дайгаку ронсю. – Tokyo, 1955. – № 4. – С. 1-19. Area and culture studies, 4, 1959. – Tokyo university of foreign studies (Краткое резюме на англ. языке).
168. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 1-е изд. – М., 1973.
169. Ондрус П. Количественные слова в системе частей речи // Филологические науки. – 1971. – № 1.
170. Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. – Казань, 1878.
171. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.
172. Орловская М.Н. О производных наречиях в монгольских языках // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Монголоведение и тюркология. – М., 1964. – Т. 83.
173. Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольских языках // Исследования по восточной филологии. – М., 1974.

174. Орловская М.Н. Употребление множественного числа в языке “Алтан тобчи” // Исследования по восточной филологии. – М., 1974.
175. Орловская М.Н. Язык “Алтан тобчи”. – М., 1984.
176. Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Лингвистика: Тез. докл. XXIX сессии ПИАК. – М., 1986. – Т. II.
177. Орловская М.Н. Три “ба” в древних монгольских текстах // Владимирцовские чтения: Мат. Всероссийской науч. конф., 25-26 окт. 1993. – М., 1995.
178. Орловская М.Н. Язык монгольских текстов XIII-XIV вв. – М., 1999.
179. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985.
180. Павлов Д.А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, 1976.
181. Павлов Д.А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. – Элиста, 1994.
182. Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2.
183. Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. – М., 1966. – Т.1.
184. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития // Вопросы языкознания. – 1976. – №4.
185. Пете И. Количественные отношения в русском и венгерском языках. – Будапешт, 1984.
186. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
187. Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989.
188. Поппе Н.Н. Монгольские числительные // Языковедческие проблемы по числительности. – Л., 1927.
189. Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. – Л., 1931.
190. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М.-Л., 1937.
191. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
192. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть 1-II // Труды института востоковедения XIV. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

193. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. – М.-Л., 1941.
194. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. – Казань, 1847.
195. Поспелов Н.С. О синтаксическом выражении категории определенности-неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970.
196. Поспелов Н.С. О выражении категории определенности-неопределенности временными значениями русского глагола в форме прошедшего времени // Памяти академика В. В. Виноградова. – М., 1974.
197. Потапова М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете теории множества // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1983. – Т. 42, № 2.
198. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – Т. I-II.
199. Поцелуевский Е. Н. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974.
200. Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.
201. Пропп В.Я. Проблема артикля в современном немецком языке // Памяти академика Л.В. Щербы: Сб. ст. – Л., 1951.
202. Пупынин Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий. – Л., 1990.
203. Пюрбеев Г.Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков // Ономастика Поволжья. – Горький, 1971.
204. Пюрбеев Г.Ц. Согласование в числе как грамматический прием в истории монгольских языков // Олон улсын монголч эрдэмтний Ү их хурал: Пятый международный конгресс монголоведов Т.2. – Улаанбаатар, 1992.
205. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. с нем. – М., 1957.
206. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.
207. Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. – Новосибирск, 1991.
208. Рассадин В.И. Присяянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1996.
209. Рассадин В.И. Становление говора нижеудинских бурят. – Улан-Удэ, 1999.
210. Рассадин В.И. Проблема классификации частей речи в монгольских языках // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия 6. Филология. – Улан-Удэ, 2003. – Вып. 7.
211. Рахилина Е.В. Поссесивность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – Спб.: Наука, 1996.

212. Рахилина Е.В. Локативность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – Спб.: Наука, 1996.
213. Ревзин И.И. Так называемое “немаркированное множественное число” а современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1969. – № 3
214. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1972.
215. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. – М., 1978.
216. Ревзина О.Г. Функционально-семантический подход к языку и категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М., 1979.
217. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сб. ст. к 75-летию И. И. Мещанинова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
218. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987.
219. Ринчинэ А.Р. Краткий монголо-русский словарь. – Улан-Удэ, 1947.
220. Рифтин А.П. Из истории множественного числа // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1946. – Вып.10.
221. Рифтин А.П. Категория видимого и невидимого в языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1946. – Вып.10.
222. Руденко Д.И. Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – Спб.: Наука, 1996.
223. Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академ. году. – Спб., 1905. – Вып. 1.
224. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания. – СПб., 1913-1914. – Вып. 1.
225. Русская грамматика: В 2 т. – М. 1980.
226. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. – М.: АН СССР, 1940.
227. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л., 1941.
228. Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопросы языкознания. – 1952. – № 6.
229. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М., 1953. – Т.1.
230. Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках // Вопросы языкознания. – 1956. – №5.
231. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М., 1959.
232. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. – М., 1964.

233. Севортян Э.В. К истории падежной системы в тюркских языках. // Ученые зап. Военного института ин. яз. – 1948. – № 6.
234. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа все и типа Кто-нибудь // Вопросы языкознания. – 1964. – №4.
235. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М., 1934.
236. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика и прагматика. – М., 1985. – Вып. 16.
237. Серебренников Б.А. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков // Структура и история тюркских языков. – М., 1971
238. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983.
239. Склонение в палеоазиатских и самодийских языках // Коллектив авторов. – Л., 1974.
240. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. – Изд. 20-е. – М., 1981. –Т. 2. – М., 1982.– Т. 3-4.
241. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1- 17. – М.- Л., 1950-1965.
242. Смирнова И.А. Категория числа и определенность / неопределенность в современных иранских языках // Межкатегориальные связи в грамматике. – Спб., 1996.
243. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. – М.: Вост. лит, 1995.
244. Солнцев В.М., Вардуль И.Ф., Алпагов В.М. и др. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // Вопросы языкознания. – 1979. – №1.
245. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
246. Сорокина О.Г. Причастно-послеложные зависимые слова в составе полипредикативных предложений // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. – Новосибирск, 1960.
247. Степанов В. Иерархия имен и ранги субъекта // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. – 1979. – Т.38, №4.
248. Суник О.П. Общая теория частей речи. – М.-Л., 1966.
249. Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. – Л. 1982.
250. Супрун А.Е. Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – Спб.: Наука, 1996.
251. Сусеева Д.А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. – Элиста, 1985.

252. Тарасенко Р.Ф. Категория принадлежности в тюркских языках // Исследования по восточной филологии. – М., 1974.
253. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. – М., 1966.
254. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987.
255. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.
256. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука, 1992.
257. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996.
258. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996.
259. Тодаева Б.Х. Семантика и синтаксис функции падежей в монголо-ойратских наречиях: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1946.
260. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. – М., 1951.
261. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. – М., 1952.
262. Тодаева Б.Х. Винительный падеж в современном монгольском языке // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Лингвистический сборник. – М., 1952. – Т. 4.
263. Тодаева Б.Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории. – Элиста, 1960. Вып. 1.
264. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. – М., 1961.
265. Тодаева Б.Х. Послелогии в калмыцком языке // Зап. Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории. – Элиста, 1962. – Вып. 2.
266. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. – М., 1964
267. Тодаева Б. Х. Монгорский язык: Исследования, тексты, словарь. – М., 1973.
268. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса “Джангар”. – Элиста, 1976.
269. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. – М., 1960.
270. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии : Очерк диалектов.– М., 1985
271. Тодаева Б.Х. Дагурский язык. – М., 1986.
272. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1946. – Вып.10.
273. Трофимова С.М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. – Новосибирск: Наука, 1989.

274. Трофимова С.М. Число и грамматика // Матер. науч. конф. "Цыбиковские чтения – 7". – Улан-Удэ, 1998.
275. Трофимова С.М. Категория числа в калмыцком языке // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998
276. Трофимова С.М. Категория множественности в калмыцком языке // Вестник Бурятского университета. Сер. 6. Филология. – Улан-Удэ, 1999. – Вып. 4.
277. Трофимова С.М. Семантика числа множественного числа в монгольских языках // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999.
278. Трофимова С.М. Типы множественности в монгольском языке. // Международный симпозиум. Актуальные проблемы алгаистики и монголоведения (язык и литература). – Элиста, 1999.
279. Трофимова С.М. О статусе некоторых падежей в монгольских языках // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Язык. Фольклор. Литература. – Улан-Удэ, 2000.
280. Трофимова С.М. Двойное склонение // Байкальские встречи – III: Культуры народов Сибири: Мат. III Международ. науч. симпозиума 13-15 июня 2001 г. – Улан-Удэ, 2001. – Т. II.
281. Трофимова С.М. Притяжательное склонение в монгольских языках: Сб. ст. по филологии. – Улан-Удэ, 2001.
282. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Семантико-функциональный аспект. – Улан-Удэ, 2001.
283. Тураева З.Я., Биренбаум К вопросу о нулевой морфеме // Филологические науки. – 1983. – № 4
284. Тураева З.Я., Биренбаум Еще раз о функционально-семантической категории количества // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. – Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1988.
285. Фортунатов Ф.Ф. Лекции по сравнительному языкознанию: Сравнительное склонение. Курс 1884-85 гг. Литогр. изд-е.
286. Харанутова Д.Ш. Имя существительное в бурятском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 1998.
287. Холодович А.А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке // Проблемы грамматической теории. – Л., 1979.
288. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979.
289. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций. (Опыт классификации) // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 2.
290. Хзар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.

291. Цивьян Т.В. Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1978.
292. Цинциус В.И. Летагина Н.И. К истории форм множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л., 1978.
293. Цинциус В.И. Летагина Н.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972.
294. Цинциус В.И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Учен. зап. ЛГУ Сер. филол. наук. – 1946. – Вып. 10.
295. Цыбиков Г.Ц. Пособие к практическому изучению монгольского языка. – Владивосток, 1915.
296. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.
297. Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
298. Чариков С.Л. О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках // Исследования по грамматике языков народов СССР. – М., 1975.
299. Чариков С.Л. Безлично-притяжательные формы наречий в монгольских языках // Исследования по грамматике языков народов СССР. – М., 1975.
300. Чариков С.Л. Безлично-притяжательные формы местоимений и имен собственных в монгольских языках // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, 1976.
301. Чариков С.Л. Развитие эвенкийских и бурятских прилагательных // Исследования по грамматике монгольских языков народов. – Элиста, 1985.
302. Чариков С.Л. Эволюционная морфология. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. – СПб.: Наука, 2000. – Ч. 1.
303. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975.
304. Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка // Зап. ГИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1941. – № 3-4.
305. Чеснокова Л.Д. Категория неопределенного множества и семантические формы мысли // Семантика грамматических форм. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ин-та, 1982.

306. Чинчлей К.Г. Поле possessивности и possessивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Possessивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996.
307. Чой Лувсанжав. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. – М., 1971.
308. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. – Улан-Удэ, 1974.
309. Шагдаров Л.Д. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. – Новосибирск, 1984.
310. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
311. Щербак А.М. Формы числа у имен в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1970. – № 3.
312. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. – Л., 1977.
313. Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. – Л., 1968.
314. Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. Перевод с немецкого языка. – СПб., 1832.
315. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977.
316. Языковая номинация. Типы наименований. – М.: Наука, 1977.
317. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Избранные работы. – М., 1985.
318. Яхонтова Н.С. Ойратский литературный язык XVII века. – М.: Восточная лит., 1996.
319. Бадамдорж Д. Орчин цагийн монгол хэлний утга судлын үндэс (10-аар хэвлэл). – Улаанбаатар хот, 1997
320. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. – Улаанбаатар, 1986.
321. Гарьд С. Дундад үеийн монгол хэлний бүтэц, хэлбэрийн судлал. – Улаанбаатар, 1997.
322. Дашцэдэн Т. Орчин цагийн монгол хэлний нэрийн тоо. – Улаанбаатар, 1981.
323. Жамбалсүрэн Г. Орчин цагийн монгол хэлний тийн ялгалын тухай // Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. – Улаанбаатар, 1982.
324. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний угийн эцсийн тогтворгүй “н”-ийн тухай асуудал // Монголын судлал. 3 боть, 1 дэвтэр. – Улаанбаатар, 1963.
325. Лувсанвандан Ш. Орчин цагий монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний уг, нохцол хоёр нь. – Улаанбаатар, 1968.
326. Лувсандэндэв А. Наймдугаар үндсэн тийн ялгал // Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. – Улаанбаатар, 1982.

327. Орчин цагийн монгол хэлний угзуйн байгуулал. – Улаанбаатар, 1987.
328. Орчин цагийн монгол хэл. – Хухэ-Хото, 1993.
329. Орчин цагийн монгол хэл зуй. – Улаанбаатар, 1997.
330. Онорбаян Ц., Пурэв-Очир Б. Монгол хэлний нэрийн хамаатулах айн тогтолцоо, тууний огуулбэрзуйн уурэг // Монгол хэлний судлалын онол практикийн зарим асуудал. – Улаанбаатар, 1991.
331. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зуй. Гутгаар дэвтэр. Хэлбэр судлал. – Улаанбаатар хот, 1966.
332. Томортогоо Д. Монгол хэлний нэрийн тийн ялгалыг ангилсан нь // Хэл зохиол судлал, VIII боть 1-12-р дэвтэр. – Улаанбаатар, 1970.
333. Buck F. H. Comparative study of postpositions in Mongolian Dialects and the written Language. – Cambridge: Harvard University Press, 1955.
334. Godzinski Stanislaw. Izyk sredniomogolski. – Warszawa, 1985.
335. Doerfer G. Beitrage zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1955. – Vol. I, № 4. – P. 248-266.
336. Pelliot P. Le vrai nom de “Serocetan”, “T‘oung Pao”, XXIX, Leide, 1932.
337. Castren A. M. Verbus einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzen Worten verzeichniss // Hrsg. von A. Schiefner. – SPb, 1857.
338. Schmidt I. Grammatik der Mongolischen sprache. – St.-Peterburg, 1832.
339. Cinggeltei. Odo eye=yin mongÖul kelen=e lei. – Kākeqota, 1981.

Сокращения языков

бур.	- бурятский язык
б.-бур.	- баргу-бурятский язык
даг., дагур.	- дагурский язык
дунс.	- дунсянский язык
калм.	- калмыцкий язык
монг.	- монгольский язык
общемонг.	- общемонгольский язык
рус.	- русский язык
стп.-м.	- старописьменный монгольский язык

Условные обозначения

>	- дало..., заимствование в виде...
<	- заимствовано из ..., взято из ..
→	- развилось в ...
←	- развилось из ...
//	- параллельная форма
~	- вариант
=	- равно, соответствует
+	- плюс
*	- предполагаемая форма, восстановленная форма
˘	- (над буквой) – долгота гласного
˙	- (между гласными) – хиатус (зияние).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА I. СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	12
1.1. Существительное, его общеграмматическое значение и место в системе частей речи монгольских языков.....	12
1.2. Морфологическая структура имени существительного.....	14
1.3. О категории рода имен существительных в монгольских языках.....	15
1.4. Категория числа в монгольских языках	30
1.4.1. Эволюция взглядов на категорию числа монгольских языков.....	30
1.4.2. Типы множественности в монгольских языках.....	49
1.4.3. Семантика множественного числа в монгольских языках.....	67
1.5. Категория принадлежности в монгольских языках.....	76
1.5.1. Структура категории принадлежности имени существительного монгольских языков.....	79
1.5.2. Типы конструкций, выражающих принадлежность.....	81
1.5.3. Грамматические особенности конструкций, выражающих принадлежность.....	85
1.5.4. О развитии форм принадлежности в монгольских языках.....	87
1.6. Категория склонения в монгольских языках.....	97
1.6.1. Простое склонение в монгольских языках.....	107
а) Система грамматических падежей.....	108
б) Система обстоятельственных падежей.....	125
в) Прочие падежи.....	139
1.6.2. Притяжательное склонение в монгольских языках.....	143
1.6.3. О двойном склонении в монгольских языках.....	148
1.6.4. Послеложные и падежно-послеложные конструкции.....	152
а) Пространственные отношения падежно-послеложных конструкций.....	153
б) Временные отношения падежно-послеложных конструкций.....	175
в) Целевые, причинные и иные отношения падежно-послеложных конструкций.....	185
г) Объектные и иные отношения падежно-послеложных конструкций.....	189

ГЛАВА II. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	199
2.1. Разряды прилагательных.....	199
2.1.1. Качественные, качественно-оценочные и оценочные прилагательные в монгольских языках.....	202
2.1.2. Субстантивные аффиксальные прилагательные. Качественные и относительные прилагательные.....	205
2.1.3. Относительное прилагательное и качественная характеристика предмета.....	206
2.1.4. Форма нейтральной степени.....	209
2.1.5. Степени качества, проявляющиеся в монгольских прилагательных	211
2.1.6. Имена прилагательные, образованные от именных и глагольных основ.....	215
2.1.7. Синтаксическая характеристика имен прилагательных.....	217
ГЛАВА III. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	220
3.1. Количественные числительные.....	220
3.2. Порядковые числительные.....	223
3.3. Собирательные числительные.....	224
3.4. Разделительные числительные.....	225
3.5. Кратные числительные.....	226
3.6. Дробные числительные.....	226
3.7. Приблизительные числительные.....	227
3.8. Неопределенные числительные.....	227
ГЛАВА IV. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	229
4.1. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в именах существительных монгольских языков.....	235
4.2. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в именах числительных монгольских языков	249
4.3. Категория определенности-неопределенности и ее выражение в местоимениях монгольских языков.....	252
Заключение.....	256
Библиография.....	261
Условные обозначения.....	279
Сокращения языков.....	279

Научное издание

Трофимова Светлана Менкеновна

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ИМЕННЫХ ОСНОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Редактор

Л.А. Горелова

Компьютерная верстка

Т.Е. Хахулин

Подписано в печать 24.11.08. Формат 60x84/16.
Бумага тип. №1. Печать офсетная. Усл. печ.л. 16,51
Тираж 200 экз. Заказ 931.

Издательство Калмыцкого университета
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11

ISBN 978-5-91458-038-1

Издательство Калмыцкого университета
2009